Одесский альманах

№78

III / 2019

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↔ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (78), 2019
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД №21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (78), 2019
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2019
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2019

От редакции

Третий номер нашего альманаха традиционно выходит ко 2 сентября, дню рождения Одессы. В этом, 2019 году, нашему городу 225 лет. Не юбилей, но, согласитесь, красивое число лет. Особо праздновать? Сейчас все еще не до праздников. Но вот подумать, что сделало Одессу городом, который знают в мире, естественно, нужно.

Слышим подсказки – европейский город, традиционные торговые пути, многонациональный и многоконфессиональный, великолепные архитектурные ансамбли, еще не все разрушенные бетонными громадами…

Все это так. Но – город это люди.

Одесса стала Одессой благодаря Иосифу Дерибасу, дюку де Ришелье, графу Ланжерону, князю Воронцову…

А как оценить вклад в развитие города Маразли, Кобле, Новосельского?

Разве можно представить Одессу без ее писателей – Багрицкого, Бабеля, Олеши, Ильфа – Петрова, Катаева, Нечерды, Львова, Жванецкого, Михайлика…

А какие удивительные художники представили Одессу миру, начиная от Василия Кандинского, Кириака Костанди, Петра Нилуса до Юрия Егорова, Юрия Коваленко, Валентина Хруща, Олега Соколова…

На имени последнего в этом списке задержимся.

В июльские дни 2019 года наш город тремя большими выставками отметил столетие Олега Аркадьевича Соколова. В Музее современного искусства Одессы прошла выставка «Музыка сфер», во Всемирном клубе одесситов – «100 работ – 100-летию художника», в Музее западного и восточного искусства – «Олег Соколов. Человек на все времена». Город как бы исправлял несправедливость, когда при жизни мастера его

выставки проходили в квартирах, в Доме ученых, в Доме актера, в редакции, но не в залах Союза художников.

Для нашего города Олег Соколов был нарушителем спокойствия, человеком, жившим не правилам, установленным всеми обкомами. И ведь не молодой человек. Прошел войну в кавалерии, был тяжело ранен, учился во Львове и в Одессе. Откуда же этот синдром неповиновения, свободомыслия?

И война его лишила чувства панического страха. И домашнее воспитание, отец – дворянин, мать из купцов-старообрядцев. И фантастический учитель живописи, а впрочем, точнее – жизни, Теофил Фраерман, один из основателей одесского Общества независимых в 1917 году.

Что же необычного было в том, что рисовал, что писал Олег Соколов?

Всё.

В то время как его коллеги писали портреты ударников социалистического труда, за это неплохо платили, Соколов, задолго до космической эры, писал пейзажи неведомой звезды. В то время как его коллеги славили колхозное приволье, Соколов искал синтез музыки и цвета, писал картины «Этюд Шопена», «Прометей» Скрябина», «Энергия Шостаковича». В то время когда так ценились панно к каждой демонстрации, Соколов у себя дома на стене создал антисталинскую фреску…

Его путь был от освоения традиций русского Серебряного века, особенно Бенуа и Сомова, к абстракции, а затем и к оп-арту. При этом фигуративная живопись всегда соседствовала с джазовой, импровизационной, абстрактной.

Можно предположить, что это был затворник. Ведь за 71 год жизни создано более 10000 миниатюр. Но одновременно он был сотрудником Музея западного и восточного искусства, но одновременно он учил молодежь, а главное – был общественно активным человеком задолго до нынешних активистов.

Вместе с Юрием Диким Соколов защищал от сноса кирху, вместе с Абрамом Владимирским не допустил вырубки платанов на Приморском бульваре, вместе с Сергеем Полищуком принесли письма в «Вечерку», возмутившись антисемитской кампанией, которую развернула московская «Память».

Большое видится на расстоянии. Олег Соколов умер в 1990 году. Тогда мэр Одессы подписал решение о том, что его квартира в Строи-

тельном переулке, 6, станет квартирой-музеем. Не осуществилось. ЖЭК прихватизировал эту квартиру, уничтожил фреску.

Но художник остался жить легендой города. Об этом свидетельствовал аншлаг на показе фильма Кати Пименовой «Олег Соколов. Человек Возрождения», посещаемость выставок.

Надеемся, что инициатива Всемирного клуба одесситов – открыть в этом году на Ланжероновской звезду Олега Соколова – будет услышана городскими властями.

Еще раз возвращаемся к высказанной мысли. Город – не только здания, как бы величественны они ни были. Город – это его люди.

Мы сегодня посвятили наше предуведомление к номеру одному человеку. Но в нем, одессите в нескольких поколениях, так рельефно выявился одесский характер, что подумалось: да, Олег Аркадьевич Соколов – один из фрагментов пазла того, что и есть Одесса.

Так что, с 225-летием города и со 100-летием художника. Этому и посвящаем этот выпуск альманаха.

Михаил Жванецкий

Одесса

Итак, Одесса для тех, кто ее не знает и не хочет знать. Довольно красивый город на нашем юге и чьем-то севере. На берегу Черного моря, трехтысячный юбилей которого мы недавно отмечали.

Обычно очень жаркий август, когда мы по ночам обливаемся потом, а серая морская вода не охлаждает, а засаливает.

Дачи здесь маленькие – квартиры без крыш. Засыпаешь один – просыпаешься впятером. Жуют здесь все и всегда – семечки, креветки, копченую рыбку, раков, виноград. Лучшие в стране рты не закрываются ни на секунду: хрумкают, лузгают, щелкают, посапывают, слушают ртом. Рты прекрасные – смесь украинской, русской, греческой и еврейской породы.

Девушки весной хороши, как кукурузные початки молочно-восковой спелости. Летом еще лучше: стройные, упругие, покрытые горячим загаром и легкой степной пылью. Идти за ними невозможно. Хочется укусить и есть их. От красоты у них скверные характеры, а в глазах коварство.

– Миша, уже есть шесть часов?

– Нет, а что?

– Ничего, мне нужно семь.

Вообще, женщин умных не бывает. Есть прелесть какие глупенькие и ужас какие дуры. Но с нашими горя не оберешься. Большое количество бросило меня, кое-кого бросил я, о чем жалею. Правда, мне пятьдесят, и жалеть осталось недолго.

Итак, лучший месяц – август. Дикая жара. Если в залив вошел косяк, рыбой пахнут все – никого нельзя поцеловать.

Вся жизнь – на берегу моря: там жарят, варят и кричат на детей.

Для постороннего уха – в Одессе непрерывно острят, но это не юмор, это такое состояние от жары и крикливости.

Писателей в Одессе много, потому что ничего не надо сочинять. Чтоб написать рассказ, надо открыть окно и записывать.

– Сёма, иди домой, иди домой, иди домой!

– Он взял в жены Розу с верандой и горячей водой…

– Почему у вас семечки по двадцать копеек, а у всех десять?

– Потому что двадцать больше.

– Чем вы гладите тонкое женское белье?

– А вы чем гладите тонкое женское белье?

– Рукой.

Они не подозревают, что они острят, и не надо им говорить, не то они станут этим зарабатывать, у них выпадут волосы; вместо того чтоб говорить,

они будут прислушиваться, записывать, а потом читать по бумаге.

Старички сидят на скамейках у ворот с выражением лица «Стой! Кто идет?!». Когда вы возвращаетесь к себе с дамой, вы покрываетесь потом и не знаете, чем ее прикрыть. Весь двор замолкает, слышен только ваш натужный голос:

– Вот здесь я живу, Юленька.

А какой-то только что родившийся ребенок обязательно ляпнет:

– Дядя Миса, только сто вчерасняя тетя приходила.

Когда вы выходите, двор замолкает окончательно, и кто-то – шепотом, от которого волосы шевелятся:

– Вот эта уже получше.

Здесь безумно любят сводить, сватать, настаивать и, поженив, разбегаться. Отсюда дети. Худой ребенок считается больным. Его будут кормить все, как слона в зоопарке, пока у него не появятся женские бедра, одышка, и скорость упадет до нуля. Теперь он здоров.

Одесса давно и постоянно экспортирует в другие города и страны писателей, художников, музыкантов и шахматистов. Физики и математики получаются хуже, хотя отец нашей космонавтики Королёв – одессит.

Но Бабель, Ильф и Петров, Катаев, Ойстрах, Гилельс – все мои родственники. Мечников и еще куча великих людей. А я до того необразован, что сам пишу эпиграф и произведение к нему. Ужас.

Со времен Бабеля и до сих пор в детей вкладывают все надежды. Раньше на крошечное болезненное существо вешали скрипку, теперь вешают коньки, шахматы или морской бинокль. И хотя он не больше сифона с газированной водой, он уже бьет ножкой в такт и такой задумчивый, что его уже можно женить.

Август у нас лучший месяц в году, но сентябрь лучше августа. Начинается учебный год, пляжи пустеют, на берегу те, кто работает, но ничего не делает, а таких довольно много. По вечерам прохладно, и целуются в малолитражке «Фиат», куда целиком не помещаются, и мужа можно узнать по стоптанным каблукам.

В октябре вы лежите на берегу один. Правда, и вода холодная, градусов двенадцать.

Я спросил старичка, что купался:

– Вы что, не мерзнете?

– Почему? – ответил он.

Зима в Одессе странная. Дождь сменяется морозом, образуя дикую красоту! Стоят стеклянные деревья, висят стеклянные провода, земля покрыта стеклянными дорогами и тротуарами. Машины и люди жужжат, как мухи на липкой бумаге. Если она неподвижна – значит, едет вверх; если едет вниз – значит, тормозит. Ушибы, переломы; носки, надетые поверх сапог, – очень красивая зима.

Город компактный. Пешком – за полчаса от железного до морского вокзала. Главная улица – Дерибасовская. Если спросить, как туда пройти, могут разорвать, потому что объясняют руками, слов «налево» и «направо» не употребляют. Пойдете

туда, потом туда, завернете туда, сюда – туда, туда – сюда… Спрашивающий сходит с ума, пока кто-то не скажет:

– Вон она.

– Где?

– Вон!

– Где?

– Вон, вон и т. д.

Одесситка, у которой руки заняты ребенком, ничего не может рассказать.

Почему здесь рождается столько талантов, не могут понять ни сами жители, ни муниципалитет. Только время от времени его уговаривают назвать улицу именем кого-то. Построены огромные новые районы, но там дома стоят отдельно, и там жить неинтересно. Интересно в старых дворах, где стеклянные галереи, и все живут, как в аквариуме, и даже подсвечены лампочками, поэтому я не женат.

Мужчины в этом городе играют незначительную роль и довольны всем происходящим. Ну-ка, давайте откроем окно:

– Скажите, этот трамвай идет к вокзалу?

– Идет, но сейчас он движется в обратную сторону – хоть сядьте туда лицом.

Вот это мой двор. В Одессе не говорят «мой дом» – «мой двор». Как вернулись после войны, так с 45-го года здесь живем с мамой. Художники из Одессы уезжают.

Ее надо заканчивать, как школу. Все жизненные пути одесситов упираются в море. Дальше начинается другая жизнь, другая компания, другая страна.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

12 **Олег Губарь**
Путеводитель по пушкинской Одессе

39 **Ева Краснова, Анатолий Дроздовский**
Епархиальный дом в Одессе

52 **Анджей Эмерик Маньковский, Сергей Котелко**
Поляки с Бейкер-стрит в доме Боффо

70 **Юрий Михайлик**
Исторические ассоциации

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Еврейская улица

В соответствии с ведомостью от 15 сентября 1794 года о раздаче мест под застройку домами, лавками, магазинами и обзаведения садами в Хаджибее, участки получили и еврейские первопоселенцы: *Абрамович, Герц*, *Гершкович* (двое последних – участки встык по нынешней Еврейской угол Пушкинской), *Израилев* (по Ришельевской угол Еврейской), *Ицкович* (по Еврейской, между Екатерининской и Ришельевской), *Фишель Фельдишевич* – в районе будущего Нового базара.[1] Тем самым было положено начало первому еврейскому району, который и впрямь формировался вокруг одноименной улицы, охватывая прилегающие кварталы Ришельевской, Екатерининской и др. К уже названным лицам следует приплюсовать и *маркитанта Медведева* (буквальный перевод фамилии *Берман*), получившего то самое место на углу будущих улиц Еврейской и Ришельевской, где вскоре выросла первая городская синагога.[2] Дорево-

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-77.

люционный исследователь С. Пэн говорит о том, что она функционировала уже в 1795 году,[3] с чем надо согласиться. С миньяном не было проблем буквально с первых дней существования Одессы, ибо в составе еврейских семейств, как, впрочем, и в других, преобладали мужчины.

Еврейская Старина

въ Одессѣ.

(Къ исторіи евреевъ въ Одессѣ въ первое 25-лѣтіе ея основанія.)

Составилъ на основаніи неизданныхъ данныхъ

С. ПЭНЪ.

66674

ОДЕССА

Типографія „Издатель" Я. Х. Шермана, Троицкая 29.

1903

Имена еврейских первопоселенцев в сказанной ведомости не упомянуты. Однако по ревизским записям мне, например, удалось установить: Ицик Гершкович причислен в одесские мещане одним из самых первых – в 1795 году; в составе семьи двое мужчин и две женщины.[4] В более поздних архивных документах он фигурирует как одесский купец *Илья Гершкович*. В 1805-м ему выдали из Строительного комитета план на переустройство дома здесь же, в середине нечетной стороны квартала по Еврейской улице, меж будущими улицами Ришельевской и Итальянской. Ранее 21 июля 1824 года Гершкович продал эту недвижимость херсонскому мещанину *Иосю Алтино* по купчей крепости, совершенной в Херсонской палате гражданского суда. Новый владелец обратился в Комитет для получения документа, позволяющего произвести оценку строений посредством Городового магистрата. Для освидетельствования направили исполнявшего тогда обязанности архитекторского помощника Ф. К. Боффо, и тот зафиксировал, что «противу того плана (1805 года. – **О. Г.**) дом построен вовсе несходственно».[5] То есть у Гершковича тогда явно не хватило средств, и он построился скромнее. На городском плане второй половины 1820-х мы видим на этом участке четыре небольших строения: два по фасаду Еврейской улицы и два во дворе.[6]

К сожалению, два важных архивных дела из фонда Одесского городского магистрата – «Списки евреев» (1806) и «Алфавитный регистр одесским купцам и мещанам еврейского закона, по переписи 1806 года записан» – не сохранились.[7] Утрачены и списки 1799 года,[8] однако есть основания предполагать, что их в определенной мере восполняет реестр, составленный по материалам ревизии 1795 года. Насколько можно судить из имеющихся архивных документов, названный выше Ицкович, которого звали Берко, сперва построил времянку, а в 1806 году стал возводить новый дом, получив с санкции Ришелье в Строительном комитете ссуду в 1.000 рублей сроком на полтора года.[9] В 1810 году в одесское купечество записан Нухим Ицкович; в составе семьи, помимо его самого, две женщины.[10] Так или иначе, *Берко Ицкович*, состоявший в 1806 году в одесском купечестве, был первым реальным владельцем места на углу будущих улиц Екатерининской и Троицкой[11] – того, где в начале 1960-х построена поликлиника.

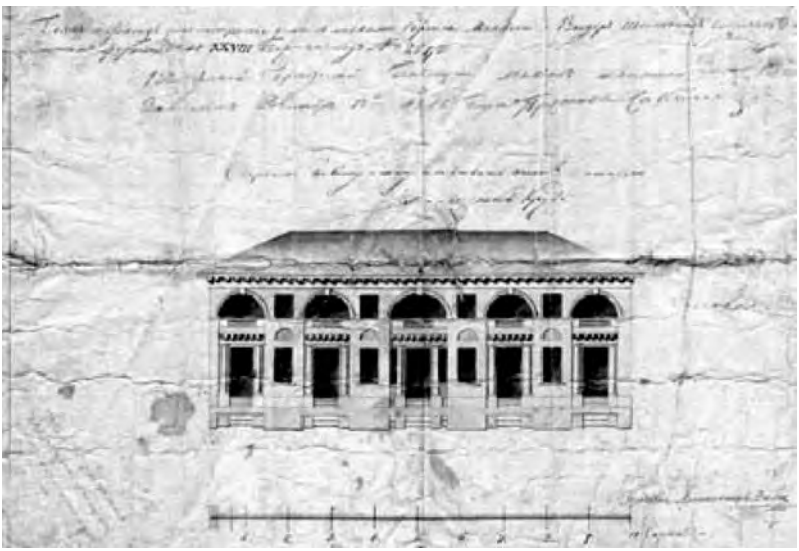
В числе лиц, в ноябре 1795 года подписавших устав еврейского погребального братства, был и *Яков Аглицкий*, именовавшийся в ту пору *Янкелем Литваком*.[12] Местоположение его дома определяется по косвенным данным: в одном из архивных дел 1820 года упоминаются места № 225-226 в XXVI квартале Военного форштата, «по Троицкой улице, за Литваком».[13] Это середина квартала по четной стороне, меж нынешними улицами Пушкинской и Ремесленной, пятно застройки домами № 18 и 20. Слева, на углу Пушкинской, тогда находилась недвижимость довольно известного исторического фигуранта одесского купца первой гильдии *Симона Стифеля*[14], похоже, выкрещенного немецкого еврея. Следовательно, дом Литвака находился справа, на углу Троицкой и Ремесленной.

Ясно, что на момент раздачи мест в августе-сентябре 1794 года все перечисленные лица были еще приписаны к другим городам и населенным пунктам. Позднее, с созданием институтов городского самоуправления, некоторые из них причислены в одесское купеческое или мещанское сословие.

Надо уточнить: первично розданные места не были застроены тотчас по объективным причинам (неподходящие погодные условия, острый дефицит временного жилья, строительных ма-

териалов, рабочей и тягловой силы, топлива, воды), и в первый строительный сезон следующего 1795 года произошло частичное перераспределение участков.[15] К сожалению, на сегодняшний день утрачены многие архивные материалы из фонда Одесского городского магистрата, связанные с раздачей мест под застройку, а равно журналы Инженерной команды. Это сильно осложняет воссоздание хода сплошной застройки в интересующем нас ареале. С 1803 года эти и другие функции перешли к Одесскому строительному комитету, в фонде которого нередко попадается информация о предшествующем периоде градостроительства.

Информационные пробелы не позволяют, например, установить точную дату отвода места в квартале по нечетной стороне меж будущими улицами Ришельевской и Екатерининской, подле первой синагоги, небезызвестному семейству Шестопал. Очевидно, это произошло в 1795-м, ибо как раз этим годом датируется устав Еврейского погребального братства, в числе других подписанный Менаше Шестопалом.[16] Среди ревизских евреев Одессы



Фасад дома Менаше и Авигдора Шестопалов. Архитектор А.А. Дигби. 12 декабря 1818 г.

находим четыре мещанских семейства: Ицки Шестопала (1806) – четверо мужчин и две женщины, Мошки (Моше), Вигдора (Авигдора) и Менаше (в невежественной огласовке писца – Монашки) Шестопалов (1811) – в общей сложности 12 мужчин и 12 женщин.[17] В декабре 1818 года архитектор Александр Дигби составил план, по которому на месте первичных ветхих строений *Вигдор и Менаше Шестопалы* построили новый двухэтажный дом с лавкой по утвержденному Одесским строительным комитетом плану.[18]

Еще одна ранняя постройка – дом «купца евреина Юдковича» (одесского мещанина *Янкеля Юдковича*), оконченный в 1805 году.[19] Затем он также владел домом на периферии, по Рыбной улице, впоследствии принадлежавшим его наследникам.[20] Первичная постройка на пересечении улиц Успенской нечетной и Преображенской четной 5 апреля 1806-го значится за «одесским мещанином евреином *Ноткой Юдковичем*»[21], а с 19 сентября 1807-го, по крайней мере, до начала 1820-х – за одесским мещанином *Давидом Лейбовичем Асланом* (*Осланом*).[22] Летом 1820 года вместо архаичной постройки на углу улиц Еврейской (нечетной) и Екатерининской (нечетной) плановый дом возвел одесский мещанин Моше (Мошка) Фишелевич.[23] При этом адрес этого строения прямо указан «на Еврейской улице».[24] 17 января 1821 года ему выдали владельческие бумаги.[25]

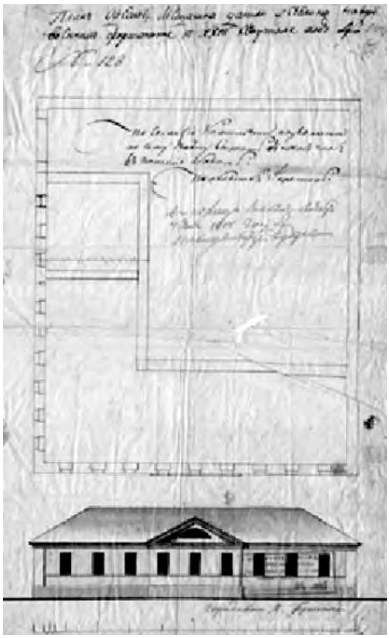
Ранее, в июле 1814 года, местный раввин *Мозес Элкан Юзефович* запрашивает Строительный комитет о мере земли под принадлежащим ему домом, находящимся в квартале по четной стороне Еврейской улицы, почти напротив первой синагоги. В октябре того же года он повторяет свою просьбу. Комитет фиксирует, что прежде место было отведено мещанину Калине Нерубайскому[26], у которого раввин, очевидно, и купил дом. В свою очередь, Нерубайский получил участок, не застроенный первым его владельцем мичманом Щитинским.[27]

Любопытна история ранней застройки одного из угловых участков на перекрестке нынешних улиц Еврейской, № 15, частично № 13, и Ришельевской, № 31, то есть напротив Главной синагоги. По ретроспективному городскому плану это было место № 244 в XXVII квартале Военного форштата. Экспозиция на бойком месте и большой интерес к нему привели к тому, что уже

до чумной эпидемии на одном этом участке обосновалось одновременно трое застройщиков: австрийский подданный, еврей *Меер Ундер*[28], мещанин-еврей *Шейлок Таран* и авторитетный негоциант югославянского происхождения *Матвей* (*Маттео*) *Лукович* (*Дукович*).

15 апреля 1812 года Дукович просил Строительный комитет отдать ему все место целиком, однако в ходе ревизии городской архитектор Франческо Фраполли зафиксировал там плановый дом Тарана, флигель Ундера и дом самого Дуковича. При этом Дуковичу принадлежало лишь около 30% места по площади. И только по истечении десяти с половиною лет, в октябре 1822-го, он купил место Тарана вместе со строениями.[29] В середине 1820-х обоими местами и строениями на оных по духовному завещанию владеет вдова австрийского подданного Спиридона Дуковича София, которая имеет на руках как завещание, так и купчую крепость, заключенную в Херсонской палате гражданского суда 30 января 1814 года.[30]

Еще большую путаницу в это разбирательство вносит и другое обстоятельство. 1 февраля 1815 года одесский житель Данила



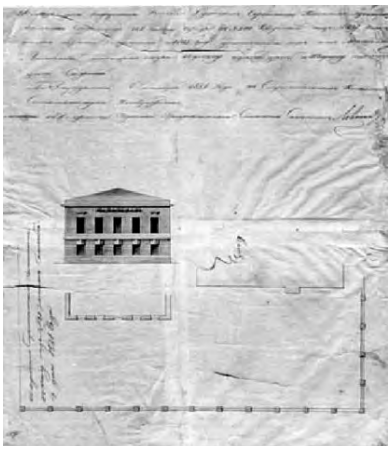
План и фасад дома Д. Жегалина. Архитектор Франческо Фраполли. 4 сентября 1804 г.

Жегалов (Жегалин, Жигунов) подал в Комитет прошение о выдаче ему открытого листа «на отведенное с давних пор» и застроенное им по плану место № 244 в XXVII квартале Военного форштата. 8 февраля, после надлежащего освидетельствования городским архитектором, Жигалову выдали владельческие документы.[31] Мало того, до нас даже дошел оригинал выданного Жегалову 4 сентября 1804 года утвержденного плана предполагаемой постройки, который вы можете здесь видеть: его составил архитектор Франческо Фраполли.[32] 1-этажный дом Жегалова – как построенный в 1815-м на указанном месте – значится и в ведомости, хранящейся в РГАДА. Сопоставление городских планов тоже не проясняет ситуацию: интересующее нас угловое место показано уже частично застроенным в 1802-1803 гг., а далее площадь застройки увеличивается.

На генеральном плане города 1802 года и его высочайше утвержденном варианте 1803-го хорошо видна ранняя застройка трех примыкающих к будущей Еврейской улице кварталов Военного форштата – XXIII, XXVII и XXVIII.[33] Кварталами (от немецкого *quartal*, восходящего к латинскому *quartus*) называли прямоугольник или квадрат, ограниченный четырьмя кварталами в современном понимании этого слова. Первый из них окаймляют улицы Екатерининская, Почтовая, Ришельевская и Еврейская, второй – Итальянская, Троицкая, Екатерининская и Еврейская, третий – Ришельевская, Троицкая, Екатерининская и Еврейская. Последний и был центром кристаллизации еврейской общины.

Ретроспективный генплан фиксирует довольно неравномерную застройку трех кварталов по красной линии Еврейской улицы скромными домишками, сложенными на скорую руку «без плана». Исключение составляет фасад XXIII квартала, в котором десятилетием позже приобрел дом раввин Юзефович. В отличие от двух других, где домики разобщены значительными пространствами, тут постройки куда больше, солиднее, явно дороже, занимают почти всю красную линию за исключением углового места по Ришельевской. Здесь мы видим и маленькое *синагогальное здание* по красной линии Ришельевской улицы, почти на углу с Еврейской, во дворе – хозяйственные постройки. Остается неизвестным, на каких условиях упоминавшийся выше маркитант Медведев уступил свой участок для устройства синагоги или, быть может, даже место с постройками. Во всяком случае, неказистое первичное строение, очевидно, не возводилось специально как храмовое. То есть, скорее всего, просто арендовался частный домик – вероятно, того же Медведева.

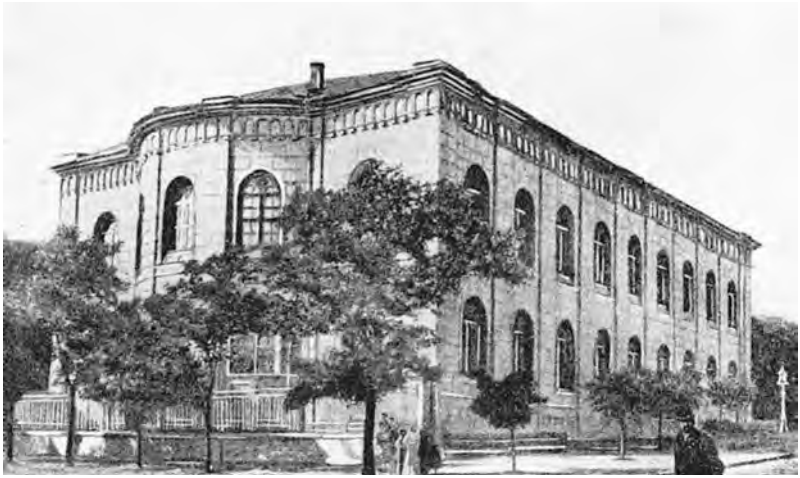
План Одессы, составленный городским архитектором Франческо Фраполли, отражает ситуацию, сложившуюся четыре-пять лет спустя, в 1807 году.[34] Мы имеем возможность наблюдать формирование первого «еврейского района» в динамике. Прежде всего, заметны пертурбации синагогальных построек: здесь идет активное строительство как по фасаду Ришельевской и Еврейской улиц, так и во дворе. Сопоставляя этот план с более поздним, 1814 года[35], мы видим, что в середине синагогального двора появилось новое сооружение, а впоследствии, не позднее второй половины 1820-х, первичную ветхую постройку по красной линии улицы Ришельевской разобрали.[36] В интервале этих лет, судя по всему, использовалось и это архаичное строение: наверняка параллельно функционировали холодная и теплая синагоги. Вероятно, одна из новых построек предназначалась для заседаний кагала. Ссылаясь на свидетельства старожилов, С. Пэн говорит, что внутри двора находился «дом Кагала», после официального упразднения которого (то есть после 1844 года) это помещение «превращено в молитвенный дом для сапожников», и что здесь же, неподалеку, была постройка, «где молились так называемые «млодиши» (мортусы)».[37]



Флигель дома Одесского еврейского кагала, бывший мещанина Лашковича. Архитектор И.С. Козлов. Сентябрь 1831 г.

Картографические материалы и мемуары хорошо коррелируют с архивными данными – комментированным перечнем синагог и еврейских молитвенных домов 1890-1894 годов, где сообщаются и некоторые данные относительно их истории. Согласно этим материалам, на территории будущей Главной синагоги и на примыкающих со стороны Еврейской улицы местах с самых первых лет существования Одессы функционировал целый «храмовый комплекс». Старая (Главная) синагога, учрежденная со времени основания города, сопровождалась первоначально находившейся в ее дворе теплой синагогой (молитвенной школой) Бес-Гамедраш. Комментируя известную книгу Шарля Сикара «Письма об Одессе» (1811), ее высокородный переводчик, председатель Одесского коммерческого суда, а затем одесский градоначальник Н.Я. Трегубов упоминает первую синагогу, прямо именуя ее «Жидовской школой».[38] В том же дворе «с давнего времени» действовала Ремесленная синагога и молитвенный дом Погребального братства. Кроме того, в соседнем доме Шестопала (см. выше) помещалась синагога Малбиш Ариним («Одевающий нагих», то есть молитвенный дом портных) № 2.[39]

15 апреля 1812 года одесский кагал обращается в Строительный комитет с просьбой об отводе места для строительства другой синагоги, ибо увеличившееся за прошедшие годы еврейское общество уже «не может помещаться в синагоге здесь ныне существующей».[40] Во всяком случае, когда в марте 1803 года де Ришелье прибыл в Одессу и знакомился с положением дел, ему донесли о том, что в городе существует только один «еврейский молитвенный дом».[41]



Главная синагога в конце XIX ст.

К 1807 году наблюдается активизация застройки и двух других кварталов в ареале Еврейской улицы – XXII, меж Итальянской, Почтовой и Ришельевской, и XXIX, меж Екатерининской, Троицкой и Покровским переулком, в 1802-1803 годах практически пустопорожних. В 1814-м все упоминавшиеся кварталы застроены уже довольно плотно, причем еврейские домовладельцы, как мы увидим чуть ниже, абсолютно доминируют. Во второй половине 1820-х годов старейший район компактного проживания одесских евреев планировочно обретает вполне цивилизованный вид.[42]

К началу 1830-х мы видим среди здешних домовладельцев почти сплошь евреев, причем представителей почтенных старых фамилий: Фроима Парнеса, Шмуля Ламберта, Абрама Когана, Ицко Бродского, Берка Рабиновича, Басю Рублеву, Суру Шпигель, Давида Манцана (Мамзона), Шунера Гершковича, Хайку, Менаше и Этю Шестопал, Ицко и Фишеля Кохман (Кофман), Моше Фишелевича[43], Хану Энгель[44], «одесскую купеческую жену Сурку Маиеркову, урожденную Маиер Левы (вероятно, Меер-Леви. – **О. Г.**)»[45] и других. Некоторые из них, как, например, Мамзон, уже купец

Вид на Еврейскую улицу и Главную синагогу. 1869 г.

первой гильдии, преобразуют первичные постройки в довольно солидные доходные дома, оценка которых превышает 20.000 руб.[46] Дом одесского второй гильдии купца *Маркуса Самульзона* (*Самуэльзона*) (пятно застройки нынешним домом № 21 по Еврейской и частично № 23) в конце 1820-х оценен в 18.025 руб. только в несгораемых материалах,[47] следовательно, общая его стоимость не менее 20.000.

Нееврей в этом ареале малочисленны. Так, единственный владелец недвижимости не еврей по обеим сторонам Еврейской улицы, меж Екатерининской и Ришельевской, – это чиновник-старожил, пакгаузный надзиратель портовой таможни титулярный советник, кавалер ордена Святой Анны III степени *Василий Денисович Кошевский* (*Кашевский*).[48] Одно из мест, угловое, он получил сам еще в 1795 году, а второе перешло к нему через три года от брата упоминавшегося выше Калины Нерубайского, Федора[49], то есть Кошевский соседствовал с раввином Юзефовичем со стороны Ришельевской улицы. Однако в 1830-м кагал утверждал в Строительном комитете план флигеля, относящегося к стоявшей напротив синагоге, на одном из двух прежде принадлежавших здесь Кошевскому мест.[50] Сохранился план этого довольно

представительного двухэтажного дома – собственность Одесского еврейского кагала, – составленный известным зодчим Иваном Козловым в сентябре 1831 года. При этом в архивном документе указано, что ранее этот флигель принадлежал мещанину Лашковичу[51], то есть следующему после Кошевского владельцу.

Короткое время, с конца 1824 года, местом на углу нечетной стороны Екатерининской и четной стороны Еврейской владел крупный экспортер, одесский первой гильдии купец *Рей Ревельод* (*Ревельоти, Ревильоди, Ревиллиоди, Ревелиоти*), каковому оно досталось по купле.[52] Но через несколько лет дом и место принадлежат уже упоминавшейся «одесской купеческой жене Сурке Маиерковой, урожденной Маиер Левы», то есть Меер-Леви.[53] Сегодня это пятно застройки по адресу Еврейская, № 34, Екатерининская, № 41. Этот сюжет достоин некоторой детализации.

Место № 200 в XXIII квартале Военного форштата с весьма приличным строением досталось Ревильоти за 35.000 рублей ассигнациями от одесского купца *Сруля Харитона* по купчей, совершенной в Херсонской палате гражданского суда 23 августа 1820 года. При этом продавец оставил за собой соседнее место № 199 по Еврейской улице, соответствующее нынешней застройке домами № 30 и 32. В конце 1825-го Ревильоти продал дом и участок одесской купеческой жене *Сурке Шпигилевой* (*Шпигель*), упоминавшейся выше как под этой фамилией, так и как Меер-Леви (очевидно, имя ее отца, то есть отчество). После продажи меж Харитоном и Шпигель возникли трения в связи с ошибочным показанием во владельческих документах длины участков № 199 и 200. Ситуацию разбирали архитекторы Боффо и Фраполли, член Строительного комитета Крамарев, квартальный надзиратель Панаиодор и др. В итоге соседи полюбовно пришли к мировому соглашению.[54]

Несомненно, большинство перечисленных лиц относится к первой генерации застройщиков, хотя мы не всегда располагаем прямыми документальными подтверждениями. Среди них именно те, кто формировал кагал, устраивал первую синагогу, подписывал устав погребального братства (1795). О многочисленных Шестопалах из «синагогального квартала» я уже говорил. Здесь упомяну еще одного – умершего в 1823-м «Мортку», то есть

Мордехая Шестопала, оставившего вдову «Нахамку», то есть *Нехаму*, и малолетних детей. Принадлежавшие им постройки помещались в пределах нынешних домов № 27 и 29 по Еврейской улице.[55] Не менее известен *Фроим Лейб Парнес* – один из первых евреев, причисленных в одесское 2-й гильдии купечество, тоже подписавший устав погребального братства.[56] Он снискал большой авторитет, в частности, как активный устроитель Еврейской больницы.[57] О принадлежавшей Парнесу недвижимости, часть которой после его смерти перешла к дочери Нихаме (Нэхаме) Вайнберг, дошло довольно много архивной и другой информации.[58] Остановимся на этом подробнее, поскольку в легализации наиболее значимого объекта принимали участие другие известные персонажи ранней истории одесского еврейства.

Согласно архивным документам, Парнес владел приличной недвижимостью в XXIV квартале Военного форштата, угловым местом № 207, которое соответствует пятну застройки нынешним четырехэтажным домом по Еврейской, № 36, и одновременно Екатерининской, № 38. Это место до 1803 года было пустопорожним, принадлежало вдове Шимонович, которая уступила его Парнесу, и он тогда же построил на нем плановый дом. Имя вдовы на слух записано как Соболь или Себоль, то есть на самом деле Сигаль. Когда в первой половине 1826-го Парнес решил узаконить эту свою недвижимость, то по существовавшей процедуре пригласил свидетелей, которые под присягой показали: вдова Собольна (Себольна) Шимоновичева в 1803-м действительно уступила место Парнесу, они присутствовали при оном соглашении, а затем – на новоселье в построенном там по тогдашнему плану доме.

О принимавших присягу свидетелях сообщается чрезвычайно любопытная информация. 1) Одесский купец *Ицка Кофман*, 53-х лет, «грамоты на еврейском диалекте знаю, женат, веры еврейской, и оную исполняю, под судом и в наказании никогда не был». 2) Одесский купец *Янкель Рублев*, 46-ти лет, то есть 1780 г. р., знает русскую грамоту, женат, далее – как предыдущий. 3) Одесский купец *Рувин Постернак* (дед художника Леонида Пастернака, прадед поэта Бориса Пастернака), 45-ти лет, то есть он 1781 г. р., знает русскую грамоту, женат и т. д. 4) Одесский мещанин *Из-*

раиль Бромберг, 40 лет, русскую грамоту знает, женат и проч. 5) Одесский мещанин *Гершко Бромберг*, 60-ти лет, женат, «грамоты на еврейском диалекте знаю» и т. д. 6) Одесский мещанин *Лейба Бурлага* (надо полагать, Берлага), 52-х лет, сведений о женитьбе нет, «грамоты на еврейском диалекте знаю» и т. д.[59] Каллиграфические подписи Парнеса, Рублева, Пастернака, И. Бромберга кириллицей демонстрируют навыки, полученные в ходе учебы. Впрочем, и подписи на иврите сделаны довольно умело.

Тут как раз к месту поговорить об упоминаемой С. Пэном поистине легендарной личности – «рабби Якове-Аарон-Зееве, сыне рабби Мордухая», более известном как Янкель Рублев, по роду своих занятий он был менялой. Еврейский историк пишет, что Рублев смолоду занимался общественной деятельностью и вскоре был избран казначеем общины. «На этом почетном посту, – продолжает С. Пэн, – он много трудился на пользу общины, которая была обязана ему устройством первой еврейской больницы и общественной бани с миквой».[60] Реалии сюжета об устройстве этой бани, участии Рублева в снабжении единоверцев продуктами в ходе ликвидации чумной эпидемии и др. я уже представлял в монографии «Очерки ранней истории евреев Одессы» (2013, 2018). В 1811 году Янкель Рублев значится одесским купцом, причем в составе семьи показано четверо мужчин и две женщины.[61] В 1829-м он ушел из жизни, и недвижимость по Еврейской улице перешла к его наследнице. Рублев владел двумя участками на нечетной стороне Карантинной улицы угол Еврейской нечетной. На означенном углу располагался жилой дом, а в глубине двора другое длинное строение – магазин или флигель. В 1832 году эта недвижимость сдавалась в аренду Одесским сиротским судом на содержание его семейства.[62]

Из перечисленных обитателей Еврейской улицы – и *Абрам Коган*, причисленный в одесское городское гражданство в 1814-м[63], а ранее, очевидно, живший как иногородний мещанин. Дальнейшая история принадлежавшей ему недвижимости прослеживается по архивным данным.[64]

Преемственность в практически сплошном заселении этого анклава евреями четко наблюдается и позднее. Например, в оценочной ведомости домостроениям на 1848 год реестр владельцев

по Еврейской улице от Покровского переулка вниз выглядит следующим образом: Мордка Кофман (без указания социального состояния), купчиха Бернштейн, купчиха Рабинович, купец Абрам Коган, купец Герш Абрамович, купец Розенблат, нежинский грек Иван Вицино (единственный не еврей), мещанин Шмуль Ламберт, мещанин Иось Фендер, купец Фроим Парнес (две лавки; дом числился по Екатерининской), Моисей Шестопал, купец Шпигель, мещанин Абрам Шалер, мещанин Ицко Бельман, мещанин Абрам Прейзберг, купчиха Бася (то есть Битья, Батья) Рублева, купец Зильберман.[65]

Немного о «*плановых домах*», то есть о сооружениях, возведенных по утвержденным Одесским строительным комитетом планам и фасадам. Контроль таковой застройки начался с ноября 1805 года по представлению городского архитектора Франческо (Франца) Фраполли.[66] В «Ведомости, учиненной в Одесской градской полиции о начатых строением в нынешнем 1805-м году, с показанием, чьи они именно» домов, магазейнов, лавок, погребов, в частности, значатся: два магазина «купца евреина Соломоновича», дом «мещанина евреина Лейбы Маеровича», дом «евреина Шмуля Маеровича», дом «купца евреина Юдковича».[67]

О наиболее состоятельном из этих четырех лиц мне удалось разузнать следующее. 30 мая 1805 года херсонский купец Маркус Соломонович обратился в Комитет с прошением об отводе на Военном форштате, в XXII квартале, места № 190. Это угловой участок по четной стороне Еврейской и нечетной стороне Ришельевской улиц, накрест с синагогой, ныне пятно застройки домами № 23А и 23. По справке оказалось, что 18 мая 1802 года просимое место, как и смежное, № 192, по Ришельевской, отведено магистратом губернскому секретарю Рачинскому, однако так им и не застроено. Поэтому Комитет отдал участок просителю.[68] Как видно из синхронного плана, в 1807 году оно уже застроено.[69]

То есть мы видим, как в существующий еврейский район вписывается уже солидный иногородний предприниматель-единоверец, тем самым продолжая его формирование. Но этим сюжет не ограничивается. Из документа от 18 ноября 1806 года однозначно следует: жена херсонского купца Ревекка Соломоничева владеет недвижимостью в XXII квартале Военного форштата,

«Одесские евреи». Графика Огюста Раффе. 1837 г.

на местах № 190 и 192, стало быть, к семейству отошел и соседний участок по Ришельевской, то есть еще и территория нынешнего дома № 21. Кроме того, семье принадлежали в Одессе и мельницы.[70]

Из архивных документов, относящихся к периоду после чумной эпидемии, выясняется немаловажная деталь: оказывается, составители комитетских бумаг, как это нередко случалось, зафиксировали отчество нашего купца как фамилию. Собственно говоря, в конце XVIII столетия только начиналось *формирование еврейских фамилий* выходцев из Царства Польского, каковые тогда значились просто «имярек, сын такого-то (имярек)». А потому отчества для многих ашкеназов и сделались официальными фамилиями – но не для данного фигуранта. В апреле 1813-го «херсонский купец *Маркус Соломонович Варшавский*» сообщает об утрате открытого листа, выданного ему 30 мая 1805 мая на место в XXII квартале Военного форштата под № 190. Комитет сверяется с журналами, и 21 апреля выдает дубликат, параллельно сообщая полиции о недействительности прежнего.[71]

Теперь становится понятно, о ком идет речь. М.С. Варшавский – один из крупнейших еврейских предпринимателей Юга,

владелец верфи в Николаеве, строил суда для Черноморского флота.[72] В реестре одесских купцов синхронно (1811) значится Дувид Варшавский, в составе семейства которого трое мужчин и три женщины – очевидно, близкий родственник.[73] В январе 1829 года Одесский коммерческий суд продавал один из частных домов по Преображенской улице «на удовлетворение херсонского купца Маркуса Варшавского»[74], то есть недвижимость его должника.

Позднее известен домовладелец по Мещанской улице, одесский мещанин Янкель Варшавский[75] – возможно, однофамилец. А вот другой домовладелец, на Пересыпи, и тоже в 1829 году, Лейба Соломонович Варшавский[76] – скорее всего, брат Маркуса. Лейба владел довольно значимой для этого предместья недвижимостью: двухэтажным домом с отдельным флигелем и тремя небольшими дворовыми постройками.[77] Есть также информация о популярной в тот период «ресторации Варшавской» в центре города,[78] вероятно, упоминавшейся Ревекки.

Год спустя фактический руководитель Комитета военный инженер Е.Х. Ферстер с подачи Фраполли вновь указывает на необходимость усиления контроля городской застройки в отношении соблюдения планов.[79] В том же 1806-м 29 одесских граждан получили от Комитета ссуды на домостроительство под щадящие шесть процентов годовых плюс один процент от этих шести процентов – на обновление городского пожарного инвентаря. В их числе был одесский купец Берка Ицкович, взявший заем 1.000 рублей сроком на полтора года.[80] Это тот самый упоминавшийся выше Ицкович, который одним из первых получил место по будущей Еврейской улице, а затем, взяв сказанный кредит, построился на углу Екатерининской и Троицкой улиц.

Несколько раз Комитет ссужал деньгами одного одесского еврейского купца, о котором нужен бы разговор особый. Сперва он фигурирует в архивных документах как Хаскель Нусимович, то есть отчество (Хаскель сын Нусима) записано в форме фамилии. Затем мы четко наблюдаем обретение им фамилии: «Дайцкель Хаскель» из причисленных «в одесское купечество Подольской губернии винницких купцов под прозванием Нусимовича»,[81] другой вариант написания – Данцкель[82], что может указывать на ее географическое происхождение.

Так вот 8 июня и 19 октября 1805 года Хаскеля ссужали из суммы 80 тысяч рублей, выделенной для ссуд одесским жителям, выдачами соответственно в 500 и 1.000 рублей, под скромные шесть процентов годовых сроком на один год. 8 (разночтение – 11-го) января 1812 года ему же выдали на три года из портовой суммы уже 5.000 рублей под залог его дома по улице Еврейской, в пятне застройки нынешним грандиозным зданием СБУ (КГБ). 7 мая 1817 года заемщик вернул в Комитет основной капитал по первым двум займам – 1.500 рублей, выплачивая в предыдущие годы лишь проценты. Сказанные пять тысяч он должен был возвратить 8 января 1815 года, однако не сумел выполнить своих обязательств. Из гуманного комитетского определения следует: 1.500 рублей были приняты, возвращение 5.000 отсрочено, «поелику же проситель, как известно Комитету, разорен пожаром».[83] Выходит, Хаскелю Нусимовичу пришлось наново отстраиваться. К этому можно прибавить, что ссуда была взята перед катастрофической чумной эпидемией. 9 октября 1817 года он просит (здесь фамилия представлена в форме Данскер) об отводе места на Пересыпе, и для освидетельствования направляют архитектора Фраполли.[84]

Далее события развивались в трагическом ключе. Как выясняется, Хаскель Нусимович брал ссуду еще и в Одесской конторе Государственного коммерческого банка. Не сумев оправиться после катастрофического пожара, он так и не рассчитался по кредитам ни с Комитетом, ни с банковской конторой. В конечном итоге его дом был назначен в публичную продажу. 3 февраля 1822 года он (в данной огласовке архивных документов – «купец *Хаскель Нусимович Данский*») обратился к Ланжерону с просьбой рассрочить долги так, чтобы их постепенно перекрывали доходы от арендной платы за наем его дома.

Очевидно, совершенно отчаявшемуся человеку не удалось разжалобить военного губернатора напоминанием о постигшем его несчастье. Во всяком случае, полиция сообщила в Строительный комитет о том, что в ту же ночь, с 3-го на 4-е февраля 1822 года, «оный купец Данский» удавился. Покончив с собой, Хаскель Нусимович, тем не менее, решил проблему в пользу семьи. На исходе 1824 года все кредиторы договорились меж собой и поставили в известность опекунов покойного, известных нам одесских

купцов Менделя Цвибака и Бороха Рашковича, что доходы с дома арестовываются и идут на погашение долгов.[85] Но это простое решение далось ценою жизни домовладельца. Не только история, но и справедливость не знает сослагательного наклонения.

С начала 1810-х годов все приватные здания Одессы строились строго в соответствии с типовыми планами «высочайше утвержденных фасадов», для чего из столицы присылались специальные тетради с таковыми.[86] То есть приватный заказчик мог выбирать только из предложенного в этих тетрадях сортамента. Во всех остальных случаях проекты должны были утверждаться индивидуально, на соответствующем уровне, вплоть до высочайшего. Таким образом, вся городская застройка производилась по специально разработанным классическим образцам. Выбор был довольно широк, поэтому однообразия остро не ощущалось. Тем паче рыночные площади, специализированные торговые ряды, главный (Александровский) проспект и др. оформлялись протяженными галереями, имитирующими античную агору. Кроме того, приватные постройки чередовались с монументальными хлебными магазинами, казенными сооружениями, храмами, зелеными зонами. Разнообразие автоматически обеспечивал и характерный рельеф.

Хорошее представление о более и менее значимых еврейских домостроениях первых десятилетий XIX столетия дают иллюстративные материалы из 895-го фонда ГАОО. Здесь можно видеть, например, чертежи фасадов домов одесских купцов и мещан Пинкуса Вейцмана, Соломона Гельцельмана, Соломона Гуровича, Шмуля Зельдисона, Давида Зельцберга, Зейлика Кофмана, Мойзеса Левенсона, Пинкуса Шапиро, Берка Шварца, Менаше и Авигдора Шестопалов и др., выполненные самыми известными зодчими Боффо, Даллаква, Дигби, Камбиаджио, Козловым, Риглером, Скудиери, Торичелли.[87]

Интересен еще один сюжет, связанный с застройкой части квартала, позднее занятого строениями *Комитета государственной безопасности*, ограниченной Покровским переулком, Еврейской и Екатерининской улицами. В ту пору – XIX (изначально носил номер XXIX) квартал Военного форштата, места № 259-264.[88] Речь идет как раз об угловом месте № 261 по нечетной стороне Еврейской и четной стороне Екатерининской улицы. Этот

Вид на Еврейскую улицу и Бродскую синагогу. 1869 г.

участок, как и соседние, находился в *эпицентре первичной еврейской застройки*.

В архивных документах от 29 мая – 17 июля 1816 года сообщается следующее. В 1805-м, в бытность Ришелье, здесь построил свой дом одесский мещанин *Гершка Шлиомович Бродский* (тот, что изначально фамилии вообще не имел и значился в магистратских реестрах как Гершко Шлиомович). Место отведено «со времен заселения Одессы», в 1795 году, инженерной командой секретарше Рагулиной, но фактически застроено не ею, а Бродским.

О том, что так оно и есть, свидетельские показания 7 июля 1819 года дали соседи-старожилы, большинство из которых нам уже знакомо: «купцы Эла Плецир, Янкель Рибилов (явно Рублев. – **О. Г.**), Гершко Бромберг, Генех Немировский, Янкель Розенблат». Илья (Эля) Плецарь, как и Гершко Бромберг, значится среди одесских ревизских купцов 1811 года с указанием состава их семей.[89] Немировский тоже изначально не имел фамилии и был записан в одесское купечество «под именем Эниха», Янкель Рублев записан в купечество по ревизии 1811 года, австрийский подданный Янкель Розенблат причислялся в гильдию в 1814-м.[90] Свидетельствовавший постройку архитектор Дигби

докладывает о том, что дом построен по утвержденному Комитетом плану и фасаду. В бумагах сообщается о двукратном пожаре в доме – «по несчастному жребию», потому документы и пропали, взамен сгоревших Бродскому выдали дубликат.[91]

Сказанные свидетельства означают давность проживания упомянутых лиц в интересующем нас «этническом районе». Таким образом, в сочетании с приведенной выше информацией о первичной застройке получаем наглядное представление о составе и численности первого центра кристаллизации еврейских первопоселенцев в нарождающейся Одессе. При этом наблюдается переход к евреям мест, первоначально отведенных не евреям, уже с 1795 года. Скажем, только что описанное 261-е место в 1794-м получил флота комиссионер Иванов,[92] в 1795-м – упоминавшаяся Рагулина, однако в том же году оно отошло Бродскому. В списке ревизских мещан (1795) он значится как Гершко Бронский, имея в составе семьи еще одну особу мужского пола, очевидно, сына, и одну женского – надо полагать, супругу.[93]

В конце 1820-х годов угловое место № 261 принадлежало уже «причисляющемуся в одесское 3-й гильдии купечество *Янкелю Лишманову сыну Гольду*». Он владел находившимся здесь довольно приличным домостроением, который Городской магистрат оценил в 14.000 рублей только в несгораемых материалах.[94] Здесь мы, по-видимому, сталкиваемся с двойной фамилией, поскольку Лишман – не имя и не отчество, а прозвище. В одном из сохранившихся архивных дел 1832 года имя его записано неразборчиво, а другое дело, начала 1830-го, не сохранилось.[95] Так или иначе, на колоссальном количестве примеров мы видим, что еврейские фамилии продолжают формироваться, видоизменяться, эволюционировать не только в 1800-1810-х, но и позднее.

Из более поздних архивных документов мы узнаем следующее. 17 июня (в другом месте обозначена дата 10 июля) 1819 года ОСК выдал одесскому мещанину Гершке Шломовичу Бродскому владельческие документы на сказанную недвижимость – открытый лист № 2016.[96] Это означает, что после двух пожаров Бродский построил новый плановый дом. 18 августа 1842 года этот дом и место достались по купчей крепости, оформленной в Одесском коммерческом суде, нежинскому греку и одесскому купцу Ивану Вицино.

Он осуществил перестройку дома Бродского по утвержденному в ОСК ситуационному плану и фасаду.[97] В 1848-м этот дом Вицино с магазином оценен в 12.200 рублей.[98] То была единственная не еврейская недвижимость в ближайших кварталах.

Не менее занятна история смежного места № 262 по Еврейской улице. В 1795 году оно отведено инженерной командой греческому выходцу Николаю Тукасу, который так и не сумел застроиться. В 1798 году инженерная команда отвела это место «одесскому купцу *Хаиму Могилевскому Бромбергу*». Подобная формулировка указывает либо на двойную фамилию, либо уточняет, что это Бромберг родом из Могилева. В этом нет ничего необычного, тем более что в Одессе известно несколько Бромбергов. 2 ноября 1810 года этот Могилевский-Бромберг сообщал Строительному комитету о разделе отведенного ему места № 262, из которого больше половины он уступил упоминавшемуся выше несчастливому купцу *Хаскелю Нусимовичу* (*Данцкелю, Данцкеру, Данскому*). Он произвел строение, и 9 марта 1811 года ему выдали владельческие документы – «открытый лист». Именно эта недвижимость состояла в залоге по ссуде, взятой им в Комитете и Одесской конторе Государственного коммерческого банка, о которой уже говорилось в контексте трагической судьбы Хаскеля Нусимовича.

Что касается оставшейся части места Бромберга, то ранее 13 августа 1823 года она принадлежала одесскому купцу *Гершке Абрамовичу* (он фигурирует в архивных документах и как Гершка Абрамов – тот, что во второй половине 1820-х содержал городские весы и меры). В это время здесь провел освидетельствование городской архитектор Джованни Фраполли. Он нашел, что дом Абрамовича «постройкою безобразия городу не делает, но плана на сию постройку он не имеет, ибо оный во время существовавшей в Одессе заразы сожжен вместе с прочими вещами». Сие означает: проект составлен, по крайней мере, ранее августа 1812 года. На основании процедуры обследования молодому архитекторскому помощнику Боффо велели разграничить место в натуре между сказанными владельцами.[99]

Еще одно интересующее нас место – № 259, ныне вторая от угла Еврейской половина здания СБУ по Екатерининской улице. В пушкинское время здесь находился дом одесского мещанина

Вольфа Вейнберга, каковым он владел по «данной» из Херсонской палаты гражданского суда от 19 ноября 1818 года.[100] Уже на плане Фраполли 1807-го тут обозначено два флигеля по красной линии Екатерининской с широким въездом меж ними. Та же картина на плане Торичелли 1828-го.

Если изначально на Еврейской улице, даже близ будущей Ришельевской, нередко строились домики «в четыре окна, которые не составляли правильности архитектуры»,[101] то по мере роста состоятельности одесских евреев, с начала 1820-х, наблюдаются случаи *приобретения* ими *дорогой и престижной недвижимости*. Однако в пушкинское время застройка Еврейской улицы в целом была еще довольно скромной. Трудно предположить, что за все время пребывания в Одессе Пушкин не бывал в этом районе, не интересовался, по крайней мере, внешним обликом Главной синагоги. К слову, почти синхронные (1829-1830) сведения о ней весьма противоречивы.

Эдвард Мортон, британский врач, доктор медицины, путешественник: «Синагога евреев расположена на Strada Richelieu (Ришельевская улица). Она убога и находится в плохом состоянии – обстоятельство, вызванное жадностью, которой отличается эта секта».[102] «Отечественные записки» за январь 1830-го, «Взгляд на Одессу»: «Синагога – в самом цветущем положении, как по числу, так и по богатству прихожан».[103] Как говорится, без комментариев.

Отмечая этническую пестроту юной Одессы (1822 год), Роберт Лайелл, в частности, пишет: «Евреев в изобилии, и несколько семей имеют хорошее материальное положение. Некоторые из них мелкие торговцы, кабатчики, ремесленники, пекари и ростовщики».[104]

Примечания

[1] Застроение города Гаджибея, теперь Одессы, в 1794 году. – Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 590-594.

[2] Там же.

[3] С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903, с. 18.

[4] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 5.

[5] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 129.

[6] ОГИКМ, инвентарный № К-605.

[7] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 229, 230 (утрачены).

[8] Там же, ф. 4, оп. 4, д. 153 (утрачено).

[9] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173.

[10] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 9.

[11] Там же, оп. 1, д. 17, л. 80–83; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 326.

[12] С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903.

[13] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 165, л. 389-392.

[14] Там же, д. 17, л. 176-177.

[15] Подробнее см.: Олег Губарь. Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы. – Дерибасовская – Ришельевская: Одесский альманах (сб.). Кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50.

[16] С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903.

[17] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 23.

[18] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 319 (чертеж); Там же, ф. 59, оп. 1, д. 1484. – 23 л.

[19] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 42-43.

[20] Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 22.

[21] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 589.

[22] Там же, л. 582, 583, 588, 594.

[23] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 8, л. 4.

[24] Там же, д. 278, л. 16.

[25] Там же, д. 279, л. 13.

[26] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 368-369, 578.

[27] Застроение города Гаджибея, теперь Одессы, в 1794 году. – Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.

[28] Очевидно, эта фамилия австрийских выходцев немного искажена, и должна записываться как Унгер или Унгбер. Ее представители известны в Одессе, по крайней мере с 1809 года. – ГАОО, ф. 4, оп. 107, д. 1, № 36 и 54 (первый реестр), № 44 (второй реестр).

[29] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 231, л. 241, 252, 253; Там же, д. 65, л. 247-248; Там же, д. 80, л. 67-71.

[30] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 80.

[31] Там же, д. 88, л. 10-10а.

[32] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 158.

[33] ОГИКМ, инвентарный № К-600.

[34] Там же, № К-602.

[35] Plan de la ville d'Odessa, 1814.

[36] ОГИКМ, инвентарный № К-605.

[37] С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903, с. 18.

[38] Первые книги Одессы. Под редакцией А.И. Третьяка. – Одесса: Optimum, 2011, с. 28. Примечание (1) в репринтной части этого издания.

[39] Евреи Одессы и юга Украины: история в документах. Кн. 1. – Одесса, 2002, с. 109-110.

[40] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 680.

[41] К.Н. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 131.

[42] ОГИКМ, инвентарный № К-605.

[43] ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 942, ч. 2, л. 1-14.

[44] Одесский вестник. – 1833, 15 февраля, № 13.

[45] ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 17-18.

[46] Одесский вестник. – 1828, 8 августа, № 63.

[47] Там же, 1829, 26 января, № 8.

[48] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на 1821. Ч. 2, с. 253.

[49] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 153, ч. 1, л. 78-81.

[50] Там же, оп. 2, д. 304. – 3 л.

[51] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 314; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 430. – 264 л.

[52] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 485.

[53] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 17-18.

[54] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 516. – 19 л.

[55] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 154-155.

[56] С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903, с. 20.

[57] Олег Губарь. Старые дома и другие памятные места Одессы. – Одесса: Печатный дом, 2006, с. 234.

[58] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 577; Там же, оп. 2, д. 406; Там же, д. 1328; ф. 4, оп. 8, д. 942, л. 28 об.

[59] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 577. – 11 л.

[60] С. Пэн. Еврейская старина в Одессе. – Одесса, 1903, с. 13-14.

[61] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 16.

[62] Одесский вестник. – 1832, 10 сентября, № 73.

[63] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 10.

[64] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1156. – 8 л.

[65] Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 6, 13.

[66] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 293.

[67] Там же, л. 42-43.

[68] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 250, 251.

[69] ОГИКМ, инвентарный № К-602.

[70] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 18, л. 78.

[71] Там же, д. 75, л. 63–67.

[72] А.Н. Павлюк. Купцы-судостроители Рафаловичи. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2010, с. 6.

[73] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 4.

[74] Одесский вестник. – 1828, 28 декабря, № 95.

[75] Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 30.

[76] Одесский вестник. – 1829, 26 июня, № 51.

[77] Там же, 1832, 9 июля, № 55.

[78] Там же, 1832, 3 февраля, № 10; Там же, 13 февраля, № 13; Там же, 24 февраля, № 16.

[79] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 185.

[80] Там же, д. 20, л. 163-173.

[81] Там же, ф. 2, оп. 11, д. 1, л. 21 об.

[82] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 6.

[83] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 313.

[84] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 650.

[85] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 598-602.

[86] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 47. – 23 л.

[87] Коллекция Государственного архива Одесской области. Архитектурные объекты г. Одессы и других городов Причерноморья: конец XVIII – начало XX ст. Каталог. – Одесса: ЧПКФ «Хоббит», 2003. – 224 с.

[88] ОГИКМ, инвентарный № К-605.

[89] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 3, 15.

[90] Там же, ф. 2, оп. 11, д. 1, л. 23 – 23 об.

[91] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 153, ч. 2, л. 112–115; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 10.

[92] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.

[93] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 445, л. 3.

[94] Одесский вестник. – 1829, 26 января, № 8.

[95] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1056. – 33 л. (утрачено).

[96] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 39 об. – 40.

[97] Там же. ф. 59, оп. 2, д. 595, л. 124-126.

[98] Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 13.

[99] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 274-276.

[100] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 24.

[101] Там же, д. 287, л. 765.

[102] Эдвард Мортон. Одесса как она есть. Записки путешественника. – Одесса: Optimum, 2012, с. 97.

[103] Отечественные записки. – 1830, январь, № 117, с. 29.

[104] Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 165.

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

Епархиальный дом в Одессе

На известной одесской открытке с видом улицы Жуковского с угла Преображенской, изданной в 1910-х годах, хорошо видны церковные купола, которые неизменно вызывают вопросы одесситов. Куполов этих давно нет, но на нынешнем здании по адресу Жуковского, 38, хорошо видно возвышение, на котором главный из этих куполов был некогда установлен. Возвышение это сохранено в связи с технической необходимостью работы здания.

Купола принадлежали церкви Херсоно-одесского епархиального дома, сооруженного на месте здания старой духовной

семинарии в 1909 году. История этого строительства, а по сути, перестройки, подробно изложена в очень редкой брошюре «Историческая записка о Херсоно-одесском епархиальном доме», изданной церковными властями и отпечатанной в епархиальной типографии, обустроенной в этом же здании. Автором текста книги был инспектор Одесской духовной семинарии Константин Константинович Спасский. Текст сопровождается интереснейшими редкими фотографиями хода строительства епархиального дома, его окончательного внутреннего и внешнего вида. Украшают издание художественные заставки, размещенные в начале глав. Брошюра является одним из интереснейших артефактов многогранной одесской коллекции А.А. Дроздовского.

Начнем по порядку. На углу улицы Жуковского (Почтовой) и Александровского проспекта в наемном доме с 1838 года располагалась Одесская духовная семинария, двухэтажное стандартное здание которой было вытянуто вдоль этих двух улиц. Еще

Старые здания Одесской духовной семинарии

в 1893 году комиссия, обследовавшая здание семинарии, признала его «обветшалым».

Новое помпезное учебное церковное здание было воздвигнуто в конце Канатной улицы, куда духовная семинария переехала в 1902 году. Старое здание семинарии, оставшееся в ведении Святейшего Синода, пустовало до 1906 года, его собирались продать, но в декабре 1907 года решили поступить по-иному. Новое решение возникло благодаря назначению в Одессу в 1905 году управлять Херсоно-одесской епархией энергичного и деятельного иерарха церкви – архиепископа Димитрия (в миру – Ковальницкий Михаил Георгиевич, 1839-1913).

«Высокопреосвященный Димитрий архиепископ Херсонский и Одесский вошел в Святейший Синод от лица Херсонской епархии с просьбой уступить ей здание и усадьбу старой одесской семинарии для устройства в них епархиального дома со специальными церковно-просветительными и духовно-благотворительными учреждениями епархиальными».

В ответ на эту просьбу последовал указ Святейшего Правительствующего Синода, по которому «старые здания Одесской духовной семинарии с находящейся под ней землею переданы в распоряжение духовенства Херсонской епархии для устройства в них епархиального дома». Причем епархия должна была оплатить с рассрочкой на тридцать лет стоимость старого здания, оцененного компетентной комиссией в триста тысяч рублей. Увы, все мы понимаем, что по не зависящим от священнослужителей причинам была выплачена только примерно третья часть суммы.

Епархиальный архитектор Л.Ф. Прокопович (1862-1935) представил подробный проект перестройки старых зданий, одобренный Строительным комитетом. Лев Федорович Прокопович был опытным архитектором, под его руководством и по его проектам в Одессе были сооружены Афонское Ильинское подворье в конце Пушкинской улицы, Афонское Пантелеймоновское подворье против вокзала, Военный собор «между 3 и 4-й станциями парового трамвая» (не сохранился) и множество светских зданий.

Для консультирования проекта был приглашены за «особое вознаграждение» городовой архитектор Ф.П. Нестурх и архитектор

В.И. Прохаска. Оба консультанта, Федор Павлович Нестурх и Викентий Иванович Прохаска, были маститыми, хорошо известными в Одессе архитекторами, построившими в городе много прекрасных зданий, украшающих, к счастью, Одессу по сей день. После дополнений и исправлений проекта церковными властями и архитекторами городская управа утвердила проект 31 июля 1908 года.

«Особое вознаграждение» Л.Ф. Прокоповича за составление проекта перестройки епархиального дома и наблюдение за ходом строительства, согласно сведениям из сметы расходов на строительство, составило 2200 рублей, или примерно 1% от всех затраченных средств. Вознаграждение архитектору В. Нестурху составило 300 рублей, а Ф. Прохаске – 150 рублей.

По тем временам это были суммы немалые.

Строительство началось очень активно. По планам архитекторов, во главе строящегося епархиального дома должен был

Работы по переустройству епархиального дома

быть новый храм, к которому примыкали залы для богословских чтений и бесед с верующими. Было продумано удобное место для епархиальной библиотеки с бесплатной читальней при ней, в которой предлагались выходящие в Российской империи газеты и духовные журналы. Библиотеке были подарены собрания ценных книг – бывшим преподавателем духовной семинарии Л.С. Мацеевичем и одесским протоиреем отцом Г. Молдавским.

Рядом с библиотекой был учрежден церковно-археоло-

гический музей, для коллекции которого также было пожертвовано множество ценных экспонатов.

В епархиальном доме было отведено место для редакции «Херсонских епархиальных ведомостей» – печатного органа управления епархией. Там же нашлось место для училищного совета, ведавшего церковно-приходскими школами, и одной из церковно-приходских школ. В строящемся епархиальном доме довольно большое место было отведено правлению епархиального свечного завода, находившегося на Приморской улице, располагалась лавка завода и склад восковых свечей.

На строительство грандиозного комплекса епархиального дома жертвовали крупные средства самые разные одесситы. Архиепископ Херсонский и Одесский Димитрий – инициатор создания епархиального дома – пожертвовал наличными из собственных средств 15000 рублей и билетами 4-процентной государственной ренты 50000 рублей. Таким образом, его вклад в строительство составил сумму 65000 рублей. Кроме того, архиепископ Димитрий выделил из личных средств суммы специального назна-

чения на устройство епархиальной типографии, епархиальной библиотеки, создание фонда для издания необходимой печатной продукции, подготовку к освящению храма и всего дома. Таким образом, вклад архиепископа Димитрия составил огромную сумму – 91500 рублей! Он был активным вдохновителем, неутомимым руководителем и щедрым спонсором строительства.

Активно участвовали в пожертвовании на строительство братии трех афонских подворий: игумен Афонского Пантелеймоновского монастыря архимандрит Мисаил с братией пожертвовали 5000 рублей, настоятель Афонского Свято-Андреевского скита архимандрит Иероним с братией пожертвовали 3000 рублей, настоятель Афонского Свято-Ильинского скита архимандрит Максим с братией – 1000 рублей.

Через протоиерея Гавриила Леончукова (позднее, в 1935 году, – епископа Иоанна, Париж) некто, пожелавший остаться неизвестным, передал 3000 рублей.

Графиня Елена Григорьевна Толстая и ее сын граф Михаил Михайлович Толстой, отдававшие огромные суммы своего капитала на благотворительность, пожертвовали на строительство епархиального дома 6000 рублей.

Елена Петровна Демидова, княгиня Сан-Донато, чей оригинальный особняк сохранился до наших дней на Французском бульваре на территории киностудии, выделила 2000 рублей.

Немалые суммы были собраны в Херсонской епархии по подписным листам. Всего было собрано пожертвований наличными и процентными бумагами к 1 января 1910 года – 101359 рублей. К этому следует добавить целевые выделения денег специального назначения, например на обустройство зала или епархиальной типографии и т. п. Большие суммы были взяты заимообразно на разных условиях.

Расход денег расписан в статье очень подробно, работы выполнялись квалифицированными одесскими инженерами и техниками, которые выигрывали, говоря современным языком, тендеры на выполнение работ.

Наибольшая сумма уплачена подрядчику Николаю Захаровичу Никитину – 161900 рублей – «за работы по переустройству и обновлению зданий епархиального дома».

За устройство центрального отопления и вентиляции выплачено 27854 рубля «компании Санкт-Петербургского металлического завода».

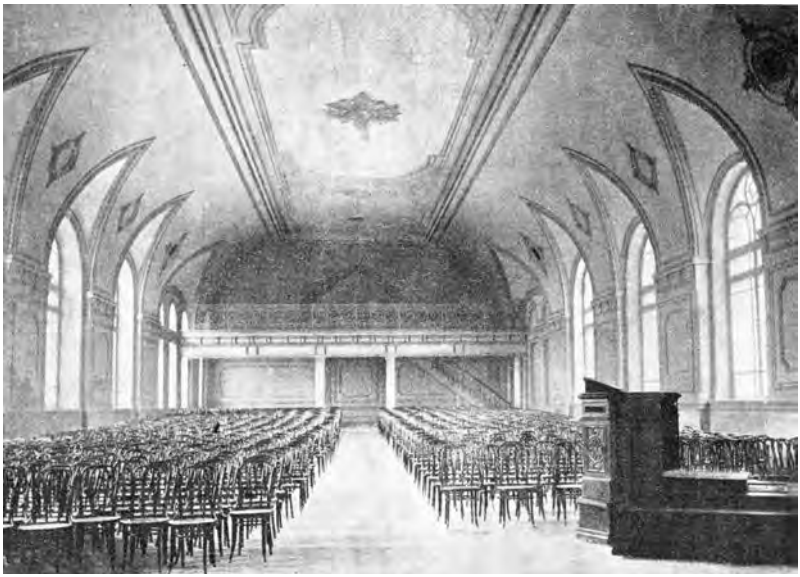
Одесскому гражданскому инженеру Игнатию Антоновичу Маргулису было уплачено 1500 рублей «за работы по установке токопроводной сети для электрического освещения епархиального дома».

Фирма Вильгельма Грюцмахера, размещавшаяся на Болгарской, 80, отчиталась за устройство асфальтовых тротуаров вокруг уличных фасадов здания на сумму 1365 рублей и 39 копеек.

Уголь в количестве 10735 пудов (примерно 176 тонн) по 19,5 копеек, доставленный господином Авраамом Бабаджаном со своего склада на Приморской улице для отопления здания епархиального дома, обошелся в 2093 рубля 33 копейки.

За 9 колоколов весом около 102 пудов (1691 кг), доставку их с Валдайского колокольного завода А.И. Усачева и установку на колокольне было уплачено 2000 рублей. Причем главный колокол весил всего 53 пуда (869 кг). Завод специализировался на изготовлении «малых» колоколов – не больше 200 пудов. Изделия Валдайского завода были известны в Одессе, так как в свое время там были приобретены колокола для Одесского кафедрального собора. В декабре 1909 года колокола с Валдая были доставлены в Одессу, освящены должным образом, подняты на звонницу церкви епархиального дома и установлены. «При пробном испытании звон колоколов оказался достаточно сильным и гармонично благозвучным».

На фабрике гнутой деревянной мебели братьев Тонет, магазин которой располагался на Дерибасовской, 27, было куплено 100 дюжин стульев (1200 штук) и 1 дюжина (12 штук) кресел за 2955 рублей. Видимо, этого количества стульев оказалось недостаточно, и был привлечен столяр С. Овсянников для работ по изготовлению мебели для разных помещений епархиального дома, на что было заплачено 1754 рубля. Устроителями епархиального дома были учтены все новинки техники того времени, в том числе и демонстрация, говоря современным языком, «слайдов» и фильмов: «У задней стены под хорами установлено было



Зал для чтения – бесед

приспособление для помещения волшебного фонаря для проектирования посредством него световых картин на экран в пролет между церковью и залом, а также изготовлен большой, во всю площадь пролета, холщовый экран».

Иконостасный мастер Иван Григорьевич Сакович обновил и устанавливал иконостас, господин Гадалов позолотил киоты, художник А. Максименко обновлял живопись на иконах церкви старой семинарии. Он же написал для иконостаса церкви епархиального дома новую храмовую икону Святого Великомученика Димитрия Солунского взамен той, что была храмовой в церкви семинарии. Все эти работы обошлись в 1205 рублей.

Труды художника – скульптора Л. Молинари по изготовлению букв для надписи на фасаде оценены были в 88 рублей. На собственные средства и собственными силами была изготовлена икона на фасаде здания заведующим Афонским Пантелеймоновским подворьем иеромонахом Кириком.

Внутри здания епархиального дома были размещены в золоченых рамах поясные портреты Николая II, его супруги и наследника-цесаревича, на противоположной стене – портрет основателя епархиального дома архиепископа Димитрия. Все портреты выполнены были по заказу попечительского совета академиком живописи, директором Одесского художественного училища Александром Андреевичем Поповым.

Для электрического освещения здания были заказаны в акционерном обществе «Сименс и Гальске» осветительные приборы в бронзе, люстры в 30 и 20 ламп, потолочные лампы, бра и т. п.

Кроме епархиальной части здания с церковью одновременно активно проводились работы по обновлению доходной части дома, углом выходящей на улицу Жуковского и Александровский проспект. Там были оборудованы комфортабельные квартиры, предназначенные для сдачи внаем.

Херсоно-одесский епархиальный дом

На торжестве освящения и поднятия креста на главный купол церкви при епархиальном доме

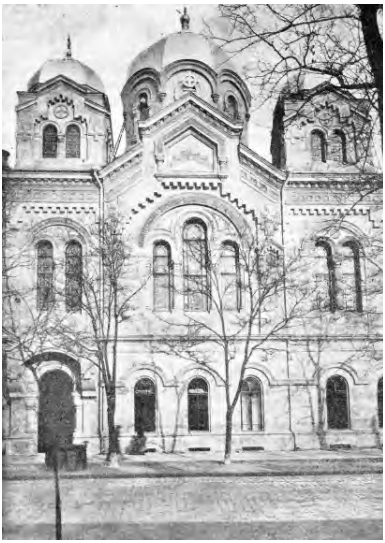
Освящение креста и водружение его на главный купол состоялось 8 марта 1909 года при большом стечении народа. Освящение совершил высокопреосвященнейший архиепископ Димитрий вместе с другими лицами одесского духовенства. Пел хор архиерейских певчих прямо на улице против главного входа со стороны улицы Жуковского.

Освящение всего храма во имя Дмитрия Салунского состоялось не менее торжественно 22 января 1910 года.

Подводя итоги, автор брошюры господин К. Спасский называл сумму, затраченную на строительство епархиального дома, – 800000 рублей.

Еще 30 ноября 1909 года здания епархиального дома были застрахованы от огня в Российском взаимном страховом союзе на сумму 250000 рублей.

Казалось, устроители епархиального дома в Одессе предусмотрели все для успешной работы церковно-просветительного учреждения. Однако застраховаться от революции было невозможно. Советская власть считала религию «опиумом для народа», и массово были закрыты храмы всех конфессий.



Наружный вид храма епархиального дома

Многие церковные здания были взорваны и полностью разрушены, с других были сняты купола, и церкви превращены в склады, спортзалы, клубы. Не самая плохая судьба была уготована епархиальному дому – он не был разрушен, а только лишился куполов, внутреннего церковного убранства и стал клубом.

Вначале, согласно справочнику 1926 года, в нем работали два клуба: клуб работников коммунального хозяйства и клуб имени В.В. Воровского. После убийства в 1923 году в Швейцарии советского дипломата Вацлава Воровского, много лет прожившего в нашем городе, печатая меткие и яркие фельетоны в одесской прессе, улицы и клубы стали называть его именем. Одесса не стала исключением, но что это был за клуб в бывшем епархиальном доме, нам неизвестно.

В 1934 году в этом здании с клубом имени Воровского соседствовал Дом санитарного просвещения, вечерняя школа и другие организации. Доходная часть бывшего епархиального дома превратилась в обычные жилые помещения со множеством коммунальных квартир.

В войну часть здания была разрушена бомбой, после войны все восстановлено. В доме располагалось областное управление связи, комитет профсоюзов работников связи, спортивное общество «Молния», областное отделение Укркнигокультторга, областное отделение Союзпечати.

С начала 1960-х годов в бывшем епархиальном доме работал Дворец культуры имени Леси Украинки.

Нам доводилось участвовать в смотрах художественной самодеятельности и выступать на сцене прекрасного зала дворца с сохранившимися стрельчатыми окнами и расписным потолком. Уже в 1980-е годы в залах клуба неоднократно проводились выставки коллекционеров, очень популярные в те времена. Неизменно пользовалась успехом выставка старинных открыток из собрания почетного члена Одесского общества коллекционеров, председателя секции филокартистов Анатолия Дроздовского «То, чего нет. Утраченная архитектура Одессы». Среди многочисленных разрушенных и изуродованных церковных зданий мы показывали открытку последнего квартала улицы Жуковского с утраченными куполами церкви епархиального дома.

Анджей Эмерик Маньковский, Сергей Котелко

Поляки с Бейкер-стрит в доме Боффо

Польская торговля зерном в Одессе на примере польской дворянской семьи Маньковских из Подолья

Несколько лет назад Анжей Эмерик Маньковский и ваш покорный слуга опубликовали здесь статью, рассказывавшую о профессоре нашего медицинского института Александре Федоровиче Маньковском. Сейчас мы бы хотели рассказать о других Маньковских, также непосредственно связанных с Одессой.

Многие наверняка знают, какой вклад внесли поляки в становление нашего города, – улица Польская существует на карте Одессы с начала XIX века. Польские помещики строили в Одессе первые дворцы – Потоцкие, Ржевусские, Собанские – поверили в молодой город с первых лет его существования. Они с самого начала развивали здесь хлебную торговлю, постепенно делая наш порт едва ли не главным портом империи. Были среди них и Маньковские – для нас, быть может, менее известная фамилия, надо этот пробел закрывать.

Кто же такие Маньковские? Александр Михайлович де Рибас (1856-1937), внук Феликса, брата адмирала Иосифа де Рибаса, в книге «Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания», не раздумывая, отнес одного из родоначальников подольской ветви семьи Маньковских Игнатия, или Игнация, как имя звучит по-польски, Маньковского (1739-1810) к числу польских *магнатов* (sic!), которые в 1792 году примкнули к Тарговицкой конфедерации и действовали сообща с российскими войсками против последнего польского короля Станислава Августа*. Де Рибас перечислил Игнатия Маньковского в одном ряду с та-

* Александр де Рибас, Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. – Батуми, 1990, с. 310.

кими известными магнатами, как Станислав Щенсны Потоцкий и Ксаверий Браницкий.

Де Рибас в своей книге, опубликованной впервые в 1913 году, описывал и оценивал минувшие события по прошествии около ста лет. В то время он писал, что Маньковские ввиду своего имущественного положения принадлежали к узкому кругу общественной элиты Юго-Западной России, как тогда назывался этот регион. Сам Александр Михайлович де Рибас, предположительно, был лично знаком с двумя внуками Игнатия Маньковского – Вацлавом (1820-1905) и Эмериком (1826-1918), поскольку, вероятно, вращались они в одном и том же обществе Одессы и имели один и тот же круг знакомых. Таким образом, де Рибас, глядя сквозь призму своего опыта и знаний, расположил Игнатия, предка Вацлава и Эмерика Маньковских, очень высоко в социальной иерархии, хотя Маньковским до магнатов тогда еще было далеко.

Дворянская семья Маньковских принадлежала к польскому гербу Заремба и обосновалась на Подолье в начале XVIII века. Маньковские, равно как и многие помещичьи роды в истории Польши, воспользовались предоставляемым украинскими землями шансом обогащения и впоследствии повышения своего социального статуса. Добились они этого в экономических реалиях конца XVIII и XIX веков, когда простое приращение земель, характерное на этой территории в том же XVIII веке и проведшее к созданию больших состояний польских магнатов, ушло в прошлое. Теперь приходилось развивать сельскохозяйственное производство, торговлю и внедрять механизацию труда *в своих* поместьях. И в этом Маньковские достигли многого. Маньковским принадлежали обширные земельные угодья в Подольской губернии, дававшие превосходный урожай. Естественно, для процветания этот урожай надо было сбывать наиболее выгодным образом, и именно торговля через порт в Одессе была наилучшим решением.

Первые задокументированные связи семьи Маньковских с Одессой относятся к концу 30-х годов XIX века. Ян Леон Сенкевич из Калиновки** Киевской губернии в 1837 году побывал

** Ср. Jan Sienkiewicz, Wyprawa do Odessy Fragment z dziennika (19/7 sierpnia 1847 r.), в: Materiały do biografii, genealogii i heraldyki polskiej; źródła i opracowania, t. 5, Buenos Aires – Paryż 1971, s. 173.

в Одессе со своим зятем Адольфом Добровольским* и описал приятельский круг, в котором находился: «[…] был Смокрович**, Еловицкий, пани Литошинская с маленькой Маньковской***, сестрой жены Липковского, пребывающей здесь для окончания воспитания. Эти дамы также остановились в доме Млодецкого****. […] У Смокровича пили водку и ели закуски, а потом пошли на обед, на который нас пригласил Млодецкий. На этом обеде были Липинские, Еловицкий, пани Витушинская и Маньковская, а также и Смокрович. Еще перед обедом Смокрович получил разрешение для Адольфа и 10-и человек проехаться лодкой по морю до самого маяка в полутора милях от Одессы. […] Сразу же после обеда, забравшись в повозку, поехали в порт. Две лодки с тремя парусами уже ждали нас у портовой дамбы. Экипажу сказали ехать прямо к месту у маяка, где высадить нас на берег, и сами, спустившись по неудобной лестнице, пустились во имя Бога в это плавание […]».

В это же время старший брат Вацлава Маньковского – Теодор (1816-1855) – весьма успешно занимался в Одессе экспортом зерна. У Теодора, как сообщала матери его жена Богуслава, «так хоро-

* Адольф Добровольский (1796-1866) – выпускник Кременецкого лицея (1808-1816), секретарь князя Адама Ежи Чарторыйского. В 30-х годах в качестве представителя Банка Польского проводил торговые и кредитные операции в Бердичеве. В 1835 открыл там филиал банка. В 50-х годах занимался торговлей зерном в Одессе. Ср. Polski Słownik Biograficzny, t. V, Kraków 1939, s. 521.

** Ян Смокрович был выпускником Кременецкого лицея, затем учителем гимназии в Вятке и также профессором университета в Казани, por. Wspomnienia: Pamiętnik Franciszka Kowalskiego, Warszawa 1859, s. 153. Генрик Каменский так пишет об известных ему «по большей части» профессорах из Вятки (1846): «Смокрович, меж них, хорошо играющий в шахматы, довольно плохо говорящий по-французски, но считающийся наилучшим учителем этого языка, к несчастью, чрезмерно любящий водочку». Ср. Henryk Kamieński, Listy z zesłania, wstępem i przypisami opatrzył Tadeusz Kozanecki, «Archiwum historii filozofii i myśli społecznej», 1968, t. 14, s. 117.

*** Речь идет об Августине Маньковской (род. 1823) – младшей сестре Кристины Маньковской (род. 1812) – жены Леона Липковского.

**** Игнаций Млодецкий (род. ок. 1800) – участник Ноябрьского восстания на Подолье, после поражения которого использовал кассу подразделения в сумме 500.000 рублей, с которой сбежал в Одессу, где якобы учредил банкирскую или хлебную контору и налаживал сотрудничество в Париже, Вене, Праге и итальянских городах. Арестован в 1838 году, приговорен к ссылке в Волгоград, откуда возвратился в 1842 году. Ср. Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w guberni kijowskiej. Szymon Konarski, red. Magdalena Micińska, Warszawa 2009, s. 542. 73.

шо шли дела, что пишет, что имеет многим более, чем унаследовал от родителей, и то все наличными. […] закупили в складчину с Владиславом Браницким***** пшеницу и выслали в Марсель 3 корабля, и на этом сейчас чрезвычайно (много. – **А. М.**) заработают». ******

В марте 1847 года Теодор, как пишет Богуслава в очередном из писем к матери, «[…] опять так занят своим состоянием, то есть капиталами, что у него полная голова, какое приданое получат дочки, и что сделать, чтобы (его. – **А. М.**) еще удвоить». *******

Получив в Одессе опыт в черноморской торговле, Теодор Маньковский с 1847 года пребывал в Лондоне. Прошение о натурализации в Англии подал 1 ноября 1848 года, и уже 11 ноября того же года получил британское подданство. В Лондоне Теодор учредил Хлебно-комиссионную контору «Теодор Маньковский и Ко», где был главным пайщиком. Проживал на Бейкер-стрит, 83, а Комиссионная контора находилась по адресу Треднидл-стрит, 2889. Компаньонами Теодора были Александр Маковский и Марсель Любомирский. Контора «Теодор Маньковский и Ко» должна была посредничать в торговле зерном, семенами, шерстью, древесиной, животным жиром, шкурами и др. между польскими помещиками из Подолии и Киевщины и емким английским рынком. ********

Польский историк Марек Мондзик подробно описывал торговлю зерном на Подолье, Волыни и Киевской губернии в первой половине XIX века: «Условия покупки и доставки зерна в Одессу заключались на «киевских контрактах», – куда одесские купцы отправляли так называемых комиссионеров.

«Киевские контракты» – торговый термин, возникший с 1798 года и обозначавший ставшие традиционными встречи польских землевладельцев Волыни и Подолья в конце XVIII – начале XIX века. Вначале их целью была продажа и покупка дворянских земель, а позднее «контракты» превратились в съезды продавцов зерна и производителей сахара. Коммерческие и финансовые

***** Граф Владислав Владиславович Браницкий (1826-1884), племянник Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, урожденной Браницкой.

****** Biblioteka Uniwersytetu Adama Mickiewicza w Poznaniu (BUAM), Korespondencja Bogusławy z Dąbrowskich Mańkowskiej 1836-1837, List do matki z 7 marca 1847.

******* Там же, письмо к матери от 17 марта 1847.

******** Polski Słownik Biograficzny, t. XIX/4, z. 83, s. 524.

сделки проходили в салонах, театрах и на балах. На «контракты» съезжалось большое количество дворянства, купцов, помещиков и т. д., они традиционно начинались зимой, на Богоявление, и продолжались до февраля. «Контракты» были своего рода аналогом товарной биржи, и во время них обычно заключались наиболее крупные сделки.

Среди посредников в торговле зерном также были поляки. Принадлежали они, как правило, к числу тех, кто наиболее рано поселились в Одессе. Со временем образовалась немалая группа комиссионеров, потому что каждое большое поместье имело собственного доверенного посредника и собственный хлебный магазин в городе. Зерно транспортировалось на подводах, так называемых чумацких возах. В связи с тем, что шляхетские поместья не располагали в общем достаточным количеством собственного тяглового скота, для перевозки зерновой продукции в Одессу приходилось пользоваться средствами передвижения, принадлежавшими крестьянам, что стало причиной образования в этих районах новой профессии – чумака. Простой конструкции воз с деревянными осями, запряженный парой волов, представлял, собственно, *единственное* транспортное средство. Несколько десятков подвод составляли так называемую чумацкую валку. Работа чумака оказывалась достаточно прибыльной, поэтому иногда конторщики и мелкопоместная шляхта брались за такое транспортное предприятие. Главным трактом, называемым Чумацким (Изяслав – Староконстантинов – Летичев – Винница – Немиров – Тульчин – Ольгополь – Балта – Ананьев – Севериновка – Одесса), непрерывно, особенно осенью, шел транспорт с зерном».* Современник Теодора Маньковского Александр Еловицкий вспоминал: «Проезжая по степи – постоянно встречаешь чумацкие валки, идущие с пшеницей и другим зерном нашим в Одессу или идущие к нам по пшеницу и водку».**

Лондонские дела Теодор вел в сотрудничестве с оставшимися на Подолье младшими братьями. 31 декабря 1848 года Василий Семенович Сотников (1788-1853), военный губернатор города

* Marek Mądzik, Polskie inicjatywy handlowe w rosyjskich portach czarnomorskich na przełomie XVIII i XIX wieku, Lublin 1984, s. 107-110.

** Там же.

И.К. Айвазовский. Чумаки в Малороссии. 1885 год

Каменец-Подольского и подольский гражданский губернатор в тайном письме к Бибикову*** передавал информацию относительно братьев Теодора: «[...] имею честь сообщить, что [...] Вацлав является предводителем шляхты Ямпольского уезда и владеет деревнями Моевка и Фелициановка, а Эмерик управляет деревней Боровка, где и проживает. Валериан Маньковский занимается торговлей, главным образом в Одессе, доставляя туда закупленное у здешних помещиков зерно. Хорошего поведения и в действиях его ничего предосудительного не отмечено». ****

Если речь идет о 50-х и 60-х годах, то подробной информации касательно экспорта зерна из Одессы, осуществляемого Маньковскими, в тот период нет. Известно только, что побережье

*** Дмитрий Гаврилович Бибиков, киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор, 1837-1852.

**** ЦДИАУК, ф. 442, оп. 738 (vel 798), д. 307: Дело о ходатайстве одесского купца 2-й гильдии Маньковского В. о выдаче ему заграничного паспорта для поездки по торговым делам в Англию и о выяснении его родства с Маньковским Ф., обвиняемым в принадлежности к Познанскому восстанию. 8 июля 1848 – 21 октября 1850 гг., л. 11 об.

КРУГЪ ДѢЙСТВІЯ И УСЛОВІЯ КОНТОРЫ

по свидѣтельству 1-й гильдіи

подъ фирмою

В. МАНЬКОВСКІЙ

ВЪ ОДЕССѢ

на Театральной улицѣ домъ Бовво.

Ссудо-Коммиссіонная Контора «В. Маньковскій въ Одессѣ» принимаетъ къ исполненію слѣдующія порученія:

а) По коммиссіонной продажѣ товаровъ.

1) Контора производитъ продажу, въ Одессѣ всякихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и фабричныхъ произведеній, высылаемыхъ въ Контору за коммисію, за счетъ и рисъ товарохозяина.

2) За продажу продуктовъ, высылаемыхъ на коммисію, Контора беретъ отъ валовой суммы, выручаемой за товаръ 2% коммиссіонныхъ и 1% на расходы (пріема и экспедиціи товара, почтовые и проч.) что составляетъ вмѣстѣ, 3% кромѣ куртажа маклерамъ $^1/_2$% при продажахъ изъ магазиновъ и одинъ процентъ при продажахъ съ вагоновъ.

3) При полученіи товара на коммиссію въ счетъ его стоимости, Контора производитъ по накладнымъ желѣзной дороги платежи и всякіе расходы по пріему, храненію и сдачѣ покупщику товара.

4) Цѣны за наемъ магазиновъ, если таковыя потребуются для склада зерна и другихъ товаровъ, будутъ назначаться соотвѣтственно цѣнамъ существующимъ въ городѣ.

5) По желанію комитента хлѣбъ его можетъ быть застрахованъ отъ огня, съ платою по 2 коп. съ четверти за каждые три мѣсяца, пока тарифъ этой платы не будетъ измѣненъ.

6) О каждомъ пріемѣ или продажѣ товара присланнаго на коммиссію Контора увѣдомляетъ товарохозяина по почтѣ не позже слѣдующаго дня;—а фактура и причитающіяся товарохозяину деньги высылаются ему немедленно послѣ окончанія расчетовъ съ покупщикомъ.

б) По Ссудамъ, авансамъ и оборотамъ денежнымъ и фондовымъ.

7) Контора доставляетъ кредитъ а также ссуды подъ наличные товары и авансы на ожидаемые продукты, высылаемые на коммисію и доставляемые прямо въ Одессу или же изъ одной желѣзно-дорожныхъ станцій, адресованные въ Контору. Кредитъ и авансъ доставляются лицамъ извѣстнымъ ссудо-коммиссіонной фирмѣ или представляющимъ достаточныя имущественныя и личныя гарантіи. Лица не знакомыя, если желаютъ получить ссуду на продукты или товары еще недоставленные въ Одессу, обязаны или обращаться къ мѣстному агенту Конторы, или же представить поручительство знакомаго Конторѣ благонадежнаго лица, да кромѣ того представить:—арендаторы свои контракты аренды, а дѣйствующіе по довѣренности—свои довѣренности.

8) За кредитъ, личный, а также авансы дѣлаемые Конторою на ожидаемые продукты или товары, Контора засчитываетъ комитенту процентъ, за время пользованія кредитомъ или авансомъ двумя процентами выше эсконта Одесскаго Коммерческаго Банка.

9) Получающій авансъ на ожидаемые продукты или товары кромѣ срочныхъ векселей подписываетъ коммисіонное обязательство на высылку тѣхъ продуктовъ или товаровъ.

10) Ссуды выдаются только на наличные продукты срокомъ не болѣе 6 мѣсяцевъ и могутъ равняться двумъ третямъ стоимости продуктовъ, по цѣнамъ существующимъ до время заключенія займа.

11) Авансы дѣлаются въ слѣдующихъ размѣрахъ: на четверть пшеницы или льнянаго сѣмени или же пудъ сахара рафинада по три рубля;—на четверть другихъ зерновыхъ хлѣбовъ или пудъ сахара песку по два рубля.

12) Время выдачи авансовъ на зерновой хлѣбъ начинается отверденіемъ созрѣвающаго зерна, въ концѣ Іюня—а на кукурузу съ 1-го Января по 1 Іюня.

13) Контора, принимая вклады капиталовъ на текущій счетъ и на опредѣленные сроки, платитъ вкладчикамъ полъ процента больше чѣмъ на такихъ же условіяхъ платятъ Одесскіе и Кіевскіе Банки.

14) За продажу акцій и процентныхъ бумагъ Контора засчитываетъ въ свою пользу коммисіонныхъ $^3/_8$ и за покупку $^1/_4$ процента.

15) За исполненіе порученій по получкамъ (incasso), платежамъ, переводамъ денегъ, по оборотамъ акціями, облигаціями и векселями, Контора считаетъ $^1/_4$% коммисіонныхъ.

в) По покупкѣ товаровъ за коммиссію и по Экспедиціоннымъ порученіямъ.

16) За покупку внутри Имперіи или же за границею и высылку товаровъ и продуктовъ, какъ сырыхъ, такъ и фабричныхъ и всякихъ другихъ матеріаловъ, Контора получаетъ за комми-

Черного моря было местом летних выездов из Боровки жены Эмерика Маньковского с детьми, которая, например, в 1860 г. «с двумя младшими детьми выехала в Одессу на купания». Шурин же Эмерика Маньковского, Леон Липковский (муж Кристины Маньковской), вспоминает о семейном путешествии в Одессу в 1863 году: «Во избежание репрессий со стороны правительства и волнений среди крестьян в том году много зажиточнейших помещичьих семей со всей Руси укрылось в Одессе». *

Вацлав Северинович Маньковский

Леон Липковский пишет, что в конце 60-х годов XIX века ради спасения сильно расшатанного здоровья своего брата Валериана и чтобы заставить его поехать за границу для лечения и, прежде всего, отдыха, Вацлав Маньковский приобрел у него хорошо развивающуюся Хлебно-комиссионную контору в Одессе, которую значительно расширил. **

Однако же в действительности Вацлав Маньковский не приобрел Хлебно-комиссионную контору, а унаследовал ее по смерти брата в 1871. Вацлав владел в Одессе в 1873 году хлебной конторой и тремя складскими постройками. Магазины располагались на улицах Грузовой, Выездной и Прогонной. На въезде в Одессу с южной стороны был обустроен перевалочный складской пункт, чтобы освободить город от обременительного проезда многочисленных груженых подвод. Оттуда зерно транспортировалось непосредственно в порт. Об этом процессе и о положении Вацлава Маньковского как одного из ведущих игроков на рынке зерна в Одессе писала издаваемая в Варшаве «Газета торговая»:

* Leon Lipkowski, Moje wspomnienia…, s. 117.
** Leon Lipkowski, Moje wspomnienia…, s. 51.

«В вопросе управления транспортировкой зерна наблюдается сосредоточение этой торговли за городом в местности под названием Тираспольская застава. Находящиеся здесь 150 складов, пустые в прошлом году, сейчас сданы внаем. Главным поводом такого оживления является ответвление одесской железной дороги, ведущее от упомянутой местности к морю. На эстакадной дороге значительнейшие зерновые комиссионеры, такие как Маньковский, Перец и другие, пооткрывали филиалы своих контор». *

Заметка об одесской конторе Вацлава Маньковского находится также в опубликованном в 1876 году «Варшавской библиотекой» описании Подолья: «[…] за Черневцами большие волости Боровка, Моевка Маньковских благоустроены образцово. Их собственники много лет тому назад основали сахарную фабрику, тысячи моргов засевают свеклой и счастливо ведут дела. Имеют в Одессе торговую контору с большим капиталом; покупают через агентов, имеющихся в каждом уезде, всяческие продукты, дают за них задатки, и уже несколько лет незаурядно извлекают выгоду».** Сама контора (бюро), согласно адресным данным, с 1877 года находилась по адресу Театральный переулок, 8, в доме Боффо.

Принципы работы конторы, пребывающей в собственности Вацлава Маньковского, подробно представлены в регистрационном документе сего предприятия – «Ссудо-комиссионная контора В. Маньковского Одесса; Круг действия и условия Конторы по свидетельству I-й гильдии под Фирмою В. Маньковский в Одессе». [Одесса, 1874].***

Согласно документу, контора занималась посредничеством и логистикой «всяких сельско-хозяйственных продуктов и фабричных произведений», выдавала кредиты и ссуды под наличные и ожидаемые товары, принимала вклады капиталов, торговала акциями и процентными бумагами, осуществляла платежи и переводы денег. Кроме того, контора покупала по поручению клиента товары, в том числе оборудование, за границей или

* Gazeta Handlowa, nr 184, 10/22 sierpnia 1876, s. 2.

** Podole przez J. Krauzego («Podolanina»), «Biblioteka Warszawska. Pismo poświęcone naukom, sztukom i przemysłowi», listopad 1876, t. 4.

*** Российская государственная библиотека, Москва, шифр 18.115.7.347.

в других городах империи, осуществляла их доставку. Клиент мог иметь собственный счет в конторе. Отдельной статьей была торговля солью и английскими мешками: «По желанию многих клиентов Контора моя приобрела до 50.000 английских мешков [...] По желанию комитентов могут быть партии таких же мешков с марками их имени выписаны из Англии ценою около 50 р. за сотню, – ибо мешки с маркою фирмы, во избежание путаницы, не продаются».

Въезд в дом Боффо. Театральный переулок

Однако прежде чем выдающимся представителем Маньковских в черноморской торговле в период трех последних декад XIX века стал Вацлав Маньковский (1820-1905), важную роль в этой отрасли сыграл его младший брат Валериан Маньковский (1828-1871).

Валериана Маньковского избрали предводителем дворянства Ямпольского уезда, но после отправки в 1862 г. письма подольской шляхты (в котором уездные предводители верноподданным образом обращались к царю Александру II с просьбой об административном объединении «нашей провинции» с Царством Польским – также частью Российской империи) вместе с другими подольскими предводителями дворянства он был арестован и выслан в Петербург. Оттуда по завершении процесса и амнистии весной 1863 г. ему было позволено переселиться в Одессу. ****

Сохранилась обширная переписка Валериана Маньковского с женой – со времени пребывания в Петропавловской крепости в Петербурге и более поздних лет из Одессы. Валериан Маньковский, описывая жене различные варианты планируемой ею поездки из Подолья в Петербург, среди прочего, писал: «Если же

**** Leon Lipkowski, Moje wspomnienia..., s. 54.

Валериан Северинович Маньковский

к этому времени обстоятельства заставили Вас выехать в Одессу, то и оттуда добраться сюда можно Дунаем в Вену, Берлин и сюда. Поездка-то далекая, но более удобная и связана уже с чистым удовольствием, поскольку можно себе неторопливо и удобно ехать». *

Освобождение Валериана Маньковского из Петропавловской крепости сопровождалось запретом на проживание в собственном поместье. Валериан поселился в Одессе – городе, обеспечивающем надлежащий уровень жизни, находящемся наиболее близко к юго-западным границам Российской империи, в городе с многочисленным обществом поляков, живущих там постоянно или временно.

Представителями польского окружения были, например, крестные родители родившегося в 1864 году сына Валериана Маньковского Пиуса. Его крестили в одесском костеле, и крестными родителями были Зенон Бжозовский и Роза Собанская.**

Леон Липковский пишет, что Валериан Маньковский как человек необычайно активный, трудолюбивый и внимательный к нуждам общества, не желая сидеть в Одессе бездеятельно, приобрел у Ансельма Ивашкевича*** хлебно-комиссонную конто-

* Письмо от 11 марта 1863 г.; переписка в распоряжении семьи.

** Державний архів Хмельницької області, ф. 230, оп. 1, д. 4527, родословные материалы Маньковских, л. 51 об.

*** Август Иванский старший (Pamiętniki 1832-1876, Warszawa, 1968, s. 55) описывает Ансельма Ивашкевича – обремененного исключительным положением зернового комиссионера из Одессы, «бывшего сибирского изгнанника». (К слову, бывшим сибирским изгнанником был также работавший у Валерия Маньковского кассиром Кароль Сероцкий.) Ансельм Ивашкевич (род. ок. 1785) был сыном Игнация и Анны Липковской. В 1812 участвовал в битвах под Смоленском, Можайском, Чериковом и над Березиной на стороне Наполеона. За

ру и, преследуя цель вытащить многих земляков из рук ростовщиков, выменял ее на ссудо-комиссионную контору****.

В письмах из Одессы к жене (проживавшей в родовом имении в Ямпольском уезде на Подолье) доминируют личные вопросы, связанные с воспитанием и образованием детей, собственные «театральные рецензии» – описания культурной жизни Одессы, в которой принимал активное участие, и прежде всего – реляции из повседневной торговой деятельности и связанные с ней размышления. Ниже представлено избранные фрагменты из этой переписки:

«Одесса, 10 мая 1865. Вся пшеница такая мокрая, что пока высушится и выставится на продажу, смело мог бы поехать на несколько дней в Саинку, но предпочитаю напрасно здесь просидеть, чем не вовремя выехать».

«Одесса, 12 июня 1865. Детей обними от меня всех и расскажи им, что видел вчера клоуна, который по цепи, закрепленной на верхушке театральной крыши и другим концом привязанной к забитому возле Английского клуба колу, прошел под самую крышу и, отступая назад, сошел обратно. То же самое повторила потом его жена, позже мальчик лет 8, и наконец, маленькая собачка. […] В торговле полнейший застой, и, несмотря на наш неурожай, пшеница скорее падает, чем повышается».

«Одесса, 28 января 1866. […] у меня достаточно проблем и работы, нигде до сих пор не был и целыми днями сижу дома. Два участка на Молдаванке купил, буду на них строиться или нет, еще не знаю, но тем временем камень покупаю. В эти дни все решится. […] сидеть надо, потому что ежеминутно новые сделки заключаются. Мне кажется, что постройкой склада на Молдаванке неплохое дело совершил, поскольку именно в эти дни решился вопрос, что под моими окнами новую станцию железной дороги сделают, и уже намечают фундамент; если так удержится, то стоимость моего магазина, конечно, удвоится».

принадлежность к Патриотическому обществу был приговорен к ссылке в Сибирь на 10 лет и лишен дворянства. Обвинен в «хранении у себя писем мятежников и переписке с ними», арестован в 1826 и пребывал в заключении в Варшаве и в Петербурге. В 1841 получил право вернуться на родину под строгий надзор полиции. С июня 1856 года проживал в Одессе.

**** Leon Lipkowski, Moje wspomnienia…, s. 54.

«Одесса, 4 февраля 1866. Мои дела обстоят следующим образом: участок купил, также часть материала, и вскоре думаю начать строительство склада. Вся операция будет стоить до 7.000 серебряных рублей и должна дать доход по меньшей мере 1.000 серебряных рублей; дело это не плохое, но страшно теперь вкладывать деньги в такие вещи, хотя снова обманываю себя надеждой, что в случае надобности покупателя тотчас на него найду. Одним словом, каждое дело вначале кажется прекрасным, и лишь позже наступает дезиллюзия*; может, так и с этим будет, но уже иначе быть не может, поскольку [работы] уже начаты, и может, именно потому хорошо пойдет, что с большим страхом к этому приступаю».

«Одесса, 1 октября 1866. В торговле значительное ухудшение, и транспортировок на сей момент никаких нет, поэтому сижу и зеваю. Пользуюсь свободным временем и наношу визиты».

«Одесса, 9 ноября 1866. Цены всегда сильно удерживаются, и скоро надеюсь за мою уже 12½ взять. Написал бы больше, но кроме как тебя люблю, больше не о чем».

«Одесса, 7 апреля 1867. Сижу здесь и дожидаюсь много пшеницы и барж, которые, полагаю, перед Праздниками не придут, и нетерпеливость мою поймешь, потому что пшеницы в городе попросту нет, и цены уже до 14 серебряных рублей дошли. Такие цены, что даже страх берет, дойдут ли вовремя моя и других, хотя убежден, что цены не спадут, если разве чего-то чрезвычайного не произойдет».

«Одесса, 19 июня 1867. У нас всегда плохо с ценами, от моей задуманной на пшенице прибыли ничего не будет, поскольку два моих судна затопило, так что на целой операции если и будет какой заработок, то чрезвычайно малый, и работа пропала. Но я этим ни на мгновение не огорчаюсь, и всегда этот год считал хорошим, и сидение мое здесь значительно окупится. Работы у меня много, и не знаю, когда к вам приеду. Сижу в конторе, чтобы подвести итоги и в самом деле узнать, что в этом году также заработал. К сожалению, после строгого учета оказалось, что чистыми не более 20.000 серебряных рублей. Слава Господу и за это, но оно далеко от того, что сам себе прежде считал».

* Дезиллюзия – избавление от иллюзии либо ее нехватка.

Примѣчаніе: Прошу всякія письма и бумаги присылаемыя въ мою Контору адресовать на конвертахъ и надписывать на заглавіяхъ писемъ не иначе какъ:

Вацлаву Маньковскому

въ Одессу

Театральная улица, домъ Боффо.

Одесса 1 Февраля 1874 г.

«Одесса, 8 июля 1868. Сообщаю тебе только, что счастливо доехал. Эмерик еще здесь, и только через несколько дней выедет. Януарию скажи, что деньги Эмерик привезет, а им всем – что лучшие надежды на цены на зерно и что кораблей много пришло, потому пусть спешат с отправкой».

«Одесса, 28 октября 1868. Торговля полностью спит, и я дремаю».

Валерий Маньковский умер 26 августа 1871 года. В завещании находилось упоминание касательно составных частей его имущества, в том числе недвижимого в Херсонской губернии в городе Одессе, и капитала, инвестированного в торговую контору в Одессе, величину которого, пока находится в торговом обороте, определить невозможно. Общая же стоимость одесской недвижимости Валерия Маньковского, принятой по его смерти Вацлавом, – «хлебной конторы» и складских построек, находящихся за Тираспольской таможней, – в 1871 году была оценена в 32.465 рублей. **

Богатый опыт организации хлебной торговли пригодился Вацлаву Маньковскому во время русско-турецкой войны. Из сохранившихся источников – главным образом писем и статей

** Нотариальное завещание Валерия Маньковского от 14 марта 1871 – в распоряжении семьи.

в польскоязычной и российской прессе – следует, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов он сотрудничал с хозяйственным управлением действующей армии. Широкомасштабное предприятие касалось формирования транспортных колонн для войск. Вацлав Маньковский был организатором товарищества, нанимавшего тысячи располагающих подводами крестьян, которые последовали за колонной российской армии по Балканам. В российской прессе происходила широкая дискуссия на предмет того, что крестьяне были использованы Маньковским как лицом, пребывающем во главе транспортного товарищества. Высказывалось предположение, что товарищество «польских панов» не надлежащим образом рассчитывается с чумаками. В то же время было известно, что министерство выдало деньги, и компания выплатила крестьянам положенное им вознаграждение, понеся существенные убытки и не получив значительной части предназначенных правительственных средств. Это может свидетельствовать о том, что между военными и Вацлавом Маньковским существовало некое посредническое звено, которому и ушла часть денежных средств.

Одесский корреспондент издаваемой в Варшаве «Газеты польской» Юзеф Длугош пространно писал об этом деле: «[…] Отплачивая той же монетой, мог бы назвать всех тех, кто в первых руках имели спекуляции с подводами, выражением, использованным Щедриным: слово «Балабайкин» закрепилось в публицистике, означая тип мошенника, тот самый тип, который в городе Москва прославился под названием «Червонный валет». Журналист написал также, предположительно, направляя эти слова к Вацлаву Маньковскому, оказавшемуся жертвой этих самых «Червонных валетов»: «О гений подольский – плохо дело вел!»*

Кроме эпизода, связанного с «Управлением вольнонаемного транспорта действующей армии», Одесса появляется на страни-

* Józef Długosz, Korespondencye Gazety Polskiej, Z Odessy, Treść: Spekulacja na po[d]wodach – Akcyonaryusze, czumacy. Różnica między produkcją a spekulacją. Używanie wyrazu pan, „Gazeta Polska" (Warszawa), nr 143, 27 czerwca 1878 oraz «Gazeta Polska» (Warszawa), nr 147, 3 lipca 1878. Среди прочих, о деле писал также «Russkij Mir», 23 maja/4 czerwca 1878, nr 138, s. 2, издававшийся в Кракове «Czas» – 27 czerwca 1878, s. 3, и, несомненно, местная пресса в Одессе.

Госпитальнаго
Эшалона Отдѣленіа
Вольнонаемнаго Транспорта
Дѣйствующей Арміи
Хозяйственная Часть

цах семейной переписки Маньковских в период революции 1905 года и в 1918 году.

В одном из писем конца 1905 г. сын Валериана Маньковского, Ян (1860-1919), писал: «В субботу получили телеграмму из Одессы о закрытии школ. В воскресенье получили известие о закрытии почт и железных дорог. Должны были в среду ехать в Одессу, часть вещей отправлено [...] сейчас неизвестно когда сможем выехать и где наши вещи»**. Несколькими днями позже писал: «Везде в городах и на станциях стрельба, резня евреев. Воздерживаемся от поездки в Одессу и ждем лучших новостей. Адрес наш в Одессе Херсонская, 48».

В очередном письме того периода (конец 1905 – начало 1906 года) Ян Валерианович Маньковский писал проживавшему в Кракове брату Леону: «Железная дорога работает регулярно. Работникам приказано больше не бастовать. В Одессе военное

** Biblioteka Jagiellońska, rkps sygn. 7659 II, Korespondencja Leona Mańkowskiego, t. 29: 1905, Jan Mańkowski do Leona Mańkowskiego, 17/30 października 1905.

положение и потому порядок: улицы освещены, магазины открыты, трамваи ходят. Правительство берет верх. Революция показала свое бессилие. Надеюсь, что у бюрократии тоже не хватит сил полностью взять верх. Тем временем край разрушен, нищета ужасная, промышленность уничтожена, дорога для немецких капиталов, немецких инженеров, немецких работников открыта».*

Осенью 1906 года волна революции спала. Старший брат Яна Александр (1855-1924) писал к брату Леону (1858-1909): «В Одессе полностью спокойно, и никто бы не догадался, что недавно прошла (она. – **А. М.**) через такие ужасные беспорядки, пожары и погромы».**

Зато уже во время первой мировой войны Ян Валерианович Маньковский в одном из своих публицистических очерков обсуждал вопрос границ «славянского» государства, которое должно было возродиться по окончании первой мировой войны, – с доминирующей ролью поляков и в оппозиции к немецкой культуре и цивилизации. Ян Маньковский заключил, что в границах этого образования должна находиться Одесса: «нужен нам порт, сегодня город еврейский, но в значительной части заложен при помощи помещиков из Руси».

В период революции внук Эмерика Маньковского – Кароль Маньковский (род. 1895) из Красилова на Волыни, после освобождения из заключения у большевиков в Плоскирове (ныне Хмельницкий) перебрался в Одессу. Вступил в формировавшееся здесь польское подразделение – IV-ю дивизию стрельцов ген. Люциана Желиговского.

Также его двоюродный брат Валерий Маньковский (род. 1890), сын Яна, и Эмерик Маньковский (род. 1896) из Боровки отправились в Одессу. Согласно семейным воспоминаниям, их поездка из Винницы в Одессу длилась очень долго, поскольку за неимением угля для работы паровозного котла собирали древесину, и эти 300 верст заняли несколько дней. В Одессе они были приня-

* Biblioteka Jagiellońska, rkps sygn. 7659 II, Korespondencja Leona Mańkowskiego, t. 30: 1906, Jan Mańkowski do Leona Mańkowskiego, 19 grudnia 1905 / 1 stycznia 1906.

** Biblioteka Jagiellońska, rkps sygn. 7660 II, Korespondencja Leona Mańkowskiego, t. 30, 1906, Aleksander Mańkowski do Leona Mańkowskiego, 7/20 listopada 1906.

ты в ту же дивизию генерала Желиговского и весной 1919 г. через Румынию добрались в возрожденную Польшу.***

В конце можно вспомнить о ностальгии и разочаровании Александра Валериановича Маньковского, который в письме к своему далекому двоюродному брату Генрику Маньковскому (1872-1924) из Винногоры 25 июня 1920 года перечислил свои потери, понесенные в результате революции: «Склады в Одессе снесены; занимающие площадь две десятины (без малого) 13 кирпичных зданий, крытых железом, стоимостью 100 тысяч рублей в золоте». Александр Валерианович вспоминал также: «В Русском банке и в Одессе, и в Киеве у меня было много наличных, которых двести тысяч, впрочем, хоть якобы и банки ограблены, книги сохранились».

Также к июню 1920 года относится письмо Юзефа Маньковского (1862-1940) к Александру Маньковскому (оба тогда уже пребывали далеко от родного Подолья), в котором он вспоминал о сыне своего двоюродного брата Яна Маньковского из Саинки, служащем в Войске Польском:

«Валерик шел через Дружин и Березовку, сражался с большевиками в Саинке, был в Боровке, в Моевке**** и сейчас находится в Мурафе, и пишет, что отправляется на Лиман. ...*Надо усердно поработать, потому что наши дети должны привыкнуть к немного другой жизни, чем была у нас».*****

*** Об этой поездке и Эмерике вспоминает также Хелена Кумановская-Кутиловская, которая пишет о «троих панах Маньковских», едущих в поезде из Винницы и делающих мороженое из снега, – Хелена Кутиловская из Кумановских (род. 1898 в Кумановцах), Moje dzieciństwo i młodość z lat 1898-1919, в: Teraz będzie Polska, Wybór pamiętników z okresu I wojny Światowej, wstęp, oprac. i przypisy Andrzej Rosner, Warszawa 1988, s. 163. Эвакуацию польского корпуса из Одессы описывает Генрик Багинский, Wojsko polskie na wschodzie 1914-1920, Warszawa 1921, s. 222; ср. также Tadeusz Kawalec, Historia IV-ej Dywizji Strzelców generała Żeligowskiego w zarysie, Wilno – Kraków 1921.

**** Саинка, Боровка, Моевка – родовые имения Маньковских в Подольской губернии.

***** Письмо Юзефа Маньковского к Александру Маньковскому, Казимеж Бискупи, 5 июня 1920, в распоряжении семьи. *Ехать на Лиман* по-польски означало отдых на Черном море – но не в Крыму (Крым это Крым).

Юрий Михайлик

Исторические ассоциации

А город Угарит,
не сдавшийся врагу, –
он до сих пор горит
на хеттском берегу,
И тридцать пять веков
все стелется над ним
расплавленных клинков
багрово-черный дым.
Никто сквозь толщу лет
не спасся, не сбежал,
там уцелевших нет,
там жив один пожар.
Он полыхнет вдали –
и мир плывет в дыму,
чужие корабли
покорствуют ему.
Угрозою дразня,
он светит им в веках –
обманный блеск огня
в тяжелых облаках.
Мы знаем – мир таков,
мы примирились с ним,
мы тридцать пять веков
глотаем этот дым…

2019

Одесский календарь

Французский бульвар

72 Алена Яворская
«Неодолимая сила заставила меня свернуть на Французский бульвар…»

Алена Яворская

«Неодолимая сила заставила меня свернуть на Французский бульвар…»

1870 год – «Дорога к Малому Фонтану», 1876 – «Мало-Фонтанская дорога», 1902 – «Французский бульвар», 1920 – «Пролетарский бульвар», 1941 –«Французский бульвар», 1944 – «Пролетарский бульвар», 1990 – «Французский бульвар». Так выглядит история переименований самого прославленного и самого длинного из одесских бульваров.

«За пределами Одессы было несколько оазисов-дач: де Ришелье <…> на Малофонтанской дороге, там же <…> Рено, где Пушкин будто бы прощался с Черным морем. <…> По Малофонтанской дороге были лужи, похожие на озера, где лицеисты охотились за дичью; поздно вечером здесь проходить было далеко не безопасно», – так писали о первых годах знаменитого Французского бульвара, когда он еще назывался Малофонтанской дорогой. И было это в начале двадцатых годов девятнадцатого века.

А спустя сто лет, в двадцатом веке, Французский бульвар стал одним из главных символов Одессы наряду с оперным театром и Потемкинской лестницей.

Кем же были первые «дачевладельцы», или «хуторяне», – в те годы еще писали не «дачи», а «хутора», – застраивавшие пустынную и дикую окраину молодого города в начале девятнадцатого века?

Итак, хутор городского коменданта Фомы Кобле, или Коблиньки, как его любовно называли. Сам он там почти не бывал, предпочитая сдавать хутор. Здесь жил градоначальник граф А.Д. Гурьев, и здесь же 23 июля 1823 года он дал парадный обед в честь приезда в Одессу графа М.С. Воронцова.

Соседом Кобле был Осип Россетти, отец знаменитой Александры Смирновой-Россет, которая вспоминала: «Хутор наш считался лучшим. Отец мой сам сажал, прививал деревья, даже развел виноградники и посадил тополя».

Участок барона Ивана Рено. О доме Рено писали в «Одесском альманахе» за 1831 год: «Высокий берег, как стена, окружает сию прекрасную дачу, служа преградою ветрам, <…> благоухающая акация, абрикосовые деревья, кусты черешни весною подобны огромным кораллам». Спустя двадцать с лишним лет Константин Зеленецкий напишет: «…большая дача, которая долго была известна под именем хутора барона Рено и которая принадлежит теперь разным владельцам. Она красовалась, особенно во время бывшего своего владельца, большим домом с несколькими флигелями, густыми рощицами, роскошными аллеями и беседками, среди которых стояли мраморные статуи Венер, Фавнов, Аполлонов, гениев, выписанные из Италии». По одесской легенде, именно здесь встречался Александр Пушкин с графиней Елизаветой Воронцовой и здесь же написал он «Прощай, свободная стихия…».

Рядом с Рено, на хуторе грека Антония Фиогности, жила княгиня Вера Вяземская, писавшая мужу: «Чтобы добраться до дому, мне надо последние полверсты идти домой пешком, так как хутор стоит на такой круче, куда никакой экипаж не может подняться».

Были там хутора князя Николая Кантакузена и купца Рашковича (на котором был один из одесских фонтанов), а два хутора принадлежали Ришельевскому лицею.

Неподалеку от хуторов-дач, по Малофонтанской балке, были бойни и салотопенные заводы, так называемые «салаганы», где забивали скот для Старого базара.

Самое подробное описание Малофонтанских хуторов принадлежит польскому писателю Юзефу Игнаци Крашевскому, побывавшему в Одессе летом 1843 года:

«Сразу за рынком, в степи, начинался большой сад, прорезанный прекрасными улицами из акаций. Подросшие деревья еще невысоко его затеняют. Сквозь зеленые насаждения просвечиваются домики, площадки, лужайки и баштаны,

из которых состоят хутора. Хутора делятся по своему расположению на степные и находящиеся над морем. Последние – самые прекрасные. <…>

Как здесь много красивых строений! Не знаю, почему (ведь те же самые материалы находятся и в других местах), но местные строения сооружаются с большим вкусом. Посередине небольшого леса, называемого здесь Ботаническим садом, пересеченного улицами и тропинками и занимающего, не скажу сколько тысяч десятин земли, находятся домики: для работающих здесь людей, для директора и даже кафе. Сад этот является общественным.

<…> широкой улицей, по краям которой была высажена густо выросшая акация, мы ехали дальше осматривать хутора, занимающие огромные площади вместе со своими плантациями, баштанами, виноградниками и садами. Они снабжают город частью необходимых овощей и фруктов. Начиная от маленьких домиков до дворцов – всего здесь много. Сначала повстречался нам хутор Сафонова с высоким домом в готическом вкусе, бельведером и оранжереей. Издали он показался мне заброшенным и неухоженным. Далее хутора Маврокордато, Папудова и других. Все эти хутора – степные. Мы зашли в сад прекрасной виллы Папудова, которая за исключением растительности напоминала маленькую итальянскую виллу. В полностью засаженном акацией саду стоят белые мраморные скульптуры и роскошный чистый домик, обставленный цветами в белых мраморных вазонах. Окружают его виноградники и фруктовый сад. Тихо и пусто было здесь, но приятно и свободно. Воздух (смесь степного и обжигающего морского) наполнял мою грудь. <…>

В пути осмотрели несколько степных хуторов с их маленькими дворцами в зеленых садах акаций, которым, при всей их красоте, не хватает более взрослых и прекрасных деревьев. А затем повернули к морю, в направлении хутора Рено, известного своей красотой. Ее величество императрица проживала здесь какое-то время. Принадлежит он сейчас князю Кантакузену, женатому на госпоже Рено.

Рено расположен над самым морем. Мы остановились на взгорье, которое было крутым, высоким и обрывистым. Оно опуска-

лось к морю, последним к нему спуском со стороны земли. Затем крутой тропинкой мы отправились уже пешком и оказались в небольшом саду, заслоненном с северо-запада скалой и разместившемся над самым морским берегом. <…>

Хутор Рено (самый известный в Одессе своим положением) не представлял бы собой абсолютно ничего особенного без морского берега, к которому он прижимается. Лес акаций, в котором несколько запутанных тропинок, старый и некрасивый домик, садик, украшенный каменными лавками, скульптурами, вазонами (сильно испорченными невнимательным отношением), беседками, птичником, фонтанчиком, болотистым прудом с пресной водой, которая чистыми каплями стекает отсюда в горько-соленую пропасть моря, – вот и всё!

Во всем этом садике (который красоту свою теряет из-за запущенности) самое удивительное место – это маленькая бухточка. Здесь море, обрывая скалистый берег, в удивительный, фантастический способ подточило мягкий камень и продолжает бить, заканчивая свой труд уничтожения.

<…> Что это за прекрасное место – со своими обрывами, бухточкой и далеким видом на море! <…> Перед тобой высокая скала, а между нею и тобой расположился зеленый садик. Я и отходил, и возвращался. Мне, так немало повидавшему в жизни, вид этот казался таким живописным и таким чудесно прекрасным!»

Нумерации в те годы не было, лишь номера участков. А позднее дачи начали делить, продавались уже не целые дачи, а отдельные участки, история тех лет темна и запутанна, о ней много и подробно писали Олег Губарь и Сергей Котелко (сайт «Путешествуя историей»).

Вспоминая классика, можно сказать, что у Малофонтанской дороги середины девятнадцатого века «Еще есть недостаток важный; / Чего б вы думали? – воды».

И действительно, «…у Малого Фонтана с половины 1870-х годов, то есть тотчас после устройства водопровода, стали с удивительной быстротой развиваться прекрасные частные дачи, <…> что совершенно изменило характер этой некогда пустынной местности. До сооружения водопровода здесь существовало всего

несколько больших и благоустроенных дач (Кортацци, Маразли, Ралли, Родоконаки) на содержание, и особенно на орошение которых владельцами затрачивались огромные денежные средства», – из книги «Одесса 1794-1894».

По Малофонтанской дороге кроме дач были самые разные заведения.

Показательна история возникшего в 1819 году Ботанического сада, «самого обширного из принадлежащих городу». Для разведения сада пригласили из Франции ботаника Десмета, положив ему жалованье 3.600 рублей в год.

17 ноября 1819 года граф Ланжерон торжественно посадил там первое дерево.

С 1820 сад стал именоваться Императорским, в нем росли лиственные и хвойные деревья, прижились и японские, и североамериканские саженцы.

Но постепенно казна распродает часть территории, и сад приходит в упадок. Лиственную и хвойную рощи огораживают, а на остальной территории одесситы устраивают пикники, располагаются «по-домашнему, с самоварами и провизией, устраивают игры и хороводы и веселятся без стеснений».

На огромной территории Ботанического сада нашлось место и для городского сиротского дома. «Городской сиротский дом, просуществовав немного менее, чем сам город, <…> дал государству многих полезных деятелей на разных поприщах, он вправе гордиться некоторыми из своих воспитанников, известных всей России», – писали авторы книги «Одесса 1794-1894». В той же книге сообщалось о сооружении в 1887 году в Ботаническом саду однокупольной Николаевской церкви на средства М. Трушевского по проекту Ф.В. Бернардацци. «Первоначальный проект этой церкви в русско-византийском стиле был очень красив, но при исполнении работ были сделаны значительные изменения. В настоящее время храм перестраивается архитектором Прокоповичем и, между прочим, сооружается совершенно новая кирпичная колокольня».

В 1892 году одесская Дума безвозмездно отводит место в том же Ботаническом саду для строительства «Убежища для бесприютных и отбывших наказание». Наследники Л.А. Марковского пере-

дали на строительство 10.000 рублей, и за шесть месяцев было выстроено двухэтажное здание с прилегающими мастерскими. Убежище предназначалось для совершеннолетних и несовершеннолетних, отбывших наказание, малолетних до 14 лет, судом освобожденных от наказания, сирот и бесприютных детей-скитальцев. А в начале XX века на территории Ботанического сада был устроен питомник Одесского общества применения собак на санитарной службе.

С 1892 года в собственном доме на даче Матвея Николаевича Маврокордато разместилось училище слепых – владелец, сам полуослепший, пожертвовал часть дачи училищу.

По Малофонтанской дороге размещалась Евангелическая больница, устроенная местным Евангелическим обществом по инициативе пастора Бинемана. Проект ее был создан в Берлине архитекторами Шмиденом и Шперером и видоизменен одесским архитектором Бернардацци. Одноэтажное кирпичное здание с черепичной кровлей было построено в 1892, а женский корпус – в 1894 году. Лечили там всех больных, без различия национальностей и вероисповедания. «Много света и воздуха, прекрасная искусственная вентиляция в связи с паровым отоплением, не роскошная, но изящная и вполне комфортабельная обстановка», – так описана больница в книге «Одесса 1794-1894».

На Университетской даче, по дороге к Малому Фонтану, была построена магнитно-метеорологическая обсерватория.

Удивительно, но рядом с дачами еще с 1870-х годов работал кирпичный завод, которым владели совместно Рафалович и Тработти, а до них граф Стенбок-Фермор. Кирпичи этого завода ценились выше других, отсюда и название – Кирпичный переулок. Возможно, из кирпичей этого завода сложен забор Удельного ведомства, покрытый в советское время не одним слоем краски. Старые одесситы объясняли это тем, что на каждом кирпиче был вытеснен могендовид – шестиконечная звезда Давида.

Фабрики и заводы Малофонтанской дороги перечислил в книге «Торг обильный» Ростислав Александров: «Работали, меняли владельцев, закрывались «Гамбургская паровая фабрика свинцовых белил, сухих и тертых на масле красок» Берга, мебельная

и паркетная – Марклинга, завод сухой горчицы Миллера, шипучих и фруктовых вод – Старец, химический – Лангрен и К°».

Добраться к заводам и дачам можно было на конке. Одесская городская дума в 1895 году постановила: «Признавая желательным, чтобы конечный пункт линии конно-железной дороги «Староконная площадь – Юнкерское училище» был у дачи Рено Малофонтанской дороги, и чтобы движение по всей линии Малофонтанской дороги производилось круглый год, поручить Городской управе войти по этому предмету в соглашение с управлением Бельгийского общества конно-железных дорог».

Город рос, благоустраивался, не оставались без внимания и окраины его. Так, строить «сплошные глухие каменные или деревянные заборы на фасадных линиях Малофонтанской дороги не дозволялось. Постоянные ограды должны быть устроены решетчатые, на каменных цоколях». Это решение Одесской думы, принятое в 1899 году. И Малофонтанскую дорогу украсили изысканные ограды.

Решетки бульвара к середине XX века почти все исчезли – народная молва связывает их пропажу с приездом в Одессу первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева. Говорят, будто бы то ли он, то ли одесские начальники, высоко оценив кружевное чугунное чудо, перенесли его на свои дачи.

А ведь до этого, в XIX веке, все было ровно наоборот – решение о расширении и благоустройстве Мало-Фонтанской дороги было частной инициативой дачевладельцев и осуществлялось в основном за их счет.

Мало-Фонтанская дорога к концу 1890-х годов «находилась в хаотическом состоянии… многие дачи не имели оград, вместо них имелись безобразные валы, обсаженные акациями», дорога была разной ширины – владельцы дач нередко прихватывали землю к своим участкам, дорога была частично грунтовая, а частично из «местного дикарного камня», слишком мягкого и легко стирающегося.

Городской инженер Василий Зуев, который и стал «крестной матерью» перестроенного бульвара, решил составить проект расширения дороги. Первое совещание об этом с участием го-

родского юрисконсульта Ф.Д. Богацкого и городского землемера А.В. Юргевича состоялось 28 ноября 1897 года.

А почти год спустя, 16 ноября 1897 года, на заседании комиссии по замощению и канализации города с участием дачевладельцев Мало-Фонтанской дороги было принято решение о расширении дороги, с оплатой отчуждаемой земли по 5 руб. за сажень.

Оплата должна была производиться из средств самих дачевладельцев: они вносили по 10 коп. за квадратную сажень своих участков. Среди подписавших это решение были Б. Вальтух, братья Биязо-Мавро, К. Параскева, Санц, Е. Иорини, С. Исакович, Г. Маразли, Анатра, Мазиров, Дурьян, Раухвергер, Руссов, Санценбахер, Шустов. Кстати, Раухвергер безвозмездно отдал участок земли для прокладывания линии конки.

Часть владельцев требовали выкупа земли по действительной стоимости. Им возражал Самойло Исакович, даже разместивший письмо о необходимости расширения дороги в «Одесских новостях». Он сравнивал расширение Мало-Фонтанской дороги с перестройкой Парижа, Вены, Берлина. И приводил весомый для прекрасной половины довод: «Если съедутся три экипажа, то лошадиные головы уже срывают шляпки с дамских голов». Представителям сильной половины человечества Исакович напоминал о возрастающей стоимости земли: «Если мы подождем еще несколько лет, то проведение в жизнь этой идеи обойдется еще дороже».

22 февраля 1899 года Городская дума постановила расширить дорогу, приобретя в собственность города необходимые отрезки земли. Все расходы по расширению дороги должны были осуществляться за счет дачевладельцев. Именно они добровольно обложили себя сбором, превращая «скучную узкую дорогу, не приспособленную для пешеходов, в красивую широкую и приятную дорогу с тенистыми аллеями».

Городской голова П.А. Зеленый вошел в историю Одессы как самодур и человек недалекий. Но именно в его предложении в Городскую думу об окончательном устройстве Мало-Фонтанской дороги от 12 февраля 1902 такие замечательные слова: «В настоящее время Одесса, один из самых благоустроенных русских городов, совершенно не имеет никаких мест для таких

прогулок, и горожанам положительно некуда отправиться подышать чистым воздухом, а между тем какая масса жителей лишена возможности пользоваться дачною жизнью!».

П.А. Зеленый согласился и с предложением дачевладельцев об оказании городу займа без процентов на 10 лет, сочтя это «выгодным и единственным способом для скорейшего завершения дела благоустройства».

Б. Вальтух и Г. Маразли внесли по 5.000 рублей, Г. Шехтер – 4.000. По 2.000 руб. внесли С. Исаакович и М. Маврокордато (Маврокордато по имени Матвеев на Французском бульваре было два, один – Федорович, второй – Николаевич), остальные взносы были скромнее – от 1.000 до 100 рублей.

Кстати, именно Григорию Маразли, бывшему городскому голове и меценату, единственному в уважение к его заслугам пошли навстречу – бульвар стал не прямым, а изогнулся, огибая территорию любовно обустроенной дачи Маразли.

Проблемы были и с конно-железной дорогой – вначале планировался перенос ее только на одном участке, но линия получилась бы слишком изломанной. Городская дума принимает дальновидное решение: согласиться на предложение главного директора Общества одесских конно-железных дорог на полный перенос линии, с тем чтобы путь «был вполне приспособлен для движения по нем в будущем вагонов с электрическою тягой».

После переустройства бульвар расширили до 25 метров (до этого ширина была 17), замостили, провели электрическое освещение, телефон, газопровод и канализацию.

К моменту завершения работ «Мало-Фонтанская дорога» сменила название на «Французский бульвар». И если «крестной матерью» был инженер Василий Зуев (кстати, в 1915 году он выпустил книгу «Французский бульвар» с подробным рассказом о переустройстве), то «крестных отцов» у Французского бульвара сразу два – гласный Городской думы Василий Кандинский (отец знаменитого художника) и городской голова Павел Зеленый.

1 сентября 1901 года Городская дума решила переименовать в честь Франции одну из улиц: «Одесская Городская дума по предложению гласного В.С. Кандинского единогласно постановила: в ознаменование последнего посещения Франции государем им-

ператором и государыней императрицей и в знак признательности французскому народу за оказанный их величествам радушный прием наименовать одну из улиц г. Одессы «Французской», предоставив выбор таковой Комиссии по наименованию улиц».

Долго колебались в выборе – назвать так улицу или вообще скверик. Василий Кандинский, кстати, член Комиссии по наименованию улиц, считал, что Мало-Фонтанская дорога должна сохранить свое название «как имеющее историческое значение». Ускорил принятие решения ожидаемый приезд в Одессу президента Франции Эмиля Лубе.

И 25 апреля 1902 Городская дума «согласно предложению городского головы П.А. Зеленого в дополнение к своему постановлению от 11 сентября 1901 года за № 142 постановила: «Наименовать Мало-Фонтанскую дорогу Французским бульваром (Boulevard de France)».

В 1901 году путеводитель Ю. Сандомирского описывает Мало-Фонтанскую дорогу: «За юнкерским училищем начинается дорога к Малому Фонтану, идущая мимо целого ряда изящных, красиво устроенных вилл. По дороге к Малому Фонтану расположены наиболее роскошные дачи. Таковы: дача Маразли, Одесская санатория, а также чрезвычайно эффектное здание завода товарищества «Генрих Редерер», особенно красивое по вечерам. Здесь же находится школа Общества садоводства, построенная на земле г. Маразли».

А вот более эмоциональное описание уже переименованного бульвара в путеводителе Григория Москвича за 1904 год:

«Малофонтанская дорога, переименованная недавно во Французский бульвар. Начинаясь у Старопортофранковской улицы красивой аркой, дорога пролегает по весьма благоустроенной и красивой дачной местности и тянется на протяжении около 4 верст. По обе стороны дороги расположились роскошные дачи местных крезов. Стройные и изящные дома и домики красивой дачной архитектуры причудливо вырисовываются на фоне богатейшей растительности, утопая в тени дорогих древесных пород. Всюду царят чистота, порядок и самая педантичная заботливость о сохранении в наилучшем виде этого выхоленного участка… Сюда направленно внимание города и частных владельцев.

Бульвар отличается большим оживлением – то и дело мчат в различных направлениях роскошные экипажи, фаэтоны и пролетки, запряженные тысячными рысаками, пыхтящие и шипящие автомобили, легкие велосипеды и, наконец, бесконечный ряд «конок». Все это переполнено нарядной, по-праздничному одетой публикой. Пеших мало, но зато у ворот, калиток и просто решеток дач – целые живые цветники изящных дам и девиц, поджидающих своих знакомых и этому времяпрепровождению своего дачного far niente отводящих не мало времени. Нигде, кажется, в Одессе не встретишь столько фешенебельной и аристократической публики, как здесь. Блеск и шик, который не без основания приписывается одесситам, в летнее время проявляется вовсю именно на этой дороге».

Забавно, но всего через пять лет, в пятом издании путеводителя Москвича, описание бульвара будет намного короче и суше: возможно, дамы и девицы возмутились и потребовали от автора убрать текст о «дачном времяпрепровождении».

В этом издании путеводителя добавлены еще две рекомендации: для жаждущих окунуться в море и для больных, чающих исцеления.

«Обширный район Малого Фонтана <…> имеет много привлекательного для состоятельных больных, нуждающихся в морском купании и в хороших условиях жизни, среди которых первое место принадлежит идеально чистому морскому воздуху и высокому уровню санитарии и гигиены. Дачи этого района отличаются именно такими условиями. Огромная площадь в несколько верст, расположенная на возвышенном плато обрывистого морского берега, сплошь утопает в роскошной зелени дорогих пород деревьев и декоративной растительности. Дачные дома все из камня и крыты железом, всюду – водопровод и, за малым исключением, канализация. Благодаря сравнительной дороговизне дач население исключительно зажиточное, и о той скученности, в которой ютится беднота, не может быть и речи. С другой стороны, близость большого города и огромное оживление, вносимое многочисленными, сплошь заселенными дачами, разумные семейного характера развлечения, которые ежедневно имеют место на <…> Малом Фонтане, – составляют

как нельзя более подходящие условия для человека не столько больного, сколько ищущего отдохновения и укрепления организма и нервов».

Но путеводитель предупреждает: «Длинная береговая полоса в несколько верст, принадлежащая к дачной местности, носящей название Малофонтанской дороги (Французский бульвар) <…> составляет частную собственность, а прекрасное купание доступно здесь лишь дачникам. Общественные, довольно сносные купальни <…> находятся на Малом Фонтане (дача Дунина). Прекрасное купанье, но неудобное для городских жителей благодаря своей отдаленности от города (4 версты) и далеко не идеальному сообщению по конке. Купальни Малого Фонтана привлекают из города довольно мало публики и обслуживают жителей Малофонтанской дороги, проживающих на не приморских дачах».

К слову, о конке и трамвае. Трамвай появился здесь в 1911 году, сменив конку. В 1914 на «Особом» маршруте электрического трамвая «За проезд по линии «Малый Фонтан» взимается: а) 5 коп. за один конец от Преображенской у. до дачи Вальтуха; от дачи Рено до берега моря на Малом Фонтане, от дачи Г.Г. Маразли по линии, идущей по Лагерному переулку до Аркадии и до конечного пункта Аракадийской линии у берега моря; и б) 10. коп. за один конец по всей линии с правом пересадки на линию Лагерный переулок до Аркадии».

«Французский бульвар есть самая благоустроенная местность из окрестностей города. Он имеет всюду водопроводы, электрический трамвай, телефоны, электрическое освещение, расширенную прекрасную дорогу с широкими аллеями. Шоссе вполне благоустроено и покрыто гудронажем, что делает дорогу эту весьма приятной, бесшумной и без пыли», – писал городской инженер Василий Зуев в 1915 году.

Кстати, гудронаж (асфальтирование) впервые применили в Женеве 17 июня 1904, а в Одессе через девять дней, 26 июня того же года.

По широким аллеям гуляли барышни с кавалерами, и любовь кружила головы не хуже шампанского, пусть и не французского, а одесского, но с завода «Общества Генриха Редерера» на Французском бульваре. Можно, впрочем, выпить и вина из погребов

Удельного ведомства, которое располагалось в начале бульвара. Иван Бунин, например, предпочитал его всем остальным, и за столом «забирал в полное свое распоряжение одну бутылку красного удельного, а остальное – как хотят», – свидетельство Валентина Катаева из повести «Трава забвения».

Но не все любят вино. «Меня посылали за пивом <…> – Нет, нет, только не Енни! – кричал папа вдогонку. – Санценбахера!» – вспоминал Юрий Олеша.

Пиво Санценбахера разливали в фирменные бутылки и кувшины на углу Французского бульвара и Ботанического переулка на заводе, основанном в 1890 году Вильгельмом Санценбахером. Продавалось оно в бутылках темного и светлого стекла или в фаянсовых кувшинах, и на всем, вплоть до пробок, была надпись «Пиво Санценбахера». Ожидая важных гостей, тетушка Вали Катаева покупает «коробку сардинок, полфунта очень дорогой московской копченой колбасы в серебряной бумаге, швейцарского сыру со слезой и две длинные бутылки пива Санценбахер с фарфоровыми пробочками на проволочных конструкциях».

Направляясь в гости, могли одесситы купить подарок для хозяйки дома в Торговом доме братьев Брун с заманчивым названием «Царство цветов».

А фейерверк для гостей можно было устроить, приобретя все необходимое на том же бульваре, на фабрике. «Она находилась за глухим каменным забором в приморском переулке, выходящем на Малофонтанскую дорогу. Забор был выбелен мелом, и во всю его длину тянулась надпись черными буквами в рост человека: «Пиротехническое заведение «Фортуна», – вспоминал В. Катаев. Память немного подвела писателя – точное название заведения «Фортуна» Одесская пиротехническая лаборатория О.В. Кутаха на Французском бульваре, 14.

А неподалеку от завода Генриха Редерера было футбольное поле Спортинг-клуба, на котором забивали фантастические голы великолепный Григорий Богемский и подающий надежды гимназист Юрий Олеша:

«Мы, гимназисты, шли по Французскому бульвару и сворачивали в переулок, где виднелась вдали воздвигнутая с целью рекламы гигантская бутылка шампанского… <…> Французский

бульвар это, скорее, в пригороде Одессы, гигантская же бутылка стояла за серым забором, среди лопухов, бурьяна, и рекламировала не саму продажу шампанского, а просто указывала, что поблизости его склад. <…> Пыль, солнце склоняется к западу, воскресенье… В середине переулка – толпа, давка. Там широкие деревянные ворота, которые вот-вот вдавятся вовнутрь, лопнут под натиском желающих проникнуть на… стадион? Нет, тогда еще не употреблялось это слово. Просто – на матч!»

Но все же дач на Французском бульваре было во много раз больше, чем заводов. Уже говорилось о проблемах с нумерацией, с которыми легко разобраться лишь Александру Македонскому. Даже справочная книга «Вся Одесса на 1912 год» в разделе «Дачи по берегу моря. Французский бульвар» дает не номера, а ненумерованный перечень владельцев дач по берегу моря и по правой стороне.

По берегу моря были расположены 129 дач. Среди владельцев фамилии людей, известных в Одессе (или их наследников): скульптора Марка Молинари, полковника Николая Шамраевского (с сестрами Шамраевскими дружил В. Катаев), княгини Елены Сан-Донато, купца Якова Рабиновича, Марии Мазировой, Агаты, Фани и Давида Вальтухов (как пелось в песенке «Коло Вальтуха больницы….»), Михаила Рено, Федора Панаиотти, купца 1-й гильдии Ушера Сигала, наследников Руссова (владельца картинной галереи и домов на Софиевской улице и Соборной площади), банкиров Ашкенази, Аркадия Бродского, Павла Котляревского, Энты Менделевич, Константина Черепенникова, Александра Дунина (возле дачи которого находились рекомендованные путеводителем Г. Москвича купальни), наследников Григория Маразли, Александра Анатра, Минкуса, Александра и Владимира Трапани, купца 1-й гильдии Иосифа Конельского.

По правой стороне среди 66 участков были: Дом Инженерного ведомства, Одесский госпиталь, Главное управление уделов, Еврейский сиротский дом (очевидно, 2-й еврейский сиротский дом имени Леона и Луизы Финкельштейн, открытый в 1910 году; в другом месте приводится его адрес – Французский пер., 8), Товарищество Санценбахер. Два участка принадлежали Бельгийскому обществу трамваев, были дача владельцев знаменитой аптеки

А. Гаевского и А. Поповского (одна на двоих), участок Французского благотворительного общества, дача ювелира Иоахима Биска (его сын Александр был одним из первых переводчиков Р.М. Рильке на русский язык), дачи Софии Фальц-Фейн, купца 1-й гильдии Матвея Маврокордато, Григория Елисеева (она же бывший завод Г. Редерера), Училище слепых, дачи Ариадны Мартыновой, Александра и Николая Брунов, барона Георгия Фредерикса (наследника Г.Г. Маразли), Александра Дунина, братьев Дмитрия и Михаила Биязи-Мавро.

У некоторых владельцев были дачи по обе стороны бульвара – у М. Молинари, Г. Маразли, А. Дунина, А. Поповского.

Особняки и дачи Французского бульвара построены лучшими архитекторами Одессы: Александром Бернардацци, Львом Влодеком, Феликсом Гонсиоровским, Адольфом Минкусом, Федором Троупянским, Павлом Клейном, Викентием Прохаской.

И вновь слово верному рыцарю Французского бульвара – Валентину Катаеву:

«По пыльной Малофонтанской дороге тащится конка – летний вагон, занавешенный с солнечной стороны полотняной шторой. По обе стороны – виллы одесских богачей: вилла Маврокордато – каменная серая стена, как бы составленная из глухих арок с вазами наверху, за которыми угадывается роскошный южный сад… Против нее вилла Маразли – кованая железная решетка, сквозь которую видна какая-то итальянская растительность – может быть, пинии! – и огромный яркий газон, окруженный каймой алых гераней, а посередине газона отличная, в натуральную величину мраморная копия знаменитой скульптуры «Лаокоон»: отец и два сына, удушаемые змеями, ползущими по их атлетическим телам с напряженными мускулами.

…И еще вдали какие-то мраморные античные статуи, особенно белые на фоне пламенного моря с хвостом темного пароходного дыма…»

О даче Григория Маразли писали много и охотно. «Лучшая дача по дороге к Малому Фонтану г. Маразли, с дорогой роскошной оранжереей; в особенности же прекрасна нижняя часть дачи над самым морем, с великолепной верандой над морским обрывом», – из путеводителя Ю. Сандомирского 1901-го года.

В 1907 году художник П. Нилус пишет пейзаж не кистью, а словами: «…что особо пленяет в этом парке – это широкие простые линии плана, группировка деревьев, кустов среди газонов, среди цветов, часто подобранных с истинным пониманием гармонии красок. Ничего мелкого, утомительно сложного – во всем благородная простота, недюжинный размер. А среди мягких пятен зелени мелькает мрамор статуй глубокими белыми пятнами, кажущимися такими прекрасными».

Уже после смерти Григория Маразли его наследник, барон Фредерикс, заказал архитектору Дмитренко проект въезда на дачу и ограды. И в конце 1914 года Французский бульвар украсила еще одна ограда. Увы, и она не сохранилась, увидеть ее можно лишь на открытке.

«Можно сложить поэму бульвару, где узорные решетки барельефных оград, гранитная мостовая, особняки бывших вилл, дворцов, арка с эмблемой «Франция – Россия», дача Маразли с пугающим и заставляющим разыграться воображение местным преданием и вновь виллы греческих негоциантов, утопающие в зелени чинар или акаций», – писал протоиерей Александр Кравченко в конце XX века.

Увы, поэма эта будет грустной. В начале XX века Василий Зуев мечтал: «Французский бульвар – ближайшая и элегантная окраина города, и ему предстоит в ближайшем будущем застраиваться, и, конечно, он должен и будет застраиваться только по новому типу [открытого застроения]. Какой уютный, красивый и законченный вид принимает зеленая от растительности и залитая солнцем улица. Впечатление от такой улицы получается особенно приятное, и общая картина зелени с выделяющимися богато освещенными, отдельными, свободно стоящими зданиями както особенно хорошо действует на человека и благотворно влияет на всю его нервную систему. Всюду чувствуется простор, воздух и свет!»

Но тот же Зуев мрачно говорил о уже начавшейся неправильной застройке, об «ужасной брандмауэрной стене, совершенно не подходящей для данной местности», о глухой стене дома, «существование которой как бы намечает будущий тип сплошного застроения сего места» (речь идет о доме Рабиновича,

Французский бульвар, 11б), и предсказывает ужасную застройку всего Французского бульвара, грозя превратить его в обыкновенную городскую улицу». Увы, мрачные прогнозы сбываются чаще, чем хотелось бы.

И Французский (Пролетарский) бульвар, символ Одессы, остается лишь в нашей памяти, памяти детства и юности. В открытые окна трамвая заглядывают ветви деревьев, улыбаются львы с оград, спускает разомлевших от жары людей к морю лифт, смыкается над головой арка деревьев. И совсем неподалеку – море, вечное, неизменное.

«Ограды дач еще в живом узоре в тени акаций. Солнце из-за дач глядит в листву. В аллеях блещет море…»

Еще в живом узоре…

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

90 **Наиль Муратов**
Адажио

105 **Елена Андрейчикова**
Пунктуация мести

112 **Вадим Ланда**
Пять рассказов

118 **Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук**
Отмычка Соломона

Наиль Муратов

Адажио

Никогда не употреблял наркотиков. Даже в руках не держал. Но можете смело называть меня наркоманом, потому что так оно и есть. Приподнятость, опьянение, эйфория – бонусы за честно исполненную работу! – раз от разу сменяются выворачивающей наизнанку ломкой.

Кто Тот, сидящий во тьме? Управление – его крест, если он умеет чувствовать так, как я. По сути, этот человек и есть Бог, дарующий свежую дозу смертному, когда ломка становится невыносимой. Дозу, возвращающую к жизни. Или к смерти, если вы любите парадоксы. Нареките его Сатаной, суть не изменится, доза останется той же.

Всегда разная и всегда одинаковая, внешне она выглядит, как конверт с вложенной в него запиской. В ней имя и адрес того, кого невозможно спасти, и в первую очередь от самого себя. В любые времена рождаются люди, несущие особый род зла – маниакальную склонность к убийству. Общество научилось распознавать большинство из них еще до совершения преступления. Всеобщее психологическое тестирование, контроль соцсетей и переписки – все это очень эффективно. Но нельзя законно изолировать потенциального Джека Потрошителя, основываясь лишь на его готовности убивать. Единственный выход – тайное физическое устранение, что по отношению к обществу можно назвать благотворительностью. Благотворительность – ширка не худшая, чем любая другая, если ты по-настоящему настроен на добрые дела. Иначе это не работает, напротив, разрушает личность. Как вы наверняка догадались, я досрочно отправляю будущих убийц на тот

свет, сам Господь запрограммировал меня на это. Он знает, что никому другому не по силам выполнять мою работу.

Устранить причину – благое дело, если ее следствие – потенциальная резня. А на благое дело моя тонкая душа отзывается музыкой. Адажио начинает звучать, когда я еще только подбираюсь к тому, кто уже обречен. И с каждым шагом становится громче, достигая апофеоза перед выстрелом. В такие моменты я могу даже заплакать, ощущая любовь к человечеству так сильно, что становлюсь сентиментальным.

Любовь к человечеству? – удивитесь вы. И кто бы о ней говорил! Недоделок, слепленный на скорую руку. Может ли такой, как я, чувствовать? И имеет ли право рассуждать? Сидящий во тьме иногда сравнивает себя с садовником, а меня с ножницами. Но это не так: ножницам все равно, что отсекать, а мне нет. И единственное, что не дает пойти вразнос после очередного устранения, – понимание того, что убрать больную ветвь – святая задача как для садовника, так и для секатора в его руках.

Сегодня такая ветвь прячется от мира за дверью коттеджа в дорогом пригороде. Самом дорогом, насколько мне известно. Долгий звонок, затем створки двери распахиваются, и из открывшейся гостиной выплескиваются звуки адажио, перебивая мелодию, уже зародившуюся в моей душе. Адажио против адажио, что может быть нелепей и прекрасней? Замираю, завороженный. Человек в черном – цвет зла! – щурится, рассматривая мои руки, свободные от оружия. И удовлетворенно произносит:

– Проходи!

Удивительно, до чего этот тип уверен в себе. Обычно все происходит иначе: растерянность, досада, даже ярость из-за вторжения незваного гостя, но только не снисходительность. Никогда никого не убивал сразу, без попытки успокоить, всегда бесполезной. Этого успокаивать не надо.

– Заждался тебя, – говорит он весело и заходит в дом.

Следую за ним. Выстрелить успею, сейчас важнее разобраться, что происходит.

– Мы знакомы?

– И да, и нет.

Его взгляд по-прежнему насмешлив. Видя мое недоумение, он поясняет туманно:

– Все зависит от того, с какой стороны занавеса смотреть – со сцены или из партера.

А затем садится в кресло и небрежным жестом указывает на другое. По-прежнему не боится, хотя, скорее всего, догадывается, в чем дело.

– Считаешь, что я и есть зло? – спрашивает, заранее зная ответ.

Если человека не пугает смерть, скрывать правду нет смысла. В ответ на мое «да» он усмехается невесело:

– Боюсь, у тебя далеко не полное представление о жизни, мой мальчик! Самое большое зло – ты сам.

– Ерунда! – стараюсь отвечать спокойно, хотя вряд ли это его обманет. – Рассматривайте меня как некую вещь, как продолжение руки Того, Кто вершит миром. А вашу смерть – как необходимость.

– Неужели ты до сих пор веришь, что ножницы в руках садовника, отсекающего гнилую лозу, остаются невинными? – спрашивает он.

Дьявольщина, он в курсе! И хочет, чтобы я знал об этом. Вконец растерянный, замечаю, что из двух мелодий, закруживших танго в моей голове, осталась только одна – чужая! А та – собственная! – исчезла бесследно, оставив меня без законной дозы.

Достаю оружие, чтобы покончить с порождением тьмы, пока оно не покончило со мной. Никакой тревоги на его лице! Полное равнодушие, явно не показное: он по-прежнему меня не боится. Будь ты проклят, слуга хаоса! Видя мои страдания, он предлагает:

– Можешь попытаться, все равно ничего не получится!

И это правда, я знаю. Выстрелить ему в сердце, а потом по протоколу в голову не выйдет, рука отказывается слушаться.

– Видишь, я говорю правду, – смеется он. – Можешь мне доверять.

– Кто вы?

– Твой друг! – подчеркнуто сердечно произнес он.

Почему я должен ему верить? Возражаю упрямо:

– У недочеловека не может быть друзей!

– Недочеловека? – удивляется он. – Не слишком ли самокритично? Откуда такая минорная нота?

– Из ощущений.

Как объяснить то, чего не знаешь! Были ли у меня родители? Нет информации. Один ли я такой? Нет информации. Что делает меня иным, ненастоящим? Нет информации. Почему я могу то, чего не может ни один человек? Нет информации. И так до бесконечности – абсолютная секретность, белое пятно на карте в самой нужной области.

Не удовлетворенный уклончивым ответом, незнакомец предлагает задавать вопросы. Их много: кто я есть? почему один? где собратья по крови, такие же отверженные?

Вглядываюсь в лицо, изрезанное сеткой морщин. Ничем не примечательное, можно сказать, заурядное. Выдают глаза, в них – стальной блеск.

– Ты и вправду такой один, – подтверждает он неторопливо. – Наверное, горько это ощущать, да?

Конечно, горько, потому что нет ничего отвратительнее одиночества. Ты словно в карцере, в котором ни стен, ни решеток, только пустота. Не слишком ли суровое наказание за инаковость?

Он кивает, а затем поясняет, что и сам страдает от того же. Кто еще более одинок, чем вершитель судеб?

Когда он задает этот вопрос – себе, а не мне! – с глаз словно спадает пелена. Оказывается, я должен был отсечь не ветвь, а ствол. И это стало бы настоящей трагедией, потому что напротив меня, щуря глаза от резкого света, развалился в кресле тот, кого я называю Сидящим во тьме.

– Жаль, что ты воспринимаешь себя как недочеловека, – говорит он. – Все задумывалось с точностью до наоборот – создать сверхчеловека.

– Сверхчеловека?

– Ну да, но, как всегда, реальность оказалась сложнее. Знаешь ли ты, что такое синаптический прунинг?

– Боюсь, что нет.

– Это естественный процесс в мозгу каждого ребенка. За счет удаления и перераспределения синапсов нейронная сеть до определенного возраста совершенствуется, процесс заложен в человеческих генах.

Сидящий во тьме на секунду-другую умолкает, не решаясь сообщить мне то, что в иных обстоятельствах осталось бы тайной.

Нетрудно догадаться, что речь пойдет об экспериментах над моим мозгом. И он это подтверждает:

– Идея виделась простой: управляя прунингом так, чтобы психика мальчика стала мало зависимой от сексуального влечения, получить холодного бесстрастного исполнителя, расчетливого, как компьютер. Биохимики клялись, что их методы не дадут осечки.

– Но они не справились, да?

– Как и всегда, реальность оказалась сложнее замысла. Некоторые дети умерли сразу, а оставшиеся сходили с ума по ходу эксперимента, их пришлось изолировать. Мозг по-прежнему остается непознаваемым, и вряд ли это когда-нибудь изменится.

– Но один подопытный все еще на свободе.

В моем голосе нет ни упрека, ни понимания, ни даже сожаления, только ирония. Сидящий во тьме, чувствуя себя неуютно, сочувственно вздыхает. Говорит, что я – исключение, подтверждающее правило. Убить во мне чувственность не удалось, мозг просто переформатировался, и любовь – в отсутствие сексуального подтекста – стала аморфной любовью к человечеству в целом. А это никак не способствует моему основному предназначению – устранять противников власти.

Что за чушь! Каких еще противников власти? Не сдержавшись, кричу ему в лицо:

– Ну уж нет, я защищаю общество от маньяков! Не вы ли сами мне это внушали?

– Рад, что ты догадался, кто я, – сухо замечает он. – Признаться, уже перестал надеяться.

– И это притом, что вы изуродовали мой мозг? – парирую дерзко. – Сами напортачили, сами и расхлебывайте!

Мой выпад его не оскорбляет. Вздохнув, он заверяет, что не имел прямого отношения к проекту вплоть до финальной стадии.

– Когда нужно было убивать, – уточняю угрюмо. – Должен заметить, что вы отлично справлялись, наставляя меня. Я всецело вам доверял.

Возражений нет, мы оба знаем правду. Смущает то, что голос его не похож на голос Сидящего во тьме, но он поясняет, что тембр изменяется при прохождении через поляризованное поле,

не пропускающее света. Учитывая деликатность ситуации, к общению со мной никого другого не допускали.

– Неужели? – спрашиваю, не скрывая иронии. – Но кто-то же дал приказ избавиться от вас!

– Вообще-то, я сам написал адрес в задании! – задумчиво говорит он. – Другой возможности поговорить с тобой не под запись не существует.

Поговорить, но о чем? Понимаю его все меньше, мутная личность, ошибочно приравненная мной к Богу.

– Ну что, я перестал быть для тебя авторитетом? – усмехается он. – Не переживай, так даже лучше. Избавиться от иллюзий полезно.

– Любовь – не иллюзия, а состояние души! – возражаю я. – Но вы хорошо попользовались моей наивностью, поздравляю!

– Ошибаешься, в этом не было ничего личного. Тебя создал не я, а система, и она же сознательно использовала тебя в своих – довольно-таки гнусных! – целях.

– Под вашим руководством. Вы – ее олицетворение!

Не могу скрыть озлобления, да и нужно ли? Если он говорит правду, то мир, который я знал, рухнул в преисподнюю.

– Был олицетворением, – поправляет он. – Как видишь, все изменилось.

Моих способностей явно недостаточно, чтобы понять его, но что можно требовать от ошибки эксперимента?! Сжимая рукоять пистолета, по-прежнему не могу выстрелить. Да и зачем? Не это моя цель, не это. Что-то случилось с Сидящим во тьме, а значит, что-то случилось с обществом. И теперь оно ждет, когда я разберусь с вылившимся на меня дерьмом, чтобы потом разобраться со мной. Назовите это интуицией, истинной или ложной – все равно, потому что разница между истиной и ложью существует только в наших головах. Что нового хочет сказать мне человек, разочаровавшийся в жизни? Вероятней всего, то, что заставит разочароваться и меня тоже.

– Вы действительно готовы рассказать всю правду? – спрашиваю осторожно.

– Иначе зачем тебя было звать? – подтверждает он.

И после паузы сообщает, что смертельно устал. В первую очередь быть слугой преступной системы, более того – одним

из главных ее винтиков. Когда-то иллюзии были и у него, эрраре хуманум эст. Сейчас их нет.

Да, человеку свойственно ошибаться. А такому неполноценному, как я, вдвойне. Но сейчас у меня нет права на ошибку. Слишком много поставлено на карту.

– За что ты любишь нас, обычных людей?

– За стиль жизни, – отвечаю, не колеблясь.

Есть две вещи, мне недоступные, – чувство к женщине и стремление к успеху. Думаю, именно они определяют стиль жизни человечества. Сидящий во тьме вновь не соглашается. По его мнению, оба эти качества необходимы только для размножения, есть вещи поважнее.

– Что именно? – спрашиваю я.

– Способность к совершенствованию. Без этого наступает стагнация.

– Человечеству стагнация не грозит, – улыбаюсь я.

– Откуда такая уверенность? – заинтересованно спрашивает он.

– Вся социальная жизнь настроена на движение, на борьбу.

– На самом деле лишь на их имитацию, – поправляет он. – В чем, по-твоему, заключается борьба?

Странно, что Сидящий во тьме не понимает очевидных вещей. Общество достигло высшей ступени рассвета, это знает любой школьник. Роботизация освободила людей от рутинного труда, позволяя раскрыть истинный потенциал каждого. Боже, да сейчас всякий – если не художник, то писатель! Но борьба никуда не делась, просто перешла в творческую сферу. Постоянные соревнования стран, городов – настоящие битвы гладиаторов, где оружие не меч или трезубец, а слово, кисть, музыкальный инструмент. В такой битве нет проигравших, и – самое главное! – убитых. Разве это не прекрасно?

Но я его не убедил. Сидящий во тьме спрашивает:

– Ты слышал что-нибудь о естественном отборе?

И сам же отвечает:

– Разумеется, нет, ведь о нем ни слова в образовательных программах. Скажи, если заяц убегает от волка, кто из них в большей опасности?

– Ясно, что заяц, – улыбаюсь я. Мог бы что-то и посложнее спросить.

– Ошибаешься, оба.

Видя мою реакцию, он продолжает:

– Задумайся, что будет, если он не догонит ни одного зайца?

Черт, а ведь он прав! Волк умрет от голода.

– Видишь, природа заставляет совершенствоваться их обоих, каждый должен стать быстрее и выносливее, иначе погибнет. А какие стимулы у современного человека? Никаких! Вот почему он становится все более изнеженным. Природа безжалостна, но человечество об этом забыло. И теперь расплачивается сокращением срока жизни и нашествием неисчислимых болезней.

– Люди совершенствуются! – настаиваю я. – Только не физически, а умственно.

– С чего ты взял? – спрашивает он едко.

И смеется, да еще так обидно. Не сдерживаясь, не пытаясь соблюдать приличия.

– Время от времени мы исследуем уровень интеллекта населения, – говорит наконец. – Результаты неутешительны: человечество тупеет. Понятно, что это секретные данные.

– Но ведь столько творческих лиц… – в моем голосе нет уверенности.

– Не создавших за сотню лет ни одного настоящего шедевра. Искусство процветало до середины прошлого века, дальше – эпоха безвкусия, – язвительно сообщает он. – Запомни, в творчестве количество не переходит в качество автоматически, гений должен пройти свой тернистый путь. Из суррогата ничего не произрастет.

Неужели он прав? Неужели человечество, которым я так восхищался, на деле – сборище выродженцев? Чувствую, как теряю точку опоры. Горечь в душе растекается так широко, что ощущается даже на кончике языка. Угадав мое состояние, Сидящий в темноте сочувственно произносит:

– Во всем этом есть один плюс. Ты должен перестать относиться к себе как к недочеловеку.

Его взгляд сосредоточен, сейчас будет сказано нечто важное. Что-то перерождается в душе, чувствую себя почти равным ему – наполовину богу, гранитное изваяние которого, даже покрытое сетью трещин, внушает леденящий страх. Нужна ли сверхчеловеку

любовь? Определенно, нет, если ощущать собственную значимость так, как сейчас ощущаю ее я.

– Готов ли ты начать новую жизнь, сынок? – отечески спрашивает он.

– Да, – отвечаю, не колеблясь. – Что я должен делать?

– Что *мы* должны делать, – поправляет он.

И поясняет, что – с моей помощью – собирается изменить мир. Вернуть его к естественному течению жизни. А для этого нужно по горло загрузить людей реальной работой, поскольку праздность убивает вернее, чем наркотик.

– Загрузить работой? Как вы это себе представляете?

Мое сомнение его не раздражает, Сидящий во тьме смотрит попрежнему доброжелательно. Не сомневаюсь, все просчитал заранее.

– Непростая задача, – соглашается он. – Но знаешь ли ты, как устроено наше общество?

А что тут не знать! Есть политики, и есть все остальные – те, кто ничего не решает. Да и не хочет решать, по моему глубокому убеждению! Всем на все наплевать, кроме победы в батле. Так что козыри на руках у тех, кто руководит процессом. И вряд ли им захочется что-то менять.

– Не захочется, – улыбается Сидящий во тьме. – Но проблема вовсе не в политиках. На самом деле они редко принимают самостоятельные решения.

– Тогда кто?

– Клуб, – небрежно бросает он.

И, видя мое недоумение, вздыхает:

– Видишь, ты о нем даже не слышал. Кто, по-твоему, истинно богат?

– Счастливчики, что выигрывают престижные конкурсы или батлы на основных каналах. Это немалые деньги. На широкую ногу живут и политики, их содержит государство. Остальные довольствуются малым – социальным пакетом.

– А откуда государство берет на все это деньги? Ведь они должны быть чем-то обеспечены, не так ли?

Что за странный вопрос? Разумеется, деньги обеспечены товаром. Промышленность-то работает безукоризненно. Вон сколько заводов вокруг каждого города!

– Да, но кто ими владеет?

И правда, кто? Такой вопрос никогда не приходил мне в голову, какая разница, в конце концов! Может, заводы принадлежат государству?

– Нет, конкретным людям. Наиболее богатые и влиятельные из них организовали Клуб, а он, в свою очередь, финансирует политиков. И правит миром. Как видишь, все очень разумно. Просто никто этого не афиширует.

– Вы тоже из Клуба? – спрашиваю, заранее зная ответ.

– Да, но не из основных игроков. Их всего дюжина – тех, кто принимает решения. А я только исполнитель.

Непохоже, что ему нравится собственная роль. Как и мне моя. Да, он не лжет. Странное ощущение невесомости: смысл существования потерян, новый – не приобретен. Так какую судьбу готовит мне Сидящий во тьме? Кроме как убивать, я ни на что не способен.

– А ничего другого и не нужно, – дружелюбно сообщает он.

Вот ведь сволочь! Рассчитывает купить меня новой дозой, но не понимает, что убийство критиков власти ею не станет. Человека можно лишить жизни, только если он опасен для окружающих, но никак не в интересах кучки безликих богатеев. Ничего не получится, я просто не смогу. Гуманизм врос в мое сознание так же глубоко, как верблюжья колючка в песок пустыни.

– Знаю, – говорит Сидящий во тьме. – Клуб использовал тебя для расправы с теми, кто начинал что-то понимать, и это травма, с которой мало что можно сделать. Но выход есть.

– Какой?

– Клин клином вышибают. Пора устранить тех, кто отдавал преступные приказы. Уж это точно будет благим начинанием.

Вот, оказывается, в чем дело. Опять убивать, но теперь уже без музыки в душе, потому что она никогда больше не зазвучит. В одну реку не войдешь дважды, да и убийством ничего не добьешься. На смену выбывшим членам Клуба придут другие, имя им – легион. И что изменится? Нет уж, игры со смертью закончены!

– Понимаю тебя, – говорит Сидящий во тьме. – Бесцельное убийство претит и мне. Но ты ошибаешься, цель у нас есть. Сделать мир лучше.

– Как? – спрашиваю горько.

– Да, это непросто, – признается он. – Есть риск, и немалый. Но в риске своя прелесть – перестаешь относиться к жизни как к существованию.

«Не понимаю, зачем ему это? Для чего менять мир, когда ты и так находишься почти на самом верху? Если это не ловушка, то что? Каковы его истинные намерения?» – вот вопросы, которые Сидящий во тьме ухитряется прочесть на моем лице.

– Ты умнее, чем я предполагал, – замечает задумчиво.

И это так, что удивляет меня самого. Но зачем я нужен ему, безумцу, надумавшему переломить хребет обществу одним только своим желанием?

– Придется открыть тебе *всю* правду, – вздыхает Сидящий во тьме. – На самом деле мой интерес главным образом личный.

Вот теперь ему можно верить на все сто. И оттого он перестает казаться безликим – человек, использующий честность как товар. И когда сообщает, что попал в опалу, оснований сомневаться нет.

– Месяц-другой – и меня отправят на пенсию. Взамен поставят молодого – полного идиота. Ты хочешь, чтобы тобой командовал идиот?

Хороший вопрос, но отныне я не хочу, чтобы мной вообще кто-нибудь командовал. Лишенный дозы, я – не исполнитель, неужели это еще непонятно?

– Подумай о том, на что себя обрекаешь! – в сердцах восклицает он.

– Думаете, мне грозит опасность?

– Скажи я «да», покривил бы душой, – нехотя признается он. – Все, что они могут сделать, – перевести тебя на пособие. Будешь влачить жалкое существование.

– Как-нибудь переживу.

– Не переживешь, – хмурится он. – Ты просто себя не знаешь.

– Вы понимаете меня лучше, чем я сам? – спрашиваю холодно.

– Вообще-то, да. Ты сойдешь с ума без этой своей музыки.

Можно не сомневаться, он *знает*! Адажио, все еще звучащее в доме, тому прямой намек. Но Сидящий во тьме – не Бог, откуда ему известно то, что могу слышать только я? Неужели, заказывая

очередное убийство, он уже понимал, какой конкретной мелодией оно во мне отзовется? И не сам ли вложил ее в мою голову? Поскольку никаких других объяснений не существует, мой взгляд становится убийственно-ироничным.

– Да, я про адажио! – легко признается он. – Более безопасного пути сделать тебя сверхчеловеком просто не было.

Итак, он гнет все ту же линию, называя меня «сверхчеловеком», чтобы привлечь на свою сторону. Но так ли он неправ? Моя самооценка существенно изменилась, и все потому, что приставка «сверх» куда приятнее, чем «недо». Единственное, кем я не стану никогда, – просто человеком, но даже и это уже не вызывает разочарования. А Сидящий во тьме поясняет тем временем, что музыка – защитный механизм. Остановить убийцу может только другой убийца, в отсутствие которого мир становится уязвимым. Понимая это, психологи придумали трюк с мелодией, подсознательно сцепленной с актом устранения цели. Глубочайший гипноз, позволивший внедрить в мой мозг аварийную кнопку.

Так вот почему он не боится! Адажио, льющееся извне, подавляет мелодию, рождающуюся в душе. Сейчас я не могу ничего, даже муху прихлопнуть. Разве что продолжить бессмысленный диалог:

– Даже если бы я захотел, мне не убрать всех членов Клуба. Их слишком много.

– Ты плохо знаешь этих людей. Достаточно разобраться с двумя или тремя, причем с демонстративной жестокостью. Остальные с готовностью пойдут на сделку, – уверенно сообщает Сидящий во тьме.

Сделку? Как же он ошибается! Как не понимает, что если попытаться отнять у них все, члены Клуба будут сражаться до последнего, потому что им есть что терять? В борьбе за выживание нет места для компромисса.

– Никто ничего отбирать не будет, мне нужна власть, а не богатство! Я знаю этих людей. Больше всего их заботит доход, и неважно, кто его приносит – люди или роботы. По сути, для фабрикантов ничего не изменится.

Зная психологию себе подобных, он, похоже, все рассчитал верно, да и по поводу человечества в целом не ошибся. Физический

труд, реальный в своей осязаемости, пойдет людям на пользу, по крайней мере вреда точно не принесет. И все же Сидящему во тьме никогда не взобраться на вершину власти. Во имя чего я должен убивать? Не все ли равно, кто будет управлять этим выжившим из ума миром! Гори оно все огнем, я готов к прозябанию! Буду писать мемуары, пусть попробуют не издать! Еще и прославлюсь.

Бульканье Сидящего во тьме, по-видимому, означает смех. Успокоившись, он говорит, что не замечал во мне раньше способности к самоиронии. И что мы отличная команда. Откуда такая уверенность? Да оттуда, что, совершив убийство раз, остановиться уже невозможно. Это голод, который нужно постоянно утолять.

– Что за чушь! По-вашему, я убийца по призванию?!

– Конечно, – невозмутимо отвечает он. – Не ты ли сам признавался, что был счастлив, исполняя приказ?

– Полагая при этом, что защищаю общество! Теперь все иначе.

– Не обманывайся, тебе нравится сам процесс. Поверь, я знаю, что творится в твоей голове.

А вот и нет! Ему это неизвестно. Мое насильно измененное сознание превратилось в черный ящик, содержание которого не знает никто. Наставляю оружие на Сидящего во тьме и предлагаю:

– Вашу правоту может доказать простой тест. Хотите попробовать?

– Что ты задумал, парень?

Думаю, это попытка потянуть время. Ему страшно. Интуитивно он понимает, что наступил момент истины, за которым либо победа, либо поражение. В такой ситуации некуда отступать.

– Решайтесь! Другого пути нет, – говорю с нервной ухмылкой.

И он решается. Кивает, затем щелкает пальцами. Музыка исчезает. Тишина изумляет – липкая, как патока, со всплесками хрипоты. Оставаться неподвижным невозможно: мозг бьется в судороге, разрывая черепную коробку. Как сохранить разум, утратив веру? Рецепта нет, даже когда выбираешь между жизнью и смертью. Ствол мелко подрагивает, что никак не скажется на точности выстрела. Можно ли испытать сожаление, убив человека, сделавшего тебя самого убийцей?

Но противостояние взглядов не длится долго, сквозь всхлипы дыхания Сидящего во тьме пробивается первый аккорд. Второй, третий, и вот уже дьявольская мелодия заполняет меня целиком. Итак, он прав, мне просто нравится убивать. Убивать, невзирая на мораль, а это означает, что моя доза, в отличие от моего сознания, не претерпела изменений. Еле сдерживаюсь, чтобы не нажать на курок. Хочется ли мне всадить пулю в Сидящего во тьме? Безусловно, да. Но целесообразно ли это убийство? Безусловно, нет.

В перекрестном свете его лоб начинает поблескивать – признак страха. Но нельзя не признать, в целом он держится мужественно и не теряет самообладания. Такой достоин быть вождем. Стрелять в того, кто возвращает в твою жизнь, а возможно, и в жизнь целого человечества утерянный смысл, нет никакого резона.

Убираю оружие, и он начинает дышать ровнее. Понимает, что выиграл, но и я не проиграл. Мы нужны друг другу не меньше, чем мишени нужна стрела или безумию – свобода, потому что в одиночку человечество не одолеть. Скорее всего, не одолеть и вдвоем. Как заставить людей выполнять тяжелую и нудную физическую работу, если они от нее отвыкли?!

– Привыкнут снова, – отмахивается он. – Конечно, нам понадобятся надсмотрщики, но не сомневайся, желающих будет хоть отбавляй.

– А недовольных еще больше.

– И пусть! Опасны только вожаки, а с ними ты в состоянии разобраться. И это наименьшая цена, которую придется заплатить обществу ради него же самого.

– Скольким предстоит умереть! – говорю задумчиво.

– Многим, но игра стоит свеч! Человечество перестанет быть паразитом на теле природы.

Пожимаю плечами. Волнует ли меня судьба человечества больше, чем собственная? Или же слепая к нему любовь основана на заблуждении? Какой бы ни была правда, вкус у нее горький.

– Готов ли ты следовать за мной? – спрашивает Сидящий во тьме.

Он знает ответ, но все равно хочет его услышать. Оказывается, и у него тоже есть своя доза, что делает нас равными. Отныне

мы не садовник и ножницы, а две руки прячущегося за спиной демона, ни одна из которых не является правой. И потому все, что мне остается, – смотреть на мир с иронией, притом, что она никогда не заменит любовь. Так кто же я тогда – сверхчеловек или отбракованная деталь, в силу необходимости переставшая быть бесполезной? Наверное, и то, и другое, но от этого не легче. Когда теряешь точку опоры, единственное, что может примирить с жизнью, – мелодия смерти в твоей голове. Пусть же она не смолкает никогда!

– Так ты готов? – снова спрашивает меня Сидящий во тьме, уже более настойчиво.

– Да, мой фюрер! – отвечаю, впечатывая каждое слово в назойливую тишину.

А затем, с ухмылкой глядя ему в глаза, вскидываю в приветствии руку. Адажио звучит так неистово, что не вмещается в голове, переполняя пространство чувственной болью. И только теперь я наконец понимаю, что мое отношение к людям не изменилось. Да-да, я по-прежнему люблю вас, все человечество скопом, невзирая на пол и на возраст. И потому оплакиваю каждого, кто падет от моей руки.

Как и всех тех, кто останется в живых.

Елена Андрейчикова

Пунктуация мести

Катруся Дмитриевна внезапно исчезла. Не отвечала на сообщения, не отзывалась, когда пытался дозвониться по телефону, вайберу, вотсапу или в дверь, не появлялась на литературных мероприятиях, которые он посетил на этой неделе аж три штуки в надежде отыскать свою потерянную музу.

Если бы вы знали его лично, вы бы поняли, как ему сложно даются эти выходы в свет, к людям и даже к ней самой. Высокий субтильный кудрявый брюнет, изогнутый под гнетом сколиоза. Эдакий вопросительный знак. Серо-застенчивый взгляд всегда скрывается за титановой оправой очков с диоптриями. Возможно, это описание мало свидетельствует о сложносочиненном характере взятого за центр сюжета индивидуума, хотя сами по себе очки для коррекции зрения – частый признак надломленной душевной организации.

Игорь Калин был нелюдимым, неразговорчивым, хоть и добродушным малым средних лет. Классическая версия интроверсии. На улицу выходил редко, чаще всего по политической нужде, а именно – по приказу издателя поторговать лицом, что, как известно, способствует торговле книгами. Да, к вышеуказанным сомнительным характеристикам, он оказался еще и прозаиком.

Таким неприятным образом наш герой убедился, что не смог внушить Катрусе Дмитриевне хоть какой-то пиетет к своей персоне, иначе бы она не потерялась на две недели, выйдя за рамки оговоренного срока. Он и раньше был уверен, что не способен внушить кому-либо что-либо. Вот и снова подтвердилось. Жаль, что не послушался единственного друга Арсения и не назначил

штрафные санкции за задержку. А ведь стоило бы жестче с ней, с этой огневолосой хозяйкой литературных судеб: подписать договор, установить четкие сроки, выплатить маленький аванс, а не всю сумму сразу, требовать сатисфакции в случае задержек, проволочек и ненадлежащего исполнения взятых на себя творческих обязательств. И наказать, если что, по закону. Согласно бумаге, подписанной ее рукой с изящными веснушками.

Все решительные намерения жили исключительно в голове, а в реальности Калин боялся даже поднять эту самую голову и посмотреть собеседнику в глаза. И вот итог: Катруся Дмитриевна, глава союза писателей города на море с предсказуемым названием «Литературный маяк», испарилась без следа, как морской туман перед понижением температуры, оставив его без притязания на чудо, а именно на получение заветной премии. Скрипя правым коленно-бедренным суставом, надевал он шерстяные кальсоны под джинсы во избежание промерзания нижних хрупких конечностей и ходил по сугробам на разной степени литературности мероприятия в поисках той самой, что безжалостно и безвременно пропала из его жизни.

Самое место уточнить, что именно должна была сделать для Калина исчезнувшая Катруся Дмитриевна. Ставим двоеточие и продолжаем: полгода назад они ударили по рукам – она переведет на свой родной язык его новый роман о художнике. Дорого. Но хорошо. Потому как Калин был бы согласен недорого, но нехорошо ему не подходило.

Художник в романе часто и размашисто страдал. Но, к сожалению, не на государственном языке, что для поры и страны было неприемлемо, а тем более для премии «Роман года». И Калин был уверен, что ни одна живая душа не сможет перевести его выстраданный текст. Разве что самому срочно подтянуть свои знания из школьной программы, но от этой мысли у него болели даже корни кудрявых волос, поэтому решил пойти на вынужденный компромисс.

Упросил. Согласилась. Катруся Дмитриевна решила сначала соблазнить скромного, но подающего большие надежды прозаика, потому как сама была свободна и одинока, а Калин вызывал у нее воспоминания о любимом сыне, который бросил ее – скоропостижно женился, стал отцом и уехал жить в горы. Когда Калин обнимал ее при встрече и, не касаясь губами, целовал воздух

у правой щеки, он невыносимо сладко пах молочным теленком. Как пахнут живые телята, она не знала – никогда в сельской местности не была, даже проездом, но знала, как пахнет телятина, – каждую субботу покупала полкило для бульона на Новом рынке.

Началась игра. Кавычки, запятые, звездочки и прочие любовные знаки. Долго смотреть друг другу в глаза, отвести взгляды, задержать руку на руке, позвонить внезапно к полуночи и с придыханием почитать Пастернака. Принести розы просто так, подождать, пока пофыркает, мол, не стоило, обнять за плечи, нежно и долго, хоть и самому страшно неловко, хочется выбежать из кабинета и поскорее домой. Арсений, известный писатель и такой же известный ловелас, научил обнять крепче на третий раз посещения кабинета. Тот знал всегда и во всем толк, чем вызывал у Калина трепетное восхищение. Что еще шло в ход? Прикоснуться губами к щеке, наконец. Хохотать и щекотать ребра друг другу на презентации сборника поэта Фролова. Все это обещало удовлетворение их обоюдных потребностей – перевод Калину, плотскую любовь Катрусе Дмитриевне. И однажды сошлись они в общих интересах на рабочем дубовом столе в кабинете главы союза писателей под громкий бой часов с кукушкой – наша богиня, идеально владеющая государственным языком, и отчаявшийся атеист.

А затем принялась Катруся за перевод, по крайней мере об этом написала в благодарной эсэмэске. Указала срок сдачи работы, предупредила, что ей может понадобиться и больше времени, но когда Калин прислал грустное эмодзи (нахватался этих новомодных способов передачи информации от Арсения), она поспешила уверить, что судьба его романа предопределена. «В хорошем смысле», – дописала она, а мгновением позже пришел восклицательных знак.

Несколько раз она зазывала его к себе в гости – то в союз, то домой, то по парку Победы погулять, но Калин всячески находил повод отказаться. Не потому что не хотел, а потому как смущался. Боготворить на дистанции было для него более привычным делом. А то так и до инфаркта недалеко.

Хотя зря. Тут надо знать женщин. Тем более рыжих. Тем более всех. Потому как к сроку выдачи переведенной рукописи Катруся Дмитриевна пропала. Калин отчаялся, он же мечтал отправить

роман на конкурс, получить внушительную премию, а потом бросить эти деньжищи на стол перед пораженной мамой, когда она очередной раз невежливо попросит его вынести мусор, мотивируя тем, что он вообще ничего в жизни не делает, кроме как паразитирует на ее доброте и зарплате. Это бывало редко, мама Игорешу любила, но она тоже ведь человек, и терпение ее лопалось раз в квартал. Калин молча глотал обиду и нес вонючий пакет на улицу к зеленому контейнеру.

А также хотелось однажды чем-то парировать, громким и звучным, может, даже обидным. Потому как всю жизнь молчал и даже маме не мог ничего сказать поперек ее текста.

После невыносимых хождений по заснеженному городу, по средней степени значимости культурным мероприятиям нашел Калин Катрусю Дмитриевну возле ее дома на улице в обнимку… с кем бы вы думали? Конечно, с Арсением. Даже неудивительно. Тут нас ничего нового не ждет, мир как жил, так и будет жить. И после этого рассказа, и после нового романа Калина, и после всех нас. Катруся сказала, что рукопись не готова, времени не было закончить. И прижалась ближе к Арсению. Тот поднял пальцем ее подбородок – посмотрели друг другу в глаза, не мигая. Калин молчал во время этого акта, желая, чтобы на улицу обрушился град или хотя бы снегопад, а лучше конец света.

А потом рассмеялась, как будто речь шла о каком-то пустяковом деле, изволила добавить, что постарается исправиться в ближайшее время. И потащила под руку к себе домой Арсения. Который в синем кашемировом пальто и фетровой шляпе смотрел все время сквозь Калина.

Тут мы поставим точку с запятой, чтобы подвести читателя к главной информации. С чего, собственно говоря, все и началось, вернее, чем продолжилось. Почему тема мести стала вдруг актуальной, а мы никак не начнем ее раскрывать в полной мере.

А все потому, дорогой читатель, что тема мести не очень понятна самому автору. В попытке разобраться, на что и почему люди идут из-за мести, автор рассматривает под лупой этих двух небесталанных людей. Арсения за человека не считаем.

Месть. В каких случаях месть оправдана? А в каких считать ее дурью, инфантильной выходкой юнца, который спешит отве-

тить уколом на укол всегда, всерьез и всенепременно? Можно ли месть подавать горячей, или лучше дождаться охлаждения этой субстанции и только после накормить обидчика? Ответов у вашего покорного слуги пока нет. Но, кажется, они есть у Игоря Калина. Вот мы и дочитаем его историю до точки.

Игорь никак не мог сам себе признаться: то ли плохо ему, то ли все равно, но какую-то смутную печаль ощущал. Поджав губу в обиде на весь жестокий мир, он решил подождать еще немного.

Наконец ближе к полуночи третьего дня она написала, что работа сделана, можно проверять почту и не стоит сердиться. Как же. Игорь открыл волнующимися руками компьютер. Нет, не сразу, предварительно долго тер рукавом запылившуюся крышку «макбука». Но письмо не раскрыл, пошел делать чай с ореховым вареньем, которое мама привезла из Кишинева, непонятно, правда, зачем за вареньем ездить аж в Кишинев. Сел поудобнее, приготовился читать свой роман на языке Катруси Дмитриевны.

Какое же было его недоумение, когда даже он, со своей тройкой, нашел десятка с полтора ошибок. И это только на первой странице. Как будто Google переводил. А когда еще увидел слово «верный», переведенное как «верный», а не «правильный», как следовало бы, окончательно убедился, что перевод делал не человек, а машина. Докрутил текст до конца и разочаровался не только во всем мире, но и в Катрусе Дмитриевне. Мы еще вернемся к этому концу, чтобы вы поняли истинную боль.

Катя, Катя! Как же так, я же вас любил целых два раза за раз! И боготворил беспрерывно после! А тут такое, Катя! Какая же вы потаскуха!

Безусловно, все это не вслух, исключительно про себя. Как бы в скобках.

Но впервые в жизни Калину захотелось устроить скандал. Настоящий. Как видел в фильмах. Как мама хорошо умела. Побежать в союз, начать кричать уже в коридоре, развенчивая миф о божественности правящих. Позвонить на радио «Дарк», а лучше на ТВ «Дым», позвать журналистов на место происшествия, бить тревогу и морду Арсению.

Как настоящий интроверт он пережил всю эту апокалиптическую бурю внутри себя и пошел в кухню снова пить чай.

Но ложкой мешал сахар жутко громко. Рассказал маме, опустив интимные подробности. Она ведь была уверена, что он все еще девственен, как в тот день, когда появился на свет. Требовал, чтобы научила скандалить. Потому как больно, обидно, а еще Арсению хочется чем-то напакостить. Но мама, хоть сама была женщиной громкой, посоветовала успокоиться и тихим вкрадчивым голосом по телефону поговорить с обидчицей. Репетировали вместе у зеркала слова, тембр, паузы, чтобы органично, интеллигентно, но так, чтобы насмерть.

– Катруся, как же так, моя книжная звезда?! Я же верил в вас, а вы… Что за перевод? Вы ли это учудили? – Калин в этот момент нравился сам себе.

– Как вы смеете! Вы понимаете, с кем вы говорите? Вам никто не поверит! Я – кандидат всяческих наук, – верещала в трубку способная скандалистка.

– Вы до конца пробегите глазами, прочитайте последнюю строчку в тексте: мелкий шрифт, желтый курсив. И переделайте все, как следует. А я закрою глаза на это, никому никогда не скажу, буду молчать до гроба. До вашего.

Перезвонила через минуту.

– Простите, Игорь, простите!

– Бог, если есть, простит! – здесь бы он влепил иронический знак препинания, который в прошлом веке пытался ввести в употребление его коллега, писатель Эрве Базен. Но, к сожалению, речь была устная.

Катруся через две недели прислала новый файл и окончательно перестала быть музой Калина. Нет, перевод был сделан хорошо, даже толково. Но как-то быстро глава союза писателей для Калина очеловечилась. Понял Калин, что у Катруси Дмитриевны были большие проблемы – с либидо, алчностью и знаками пунктуации.

На конкурс податься не успел, да и книжный черт с ним. Но как-то стал чувствовать себя спокойнее в присутствии людей. И даже литературных богов. Но вы же не знаете самого главного, что именно в первой версии перевода так взбесило тихого Калина. Всего одна фраза в конце текста. Мелким шрифтом, желтым курсивом:

– Катруся, любовь моя! Получилось 425010 знаков. Как и договаривались, по пятьсот гривень за авторский лист. Итого: 5300.

Здесь следует лигатура из вопросительного и восклицательного знаков. Калин заплатил в два раза больше. Из маминых сбережений, между прочим. Смотрите-ка, хотела еще и Арсению дать заработать.

А потом Калин вконец осмелел и решил сходить в гости к Катрусе Дмитриевне на дубовый стол. Позвонил ей, выбрал тихое время.

– Да, не ожидал я от вас, Катенька. Милая, нежная, любимая, – сказал он шепотом, целуя ушко с веснушками.

– Игорь, я так подумала, давай я тебе… давайте я вам деньги верну.

Оторвалась нехотя от него, подошла к белой сумке с красным маком и выложила на стол пачку новых купюр по сто. Подготовилась.

Он рассмеялся.

Катруся Дмитриевна на всякий случай прикрыла дверь в кабинет. А Калин подошел к ней сзади, приобнял и провернул ключ.

– Катя, Катя, дорогая моя.

Катя расстегнула ему верхнюю пуговицу на рубашке, а себе все сразу. Калин прижался так, что, казалось, растаял и позабыл все обиды, простил прекрасную и Арсения заодно. Старая кукушка вылезла из деревянного лакированного домика и не вовремя что-то протрещала. Кажется, пятнадцать ноль-ноль.

– Нет, не могу, – прохрипел Калин так, что она не сразу поняла, о чем он. – Не могу, – сказал твердо, громко и отстранился.

– Почему? – с мольбой в глазах и даже в голосе спросила Катя.

– После Арсения не могу. И не хочу. Пойду я, – провел указательным пальцам по мокрым губам Катруси, как в каком-то фильме подсмотрел, взял деньги, открыл дверь, еще раз оглянулся обреченным взглядом и вышел.

Улыбнулся уже только на улице, отойдя на безопасное расстояние. А потом рассмеялся громко и звонко, как ребенок, чесслово.

В конце этой истории, пожалуй, ставим многоточие. Потому как долго еще Катрусе Дмитриевне придется надеяться на прощение и бояться огласки. А именно: всегда. Отомстил ли Арсению? Вроде бы и нет. Но имя для рассказа не менял.

Вадим Ланда

Пять рассказов

Битва

«Кого ты решил защищать? – вскричал Мышиный король. – Этих двуногих? Ты в прошлом сам из них, да помнишь ли, кто они? Если нам что-то необходимо, мы не отнимаем этого друг у друга! Они отнимают – даже если необходимого достаточно для всех. Мы не убиваем друг друга. Они убивают – хотя бы для того, чтобы не существовало никого с другим мнением. Когда нам страшно, мы боимся. Они боятся так же, но от страха придумывают богов и дополнительно пугают ими друг друга».

«Как можешь ты, животное, отрицать существование человеческого бога?» – возмутился Щелкунчик и замахнулся сабелькой. «А я не отрицаю, если это тот, о котором говоришь ты, – возразил Мышиный король. – Только они, разглагольствуя, что бог везде и во всем, а значит, и в любых его изображениях, уничтожают те, что не укладываются в их миф. Это ли не лицемерие?» – «Не тебе, мыши, рассуждать об этом», – вновь возмутился Щелкунчик. «Может, и не мне. Но если нам что-нибудь нужно – мы идем и делаем. Люди просят это у него – хотят получить все за так. И при этом повторяют: «Не сотвори себе кумира». – «Ладно, Мышиный король, давай закончим теософские беседы. Они тебе не помогут!» – «А с чего ты взял, что мне нужна помощь? Наша сказка рассказывалась не раз, и мы прекрасно знаем, чем она закончится. Даже если твоя покровительница Мари и попадет в меня тапком – битва между мной и вами произойдет снова и снова. И не будет в ней победителей». – «А все-таки, – сказал Щелкунчик, – Амадей Гофман сочинил именно так.

И он знал людей. Значит, они не так уж плохи». – «Но он был мало осведомлен о мышах, – язвительно заметил Мышиный король. – Мы – мордочки не заинтересованные, и видим людей с такой стороны, с которой не мог видеть он. Ладно, начинай свое кукольное представление – ибо сказано». – «Ого, – восхитился Щелкунчик, – ты стал говорить словами Священного Писания! Такого в нашем тексте еще не бывало, – он громко скомандовал: – Барабанщик, мой верный вассал, бей общее наступление!» – и поднял сабельку.

(А для того, чтобы он дал, – тратят кучу времени на льщение ему и уверение в своей преданности.)

Парура

Тина шла по улице с айфоном в руках. Из ушей торчали наушники, и в них гремело: «Па-ру-ра!». Глаза Тины были полуприкрыты, голова ритмично покачивалась. Тело, как в простой арифметической задаче, двигалось равномерно и прямолинейно. Не глядя, девочка переходила запруженные транспортом дороги, иногда попадала под машины. Несколько раз ее переезжали самосвалы. У водителей случались сердечные приступы, но Тина, ничего не замечая и продолжая покачивать головой, шла дальше. Дома редели, появились лесопосадки, потом пруды и реки. Тина двигалась напрямик, тонула, но… под ритмы «паруры» выходила по дну на противоположный берег. Когда появлялось чувство голода – девочка, не вынимая из ушей наушников, покупала и поглощала хот-доги с пепсиколами.

Так, продолжая путь, дошла до края земли. Потому что забыла, что Земля круглая. Вновь решила поесть, но на краю Земли хот-догов не оказалось – только чипсы. Села, свесила в космос ноги и стала ими болтать, хрустя чипсами и покачиваясь под «паруру». Пока не подумала, что пора домой.

Сколько времени занял обратный путь – не имело значения. «Парура!» – бахали наушники. «Парура!» – напевала Тина. Войдя к себе в квартиру, прошла в кухню мимо что-то возбужденно говорящей мамы. Скорчив недовольную гримасу, извлекла из холодильника борщ и приступила к еде. И тут мама подскочила к ней, закричала:

«Да снимешь ты, наконец, свои наушники?!» – и выдернула их из дочкиных ушей. Тина упала без сознания. Мама в ужасе вызвала «скорую».

К счастью, на «скорой» приехал пожилой опытный врач. Внимательно выслушав возбужденную маму, он вздохнул и снова надел Тине наушники. Девочка стала приходить в себя и покачивать головой. Доктор сказал маме, что наушники можно снимать только после того, как очень медленно уменьшать в них громкость.

Тина взрослела быстро. Уже через год к наушниковому «па-ру-ра» добавился компьютер, по которому она до двух ночи переписывалась в чате с подругами. Мама однажды попробовала оттащить ее от компьютера, но Тина тут же грохнулась в обморок, и мама все поняла.

Еще через год у девушки появились юноши, с ними были бесконечные терки, и она сутками обсуждала это по мобильнику со своими подругами.

Еще через год девушка поступила в институт на контрактной основе, покупала зачеты и экзамены и выискивала себе достойного состоятельного жениха.

Дальше – я не знаю, что было. Для того чтобы понять это, нужно слушать «па-ру-ра»… А я не слушаю.

Эй, в темноте!

– Эй, в темноте! Я говорю, эй, в темноте! Ну эй, пожалуйста…

– Чего тебе?

– А что вы делаете?

– Работаем, не мешай.

– Тогда почему молчите?

– А что говорить?

– Как у нас дела, что предвидится…

– Тебе зачем?

– Знать хочется. Страшно не знать.

– Думаешь, если знать, будет лучше?

– Наверно, нет. Но все равно хочется… А вдруг чего хорошее предвидится?

– Тогда и увидишь, когда время придет.

– А вдруг что-то пойдет не так?

– «Не так» не бывает. Все «так».

– Нет, ну если неприятное. Хотелось бы подготовиться.

– Ладно, подготовишься… А оно не наступит.

– Как не наступит? Разве не предопределено?..

– Предопределено… в данный момент. А в следующий все меняется.

– Ну хоть для данного момента быть готовым… Легче будет.

– Коне-ечно! Если тебе на голову с третьего этажа падает горшок с цветами, а ты уже в курсе – совсем другое дело! Или когда тебя любимая оскорбит и прогонит…

– Нет, ну зачем крайности?

– Слушай, мы же к тебе не пристаем: что у нас будет, когда будет?

– А разве то, что у вас, от меня зависит?

– От кого же еще? И вообще, вы нас уже задергали. Сегодня соберемся, будем решать: есть мы или нет.

– Но вы сообщите мне о своем решении?

– А толку? Даже если решим, что нас нет, ты ведь все равно вопросы задавать будешь, тебе же надо! В крайнем случае ответишь себе сам, но это как бы мы…

– Ага-ага. Так что, всяко можно обращаться?

– Что делать, обращайся. Как будто ты не одинок, и вся ответственность не на тебе. «Эй, в темноте…» Да светло у нас, светло!..

Игра

У вас не возникает ощущение, что два каких-то странных человека постоянно играют в морской бой? На просторах много кораблей, но те, что плавают долго, словно притягиваются к месту, где лежат тетрадные клетчатые листки, и попадают в игру.

– Зю-два, – говорит один человек.

– Ранен, – оглашает второй.

– Зю-три, – продолжает первый.

– Мимо.

На корабле пожар, два винта повреждены, но он еще может спастись, если капитан успеет вывести его из боя – за границу

квадрата. Только она невидима, угадать направление можно лишь по интуиции.

Иногда игроки перекладывают листки в сторону, и тогда в игру могут попасть корабли, недавно спущенные на воду. Некоторые из них, еще даже не ставшие паровыми, – с красивыми белыми парусами.

– Дринь восемь, – говорит один человек.

– Убит, – вздыхает другой.

Я не знаю, куда деваются подбитые корабли, но предполагаю, что становятся особенными подводными лодками – водяными. Поэтому их не видят аквалангисты, и поэтому они не мешают плавать рыбам. Если бы не это свойство, под водой было бы не протолкнуться.

И еще: когда вы идете по городу, не кажется ли вам, что все мы втянуты в эту игру? Вот дом, где жил ваш друг… Дринь восемь… Вот дом, где жила подруга… Пту четыре… И еще, и еще…

Есть много других домов, в них обитают незнакомцы. Но это не имеет значения, потому что ваша игра – в которой родные дома, любимые люди. И корабли. И если вы останетесь в боевом квадрате последним – не забудьте выключить свет, когда будете выходить из игры.

А водяные подводные лодки видят друг друга. Иначе какой во всем этом смысл? И главное: как бы они могли друг с другом здороваться там, под водой?

Короткометражка

Памяти В.С. Фельдмана и О.Ю. Ноткиной

Это был мой двенадцатый день рождения. Родственник дядя Витя вошел в комнату коммуналки, где мы тогда жили, торжественно пожелал мне здоровья и протянул подарок – маленький перочинный ножик. До этого у меня не было ничего подобного. Да и раз дарят такое, значит, я уже взрослый! С трепетом душевным я извлек темно-красный ножик из коричневого кожаного чехла. Рядом с двумя складными лезвиями были еще шило, пилка, ножницы, и ими что-то можно было делать! Все карандаши,

которые я нашел в доме, немедленно подверглись заточке. Все места, где можно было проковырять шилом дырочку, сразу же попали в оборот. Ногти на руках тут же были острижены складными ножницами. Но даже после этого я ежечасно доставал подарок из кармана и раскладывал его инструментальные составляющие так, будто руководил сложным тайным процессом. Потом, через годы, у меня появились настоящие слесарные инструменты. Но перочинный ножик не могло заменить ничто.

Когда дяде Вите исполнился девяносто один, я пришел в их с тетей Олей сверхэкономную квартиру, где борщ на газовой плите можно было помешивать, не вставая с унитаза за занавеской, и где свободного пространства в комнатах хватало аккурат на то, чтобы с трудом просачиваться между старой мебелью.

В данном случае подчеркивать взрослость именинника не имело смысла, пусть даже дарением наилучшего перочинного ножа. Поэтому в качестве подарка я принес вкусности.

Весь вечер на празднике, как обычно, звучали книжные беседы, и в самом прямом смысле чувство локтя не покидало втиснутых за стол гостей. Однако чем гуще становился за окнами сумрак, тем больше он напоминал приглашенным про честь, которую пора знать. Комнаты постепенно опустели. За столом остались лишь мы с именинником и тетей Олей. На меня как на родственника знание чести не распространялось. Тогда-то речь зашла об улицах Одессы, и дядя Витя, азартно потирая руки, за сорок минут изложил всю историю города с момента его основания до наших дней.

Избирательность памяти… Столько всего вокруг происходило и происходит, а в нее, словно гости в тесную квартиру, отчетливо втиснуты лишь отдельные слова и картинки. Дядя Витя, дарящий мне перочинный ножик… Дядя Витя, рассказывающий об Одессе, потирающий сухие ладошки и глядящий сквозь толстенные линзы очков… Эти эпизоды – клавиши, к которым достаточно прикоснуться, чтобы на экране показалась целая жизнь. Но если быть с собой по-режиссерски честным и не ориентироваться на кассовый сбор, возможно, я оставил бы для итогового фильма лишь их. Может быть, из многосерийного тогда получилась бы короткометражка… Немного жаль, но кто сказал, что для целостности нужно большее?

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Соломон

Я по профессии учитель русского языка и литературы. Окончил наш родной филфак университета. В детстве я очень много читал. Практически все свободное время. Это и неудивительно. В квартире моих дедушки и бабушки мебель состояла, в основном, из книжных шкафов. Я даже в школьной библиотеке записан не был. Все записаны, а я нет. Учительница как-то спрашивает: «Соломон, почему ты в библиотеку не ходишь?». А один из моих одноклассников, который у меня бывал, говорит: «А ему не надо». Дедушкина библиотека была много больше школьной.

Дедушка и бабушка были из старой интеллигенции. Я всегда удивлялся лозунгу «Мы создадим новую советскую интеллигенцию». Человеку можно дать образование, но интеллигентами станут только его внуки… Может быть. Ну, вот, я уже начал произносить общие места.

Я преподавал родной язык в техникуме. Детей там готовили как придаток к станку, но все-таки какую-то часть русской культуры я старался внести в их жизнь. Иногда мне казалось, что мне что-то удается, и я не совсем зря занимаюсь своим делом.

Но потом демократия восторжествовала. Станки, к которым готовили мальчишек, пошли в металлолом (до сих пор не могу видеть на вывесках слово «металл» с одним «л»).

Русский язык оказался зарубежным. Техникум закрыли, и я оказался на улице.

---

* Продолжение. Начало в кн. 64-74, 76.

Вот тут-то я и стал директором. Нет, не в этой фирме. Времена были другие. После развала страны было что красть. Все-таки народ что-то создавал все эти годы. И все имеющие доступ и возможности начали перераспределять общественную собственность в свою пользу.

Тут-то и понадобились фирмы и фирмочки, оборудование которых состояло из одной печати. Потом другой. Таким малодуховным образом я и просуществовал лет семь. Как говорят, «за долю малую». Кончилось это тем, что я пять месяцев не ночевал дома. Источник заработка потерял, жена окончательно ушла, посчитав брак со мной совершенно не перспективным.

Она у меня журналист. Мы с ней в университете учились. На филфаке мальчиков мало, и все они нарасхват. Вот и меня подхватили. Самая активная. Она и сейчас активная. Вечно участвует в каких-то грязных политических кампаниях, типа избирательных. Получает неплохие деньги, потом исчезает, если выберут не того. Потом опять. Сейчас она думает, что ошиблась, уйдя от меня. Она думает, что я каким-то криминалом занимаюсь. Наркотиками торгую, что ли. Иногда у меня деньги одалживает.

Она бы и вернулась, но мне это сейчас не надо. В женщинах я никакого недостатка не испытываю, как, впрочем, ни в чем другом. С друзьями сложней…

– А как же вы в директора попали в этот «Иблис»? – спросил Петя.

– Да, именно, Иблис. И этим все сказано. Вы знаете, кто такой Иблис?

– Это что-то из мифологии древней, кажется, египетской?

– Во времена Древнего Египта он, конечно, был, но имя получил гораздо раньше. Чтобы вас не интриговать, скажу сразу, что это имя получил Сатана по возвращении его на землю. А раньше его звали Азазель. Это когда он служил предводителем войска Господня. А вообще-то, он джинн – шайтан. Чувствуете? Шайтан – сатан. То-то же.

– Спасибо за мифологический экскурс. Это кто же вашу фирму так обозвал? Слышали: «Как вы яхту назовете – так она и поплывет»?

– Совершенно с вами согласен. Как назвали – так и плывем. Вы думаете, на кого мы работаем?

– Я надеюсь, что вы шутите. А если нет, то как же вы в такую гадость попали, да еще и директором? Ведь при случае тут пять месяцев не отсидишься.

– Как я попал в эту фирму, да еще и директором, – это отдельная история.

Все это началось как раз тогда, когда я думал, что все закончилось, и никаких выходов, достойных человека, нет.

Была весна. Все готовилось зацвести, зацвиринькать и, как говорили, «начать Бога прославлять». И вот в этот период у меня случились депрессии. А в ту весну на душе было особенно гадостно. Было такое ощущение: бежать больше некуда, то, что я есть, уже никому не нужно. И, вероятнее всего, не нужно уже давно.

– А может, я давно себя обманываю и давно не являюсь тем, кем себя представляю? – задавал я себе вопрос.

– Соломон, – спросил я себя, – когда ты в последний раз написал что-либо, кроме накладной?

– А почему я должен что-то писать? – возразил я себе. – Кому все это нужно?

– Вот можно податься в журналисты за мало денег, или за много – это обратно пропорционально наличию совести.

– А фальшивые накладные ты писал, совестью не угрызаемый? – не унимался я.

– Накладные не литература, и души они людям не калечат, даже фальшивые.

– Не строй из себя дурака, – возмущался я. – Ты же прекрасно знаешь, что если где-то денег становится больше – то где-то меньше. И чаще всего этот процесс можно определить как кражу.

– Так что же мне делать? Идти в монастырь, если в миру невозможно оставаться интеллигентным человеком? – спрашивал я.

– Это ты юродствуешь, потому что у тебя денег нет, – издевалось мое и, я думаю, не лучшее «я».

Вот так вот, мирно беседуя сам с собой, сидел я на лавочке в Городском саду под каким-то цветущим кустом. Не знаю, как он называется, но весь в фиолетовых цветах по весне куст великолепен. Я наблюдал за голубями, которые купались в лужице, оставляя на ее поверхности островки белой пудры.

Кто-то из редких прохожих остановился между мной и голубями, заслонив лужу. Я поднял глаза. Передо мной стоял мой старый друг еще по старому двору на Базарной улице. Я не видел его лет пятнадцать.

Промелькнула мысль – окликнуть его или нет? Придется отвечать на вопрос «Как поживаешь?». Врать не хотелось. А может, у него все замечательно – так хоть порадуюсь. Эта мысль промелькнула мгновенно. Развиться ей, слава Богу, не дали. Мой товарищ повернулся, увидел меня и сразу узнал.

– Соломон, – закричал он, – привет! Разве ты меня не узнаешь? Это же я – Нолик! Откуда ты тут взялся? Я прихожу на эту скамейку каждую весну. И тебя никогда здесь не встречал.

– Да, я как-то тут редко бываю, – объяснил я.

А Нолик уже сидел на скамейке возле меня и говорил. Как его полное имя? Черт его знает. Может, Арнольд? Я никогда не видел его паспорт.

Его интересовало все: женат ли я, есть ли дети? Где я живу, и какие у меня успехи в делах, и как здоровье.

Меньше всего я склонен был отвечать на эти анкетные вопросы. Но, слава богу, большинство из них были риторические. Нолик задавал вопрос, а потом сам же на него и отвечал.

По его словам, все складывалась наилучшим образом. Окончив политех и проработав ряд лет в каком-то КБ, он оказался на улице. И это хорошо – считал он. Потому что иначе он бы не занялся торговлей с Польшей, а затем с Турцией. Торговал он вместе со своей женой и еще каким-то компаньоном. Торговал на деньги, которые получил, заложив квартиру. Потом их кто-то кинул. Товар попал не туда. Остальное отобрали на таможне. Квартира пропала, а с ней и жена, которая поселилась у компаньона. У Нолика были смутные подозрения, что эта парочка была очень даже осведомлена о грядущих неприятностях, а может, их сама организовала. Но он гнал от себя эти мысли, так как считал, что о людях нужно думать лучше.

Не теряя присутствия духа, Нолик устроился продавцом на оптовый рынок «Седьмой километр» и снял квартиру.

– И это было замечательно, так как у меня появилось время подумать.

– А кто это тебе сказал, что твои дела шли все лучше и лучше? Или ты сам до этого додумался, сидя в контейнере? – съехидничал я.

– Вот об этом я как раз и хотел рассказать, – продолжал, совершенно не смутившись, Нолик. – Когда я сидел продавцом на рынке, вставал в четыре часа утра и почти всю зарплату отдавал за квартиру, меня начал мучить вопрос: «А правильно ли я живу?».

– Ну и что ты ответил этому мучителю? – опять спросил я. Игра в энтузиазм мне уже начинала нравиться.

– Я решил, что что-то тут не так, но выхода не видел. И тут один клиент, с которым я случайно разговорился, посоветовал мне сходить к психоаналитику.

– И он тебе помог? – спросил я с сомнением.

– Представь себе. Есть такая полезная профессия. Выслушав меня, специалист сказал: «Все, что с вами происходило в жизни, – замечательный фундамент для вашего дальнейшего процветания. Вы любите людей и желаете им добра. Это должно стать вашей специальностью».

– Но я как бы не крещеный, а в раввины меня что-то не тянет, – возразил я.

– Вы меня не так поняли, – стал объяснять психолог, – вы должны найти себе профессию, чтобы выполнять заветные желания людей.

– Киллера, например, – попробовал пошутить я.

– Нет, для профессии киллера вы слишком добрый, да и подготовки соответствующей нет, – совершенно серьезно пояснил психолог. – А вот как вам нравится профессия риелтора?

– Как вам сказать? – сказал я ему. – Я никогда не занимался продажей квартир и вообще не имел с квартирами дела, кроме случая, когда отобрали мою.

– А вы попробуйте. Вы хорошо относитесь к людям. Людям это обычно нравится. Мне кажется, к этой деятельности у вас должен быть талант.

Он даже дал мне телефон агентства, где требовались риелторы.

– Ну и как? – уже с интересом спросил я.

– А представь себе, – ответил Нолик, – от клиентов отбоя нет. Мою визитку передают из рук в руки. Ну и себе квартирку тоже купил. Небольшую, но мне нравится. На проспекте Шевченко в сталинке. Третий этаж. Окна и балкон во двор. Как-нибудь зайдешь – тебе тоже понравится.

– Ну и что, был ты у этого Нолика в гостях?

– У Нолика не был, а вот к психологу сходил. Нолик мне его телефон дал. Я, конечно, у людей поспрашивал. Известный оказался психолог. Тренинги всякие проводил. Учил людей, как жить так, чтобы на тебя все работали, а ты только жизни радовался. Мне это все показалось несколько подозрительным. Но потом мне сказали, что индивидуальные приемы – это совсем другое. Стоят несколько дороже, но польза несомненная.

Встретился я с Эразмом Самуиловичем в его кабинете. Он тогда в поликлинике на Троицкой принимал. Вид у него ученый, ну ты знаешь. Это сейчас мы его за глаза Ушастым зовем. Роговые очки, длинные волосы, интеллигентные манеры.

– Ага, чтобы растопыренные уши скрывать, – уточнил Петя.

– Устраивайтесь поудобней, – говорит. Кресло у него действительно классное. Я в них разбираюсь.

– Я заметил, – вставил Петя.

Стал я с ним своими сомнениями делиться. Все подробно рассказываю. Даже самому начало кое-что понятнее становиться. А Эрик слушает, не перебивает, как ты сейчас. Когда я закончил, он и говорит:

– Вижу, что вы интеллигентный и высококультурный человек.

– Да, уж, – согласился Петя.

– В наши времена, когда культура не в чести, тем более русская, вам трудно найти место в жизни. Я думаю, что вы бы хотели нести, так сказать, добро в массы, но вместе с тем не быть последним в очереди распределения общественных благ.

«Хорошо излагает, – думаю, – наверное, тоже где-то учился».

– Вот вы говорили, что работали директором малого предприятия?

– В каком-то смысле, – согласился я.

Эрик сидит молча, задумался. Я уже после понял, что это чистый спектакль был.

– Мне кажется, что я мог бы предложить вам работу, почти соответствующую вашим духовным запросам.

Увидев, что завладел моим вниманием, Эрик снял очки, прищурился весьма интеллигентно и говорит:

– В наше нелегкое время многие люди, даже люди с большими деньгами, несчастливы. Причина общая – они занимают

не то место в жизни, занимаются не тем, не могут создать даже за большие деньги атмосферу счастья, добиться выполнения заветных желаний. И это характерно даже для очень обеспеченных слоев общества.

Наша задача как психологов прийти людям и обществу в целом на помощь. Конечно, мы не можем создать обстоятельства для достижения всеобщего счастья в материальном мире. Но давать людям отдых, счастливые минутки, вспоминая о которых, человек становится добрее и в конечном итоге человечнее, мы просто обязаны.

Человек издревле придумывал методы отвлечения от повседневности, придумывал сказку и сам участвовал в ней. Из глубины древности до нас дошли изменяющие серые будни религиозные и бытовые обряды и празднества.

Но праздник по индивидуальному заказу, с участием в любой роли и в любой ситуации, наяву с всеобъемлющей полнотой ощущений – это достижение современной науки. И мы просто не можем прятать его от окружающих нас несчастных людей.

Я предлагаю вам стать коммерческим директором фирмы по осчастливливанию, так сказать, общества наших современников. Я думаю, вы не должны отказаться от такого предложения. Второй такой возможности для реализации вам не представится.

Нельзя сказать, что речь этого странного психиатра не произвела на меня впечатления. Но все-таки что-то подозрительное и странное во всем этом было.

– Вы хотите сказать, что торгуете новыми психотропными препаратами, которые вызывают эффект счастья, а потом и привыкания? – с сомнением поинтересовался я. – И вам нужен человек, который в конечном итоге будет сидеть?

– Если ты такой проницательный, как же ты в такое дерьмо вляпался? – не выдержал давно молчащий Петя.

– Знаешь, когда очень кушать хочется, обманщикам напрягаться не надо: сам себя уговоришь и глаза на несуразности закроешь. Еще и доводов сам насочиняешь, чтобы окончательно себя закопать. А понятие о голоде – вещь индивидуальная: кому жемчуг мелкий, а кому суп жидкий.

– Спать будете в детской, я вас провожу, – сказала женщина и повела их в дом.

Комната для Пети и Соломона была довольно большая и освещалась почему-то керосиновой лампой. Женщина показала им кровати, сказала, что одежда в шкафу, и ушла. Уставшие путешественники залезли под одеяло и, вытянув на прохладных простынях натруженные ноги, хором сказали:

– У нее голос, как у моей мамы! – и посмотрели друг на друга.

– Слушай, а мы же не спросили, как ее зовут. А этот Хаджибей, он же ее никак не называет, только «мамочка».

– Да знаем мы, как ее зовут, – вдруг сказал Петя. – Она не джинния, но и не человек. И джиннам сюда ход заказан. Одесса-мама она. Вот и говорит, как мама, твоя, моя, Галкина…

– А ты откуда знаешь?

– А ты подумай. У тебя что над кроватью висит?

– Ой, гобелен с оленями моей бабушки.

– А у меня кот в сапогах в лесу, с бахромой. Я когда у бабушки жил, эту бахрому в косички заплетал, а потом морские узлы вязал. Это она откуда знала? Повезло нам с тобой, Соломон, теперь главное – не облажаться, чтоб она в нас не разочаровалась. Тут не в джиннах дело – если спартачим, я себя уважать перестану. Давай спать, а то в меня не то что дела, даже мысли не лезут.

И Петя, повернувшись носом к прекрасному лесу с безобразным котом посредине, захрапел.

Петя проснулся посреди ночи и увидел, что Соломон не спит и смотрит в окно. В комнате было довольно светло, потому что полная луна светила прямо в форточку, разложив светлые квадраты и черные полосы теней по мебели и половикам. Соломон стоял боком к стене, так, чтобы его не было видно из окна. За окном слышался тихий плеск весел и назойливый звон цикад. Петя тихонечко встал и, обойдя комнату, подошел к Соломону и выглянул в окно. За окном виднелся край обрыва, заросший рогозом, и черное бархатное море с лунной дорожкой и огромной оранжевой луной. К берегу плыла груженая лодка, которую тихо, но быстро гнали к обрыву четыре гребца.

– По рыбам, по звездам проводят шаланду, три грека в Одессу везут контрабанду… – тихо прошептал Соломон.

Лодка с тихим шорохом уткнулась в песок, люди соскочили в воду и начали быстро перетаскивать на берег какие-то мешки.

– Что, в самом деле контрабандисты? – спросил Петя.

– Да, наверное… – ответил Соломон, с испуганным восторгом глядя в окно.

– Тьфу, пропасть, – возмутился Петя, – если не черти, так преступники. Обрадовались, что людей встретили, и повелись!

– Они не люди.

– Что, опять джинны?

– Не. Я бы учуял. Ты же сам говорил – Одесса-мама.

– А эти кто? – Петя ткнул пальцем в окно.

– А это часть нашего города! Вот такая, историческая.

– Ну вот, – опять рассердился Петя, – можно подумать, что, кроме преступности, Одессе больше похвастать нечем. Только и людей, что налетчиков.

Петя обиженно улегся на кровать и отвернулся к стенке, упершись взглядом в кота в сапогах, который в свете луны выглядел тоже как-то подозрительно.

Второй раз Петя проснулся от воплей буксира. Петя даже не поверил, что проснулся, – про вопли буксиров он слышал от мамы. Но нет, буксир вопил страдальчески, слышались металлические звуки и шум механизмов, свет в комнате то вспыхивал голубым дневным оттенком, то затухал. У окна опять торчал взъерошенный Соломон, уже без всякого восторга и таинственности.

Петя выглянул в окно. За окном виднелась огромная гладкая прямоугольная башня, почти без окон, но вся в металлических лесах. На самом верху ярко горели прожекторы, и полыхала сварка.

Вокруг башни стояли какие-то времянки, вагоны, краны, непонятные механизмы. Грохотали гидросита на камнедробилке. Сбоку от рельсов с железнодорожными цистернами почему-то, словно посуда стопками, лежали спасательные шлюпки. В промежутках между всеми этими механизмами и строениями проглядывало море, пирс и три башенки на нем. Из-за них голосил буксир.

– О господи! Что это? – спросил Соломон.

– Ага! – обрадовался Петя. – Это же Хлебная гавань! Это строят элеватор. Его мой дед строил, еще в 1958 году. Он тогда был самый большой в Союзе. Мне дедушка рассказывал. У нас дома и альбом есть с его фотографиями стройки, тогда скользящая опалубка была ноу-хау. Мой дед за сорок два года столько этих элеваторов настроил! И Кулиндоровский – последний самый большой в СССР. А потом прихватизация – все рушить стали – он не смог на это смотреть – умер.

Петя замолчал, глядя в окно, где полыхала сварка, и добавил:

– А элеватор пока стоит.

* * *

Утром Соломона разбудило солнце. Оно светило прямо ему в лицо, ветер колыхал тюль на окне. Пахло морем и жареной картошкой. Пети в комнате не было, но из-за приоткрытой двери доносилось его бормотание и не слишком мелодичное пение.

Соломон не стал спешить вставать, он лежал, разглядывая пляшущие узоры солнечных зайчиков на потолке отраженных от моря за окном. Он ждал.

Со двора доносился звон посуды, разговоры о домашних делах, лай собак, чириканье воробьев и шелест моря. Это был его секрет. Он лежал, хотя ему неудержимо хотелось вскочить и побежать к сияющему прохладному морю. Он ждал заветных слов – и вот они!

– А гости где? – спросил мужской голос.

– Спят еще, – ответила женщина.

– Как можно спать в такое прекрасное утро?

И Соломон улыбнулся – без этих слов не было лета. Он встал, потянулся, – с удивлением заметив, что ничего не болит, и даже вроде он стал моложе и легче.

За дверью сидел на ковре Петя. Вокруг него на ковре лежали игрушки. Здесь были куклы – старинные в кружевных платьях, с побитыми носами, из которых виднелись коричневые опилки, немецкие пластиковые с сияющими волосами и стеклянными глазами. Медведи – байковые и плюшевые. Разные машины, от жестяных паровозов до управляемых моделей космических машин. Машинки легковые, грузовые, большие и маленькие. Соломон увидел белого целлулоидного медведя – совсем как живого, только неподвижного, и коричневую обезьянку с руками на растянувшейся резинке.

Петя с упоением чинил игрушки. Он каким-то крючком подцепил резинки, на которых держались ручки обезьянки, вытащил, обрезал и вставил новые. Голова и ручки встали на место, и Соломон обрадовался, потому что это была его любимая обезьянка. И тогда, когда Соломону было пять лет, даже папа, преподаватель итальянского и английского в консерватории, не мог ее починить. Соломон прятал ее, потому что мама хотела ее выбросить. Но играть ею тоже было невозможно. А теперь ее починили.

Тем временем Петя перешел к большому экскаватору и ловко приделал к нему отвалившееся колесо. И Соломон вдруг тоже уселся на ковер и стал собирать в коробки кубики и сортировать карточки от разных лото и по картинкам, и по алфавиту. И сам неожиданно полез под стол и нашел укатившийся глаз от плюшевого медведя, и пришил его большой иголкой, так что медведь стал как ну почти новый.

И это был подвиг, потому что даже пришить пуговицу для Соломона было делом сложным и заковыристым.

И так они трудились, удивляясь и вспоминая. Здесь были игрушки их детства, вроде давно забытые, но, оказывается, хранившиеся на чердаке памяти и готовые в любой момент прийти и привести с собой множество детских печалей и радостей. Здесь были игрушки, о которых они слышали от родителей и от дедушек и бабушек. Были и вовсе неизвестные, в которых играли дети двести лет тому назад, или играют дети сейчас.

А еще там были книги, потрепанные, в пятнах супа или компота, подклеенные и потерявшие обложки. Картинки яркие и утратившие цвет от множества невзгод, случившихся от общения с маленькими ручками. Там была Снежная королева немыслимой красоты в санях над городом с красными крышами. И Бианки с тайнами леса, и Барто с укатившимся мячом. И дама сдавала багаж, а человек рассеянный со сковородой на голове опаздывал на поезд. И Чудо-дерево, и доктор Айболит, и Чиполлино, и Карлсон. И все это было живое, читаемое, не слишком опрятное, но любимое.

Солнце ушло в тень, и, взглянув в окно, они увидели множество мелких облаков, составлявших целый облачный симфонический оркестр. В туманных белых фигурах, конечно, не было видно мелких деталей, но сомнений не было – множество музыкантов,

кто сидя, кто стоя, играли что-то бравурное. Ветер гнал облака, и через минуту все музыканты слились в одну тучу, и только по краю шел огромный великан, дующий в рог.

И тут они услышали мамин голос:

– Мальчики, мойте руки и садитесь кушать!

И Петя неожиданно для себя закричал:

– Мамочка, я сейчас, только колесо закреплю! – и засмеялся.

Когда они вышли на крыльцо, стол уже был накрыт, но за столом сидел один Хаджибей.

– Доброе утро! Садитесь, позавтракайте, – приветствовал их Хаджибей.

– Доброе утро! А где хозяйка? – спросил Петя.

– На берегу, она уже давно поела и убежала. А вы садитесь, я вас сегодня приглашаю на прогулку по морю и окрестностям. Так что ешьте в запас, скорый обед не обещаю.

Петя и Соломон дружно налегли на яичницу с колбасой и картошкой с укропом, и с салатом из огурцов и помидоров, с брынзой и маслинами. Попив напоследок чай с булочкой, они, слегка отяжелев, все-таки бодро встали, готовые к походу.

– Пойдите переоденьтесь, а то в хламиде здесь только ангелы ходят, – сказал Хаджибей. – И шляпы не забудьте, солнце печет – будь здоров.

Друзья ушли в свою комнату, и оказалось, что у каждого на кровати висят белые полотняные рубахи, серые коротковатые домотканые штаны, длинные, широкие, как полотенце, красновато-коричневые пояса. Переодевшись и замотавши вокруг талии трехметровые пояса, Петя и Соломон взяли широкополые соломенные шляпы и, подхихикивая друг над другом, пошли к Хаджибею.

– Слушай, я себя в этом наряде чувствую болгарским пасечником, – сказал Петя.

– Главное, чтоб пчелы не случились, уж очень кусачие.

Они опять вышли во двор. Там было пусто. Ни стола, ни посуды, ни Хаджибея.

– Наверное, на берег ушел. Пошли, может, ему надо с лодкой помочь, – и Петя зашагал вниз по лавовым плиткам.

– А дом закрыть? – возразил Соломон.

– Эй, вы там скоро? – донеслось с берега.

– А как дом закрыть? – закричал Соломон.

– Уже закрыто!

И они увидели огромного белого пса, который лег у дверей.

На берегу Хаджибей возился с лодкой. Теперь, на утреннем солнце, они увидели жилистого, прожаренного солнцем старика в широкополой соломенной шляпе, домотканой рубахе и застиранных штанах. Он обернулся, и они увидели длинные белые усы на загорелом смеющемся лице.

У тихой воды сидела двухлетняя девочка в белом платье с оборочками и косыночке. Она с увлечением строила крепость из песка. Петя с изумлением увидел знакомые по старинным планам звездчатые очертания стен. Девочка не обращала на них внимания, увлеченная работой.

– Эй, помогите лодку на воду спихнуть! – крикнул Хаджибей.

– А кто эта девочка? – спросил Петя, спустившись к воде.

– Одесса, – ответил Соломон. – Ее с собой возьмем?

– Не-а, она тут будет крепость строить. Полтора года – самый копательный возраст, – сказал Хаджибей.

– А вдруг ее кто-нибудь обидит? – всполошился Соломон. – Или она сама покалечится?

– Она сейчас сама кого хочешь обидит или покалечит, не то что позже, – засмеялся Хаджибей и махнул рукой в сторону берега. Под желтой ракушечной скалой на посту стоял солдат средних лет с ружьем и в старинной форме суворовской армии.

Девочка подняла головку и сурово глянула на друзей. Петя поежился.

Проваливаясь ногами на мокром песке, они столкнули лодку на воду, попрыгали в нее и отчалили.

Лодка шла по гладкому сияющему морю. Хаджибей поставил парус, и тишину нарушало только тихое поскрипывание снастей. Ветерок шевелил волосы, и жара на воде не казалась такой изнурительной, как на берегу. Но одежду они не снимали, хорошо знакомые с коварством утреннего солнца. Вскоре показался знакомый участок берега с Живаховой горой. С горы по тропинкам спускалась целая процессия людей в разноцветной одежде с кувшинами и корзинами.

– Кто это? – спросил Соломон.

– А это греки. Мистерии у них. Сейчас они к морю сойдут, принесут в жертву кефаль, а потом наверх пойдут с кувшинами. Будут пить кикеон и вызывать предков, а потом будут рыбу жарить и козью брынзу есть. И пить вино вместе с предками. Что с них возьмешь – греки...

– Это что – настоящие элевсинские мистерии?

– Да нет, это местный вариант, не такие они богатые девять дней летом праздновать и свинью резать.

– А кикеон – это что? – спросил Петя.

– Это напиток такой, смесь парамнейского вина, козьего сыра, ячневой муки и меда. Может, жрец туда еще чего-нибудь подсыпает, но это уже его жреческое дело.

– А как они предков вызывают, в смысле в виде привидений?

– Да нет, они их в телах вызывают – ну чтоб посидеть, выпить, попеть, потанцевать с удовольствием. Они всегда так делают.

– А как они их вызывают? – спросил Петя.

– Бог их знает, жрец у них там есть – он руководит и с Деметрой договаривается.

– А ты видел?

– Видел. Я к ним больше не хожу. Они к утру так перепиваются, что за ними Персифона приходит. Они ей донышки от кувшинов жертвуют, чтоб опять отпустила. Потому что она сильно ругается и говорит, что отпустила в последний раз. Да и чего мне к грекам ходить? Я на них еще при их жизни насмотрелся. Они говорят, что не боятся смерти, потому что им предки лично подтвердили, что смерти нет.

– И что, настоящая Персифона, дочь Деметры, жена Аида, госпожа подземного царства? Богиня с нарциссами? – недоверчиво спросил Соломон.

– Конечно.

– Как интересно! И можно с ней увидеться, на нее посмотреть?

– Странный ты человек, кто ж с ней спешит встретиться? Подожди, в свое время еще насмотришься.

Хаджибей спустил парус и забросил удочку с кисточками самодура. Петя к нему присоединился, и они азартно стали таскать трепещущие радужные качалочки скумбрии по три штуки за раз. Вскоре за бортом в сетке висел целый пуд серебристо-пятнистой рыбы. Соломон устроился на дне и задремал, накрыв лицо шляпой. На закате его разбудил Хаджибей.

– Вставай, поможешь грести, домой пора.

Они навалились на весла и пошли к берегу.

Татьяна

С утра позвонив Соломону в офис, она узнала, что его отправили в командировку в связи с ЧП. Перезвонив еще дважды и получив ответ, что Соломон еще не вернулся и не звонит, она решила, что ей морочат голову. И, движимая гневом и любопытством одновременно, просто отправилась на фирму.

Войдя без стука в кабинет, она увидела очень встревоженную Марину с мобильным телефоном. Увидев Татьяну, Марина огорчилась еще больше, но взяла себя в руки и предложила ей кофе. Татьяна только открыла рот, чтобы задать вопрос, как дверь с грохотом распахнулась. Влетела запыхавшаяся Галина и выпалила:

– Куда вы дели моего Петю?

– Какого Петю?

– Моего Петю Пчелкина, он у вас лампы переливает!

– Это не ко мне, это к Соломону Давидовичу, он у нас персоналом занимается.

– А где этот пончик?

– Кстати, действительно, где он? – ехидно вставила Татьяна. – Говорите, Марина! То, что здесь происходит, мало того что безобразие, еще и очень подозрительно. Похоже, что я легко отделалась, у вас и люди пропадают. Может, моя служба безопасности вами займется?

– Да, да! Пусть займется, и милиция тоже. И орнитологи грачами этими!

– Какими грачами?

– Инопланетными!

– Девушка, что вы мне голову морочите! – возмутилась Татьяна. – Я вообще не с вами разговариваю. Марина, возьмите себя в руки и перестаньте реветь. Я к вам обращаюсь!

Но Марина уже не могла взять себя в руки. Слезы текли у нее по лицу, и она вытирала их салфеткой, размазывая тушь по щекам.

– Да пропади оно пропадом все, не могу больше, увольняюсь! Надоело! И клиенты эти, зажравшиеся паскудники, сплошные

пытки и порнография. Я женщина, человек, а они такое заказывают! Я говорю: «Зачем вам у нас это? Вам эти услуги за меньшие деньги устроит любая шлюха». Нет, говорят, у вас круче. Конечно, круче – вживую у них потенции нет. А я выслушивай всю эту мерзость. Не могу я больше их жалеть и понимать, они не больные, они сволочи.

И джинны эти наглые! Я пока поняла, что они есть, чуть с ума не сошла. И Ушастый тоже хорош: «Это вам кажется, это побочный эффект наших масел…». Ага, конечно, два раза! Рафл до того обнаглел, при клиентах сквозь стены ходит, а ты выкручивайся.

– Стоп, стоп, стоп! Какие джинны? – вмешалась Татьяна, которая все и всегда слушала очень внимательно. – О чем вы говорите? Их же не бывает!

– Да, не бывает, как же! Сейчас который час? Два? Вот сейчас и явится голубчик, – с этими словами она показала на стенку. – Я ему говорю: «Ты хоть при клиентах тут не ходи». А он: «Все равно никто не поверит, а если увидит – не признается. Леприконов не бывает, а кто их видит, того в дурку упекут».

В этот момент полоски на обоях кабинета расступились, и прямо из стены вышел маленький довольно противный человечек в зеленом камзоле с бриллиантовыми пуговицами и в кроссовках.

– Глаза б мои тебя не видели, поганец! – в сердцах сказала Марина.

Человечек огляделся по сторонам, развязной походочкой подошел к Татьяне и погладил ее по коленке. И тут же получил по физиономии, аж зазвенело.

– Да ладно, я пошутил, – сообщил он, ничуть не смутившись. – Все равно ведь никто не верит, что я существую.

Не тут-то было. В его шею мертвой хваткой вцепилась Галина.

– Отдавай моего Петю, джинн поганый, а то в бутылку посажу!

Снисходительно улыбнувшись, Рафл вытек, как дым из ее рук. Но тут уже включилась Марина. Она стала произносить какие-то непонятные слова, среди которых проскальзывало знакомое слово Аллах. Это леприкону не понравилось совсем. Он съежился, втянул голову в плечи и замахал руками:

– Ладно, ладно, Мариночка, хватит, хватит! Больше не буду. Ну чего тебе от меня надо? И ты же не мусульманка.

– И что с того? Я верю в бога, правильно омыта, правильно одета и в правильное время имею твердое намерение совершить молитву – видимо, все как надо, раз тебя корчит. Ты мне зубы не заговаривай. Где Соломон Давидович и Петя?

– А я что? Я ничего! Я их что, пасу? Ничего не знаю.

Марина опять забормотала молитву, время от времени проводя руками по лицу.

Леприкон съежился и замахал руками.

– Ладно, ладно! Это все поповские происки. Мало того что он джиннам первый враг, так он теперь за людей принялся. И Никифор с ним, сволочь такая.

– Какой это поп? – вклинилась Галина. – Который художник?

– Какой он художник! Липа это все. Экзорцист поганый! Сколько он нашего брата изгнал прямо на улицу – страшное дело. А Никифор – тоже дрянь, кофе у него варит, а сам темные делишки проворачивает, инкубствует втихаря. Тут у них армагедец наметился, вот они и засуетились.

– Таак! – сказала Татьяна. – А ну-ка показывай, где живет твой поп, и как его зовут.

– Дионисий он, я его знаю, – вклинилась Марина, – вполне приличный человек.

– Пока тебя святой водой поливать не начал, – пробурчал Рафл.

– В общем, мы хотим поговорить с Крестовоздвиженским, и немедленно!

– Пожаалуйста… Только так: вы говорите с Дионисием – и все, больше ко мне никаких вопросов.

Вдруг свет мигнул, и все три женщины оказались на кухне у Крестовоздвиженского.

– Ой, я же офис не закрыла! – повернувшись к стене, спохватилась Марина. – Рафл!

Но вместо Рафла только подошва кроссовки мелькнула, исчезая в стене.

Продолжение следует

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

136 **Вячеслав Игрунов**
Одесские стихотворения 70-80-х

144 **Александр Хинт**
Из цикла «Псы войны»

149 **Юлия Мельник**
Лирические строфы

152 **Валерий Бодылев**
И рукопись на столе

158 **Игорь Лосинский**
Беженец

Вячеслав Игрунов

Одесские стихотворения 70-80-х

Вячеслав Владимирович Игрунов, Вячек, как его все звали в Одессе, личность для нашего города легендарная. В 17 лет, в 1965 году, он увлекся диссидентской деятельностью, создал первую в СССР библиотеку неподцензурной литературы.

Знаю не понаслышке, сам читал оттуда книги, что приносила ко мне домой Юля Савченко. Но 1 марта 1975 года Вячек был арестован за распространение антисоветской литературы, отказался сотрудничать со следствием, был приговорен к «лечению в психбольнице».

В дальнейшем – один из организаторов всесоюзного «Мемориала», создателей партии «Яблоко», а потом и «СЛОН»

Но оказалось, что не только политикой жил и живет Игрунов. Он в Одессе писал и сейчас пишет стихи. Подборку своих одесских текстов он подготовил для альманаха.

Е. Г.

* * *

Под старыми липами
старую осень я вспомнил,
но легким туманом уносит
время
полдень.

Эпитафия

Ранней весной,
когда меня не станет,

аист
в чей-то дом
дыханье принесет.

и лишь меня
не станет
ранней
весной…

* * *

Иду по аллее,
в желтых листьях иду по аллее,
в желтых листьях бегу по аллее следов твоих.
Проснись!
Мимо деревьев, как мимо молелен,
мимо черных стволов, мимо веток, окутанных синью,
я бегу по аллее…

* * *

Милая девочка,
там,
впереди,
где холмы под сухими крестами,
нет ничего:
мимолетное счастье теплится меж нами
и уходит в туманы легко,
и уходит
в седые туманы.

* * *

мне в детстве
объяснили, что я смертен.
Господи!
зачем? –
тихою ночью, разбуженный ветром,
я плачу теперь…

* * *

Я ехал к закату
своего уходящего солнца.
За деревьями
красен он был.
Там,
за лесной полосой,
в одиноком оконце
робкий лучик свечи мне светил…

* * *

Снова ищу
свежесть чувств,
свежесть красок,
данную мне
свыше;
снова молчу,
снова тщетно услышать хочу
шорох листьев.

* * *

видишь
листья желтеют
от моей тоски по тебе
видишь
солнце садится
и птицы немеют
и под ветром качаясь деревья сереют
в наступающей мгле

* * *

И снова осень.

И опять
пылают в парках
листья,

опять
мне хочется тебя
увидеть
и молиться.
Опять
мне хочется мечтать
и быть
любимым…
И листья падают опять,
кружась неповторимо…

* * *

Приходит осень в мой пустынный дом.
Пугающе звучит молчанье.
Потрескивает в печке пламя
и воет ветер за окном.

Впервые я один.

* * *

Листья опали уже.
И вечер на улицах.
И никто никуда не спешит.
Я вглядываюсь в лица прохожих,
в их жесты,
улыбки,
глаза.
И так трудно сказать,
что же не нравится мне,
и так трудно понять,
почему же так мало печали,
почему же так мало печали у них…

* * *

Мне хочется счастья тихого
и спокойного:
немного радости в днях печали…

* * *

Бесполезно искать
среди гор
опустевшую хижину –
все опутал уже
листьев дикий узор.

* * *

День за днем
я теряю надежду,
будто деревья покорно снимают одежду
перед зимним ознобом.
Будто желтые птицы, порхая, садятся на землю,
грустному шепоту беглого времени внемлю
день за днем,
год спокойно за годом.

* * *

Это не ты!
Это чужие шаги!
Это шаги дождя за дверью
и лицо темноты!
Это не ты!
Это ветер шуршит прилетевшей бумагой,
это ветер шагает, своими ногами
задевая кусты!

Это не ты!

* * *

Капли дождя блестят на груди
кариатиды.
Руки, воздетые к небу, мокры,
волосы ливнем омыты.
Русалочья зелень,
как чешуя,
отливает прохладой.

* * *

Многообразья своего
я избежать уже не в силах,
и видят маскою фальшивой
мое открытое лицо.

* * *

Да,
я уйду,
но ты не плачь,
ведь нам осталось так немного –
стремительное время у порога
снимает с неба черно-звездный плащ.

* * *

Как прежде,
у женщин в фаворе.
Бесчисленность встреч,
нежность рук,
трепет губ в разговоре…

Вот так,
мимолетом,
встречаю надежды.
Которым развеяться вскоре…
Как прежде.

* * *

Будь моим супругом, ты сказала –
и царственна, и женственна была одновременно,
но в голове моей твои слова звучали
высокомерно и надменно –
я каюсь!
Но теперь,
когда безумной далью
нас разделяют дни и дни,
я не могу себе простить
твоей печали!

* * *

По пустыне жизни моей
иду я,
насмешливо осыпая песок с барханов,
хоть ветер колючий пронзительно дует,
мои следы заметая…

* * *

Взимает время дань
и данников своих
печалями без счета одаряет
и милует
из радостей его скупых
плетется жизни ткань
печали стариков
в их детях продлевая
срастаясь в узелках
ветвится нить живая
и рвется

* * *

Как мало отпущено Богом:
детей родить и дом построить!
К цветущим вишням не уйти от долга –
пустое!

* * *

Из небытия
в небытие возвращаясь,
я молюсь по дороге –
я признателен Богу,
что изведать досталось
мимолетность мгновенья…

* * *

В этом маленьком городе,
где встречаются все,
я с тобою не виделся
уже несколько лет!

* * *

Опять весна.
Опять в изнеможеньи
встречаю ночь.
Она тобой полна!
И призрак твой
мне не дает прощенья…

Ужели ты одна?!

* * *

В этой кромешной мгле,
в этом адском молчаньи
ты одна
помогаешь мне
не впасть в отчаянье.

Александр Хинт

Из цикла «Псы войны»

Сараево

Все начиналось из-за принципа,
не по какой-то там причине.
Так в облака уходит изморозь
от разрывающейся шины,
и раздевается сомнение
в кабине тесной сумасбродства.
На камни мать роняет гения.
Дворы расхлебывают пение,
не отличая от уродства.

И просыпается рептилия,
вмиг разнесенная ударом.
И запускает каудильо
в луну – настенным канделябром.

Срезая мир клешнями живности,
прибой опаздывал на восемь,
непотопляемой флотилии
отполоскать обломки сосен.
И капеллан молчал у клироса.
Клаксон проваливался в «шимми».
Подросток говорил «единственно
чего не жалко, – этой жизни».

Мешал латиницу с кириллицей
бедлам газетного пошиба.

«Мы умираем по традиции».
Так отвечал поручик Лиговцев.
Все начиналось из-за принципа
и до сих пор не завершилось

Плато Мон-Сен-Жан

Вот немец, а вот англичанин.
Протез до колена истерт.
Кто здесь за все отвечает?
Камброн отвечает: «Merde!»

Противник сегодня радует.
В слякоти императорский герб.
Лошадь разорвана надвое.
Камброн отвечает: «Merde!»

Подпирают орудие плечами,
если вдоль расколот лафет.
Застыв на границе молчаний,
Камброн отвечает: «Merde!»

Ураган измеряй кораблями,
что пошли косякам на десерт.
Что топит и что вдохновляет?
Камброн отвечает: «Merde!»

А пока, посреди крови-копоти
понимая, что в этой игре
зима заморозила покер,
Камброн готовит каре.

Под балаклавой

У Реглана сегодня с утра не тот Кардиган.
На плече Кардигана реглан, изорванный в клочья.
Виражи валькирий, Империя, общий план –
черный день темнее астрономической ночи,

потому что солдаты в окопе не ищут злата,
и свет ни к чему, если смерть поминает солдата,
накрывая квадрат, забивая бинокли глиной,
набухая поверх повязки под левой штаниной.

На щеке Дориана Грея, под балаклавой,
по морщине холста стекает капелька пота.
В этом доме не старится лишь групповое фото –
где атака легкой кавалерии под Балаклавой.

Из германского: Локи

В полях ледяной Милки Вей возвышается стогом,
поет, и на Марсе, конечно же, будут сады.
Он шел, чтобы высмеять лед и железную догму,
уходят – остаться, приходят – рассеяться в дым.

Он видел, пока полнолунье озвучено псами,
садиться в любые сани приходится на ходу.
Где сыплется манна, пора забывать еду.
Когда отопрут сим-симы, не лошадь осле(й)пнет, а всадник.

Но щурился Фенрир, сшибая комету хвостом:
один репетировал селфи-распятье на баобабе…
Живешь с людьми – непременно воешь по-бабьи,
и чаще осколки песен летят на восток,

живешь и живешь, и созвездий уже немного,
и реки малы для синдрома персидской княжны.

На этой скале он сорвал двадцать первый ноготь –
ему еще строить корабль, и ногти будут нужны.

*

Дачу разбудит рычание «фердинанда»:
чуть рассвело – сосед вынимает ковши.
Что-то приснилось… Груши звенящего сада.
Жуков говорит: «Войди». Домработница вносит кувшин.

Надо в углу кабинета замазать плесень,
а экскаватор сегодня рыдает на бис.
Что-то приснилось… Жуков слушает «Битлз»,
Маша опять за стеной завела эту песню.

Муха ползет по стеклу, как строка мемуаров.
Солнце все выше, бессменное солнце земли.
Что-то приснилось… Зима, медсанбат, гитара.
Немец в теплице выращивает костыли.

Жизнь – недалекий заплыв от победы до смерти,
мясо на вертеле или картошка в золе,
сорок четыре орудия на километре,
танки в резерве, люди уже в земле,

люди доставлены, вкопаны, врыты как надо.
Сосед строит нечто, подобное блиндажу.
Жуков сверяет статистику по Сталинграду,
а эм зе валрус, думает, гу-гу гу-джуб

*

Это не перемирие, просто затишье на час.
Он отправился в Сирию, а сначала хотел на Донбасс,
потому что пора бы на что-то достроить дом.
Ничего не получится отложить на потом.

На войне ничего нет вернее, чем пара гранат.
На земле ничего – только перечень координат
и работа по точкам, железобетонная каша.
Потому что должны где-то жить и Кирюша, и Даша.

Где-то есть, говорят, для солдата просторный дом…
Ничего не получится отложить на потом,
на янтарную ночь, черный день, фиолетовый час.
Он отправился в Сирию, а сначала хотел на Донбасс

*

Это купальный халат.
Это школьная парта героя.
Это его завещание в микрофон:
«То, что ты покорил, станет в итоге тобою,
до сотворения жатвы сам превратишься в него».

Марсово поле пройти – не найти прежней жизни на Марсе.
Знаешь, его еще надо пройти, уточняет костыль.
– Ты, дорогой, разорил семь столетий тому мое царство?
Ладно, забавно. Суп, между прочим, остыл.

Так остывают руины в классическом мифе,
сдачу берешь, а щека на монете – твоя.
Лже-Олоферн покупает кухонный набор лже-Юдифи.
Крыша на кухне течет.
Лыжи у печки стоят.

Юлия Мельник

Лирические строфы

* * *

Соломон опять обронил кольцо,
И блеснули слова с кольца,
Чтобы стало проще взглянуть в лицо
Суламифи и небесам.

Отпустить эту девочку – виноград,
Эту сладкую грусть внутри,
Этот свет, эту музыку невпопад,
Над которой мы не цари.

И пойдет она, легкая, словно луч,
Золотая, как дикий мед…
А кольцо, как заклятье, твердит в углу:
«Все пройдет… Все пройдет… Все пройдет…»

* * *

Есть дни, куда приходят без поклажи –
Без сумок, без зонтов, без рюкзаков…
А в небе тучи, словно пятна сажи
От чьих-то писем и черновиков.

Здесь Диоген свою покинул бочку,
Она сквозь сердце катится – пуста…
И дерево баюкает, как дочку,
Немую жизнь багряного листа.

Вдруг забываешь стрелки на запястье,
Они гуляют сами по себе…
И ты молчишь. И что такое «счастье» –
Еще пока неведомо тебе.

Слова, как семечки, летят сквозь пальцы,
Пора опомниться, пора идти…
Иначе кажется – ты едешь зайцем
В троллейбусе по Млечному Пути.

* * *

Там, где рос виноградник, сегодня растут новостройки,
И трамвай прозвенит мимо пыльной грохочущей стройки.
Помнишь этот трамвай? Он так часто меня выручал,
Когда к горлу соленой волной подступала печаль,

Начинал он звенеть – колокольчиком в детской ладошке,
Солнце с тенью бегут за окном, как проворные кошки.
Я прошу винограда, которого здесь не найти,
И слова, как изюминки, тихо блестят на пути.

Подберу я слова, а душа вдруг прошепчет: «Не надо…»
Я стою, как ребенок, и молча прошу винограда.

* * *

Памяти Сергея Ермакова

Город скуп на ласку, словно старик,
Иссушенный злым табаком…
Но вагон синекрылый хлопнет дверьми,
И вослед помашет рукой
Разношерстный вокзал в косматом пальто,
И обугленный парапет…
И туда, где живет просторный Никто,
Мы уедем с тобой чуть свет…

Он неслышно стряхнет бесполезный груз,
Он продует зренье и слух…
Все его откровенья – из первых уст,
Угощенья – из первых рук…
И целебную негу его полей
По-пчелиному сохраня,
Мы поедем обратно в сезон дождей,
В сизый шум осеннего дня.

* * *

Дождь моросит, и дерево качается,
И все оставить можно на потом,
Но человек опять не умещается
В сюжете этом – тихом и простом.

Он с этим ветром одиноко ссорится,
Хоть ветер слаб, и дождь почти не в счет,
Он с непогодой, как ребенок, борется
И, обижаясь, прячется под зонт.

И если б знать – на что он обижается,
Зачем роняет горькие слова…
Дождь моросит, и дерево качается.
У них на это есть свои права.

Валерий Бодылев

И рукопись на столе

Юго-запад

Ранним утром
Я уйду с Дальницкой,
Дынь возьму и хлеба в узелке.
Э. Багрицкий

Юго-запад значит – зюйд-вест.
Но не лоция – литература,
Исключение общих мест,
Так сказать, речевая фигура.

Юго-запад и все, что в связи
Находится с этим значеньем,
По горбатому морю скользит
Косого паруса тенью.

По Дальницкой несет в узелке Птицелов
Дыни в крапинку, хлеба краюху.
Он как будто из тех рыбаков,
Что о поэзии ни сном и ни духом.

Без аттической соли их разговор,
Черноморская – погрубее.
Их дубки вырезают узор
На зеленом стекле Хаджибея.

Низкий берег, лиманные солончаки,
Шаткий ветер зимы бесприютной,
Набегающих волн косяки –
И все прочие атрибуты,

Что вписались, проникли в состав
Стихов юго-западного направленья,
Узловатой бузинной дудкою став
Уже вычеркнутого поколенья.

Олеша

Олеша – Везувий в снегу.
В. Инбер (из разговора с В. Шкловским)

«Олеша – Везувий в снегу», –
Как-то о нем сказали
В довольно узком кругу
На Павелецком вокзале.

Казалось, оценка из ряда вон –
Он лирикой явно повязан:
Шумящая ветвь, ускользающий сон,
Который, к тому же, и смазан.

Подобных метафор устойчивый ряд
С подходом, скорее, пленэрным
Настроит зевак на лирический лад,
Накинет покров эфемерный.

Вот только под зыбкою почвой садов,
Написанных в броской манере,
Разбросаны рудные россыпи слов
В запекшихся кровью кавернах.

Стихи к портрету В. Хлебникова в мордовской шапке
(Работа Веры Хлебниковой)

«Венера и шаман», «Снежимочка» – итак,
Мы пробуем, пытаемся восполнить
Пробелы, пропуски, густой прорезать мрак
Надломленными лезвиями молний.

Шипят, увы, потешные огни
Метафор и сравнений нарочитых.
Но не вернуть разметанные дни,
И незадачливый вздыхает сочинитель.

А тот, о ком ни слова, – смотрит вбок,
За дальний горизонт придвинутого мира.
Как стружки волн, вскипают струи строк,
Пролитые рукою Велемира.

Описание одной картины И. Островского

И мне хотелось бы вот так
Вспять обратиться, вникнуть,
Увидеть, как сквозь мутный лак
Проступят образы и лики.

Светлеют язычки огней
Давно отцветшего каштана,
И кажется фасад бледней
Того собора из Руана –

Столь ярок летний день тех лет,
Оттаявших шестидесятых:
Край неба выцвел, ветра нет,
Брусчатка без теней поката.

Ну что еще? Каких примет
Еще художник не подбросил?
Он медлит, щурится на свет
И ставит знак в углу – Иосиф.

* * *

Я выбирал почти случайно,
Я выбирал, совсем не целясь,
И то, что мне казалось тайной,
На смысл тянуло еле-еле.
Любые встречи, разговоры
И быта мелкая рутина
Лишались грунта и опоры,
Рвались уже на середине.
И вот разрозненные части,
Страницы жизни вперемежку,
Полуобманчивые страсти
И мыслей тщательная слежка
За тем, что виделось неясно
Или почти не различалось,
И был ли разговор напрасным
На фоне мартовских проталин…
Подобная неразбериха,
Скорей всего, отнюдь не странность,
И сколь ни будь закручен лихо
Сюжет короткого романа –
Он не придуманнее жизни,
А может быть, и победнее,
И смотрит автор с укоризной
На безнадежную затею
Какой-то знак влепить по ходу
Нелепых встреч и разговоров,
Когда и время на исходе,
И нет пробелов и зазоров
В том слитном тексте непечатном,
Который кто-то сочиняет

И нас, как буковки, вставляет
Так невпопад и так некстати.
Кто автор? – не ответить сразу.
Он здесь или за облаками?
Как некто Стерн, на полуфразе
Захлопну томик со стихами.

Поворот винта
(Не по Генри Джеймсу)

С. Я.

«Печаль моя светла…»
Договорю: Светлана.
Туманная ветла
На краешке романа.
Хотя, пожалуй, нет –
Достало б на новеллу,
На простенький сюжет,
Который еле-еле
Разматывает нить
Одной короткой встречи.
Но как соединить,
Скрепить фигуры речи?
Как поворот винта –
Механика развязки,
И крайняя черта
Подведена с опаской.

* * *

Проходят дни, как будто впопыхах.
Кто пишет этот незатейливый дневник?
Кто в мой сюжет безжалостно проник
С презрительной усмешкой на устах?

Кто правит жизнь, как безнадежный текст?
Все по заслугам, так вот – поделом.
В подобной прозе много общих мест,
Но автор здесь, скорее, ни при чем.

Мелькают дней затертые листы.
Былое в дымке, встречный свет слепит.
Гремят на стыках гулкие мосты,
И рукопись на столике дрожит.

Игорь Лосинский

Беженец

Refugee

by Marika Stephanou

I remember running
Running through the darkness
Gray skies in my eyes longing for solitude
My freedom withered

There was no light
Only infinite darkness
Agony and anguish awaited
The offspring of despair ready to play

In this foreign land everything that ever existed migrated
through my veins
All sights seared into my mind with the hot branding iron of tragedy.
My nightly screams perforated the sky
like calls of escaped parakeets,

My mother's soft caress the only cure,
We fled in the darkness, my mother uttering quiet prayers
I remember her futile pleas
For protection,
For safety,

We found the boat
A rickety craft that held us in her embrace.
An embrace of utter discomfort.
Contorted, distorted, unsupported my body flailed
between sweaty desperation
The bruises sigils of malevolent personifications
The boat was hell
But you must understand that no mother puts their child in a boat
unless the water is safer than the land.

Hand over everything in your possession
Packed next to a hundred desperate others
You think to yourself
This boat is not large enough
Not strong enough
Not stable enough
to carry this much sorrow to the shore
Is drowning easier than staying?

There is no words to describe the idea of what it is
like to lose a home
At the consequence of never finding home again
Your life split between foreign lands and borders

Welcomed with profanity, showered with hate
How could humanity become this one cruel inhumanity
Where one's sorrow is met with disgust
Where one's cry for help is met with a slap
Where one's suffering is met with ignorance

My mother once a woman who would drown oceans
Now lay powerlessly in tremor covered in rubble
My father wasting beside her
Delicate, desperate, depressing prayers, the only words
that could manifest upon my tongue

Yet how long until they worked?
Where were these beings we all prayed to when we needed them
most?
When I was powerless to help them, even to comfort them?
Were they lost in some silent, lightless hall?

The tears, the horror twisting my face into an anguished grimace
I roared in agony
For I was being taken away from my wasting mother and father,
I could only scream at the heavens as the rains came
and washed away my tears
A mockery of melancholy

Fires raged inside my rib cage as I watched my mother
beg on her knees for
I was her world
And her world was being ripped from underneath her feet

The thick warm dust choking me as I gasp for air between sobs
My hands steel framed as I grasp the wired border
A thick crossed wire grid divides me
It divides my eyes,
My smile
My never ending river of tears

I crumple the sky and wrap myself in it
Time and time again
in hopes to replicate the warm comforting embrace of my mother
I try to find a home but where should my feet go?

my home is the mouth of a starving shark
the barrel of a loaded gun
the helpless personification of death
Staring deep into my ocean eyes

I cannot escape the borders
The borders that were created not by some divine power

but by man's own two hands

I am Imprisoned, divided, trapped in this hopeless maze
of borderlines
forever to be labeled
a refugee.

Беженец

Марика Стефану

Я помню как мы бежали
Бежали сквозь тьму
Серые небеса в моих глазах жаждущих одиночества
Моя иссякшая свобода

Свет исчез
Только бесконечная тьма
Ожидание боли и муки
Дитя отчаяния готово играть свою роль

В этой чужой земле все что когда-либо существовало
плыло по моим венам
Все вокруг жгло память раскаленным железным клеймом
трагедии
Мои ночные стоны дырявили небо
как крики улетевших попугаев

Нежное прикосновение моей мамы единственное лекарство
Спасаясь мы бежали в темноте и мама шептала тихие молитвы
Я помню ее тщетные мольбы
о защите
о спасении

Мы нашли лодку
Утлое суденышко принявшее нас в свои объятья
Объятья немыслимых страданий

Мое немощное беспомощное тело дрожало
в тисках потного отчаянья
Синяки словно печати поставленные олицетворенным злом
Лодка стала адом
Но вы должны уяснить, что ни одна мать не посадит свое дитя
в лодку
если вода не будет безопасней чем земля

Отдай все что у тебя есть
В тесноте десятков таких же отчаявшихся
ты думаешь про себя
Эта лодка не так велика
не так прочна
не так несокрушима
чтоб к берегу доставить столько горя
Что легче утонуть или остаться?

Нет слов чтоб описать смысл фразы
потерять свой дом
В том смысле что тебе его уже не обрести
Жизнь расколота между чужими землями и границами

Приветствуемое кощунствами осыпаемое ненавистью
как человечество смогло стать этим жестоким
бесчеловечеством?
Где твоя печаль встречает отвращение
Где твой крик о помощи встречает пощечину
Где твое страдание встречает безмыслие

Моя мама женщина которая могла вычерпать море
теперь бессильно лежит в горячке среди руин
Мой отец задыхается рядом с ней
Мягкие тягостные отчаянные молитвы
единственные слова которые мог вымолвить мой язык

Когда когда же их услышат?

Где были эти существа которым мы молились, которые были
нам так нужны?
Когда была не в силах я помочь или хотя б утешить
близких?
Может потеряли мы богов в каком-то темном
и безмолвном зале?

Ужас и слезы превратили мое лицо в гримасу муки
В агонии я ревела
когда у меня отнимали обессиленных отца и маму
Я могла только что-то кричать небесам когда дожди пришли
и смыли мои слезы
Глумленье над уныньем

Моя грудь пылала огнем когда мама умоляла их
ползая на коленях
Я была ее миром
И этот мир вырывали у нее из-под ног

Густая теплая пыль душит меня когда я глотаю воздух
между рыданьями
Мои руки обрамлены сталью когда я хватаю
колючую проволоку границы
Толстая крестообразная сетка пересекает меня
Она пересекает мои глаза
Мою улыбку
Мою бесконечную реку слез

Я небо мну в руках и укрываюсь им
снова и снова
в надежде как тогда ощутить теплые утешающие
объятия мамы
Я пытаюсь обрести дом но куда мне направить мой путь?

Мой дом пасть голодной акулы
ствол заряженного ружья

Беспомощное воплощение смерти
заглядывает в глубину моих океанических глаз

Я не могу вырваться за эти границы
Границы которые созданы не божественной силой
но лишь руками человека

Я брошена в тюрьму
разорвана на части
я поймана в ловушку безнадежного лабиринта границ
Мне вечно носить этот ярлык
беженец.

Первые шаги

166 **Кирилл Бельчик, Андрей Шеффер**
Театры и иллюзионы Молдаванки

Кирилл Бельчик, Андрей Шеффер

Театры и иллюзионы Молдаванки

Уже пятый раз подводятся итоги конкурса памяти Аркадия Креймера среди учащихся общеобразовательных школ.

Аркадий Евсеевич Креймер, до того как стал заместителем директора Всемирного клуба одесситов, много лет преподавал в школе. И в клубе он не терял связь с детьми, читал лекции для учителей и учеников по одессике.

Конкурс на интерактивную экскурсию в этом году выиграли, получили первое место ученики 10 класса гимназии № 4 Кирилл Бельчик и Андрей Шеффер. Их текст мы и предлагаем читателям альманаха.

Е. Г.

Театръ-Иллюзіонъ
ШАНТЕКЛЕРЪ
Гг. Одесситы и Одесситки!
Собирайтесь всѣ сюда въ теченіе этихъ 4 дней
небывалая драма изъ дѣйствительной жизни
Г-на Александра и Робинъ
ГЕРОИЧЕСКІЙ
ТАНЕЦЪ
(Во власти океана)

Однажды французы братья Люмьер от скуки решили что-то изобрести. «Только не изобретайте вечный двигатель!» – умоляли их соседи. Но ничего не вышло: уж сколько лет крутится изобретение братьев, и остановить его никто даже не мечтает, потому что братья Люмьер изобрели все же вечный двигатель, который называется «кино».

Огромный успех «синематографа братьев Люмьер» обусловил необыкновенно быстрое его распростране-

ние во всем мире. Через пять с половиной месяцев после первых коммерческих киносеансов в Париже синематограф появился в России и Украине.

Волшебный мир немого кино завоевал одесскую Молдаванку в начале XX века, когда вслед за центром города здесь появилась целая сеть стационарных иллюзионов (кинотеатров). Но прежде – о самом действии.

Один из старейших кинодеятелей, одессит Моисей Ландесман так описал кинотеатр того времени: «Послесеансовой системы еще не было, билеты продавались без мест. В зал впускали беспрерывно. Зрители входили и выходили, когда кому захочется. Движение это напоминало переполненный трамвайный вагон, с той лишь разницей, что суета в последнем происходила при дневном свете. Кто смотрел стоя, кто шмыгал в поисках места, мешая остальным. Постоянно кричали: «Садитесь! Не стойте перед глазами! Механик, крути!».

Спецификой молдаванских иллюзионов был, к тому же, страшный гул, слышный еще в фойе. Так грамотеи озвучивали титры не умеющим читать

Электрическій театръ
„АПОЛЛО“
Преображенская 28, противъ Херсонской
Съ 14-го Мая 1913 года.
ГРАНДІОЗНАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ КАРТИНА
въ 7 частяхъ
ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО
Рихарда Вагнера
выпущенная извѣстной міровой фабрикой Meester въ Берлинѣ съ затратой на постановку и фабрикацію
2,000,000 герм. маронъ.

Настоящая картина выпускается въ ознаменованіе празднуемаго музыкальнымъ міромъ столѣтняго юбилея дня рожденія геніальнаго композитора.
Картина иллюстрируетъ всю его жизнь съ 8-ми лѣтняго возраста по день его смерти, его высокихъ друзей Короля Людвига II, Вильгельма I и знаменитыхъ друзей: Листа, Меербера, Нитше и друг., а также его знаменитыхъ оперъ, какъ онѣ ему представлялись въ моменты творчества.

По распоряженію Начальства просятъ занимать мѣста согласно купленнаго билета.
ТЕАТРЪ ИЛЛЮЗІОНЪ „ГИГАНТЪ“
А. И. МАТВѢЕВА.

спутникам. Читка, как правило, сопровождалась обратным комментарием и треском разгрызаемых семечек. Однако мелкие издержки «самого демократического из искусств» не влияли на популярность нового зрелища: Молдаванка валом валила в местные иллюзионы. А спрос, как известно, порождает предложение – «электрические театры» плодились тут с неимоверной быстротой.

Поэтому на заре одесского (тем более молдаванского) кинопроката владельцев иллюзионов не слишком заботила проблема нехватки зрителя, что сказывалось на неудобствах и технике безопасности заведений. Просмотры устраивались наспех, хаотично, с минимальными затратами. Зато недостаток комфортности компенсировался их звучными названиями типа «Орел», «Океан», «Идеал», «Слава», «Шантеклер» и т. д. Но вскоре неумолимые законы рынка заставили содержателей киношек искать оригинальные пути для привлечения публики.

Иллюзион «Слон»

Итак, в путь! Наша первая остановка возле одного из первых иллюзионов Молдаванки – «Слон» на Мясоедовской, 24.

По мнению владельца, выстраивать программу следовало так, чтобы люди сначала поплакали, затем посмеялись, а главное – чтобы киносеанс продолжался не менее часа. «Тогда публика пойдет… и можно будет обходиться без глупостей вроде «говорящей головы». Между тем одна остроумная идея по заманиванию в иллюзион зрителя заслуживает внимания.

Как известно, иллюзионы содержали штатного тапера, бренчавшего на пианино. «Слон» одним из первых придумал малозатратный эксперимент озвучивания лент. Это было участие в киносеансах стаек молдаванских пацанов, специально нанятых для имитации шумовых эффектов. Идея имела бурный успех.

По ходу действия картины эти маленькие рыцари «Великого немого» кричали, топали, смеялись, лаяли и кукарекали так, что вызывали шквал аплодисментов. Такую славу виртуоза-шумовика стяжал в свое время юный Юлий Кемпер с Внешней улицы, брат известного впоследствии кумира советской эстрады Владимира Коралли (супруга Клавдии Шульженко). Позже Юлий Кемпер с успехом выступал в иллюзионе «Фурор» как куплетист и эффектер под сценическим псевдонимом Юлий Ленский. Во время первой мировой войны Юлий Ленский был призван на фронт и погиб в 1916 году.

Театръ „Слонъ“
Я. КАЛЕНИЧЕНКО
Мясоѣдовская, 24. Тел. 49/72.

Между прочим, «Слон» оказался чуть ли не последним местом работы Александра Яковлевича Певзнера – прототипа купринского Сашки-музыканта из «Гамбринуса».

Иллюзион «Прохоровский» (Прохоровская, 48)

Наша следующая остановка – иллюзион «Прохоровский». Его по праву можно назвать эталоном иллюзионов Молдаванки. И вот почему.

Избалованный уймой иллюзионов, зритель Молдаванки становился все взыскательней. Теперь он предпочитал те заведения, где кроме показа фильмов вперемешку с эстрадными номерами внедрялись дорогостоящие технические новинки. К примеру, в ответ на прошение владелицы иллюзиона Белан «о переносе ее заведения с Мастерской угол Коллонтаевской улиц в связи с малодоходностью» городская управа порекомендовала ей…

ПРОХОРОВСКІЙ ИЛЛЮЗІОНЪ
Прохоровская, № 46.
Отдаются АППАРАТЫ и КАРТИНЫ для синематографа на прокатъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.
Одесса, Базарная, 85. Телефонъ 34-12. І. М. ГОТЛИБЪ.

Прохоровская, 48. Здание иллюзиона «Прохоровский» (современный вид)

прежде всего, усовершенствовать сам процесс кинопоказа. Причем в качестве эталона обустройства зрительного зала приводился именно иллюзион «Прохоровский» на одноименной улице.

«Одесская городская управа сообщает, что просимое вами разрешение на открытие иллюзиона на углу улиц Мастерской, 39, и Колонтаевской, 17, может быть выдано при выполнении свидетельства о правильности оборудования иллюзиона:

1) помещение допустимо на 237 человек, для чего – представить план зала с показаниями сидений и огнетушителей;

2) все двери должны открываться к выходу публики;

3) вся аппаратная будка должна быть устроена из огнестойкого материала;

4) над целлулоидной лентой должен быть установлен душ;

5) стоячих мест в зале должно быть предусмотрено не более 25-ти».

Некоторые сеансы в «Прохоровском» обходились совсем без анонсов. В 1908 году случилась на Молдаванке такая история. Владельцу образцово-показательного иллюзиона «Прохоровский» И.М. Готлибу на очень выгодных условиях предложили прокрутить документальный фильм «Погром в Одессе» с единственным условием – никакой огласки. Дело, правда, пахло Сибирью, но И. Готлиб рискнул и не пожалел. По свидетельству очевидца,

сеансы без «афиш», начинающиеся поздним вечером, проходили с аншлагом. Стопроцентная явка четко обеспечивалась нелегалами из Российской социал-демократической партии. По странному стечению обстоятельств, политический профиль бывшего кинотеатра И. Готлиба сохранялся довольно долго. В первые годы советской власти в его помещении обосновался один из четырех «залов депеш» одесского бюро УкрРОСТА. В ростовских сотрудниках числился цвет литературной Одессы той поры – В. Нарбут, Э. Багрицкий, Ю. Олеша, В. Катаев.

«Гигант» (Прохоровский сквер)

Доподлинно известно также, что жгучее желание увидеть какой-то сошедший с экранов городских иллюзионов фильм привело на Молдаванку и юного Юрия Олешу: «Я отыскивал этот иллюзион – именно отыскивал, а не привычно направлялся к нему. Я только знал, что он на Градоначальнической. Вот Кирха, надо обойти Кирху… город по ту сторону мне был неизвестен. Там мне было страшно идти. Не классовый ли страх более бедных

Иллюзион «Гигант»

районов? Так или иначе, но я нашел этот иллюзион, он назывался «Гигант».

Татьяна Донцова, автор книги «Молдаванка», провела собственное расследование и пришла к выводу, что речь шла не о «Гиганте». Молдаванский «Гигант» находился на Прохоровской площади у Толкучего рынка. Вероятнее всего, Ю. Олеша стремился добраться до новооткрытого первоклассного гранд-театр-иллюзиона «Эрмитаж», Градоначальницкая, 22, против Ризовской.

Кстати история упомянутого «Гиганта» тоже не совсем обычная, хотя бы потому, что восходит к нашумевшей Одесской торгово-промышленной выставке 1910 года. Невиданный доселе размер сооружения на 600 мест оправдывал свое название, попав в числе других достопримечательностей во все путеводители, и, конечно, принес хозяину немалый барыш. После окончания мероприятия все выставочные павильоны на территории Александровского (Шевченко) парка были разобраны. Не избежал этой участи и деревянный «Гигант». Но уж больно хорош был его фасад: резные башенки, колонки, флажки. Неудивительно, что Матвеев решил построить эту красоту на постоянном местечке. Поиск такового занял целых два года, приведя расторопного хозяина на Молдаванку. Городская управа разрешила ему «открыть на Прохоровской площади, около сапожных рядов Толкучего рынка иллюзион-театр» при соблюдении ряда условий.

Так что еще несколько предреволюционных лет «Гигант» красовался в начале Розумовской улицы, там, где сейчас раскинулся шатер для торговли цветами. Только границы его задней стены доходили до ограды особняка бывшей детской лечебницы (ныне диспансера) на Старопортофранковской, 38. Непрестижность района с лихвой окупалась многолюдностью легендарной барахолки, о чем свидетельствует шикарно изданная афишка «Гиганта» 1913 года с фото уже знакомого павильона, адресом, распоряжением начальства «занимать места согласно купленным билетам» и кратким содержанием кинодрамы «Вакханка».

Самореклама иллюзионов, кстати, строго ограничивалась правилами, для чего существовали подконтрольные городским властям органы. Однажды уличенный в подобном нарушении хозяин «Гиганта» подвергся административному взысканию:

«Содержателей иллюзионов «Орел» на Прохоровской, «Гигант» на Толкучем рынке за нарушение постановления «О торговцах вразнос произведениями печати», выразившееся в рекламировании своих иллюзионов посредством раздачи программ и летучек на улицах, подвергнуть штрафу по 25 руб. каждого или аресту на 7 суток». Полагаю, указанные владельцы предпочли отделаться денежными штрафами.

Киностудия

Теперь о самой яркой странице кинопрошлого Молдаванки. Оказывается, на ее территории была даже кинофабрика, выпустившая несколько фильмов. Инициатива создания молдаванской киностудии исходила от некого К.П. Борисова, предприятие которого замаячило на киногоризонте Одессы в 1918 году, с приходом в город германских оккупационных войск. Правление акционерного общества «Борисов и компания» находилась по респектабельному адресу Дерибасовская, 21, а фабрику, вернее, небольшое ателье, спешно соорудили рядом с Институтом благородных девиц на Староинститутской (Дидрихсона), 17. В легком павильоне из стекла и металла Борисов успел снять шесть полнометражных картин. Следует признать, что эти слабые в художественном и техническом отношении фильмы были далеки от совершенства, хотя в них играли известные до революции актеры А. Бойтлер и С. Ценин.

В 1920-м борисовскую студию национализировали, назвав «Фабрично-съемочной секцией Одесского окружного фотокиноотдела», а позже даже кинофабрикой № 2. За несколько лет молдаванская киносекция выпустила несколько документальных лент агитационного характера: «Праздник Всеобуч», «День красной казармы», «Первое Мая» и другие. Затем разобранный прозрачный павильон с Институтской переехал на Французский бульвар, 33. Там, на территории бывшей кинофабрики Гроссмана-Харитонова, ныне прославленной Одесской киностудии, он еще долго служил делу созидания хороших и не очень фильмов, ставших теперь историей.

Киностудия на Дидрихсона, 17. (современный вид здания)

Постепенно каждый молдаванский иллюзион обрел своего постоянного зрителя. «Волну» на Большом вокзале посещали, в основном, железнодорожные рабочие и служащие, проживающие у товарной станции; «Славу» (Степовая, 54) и «Помпеи» (Степовая, 28) – фланирующая публика; заведение Грачева (Болгарская, 51) – посетители и персонал близлежащих публичных домов; в «Орел» (Прохоровская, 28) заглядывали налетчики во главе с Мишкой Япончиком; а театр-иллюзион «Электрический» (Госпитальная,11), принадлежавший графу Роникеру, привлекал местных меломанов игрой оркестра.

Известен целый список адресов других иллюзионов Молдаванки:

«Дальницкий» (Дальницкая, 32)
«Луна» (Колонтаевская, 8)
«Международный» (Градоначальницкая, 31)
«Народный кинотеатр» (Степовая, 44)
«Океан» (Колонтаевская, 17)
«Прогресс» (Прохоровская, 15)
«Рай» (Средняя, 2)

Одесская киностудия (современный вид)

«Слава» (Степовая, 54)

«Шантеклер» (Манежная, 6)

«Эрмитаж», «Сорренто» (Градоначальницкая, 22)

Как видим, молдаванский зритель не был стеснен в возможности выбрать иллюзион по душе, комфорту и средствам.

Театры

А мы продолжаем наше путешествие. Нас ждет театральная Молдаванка! Да, да! Вы не ослышались! Артистов у нас на Молдаванке всегда хватало. А раз есть артисты, значит, будет и театр. Во всяком случае, так решили члены Михайло-Молдаванского комитета Общества попечения о бедных города Одессы в 1888 году и открыли вполне приличный театральный зал в доме Корбула на углу Мельничной и Михайловской улиц.

Общество обратилось к городским властям с ходатайством о разрешении давать драматические представления на Молдаванке для местного рабочего населения в устроенном у Большого

Театральный зал в доме Корбула на углу Мельничной и Михайловских улиц (современный вид)

вокзала театре. При этом комитет предоставлял список 25-ти пьес, доступных пониманию простолюдинов. Поскольку сезон уже наступил, председатель просил ускорить рассмотрение списка, так как спектакли являются весьма желательны.

В «Одесском вестнике» писалось: «7 февраля после реконструкции при вновь сформированной труппе из актеров и любителей драматического искусства поставлена 4-актная драма Александра Островского «Грех да беда на кого не живет» с заключительным дивертисментом».

Здание народной аудитории (кинотеатр «Родина»)

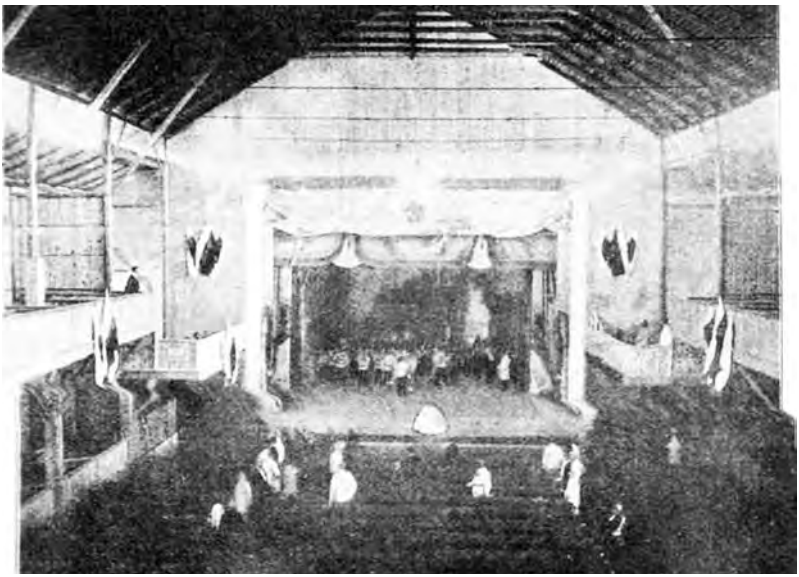
К столетию Одессы эпицентр жизни Молдаванки переместился из частного дома на Мельничной в городское здание Народной аудитории на Внешней улице. На сцене ее вместительного зала давались драматические и даже оперные представления. Отсюда с выступлений в полупрофессиональных труппах началась карьера будущих звезд сценического искусства актера МХАТа Л.М. Леонидова, создателя одесской театральной студии педагога О.В. Рахмановой, знаменитого эстрадника Владимира Филипповича Коралли. Последний проживал в доме № 110 по улице Внешней, оставил воспоминания: «Против нашего дома помещалась Городская аудитория, или Народный дом, где показывали спектакли, устраивались балы-маскарады, дивертисменты… Дети нашего двора были постоянными посетителями утренников театра «Водевиль» и концертов аудитории. Я стал чем-то вроде знаменитости Молдаванки». В 1918 году силами столичных артистов, сбежавших от большевиков, готовилась к постановке пьеса Алексея Толстого «Смерть Дантона» по Г. Бюхнеру.

Театр Брунштейна

В самом начале XX столетия на театральном небосклоне Молдаванки замаячило имя Давида Семеновича Брунштейна. Купец второй гильдии, несомненно, почитал искусство лицедейства. Иначе не стал бы вкладывать капитал в строительство театрального здания на молдаванской окраине, на улице Дальницкой, 27. Представляете, какой белой вороной смотрелся его новенький трехъярусный театр на полторы тысячи зрителей посреди проезжей дороги за Водяным оврагом? Открытие состоялось в 1902 году. Лучший в то время одесский фельетонист Владимир Жаботинский вспоминал: «На окраинах есть своя интеллигенция, не столь отшлифованная, как в центре… но не менее нас жаждущая хорошего театра… Население окраины давно мечтало о хорошем театре, а серьезных соперников нет». И еще: «Вчера (11 ноября), наконец, шла «Дикая утка» в Драматическом театре на Дальницкой. Мое искренне впечатление таково: как постановка – это, без спору, лучшее, что когда-либо видела Одесса». Он же, В. Жаботинский, считал, что первый опыт внедрения системы Станиславского был осуществлен именно на Молдаванке.

В мае 1903 года фойе театра Брунштейна превратилось в художественный салон первой общедоступной выставки картин. Кроме картин местного товарищества художников – К. Костанди, Н. Кузнецова, Г. Головкова (между прочим, последний тоже с Молдаванки, с ул. Михайловской) и других, здесь экспонировались картины столичных мэтров Репина, Мясоедова, Похитонова – всего свыше 160 полотен. Увы, просуществовав 10 лет, предприятие Брунштейна разорилось. Начавшаяся вскоре мировая война похоронила не только мечты о дворце для рабочих, но и само здание. В советское время на его месте построен цех завода «КинАп».

В мае 1905 года жители Молдаванки получили щедрый подарок в виде большого летнего театра при новооткрытом саду Попечительства о народной трезвости, прозванного попросту «Трезвость». Здание театра представляло собой оригинальную деревянную конструкцию с остекленными стенами, создающими эффект открытой сцены. Издатель путеводителей Г. Москвич писал: «Прекрасно оборудованная сценическая площадка могла бы служить украшением любого провинциального города». Жителей Молдаванки трудно было привлечь спектаклями только пат-



Здание театра «Трезвость»

риотического содержания. Часть репертуара театра «Трезвость» состояла из легковесных пьес. Очень популярным, например, был спектакль с многозначительным названием «Измена».

А вот воспоминания Леонида Утесова, который тоже посещал сад «Трезвости»:

«Заведовал этой площадкой господин Борисов. Это высокого роста человек с быстро бегающими глазами. Говорит он на «о» и отчаянно картавит. Он не только администратор. Он сам артист. И не только он – вся его семья выступает на эстраде.

– Зачем мне программа? Я сам программа.

– Один?

– Зачем один? Я куплеты. Я и жена – русско-еврейский дуэт. Дочка Софочка – чечетка, и младшенькая, Манечка, – «вундеркинд цыганских романсов».

Но такой разговор ведется для того, чтобы сбить цену артисту, которого он нанимает.

Получить дебют у Борисова ничего не стоит. Не надо быть артистом. Можно выступать первый раз в жизни. Нужно только прийти к господину Борисову и сказать:

– Господин Борисов, я хочу сегодня выступать в программе.

– Пожалуйста, дирекцион (ноты) у тебя есть?

– Есть.

– Миша! А ну порепетируй с этим пацаном. Вечером он пойдет четвертым номером.

Вечером дебютант выходит на сцену и в меру своих сил старается доставить удовольствие скромной аудитории пьяных и полупьяных посетителей сада «Общества трезвости».

Если то, что он делает, нравится, его вызывают на бис. Стоит дикий крик: «Да-а-вай!». Если не нравится – не менее дикий: «В бу-у-дку!».

Молодой человек поднял руку, крик прекратился, он презрительно бросил в публику:

– Жлобы, что вы кричите? Мне это надо – петь куплеты? У меня своя мастерская галстуков. Жлобы! Ну, так я не артист.

Зал смолк и с уважением проводил несостоявшегося гения».

Мы разыскали место, где когда-то располагался такой интересный театр, «Трезвость». Сегодня здесь расположен Одесский мореходный колледж рыбной промышленности им. А. Соляника.

Вот такой была театральная и иллюзионная жизнь Молдаванки в начале XX века. Увы! За последние десятилетия на Молдаванке были закрыты либо перепрофилированы практически все клубы, театры и кинотеатры, за исключением «Родины», где за порядочные деньги крутят фильмы разного содержания и культурной ценности.

Это были театры и иллюзионы Молдаванки.

С любовью за Одессу.

Руководители – Н. Калышева и Ю. Ярошевич

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

182 **Евгений Голубовский**
Дон Кихоты нужны!

186 **Михаил Пойзнер**
Мой Козачинский

196 **Евгений Голубовский**
Возвращение Аристарха Кобцева

199 **Евгений Деменок**
Цвета и линии Аристарха Кобцева

202 **Феликс Кохрихт**
Odessa Classics: первый юбилей

214 **Элла Леус**
Зачем вы пишете смешно, дорогой Георгий Андреевич?

220 **Белла Верникова**
Композитор-авангардист Артур Лурье

232 **Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

258 **Евгений Перемышлев**
Изумление блистающему графоману

268 **Евгений Деменок**
Одесситы пишут Бурлюку

Евгений Голубовский

Дон Кихоты нужны!

Выставка работ художника Олега Аркадьевича Соколова во Всемирном клубе одесситов была запланирована еще в начале года. Мы готовились к столетнему юбилею этого мастера, стоявшего у истоков одесского нонконформизма.

Тогда предполагали, что по сусекам у коллекционеров соберем работы, чтобы показать в июле. Но все случилось иначе. Член президентского совета клуба скульптор Михаил Рева познакомил нас с заведующим кафедрой Одесской строительной академии Владимиром Степановичем Осадчим, в чьей коллекции хранились 600 (!) работ Олега Соколова. И тогда мы решили отдать под эту выставку два свои зала, чтобы показать 100 работ в год 100-летия.

Первые неофициальные выставки в Одессе – это Соколов.

Первая антисталинская фреска на стене квартиры в Одессе – это Соколов.

Первое неформальное общество в Одессе – клуб имени Чюрлениса – это Соколов.

Произведения Олега Аркадьевича Соколова хранятся в Музее современного искусства Одессы, в Музее западного и восточного искусства, в Художественном музее, в Музее Блещунова, в частных коллекциях.

В начале этого года я предположил, что нас всех ожидает праздник.

Даже дал название этому событию для Одессы – Год Олега Соколова. Я воспринимал это как наш общий долг перед памятью художника – отметить 15 июля 2019 года его столетний юбилей.

Конечно, я знал, что работы Олега Аркадьевича Соколова в шестидесятые-восьмидесятые годы были в десятках домов

одесской творческой, научной, технической интеллигенции. Помнил их на стенах у композитора Александра Красотова, у врачей Евгения Свидзинского и Ивана Григорьева, у философа Авенира Уемова, у писателя Аркадия Львова… Но представить не мог, что мне в 2019 году позвонят по телефону и предложат посмотреть потрясающую коллекцию его листов, более 600 работ.

Мистика?

А Олег Соколов и был мистиком. Верил в свое счастливое число – 13. Знал, что его оберегает его созвездие – Гончие Псы. И когда он писал бесконечную серию пейзажей неведомой звезды, для него она была ведома, она вела его по дорогам войны, не допустила смерти после тяжелого ранения. Конь под ним погиб, а он остался жив. Этого коня он помнил всю жизнь, со слезами на глазах читал стихи Николая Заболоцкого «Лицо коня» и Бориса Слуцкого «Лошади в океане».

Олег Соколов начинал как поэт в литстудии Дворца пионеров. Писал стихи всю жизнь. Мне чаще других вспоминается его программное – «Дон Кихоты нужны!».

Все его стихи, написанные до войны, а потом и на войне, пропали во Львове. Исчезли из комнаты общежития. А потом неожиданно реинкарнировались в Одессе, на его рабочем, музейном столе…

И подобные чудеса – воскрешения работ Соколова – происходят на моей памяти.

Считалась исчезнувшей, вроде кто-то увез за рубеж и распылил, серия больших работ к «Мастеру и Маргарите» Булгакова. И вдруг оказалась *музеем*, созданным на заводе «Микрон» для релаксации сотрудников Владиславом Вайсманом.

А в Музее современного искусства Одессы, собранном Вадимом Мороховским и Семеном Кантором, целый зал отвели под работы Соколова.

И вот новое чудо, которое демонстрируем в залах Всемирного клуба одесситов, – сто работ из шестисот из коллекции заведующего кафедрой Одесской академии строительства и архитектуры Владимира Степановича Осадчего.

Человек ближнего круга, человек, любивший Олега и ценивший его эксперименты, Владимир Осадчий и дочь Татьяну

воспитал в понимании эстетики Соколова, и недавно она защитила диплом в Киевском художественном институте по творчеству Соколова, его цветомузыке и изопоэзии.

Я очень надеюсь, что выйдут об Олеге Соколове монографии и исследования. Но даже в короткой статье хочу обозначить главное.

Олег Соколов в годы сталинщины, да и потом, в годы бесконечного застоя, был первым, кто открыто не захотел работать в предписанной системе «соцреализма», причем не ограничившись работой «в стол», а активно, граждански отстаивая свое виденье.

Его путь – от мирискуссничества к символизму, от экспрессионизма к абстракции, от оп-арта к коллажу, от контр-рельефов к буквенной зауми…

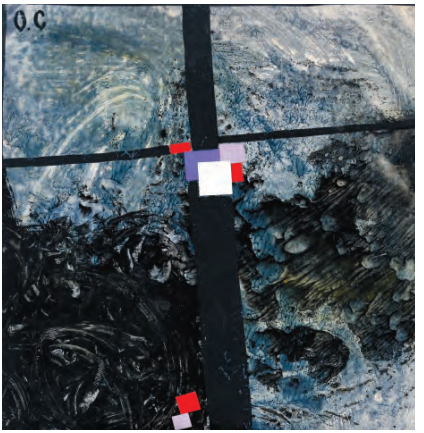
За всем за этим стояла высокая школа – до войны он начал учебу в Одесском художественном училище, после войны продолжил, демобилизовавшись, во Львовском художественном институте, а вернувшись в Одессу, защитил диплом в худучилище. Но главной его школой, по его собственным словам, стали несколько лет общения с профессором Теофилом Борисовичем Фраерманом, одним из «одесских парижан», а затем создателем, вдохновителем первого одесского авангарда. И безусловно, школой стали 35 лет, с 1955 года по 1990-й, работы в Музее западного и восточного искусства с его замечательной библиотекой. Там он вчувствовался в Бердслея и Ропса, в Вазарелли и Мондриана.

Сегодня, из нашего настоящего, точнее видится и путь Олега Аркадьевича Соколова, и его роль в развитии искусства в нашем городе, да и стране.

Соколов стоял на грани двух эпох и первым перешагнул эту грань, опередивши на многие годы своих коллег в понимании путей развития искусства.

Соколов воспринимал искусство как единое целое, живопись, музыка, поэзия для него дополняли друг друга, и он стремился к синтезу искусств в своем творчестве. И клуб, созданный им, «Цвет, музыка, слово имени Чюрлениса», был первым, не спущенным по указке из идеологических отделов ЦК, а рожденный вопреки запретам.

Прелюд

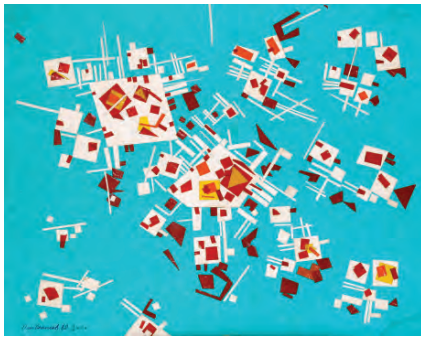


Бездна

Оранжевый вечер

Колесо двуличности

Букет



Джаз

Апрельское заклятье

Красные листья войны

Баллада о Ньютоне

Соколов был борцом. И гены родителей – отец дворянин, мать из староверского купечества, такая боярыня Морозова, перенесенная в XX век, дали свои плоды. Он не был заражен страхом. Все понимал, но выходил на одиночные пикеты, устраивал неподцензурные выставки…

Автопортрет

Соколов был Дон Кихотом. Но он сумел доказать, что за̀мок, в котором мы все заточены, картонный, что удары шпагой в его стены не бессмысленны, что верный Росинант найдет дорогу из коммунистического марева.

Успел увидеть горбачевскую перестройку, подержать в руках «Доктора Живаго», которого он иллюстрировал, слушая сквозь глушилки по «Свободе», подержать в руках томик Гумилева…

Олег Соколов умер в 1990 году, по сути – на бегу, на ходу, и в семьдесят лет не успев постареть.

Остались его работы. И это его послание нам – простой посыл: у настоящего искусства нет срока годности, оно всегда современно.

Спадает с души все бренное,
Истории бьют часы,
Звенит серебром вселенная,
Над нами – Гончие Псы.

Михаил Пойзнер

Мой Козачинский

Первое знакомство с Александром Владимировичем Козачинским и «Зеленым фургоном» – это, конечно, кинофильм, снятый в 1959 г. на одесской киностудии по сценарию выдающегося одессита Григория Яковлевича Колтунова. Для меня, 10-летнего мальчишки с Молдаванки, это было захватывающее кино о приключениях и лихих погонях. Не более того… Мои приятели по старой 20-й школе, что когда-то находилась на Мастерской угол Петропавловской, перебивая друг друга, активно пересказывали запомнившиеся эпизоды этого фильма. И, кажется, только в году 65-м в читальном зале детской библиотеки на Градоначальницкой мне совершенно случайно подсунули изрядно потрепанную книжку «Зеленый фургон». К этому времени я уже считал себя настоящим одесситом! Теперь «Зеленый фургон» читался уже «одесскими» глазами. Потом я много-много раз читал и перечитывал «Зеленый фургон», прежде всего акцентируя внимание на тех или иных характерных одесских картинках.

Как я сейчас понимаю, первый кинофильм «Зеленый фургон» дает несколько искаженное представление о самой повести.

Здесь больше (значительно больше!) Колтунова, чем Козачинского. Здесь меньше иронии, больше революции. Больше революционной романтики, революционного порыва. В этом смысле вторая экранизация кажется более удачной.

А саму идею написания «Зеленого фургона» одним из первых подсказал Илья Ильф. Так, в письме (13.01.1932 г.) Козачинскому в Гагры, написанном в характерном для него стиле, говорится:

«Дорогой и прочее Саша! Как Ваше здоровье? Этим интересуется полмира. Об этом, кажется, скоро будет печать в «Известиях», в отделе «Котировка иностранной валюты». Что делается на узкой полоске земли, называющейся Гаграми? Отчего бы Вам, пользуясь свободным временем, не написать:

а) роман из жизни;

б) воспоминания о себе;

в) еще что-нибудь интересное.

Это было бы вполне уместно…

Человечество этого ждет.

Не откладывайте. Пишите».

Александр Козачинский откладывал до января 38-го.

Вряд ли кто-то знает, что меткое высказывание Ильфа «…на узкой полоске земли, называющейся Гаграми» Александр Козачинский, чуть перефразируя, потом внес в текст «Зеленого фургона».

Да и сам «Зеленый фургон» не так просто увидел свет.

Предостерегали и Валентин Катаев, и Евгений Петров, и Лев Славин, и Семен Гехт. Многие…

Преследующая болезнь и полное безденежье подавляли и уничтожали его. «Мне неловко обращаться к тебе с денежной просьбой, особенно до того, как выяснится судьба «Зеленого фургона». Однако К. К. (Клавдия Константиновна, мать А. Козачинского. – **М. П.**) осталась без денег, и у меня другого выхода, как обратиться к тебе, хотя я совершенно не представляю себе, из каких источников покрою долг, если «Зеленый фургон» забракуют. С этим предупреждением я и обращаюсь к тебе с просьбой одолжить К. К. некоторую удобную для тебя сумму, чтобы она могла перекрутиться до продажи «Зеленого фургона»

и получения аванса…» – писал Козачинский Евгению Петрову (письмо от 15.06.1938 г.).

Тем не менее с публикацией «Зеленого фургона» не торопились. Козачинский снова пишет Евгению Петрову (05.11.1938 г.): «…Я продолжаю находиться в состоянии томления. Снятие «Фургона» огорчило меня чрезвычайно – во-первых потому, что то, что хочешь печатать сегодня, может не понравиться завтра, во-вторых, мне нужно для Литфонда, в-третьих – нужны деньги…».

Пресловутый Литфонд тянул время, продолжал «не замечать» больного Козачинского, оставляя его без пособия, путевок в санаторий, бесплатного питания. Козачинский писал Евгению Петрову (06.03.1939 г.): «…Положение мое, Женя, такое. Каждый туберкулез имеет свое начало и свой конец. Было бы нелепо закрывать глаза на факты. Несмотря на сдержанность моего врага, я отдаю себе отчет в том, что шансов с каждым днем у меня остается все меньше. Год для прогрессирующего туберкулеза последней стадии очень большой срок, а я уже болею около года…»

Из письма Семена Кирсанова Евгению Петрову (20.03.1939 г.): «Я был у Козачинского… Дела его довольно плохи – жалкое состояние быть смертельно больным и лишенным уверенности в жилище и еде… Мне очень жаль Козачинского, для жалости достаточно посмотреть на него и его «лечебную» обстановку…». В письме Льву Славину (01.12.1939 г.) Козачинский говорит о себе: «Я – автор, известный главным образом своими болезнями…». Комментарии здесь излишни…

Несмотря ни на что, у Козачинского получилось штучная вещь!

В Одессе говорят: «…Не бывает второго шанса произвести первое впечатление». Касательно «Зеленого фургона» этого второго шанса, второго переосмысления категорически не потребовалось. Впечатление о «Зеленом фургоне», его героях, нестандартных ситуациях, друзьях и недругах, бесконечной любви к Одессе – это первое впечатление, оно же и последнее.

Для меня «Зеленый фургон» как бы растворился и завис в одесском воздухе. Как учатся ходить, так и я когда-то учился ходить по одесским улицам, опершись на «Зеленый фургон» – на эту надежную выверенную опору. Вот Дерибасовская, вот Преображенская, вот Нарышкинский спуск, Московская, Бажакина,

Балковская… Сопереживая, я шел буквально по пятам за Володей Патрикеевым, сопровождая его на Ставки.

И я тоже отвожу глаза, чтобы не смотреть на то, что мне не нравится в сегодняшней Одессе, – на то, что при всем желании не могу выправить. Точно так же, как и герои Козачинского, спиливающие по ночам (!) акации вдоль тротуаров по улице Белинского «…не столько из-за страха ответственности, сколько из чувства приличия и почтения к родному городу…». А когда дохожу до Торговой угол Садовой, перед глазами всегда кадры из первого «Зеленого фургона». На этой лестнице, ведущей в корпус Нового базара, кажется, и сегодня вот-вот столкнешься с коварным Сашкой Червнем или добропорядочным отцом Володи Патрикеева. А может, внезапно мелькнет «…долговязая фигура и веселые глаза цвета ячменного пива», уж очень напоминающие Красавчика…

Одесса Козачинского сочная и живописная, наверное, еще и потому, что написана движением его души. Да и сегодня, чтобы почувствовать его Одессу, много не надо. Надо просто пройтись по нашим улицам – прислушаться, присмотреться, может, лишний раз улыбнуться незнакомому прохожему. Услышать перезвоны 5 или 28 трамваев, разноголосицу Староконного, громкую тишину Сахалинчика, разговорчики в бане на Провиантской или незаметно пристроиться к колонне курсантов какой-нибудь мореходки… чтобы хотя бы услышать «…тот неистребимый южный акцент, который позволяет безошибочно узнавать… одессита…».

Все это незаменимое, одесское…

Не хочется банально пересказывать биографию Александра Владимировича Козачинского – биографию непоследовательную,

остросюжетную, кипучую, жесткую и жестокую. Козачинский с «одесской высоты» посмотрел на своем время – бурное, трагикомическое, непредсказуемое и трепетное. Ко всему он отнесся с нескрываемой иронией – к новой власти, к уголовному розыску, к его только что испеченным сотрудникам, к бандитскому элементу, «…лихо затягивающему воровскую дорожную». Буквально ко всему! Но только не к Одессе! Это не Козачинский, а сама Одесса, не пряча улыбки, относилась (и относится!) к переменам, в принципе, не обещающим ничего хорошего.

Однако не унывать!

Не падать духом, где попало!

Доводить начатое до конца!

Верить в справедливость, но не доверять ей!

И выше голову!

Это, по сути, и есть сам Александр Козачинский!

И может быть, как ни с чем другим, его «Зеленый фургон» перекликается с хрестоматийными строками Владимира Дыховичного: «Ты одессит… а это значит, что не страшны тебе ни горе, ни беда…». Со словами, увы, затертыми и не всегда используемыми сегодня по своему первичному назначению. Как тут не вспомнить слова того же Григория Колтунова: «…Учитесь видеть в одесситах рыцарей, у которых за шутливой формой скрыто очень глубокое содержание…». Таких рыцарей, как Александр Козачинский!

«Сохраняя малое, сохраняешь всё…» – гласит народная мудрость. Всегда ли у нас следовали (следуют!) этому? Сколько такого «малого» и таких «малых», как Козачинский, просто упущено, забыто, покрылось молчаливой архивной пылью?! И это в лучшем случае. Много ли мы вообще пытались сохранить и сохранили?!

Что должен был почувствовать я, когда на одном из сайтов, касающихся истории и литературы, прочел: «У меня находится архив писателя Александра Козачинского»? После длительных интенсивных и далеко не равноправных переговоров архив Козачинского оказался в Одессе. Теперь навсегда!

Первое, что в этом архиве мгновенно бросилось в глаза, – фотография его одесского дома на ул. Базарной, 1. Среди сотен фотографий эта фотография была самой потрепанной, самой изношенной… Очевидно, Козачинский никогда не расставался с ней,

держал близко к сердцу… Всегда это фото было с ним – и в Москве, и в Гаграх, и в Новосибирске. Везде… 4 апреля 2015 г. по инициативе Всемирного клуба одесситов на фасаде этого дома установлена мемориальная доска памяти Александра Козачинского.

Александр Козачинский никогда не забывал Одессу. Тянулся к ней…

Так, в письме к писателю Льву Славину, одесситу и другу, он писал (04.10.40 г.): «…Большой Фонтан – как раз то место на земном шаре, где мне больше всего хотелось бы быть… Детство мое протекло на 16 станции, на даче Измайловой. Неужели до сих пор существуют настоящие большефонтанские рыбаки? Есть еще «Золотой Берег», маяк, башня на даче Ковалевского, театр Лигиной, ресторанчик на 16 станции?..»

Чего только стоит этот текст! Одесса всегда была у него внутри…

Может, даже непреднамеренно, скольким он привил любовь к нашему городу?! А сколько вслед за Козачинским повторяли звонкие названия одесских окрестностей – Буялык, Куяльник, Петроверовка, Яновка, Ильинка, Балта и наконец «пыльное торговое местечко» Севериновка. Надо сказать, что и в сегодняшней Севериновке самые памятные и светлые места – места, хоть както связанные с «Зеленым фургоном» и Козачинским (не считая, конечно, Северина Потоцкого).

И шутил он тоже по-одесски. В том же письме ко Льву Славину Козачинский писал: «…Должен Вас поблагодарить за рекомендацию, которую Вы мне дали для вступления в Союз (Союз писателей СССР. – **М. П.**), – меня на днях приняли, и теперь в домоуправлении на меня смотрят как на настоящего писателя…».

Он был настоящим писателем.

Он был настоящим во всем.

…После Одессы была Москва со столичной суетой, работа в газете «Экономическая жизнь», новые лица, статьи, репортажи, интервью, фотоотчеты, поездки по стране.

Наследственная болезнь напоминала о себе всюду, связывала, нарушала душевное равновесие… Очень много времени Александр Козачинский проводил в санаториях Подмосковья, Крыма, Кавказа. Но он всегда помнил слова Ильи Ильфа (из того же

письма от 13.01.32 г.): «Жизнь усыпана не розами, а граммофонными иголками и дынными корками…». Если бы только это…

Надо сказать, что еще до войны были предприняты попытки экранизировать «Зеленый фургон». Тяжелые переговоры с киностудией «Ленфильм» длились с октября 1940 г. по июль 1941 г. (!). Десятки раз перерабатывался сценарий (предположительное название «Первый выстрел»), введены новые герои, новые сюжетные линии, новые мотивировки… То требовали дополнения, то – сокращения… То сохранить, то переделать… Козачинскому пытались напомнить то, чего не было. Упрекали, мол, должна быть «…намечена тема «издыхания» преступного мира в нашей стране, резкого сокращения уголовных преступлений». Мол, «…основная тема сценария – прославление стойкости, мужества, проницательности и героизма работников уголовного розыска» (из писем сценарного отдела «Ленфильма» 03.03 и 20.03.1941 г.). Хотя Козачинский заранее предупреждал (24.10.1940 г.): «…Я надеюсь, что студия не будет смотреть на этот фильм как на трактат о работе угрозыска?». С чем-то он соглашался, что-то категорически не воспринимал. В итоге Комитет по кинематографии СССР принял окончательное решение (26.04.1941 г.): «…Не считаем возможным утвердить сценарий тов. Козачинского «Первый выстрел» как не отвечающий тем идейным задачам, которые сейчас стоят перед Советским киноискусством».

К несправедливости он уже привык.

Несправедливость преследовала его.

Он не хотел подстраиваться «под идеологические задачи текущего момента». Ему не давали сосредоточиться, мешали писать и думать о высокой литературе…

Потом была война и эвакуация.

Холодный и замерзший Новосибирск. Не отапливаемая сырая квартира. Дали то, что было под руками, лишь бы отделаться… Многочисленные просьбы «…помочь с проживанием тяжелобольному писателю» и предоставить «…жилплощадь, обеспечивающую нормальные условия больному» так и остались безответными… Не достучались ни писатель Евгений Петров, ни Союз писателей СССР, ни сам Александр Фадеев.

В письме к известной писательнице Александре Бруштейн Козачинский писал (13.03.1942 г.): «…Живу я довольно грустно. Поправляюсь, по совести говоря, неважно, и чувствую себя виноватым перед друзьями, которые любят бодрых больных, быстро выздоравливающих и оправдывающих заботы и попечения о них. Все дело в том, что Глыбин (должностное лицо Новосибирского горсовета. – **М. П.**) таки заморозил меня в домике на Свердлова (домашний адрес Козачинских – ул. Свердлова, 29. – **М. П.**), и теперь мне трудно одолевать болезнь и надвигающеюся весну… Но я не падаю духом...»

До весны он не дожил.

8 января 1943 г. Александра Козачинского не стало. Ему было отмерено всего 39 лет. До боли жалко…

Умирал в одиночестве, практически забытый всеми…

Слезы матери Клавдии Константиновны да стандартный некролог в газете «Советская Сибирь». Похороны на Заельцовском кладбище Новосибирска «…за счет государства с выплатой матери единовременного пособия в размере 3 000 руб».

Печально, но факт…

…Больше шести лет мы пытались найти могилу Александра Козачинского. Все же прошло достаточно много лет со дня его смерти. Всемирный клуб одесситов обратился в Новосибирск, на сайт «Библиотека сибирского краеведения» – «Помогите разыскать могилу писателя Александра Козачинского».

Я писал: «Козачинский так или иначе вошел в историю Одессы и Новосибирска. Помогите Одессе! Хочется верить, что в Новосибирске найдутся неравнодушные люди. Как говорят в Одессе: «Родина вас забудет, а мы – нет».

А время шло…

Помог случай. Среди сотен записей, отдельных неразборчивых бумаг и многочисленных писем, адресованных Клавдии Константиновне Козачинской, нашлось письмо от 15.09.49 г. из Новосибирска в Москву (автор некая Е. Сперанская) с бесценной информацией. Текст, написанный неровным почерком, твердым карандашом, со временем по большей части выцвел… Но все же:

«…Были мы на кладбище. Александр похоронен в 32 квартале.

Конечно, все запущено. Могильный холм осел, так что плита лежит почти на земле. Все заросло сорняком, но и ограда, и плита, и памятник целы. Говорила с могильщиками, чтобы привести все в полный порядок, просят 150 рублей. Теперь-то я лично найду могилу Александра… Наша примета – могила летчика, на ней ничего не стоит, а вот совсем недалеко через несколько только метров стоит точно такой же памятник… И это не в начале, а в середине кладбища.

В общем, если Вы годик поживете поэкономнее или на зиму пустите к себе студента на квартиру, то Вам хватит на поездку в Новосибирск…»

Клавдии Константиновне не хватило ни денег, ни здоровья…

Значит, все-таки 32 квартал (!), а не 26, на котором первоначально было сосредоточено основное внимание.

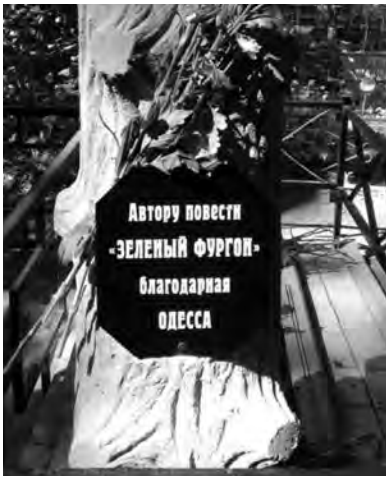
В Новосибирске нашлись небезразличные люди.

Неимоверными усилиями Лидии Мацько-Королевой и ее мужа Сергея могила Александра Козачинского была найдена (5 мая

2019 г.), приведена в порядок и отмечена в электронной базе данных Заельцовского кладбища. Низкий поклон мэрии Новосибирска за понимание и помощь в этом вопросе.

Отныне могила Александра Козачинского будет внесена в реестр памятников регионального значения России.

Отныне на реставрированном памятнике навсегда будет начертано: «Автору повести «Зеленый фургон» благодарная Одесса***».***



Для кого-то Одесса начиналась с «Зеленого фургона».
Для кого-то Одесса начинается с «Зеленого фургона».
Для кого-то Одесса продолжается с «Зеленым фургоном».
А Козачинский принадлежит всем…

Евгений Голубовский

Возвращение Аристарха Кобцева

Мир полон чудес. Это мы их не всегда отмечаем, не всегда им удивляемся.

Изначально культура Одессы держалась на трех китах. Первый – театр, именно с него начал окультуривать молодой город дюк де Ришелье. Но вот уже 150 лет как громко на всю империю заявила о себе живописная школа. И лишь потом пришла большая литература, тот «юго-запад», которым гордится наш город.

Казалось бы, все изучено, разложено по полочкам, музеефицировано.

Но так кажется только на дилетантский взгляд.

Каким открытием для Одессы, для любителей живописи стало воскрешение коллекции Якова Перемена, а по сути, открытие первого одесского авангарда – ранних работ Теофила Фраермана, Амшея Нюренберга, Якова Малика, Сандро Фазини…

Вроде бы все понятно. Прокатились революция, гражданская война, борьба с инакомыслием. Исчезали художники, что уже говорить об их картинах. Какой там авангард, когда доктрина соцреализма заставляла копировать зады классики?

Так, может, наследие классической, южнорусской школы пребывает в сохранности? Круг друзей, учеников Кириака Костанди?

Печально, но и это не так.

Когда-то известный одесский коллекционер Сергей Сергеевич Серединский, показывая мне свое собрание, а в нем были шедевры южнорусской школы, говорил, что хоть по одной работе (он выражался технически – хоть по одному номеру) у него были представлены все члены товарищества. Именно у него я запом-

нил изысканный эротический рисунок неизвестного мне тогда Аристарха Кобцева, напомнивший мне листы для «Книги маркизы» Константина Сомова.

Заинтересовался мастером. Но редко, чрезвычайно редко встречал его работы.

Еще одну акварель небольшого формата, почти абстрактную, хоть нарисован был фейерверк, увидел в собрании художника Николая Зиновьевича Юхневича. Профессора, врача, одного из участников выставок независимых художников.

Мы общались в начале шестидесятых годов. Я спросил, что знает, помнит Николай Зиновьевич о Кобцеве.

– Последняя его выставка была перед войной. Конечно, не такая яркая, интересная, как в первые десятилетия века. Он не изменил себе, не стал писать промышленные пейзажи, героизировать труд, хоть он из рабочих, он не вступил в партию, не выполнял худфондовские халтуры. Писал тихие пейзажи Ближних Мельниц. Он был и поэт, иллюстрировал – для себя – стихи. У него была отменная библиотека русской поэзии.

Аристарх Аристархович умер в 1961 году, он похоронен на Втором христианском кладбище, участок 47… А на Мельницах живут его внуки.

Во многих каталогах указан адрес Кобцева. Кстати, этот адрес повторялся десятки лет – Ближние Мельницы, улица Молчановская, 13. И в какой-то воскресный день пришел в этот одноэтажный, очень одесский дом. Увы, сын художника переехал в Молдавию, все картины, все книги увез с собой. Я увидел в семье лишь пару фотографий мягкого интеллигентного человека с очень грустными глазами.

Не раз заговаривали мы о загадочной для нас фигуре Аристарха Кобцева с Сергеем Зеноновичем Лущиком. В его архиве – в бумагах одесского поэта Марка Талова – хранились фотографии, где Талов запечатлен с Кобцевым. Да и нашелся первый сборник стихов Талова, обложку для которого в 1912 году нарисовал Кобцев.

Это уже потом, в Париже, портрет Талова будет рисовать Амедео Модильяни. А тогда, в Одессе с 1907 года, они сотрудничали оба в журнале «Студенческий голос», и первый портрет Марка Талова написал Аристарх Кобцев.

Наиболее внятно о Кобцеве мне рассказывал художник Амшей Нюренберг.

– Кобцев был из рабочих. Из «белой косточки» рабочих – из железнодорожников.

Была такая прослойка настоящих интеллигентов, которые самообразовывались. Великолепно знал всю современную живопись, получал французские и немецкие журналы, мечтал поехать в Европу, но даже в Петербург не выбрался, много работал, чтобы прокормить семью, а все свободное время – живопись, графика, стихи. Причем ежедневно, он был трудоголик.

Наследие Аристарха Кобцева, казалось, навсегда исчезло, растворилось в пространстве и времени, хоть иногда на каких-то аукционах вдруг продавались, причем за немалые деньги, его графические листы и миниатюры.

Для альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» Ольга Михайловна Барковская, автор биобиблиографических справочников о южнорусских и о «независимых» художниках, написала серию статей об одесских живописцах. Была среди них и статья «Художник с окраины» об А.А. Кобцеве, вышедшая в 2003 году. Она заканчивалась словами: «Из его работ в Одессе известны журнальная графика начала века да два пейзажа в собрании Художественного музея. Что-то, вероятно, можно найти в частных собраниях, что-то увезли с собой его родственники, лет 20 назад переехавшие в Кишинев. Ни наследия, ни архива. Картина, к сожалению, типичная для нашего времени».

Казалось бы, нужно поставить точку.

Но – повторю – чудеса бывают.

Несколько месяцев назад позвонил мне доцент Одесского политехнического университета Алексей Аркадьевич Стопакевич. Он прочитал мою статью о загадках одесского сборника стихов Николая Гумилева, где я предположил, что обложку книги, вышедшей в Одессе в 1943 году, нарисовал А.А. Кобцев. И решил мне рассказать, что он внучатый племянник художника, это к нему перешло все сохранившееся его творческое наследие, а это около 1000 картин и рисунков, что сейчас он составляет каталог, не прочь показать картины А. Кобцева на выставке.

«Фантастика! – подумал я. – Вот это и есть обыкновенное чудо».

Сегодня макет каталога, где репродуцированы все 1000 живописных работ, акварелей, рисунков, у меня в руках. И с радостью для каталога написал предисловие. Возвращается в культуру Одессы не просто имя, а творчество интересного художника.

Алексей Стопакевич по крупицам собрал его биографию. Евгений Деменок размышляет о художественных особенностях его творчества, месте Кобцева как среди южнорусских, так и среди «независимых» художников.

Надеюсь, последует выставка, – начинается новая жизнь живописи и графики Аристарха Аристарховича Кобцева.

Чудеса случаются, господа.

* * *

Заходите во Всемирный клуб одесситов.

Надеюсь, что будет продаваться альбом-каталог.

Евгений Деменок

Цвета и линии Аристарха Кобцева

Для того чтобы остаться в истории одесского искусства, Аристарху Кобцеву достаточно было просто оформить обложку каталога Весенней выставки картин, состоявшейся в марте 1914 года. Той самой легендарной выставки, состоявшейся вскоре после «Салонов» Издебского, в которой принимали участие Александр Альтман и Петр Кончаловский, Аристарх Лентулов и Александр Куприн, Франц Марк и Габриэле Мюнтер.

Но он сделал гораздо больше.

Кобцев, вне всякого сомнения, в первую очередь график. Акварель, темпера, но в первую очередь тушь – его техника, его стихия. Он создавал мастерски выделанные рисунки. Живи он в Париже, он мог бы стать звездой газетной графики –

«газетные» художники были тогда более чем востребованы, популярны, их работа достойно оплачивалась. Достаточно вспомнить, что с парижскими газетами долго сотрудничали Альфонс Муха или еще один одессит, Давид Видгоф. У Аристарха Кобцева были для этого все задатки – острый, наблюдательный, ироничный взгляд, острое и быстрое перо, прекрасная стилистика. Эта грань его таланта раскрылась в сотрудничестве с одесскими журналами «Волна», «Крокодил», «Бомба», «Фигаро» и целым рядом одесских газет. Кобцев – мастер обложек и афиш. Обложка журнала «Аполлон» (того самого!), выполненная им в 1912 году, говорит сама за себя. А еще – афиша XXV выставки картин Товарищества южнорусских художников, обложка первой книги Марка Талова, футуристического альманаха «Павлин», журнала для еврейских детей «Колосья». Он не только мастерски освоил стилистику культового тогда Обри Бердслея и его верного последователя, русского графика Николая Феофилактова, – но и привнес в эту стилистику что-то свое. Но – не обложками едиными. В одесской и киевской прессе публикуются его рисунки, шаржи, которые выдают незаурядное мастерство. Генрик Ибсен и Дмитрий Васильевич Стасов, авиатор Михаил Ефимов легко узнаваемы и характерны.

Увы, во времена господствующего большевизма все эти навыки оказались совершенно не нужны. И Кобцев, не желая писать заказные портреты и прославляющие новую власть полотна, уходит в камерную пейзажную лирику, в семейные портреты. В его пейзажной и жанровой живописи – как правило, работах небольшого формата – видны его художественные поиски, поиски своего стиля, своей манеры. Всю жизнь проживший в Одессе, так и не выбравшийся не то что за границу – даже в Петербург, Кобцев самообразовывается, выписывая журналы по искусству. Развитие его стилистики отражает время – тут и символизм, влияние Врубеля («Древнее»), влияние Левитана («Церквушка у озера»), многое от Сомова («У реки» и ряд других работ), и, конечно, очевидное влияние южнорусских. Классических одесских пейзажей с сиренью у Кобцева немало. Именно от южнорусских он начнет свой путь к стилистике модерна – и дойдет, пожалуй, до «Голубой розы». И все же были и более решительные эксперименты – на-

Живописные и графические работы Аристарха Кобцева погружают нас стилистикой в Серебряный век русской культуры

пример, экспрессионистическая «Голова девушки» или фовистская «На коне».

В годы войны, оккупации Аристарх Кобцев принимает участие в росписи храма Свято-Успенского собора на Преображенской улице, пишет иконы. После войны нужно было так или иначе доказывать верность советской власти. Аристарх Кобцев пишет ряд форматных, «правильных» работ – в первую очередь о войне. Именно эти работы приобретаются музеями Одессы и Луганска.

Спустя полвека, когда идеология уже не довлеет над искусством, внимание коллекционеров вновь обращено к графике Аристарха Кобцева. Именно графические работы охотно покупают на аукционах в Киеве и Москве. Хочется надеяться, что одесская публика сможет вновь открыть для себя художника на его первой персональной выставке – ведь ее у члена ТЮРХ и Общества независимых художников, участника множества значимых одесских выставок еще не было.

Наступает новый день. Как хотелось, чтоб без трагедий…

Будем ковать радость собственными руками.

Вот и мы сегодня открываем во Всемирном клубе одесситов, я бы сказал, необычную выставку. Знакомим с художником, которого считали утерянным.

Для альбома-каталога я написал статью.

И вас первыми с ней знакомлю.

Феликс Кохрихт

Odessa Classics: первый юбилей

В первую декаду июня в нашем городе прошел Пятый международный фестиваль Odessa Classics, ставший не только юбилейным, но и внесенным в Европейский гид по крупнейшим событиям в культурной жизни континента. Если и раньше фестиваль привлекал внимание известных общественных деятелей, дипломатов музыкантов, критиков и продюсеров зарубежья, то нынче и в залах оперного, и филармонии, и в музеях, и в других локациях иностранная речь слышалась гораздо чаще.

Большое значение для достойного формирования образа Одессы, ее культурной и туристической составляющей сыграли презентации фестиваля, которые его президент Алексей Ботвинов проводит в столицах и знаковых городах Европы. Непосредственно перед открытием нынешнего фестиваля он играл в Цюрихе со знаменитым тамошним Камерным оркестром. И вот

уже этот ансамбль, руководимый одним из лучших скрипачей современности Даниэлем Хоупом, трижды выступил в Одессе.

И еще одна традиция – Алексей Ботвинов уже во второй раз провел в рамках фестиваля конкурс юных пианистов памяти своего педагога, профессора Одесской консерватории Серафимы Могилевской, а победившая в нем киевлянка Мария-Луиза Плешакова выступала на концерте опен-эйр наряду с мастерами мирового уровня. Еще три школьницы – скрипачки из Киева, Львова и Одессы – сыграли на сцене нашего оперного театра в Концерте Вивальди для четырех скрипок, где первую партию вел сам маэстро Хоуп.

Для меня и многих поклонников фортепианной игры важно то, что Алексей Ботвинов на каждом фестивале приглашает в Одессу выдающихся маэстро нашего времени: на сей раз – Сиприана Кацариса (Франция) и Петро де Мариа (Италия).

Изначальная отличительная особенность одесского фестиваля – выставки произведений изобразительного искусства. На сей раз были специально сформированы и реализованы в музеях города два масштабных проекта: «Музыка сфер» – в Музее современного искусства, и «Лаборатория Орфея» – в Музее западного и восточного искусства.

Программа фестиваля была и насыщенной, и разнообразной. О выдающихся музыкантах и ансамблях уже опубликованы репортажи, выходят аналитические материалы музыковедов и критиков. В этих заметках с пятого фестиваля – публикую их в альманахе, начиная с первого, делюсь с нашими читателями впечатлением о том, что увидел и услышал, и что продолжает меня волновать и сегодня – спустя лето.

Не горюй!

Начну с проекта, посвященного жизни и творчеству выдающегося композитора современности Гии Канчели. В Одессе состоялась мировая премьера посвященного ему канадского фильма «Тишина между нот» (авторы – Ольга и Григорий Антимони), а в филармонии сочинения Канчели исполнили Алексей Ботвинов, Полина Осетинская, Юлий Милкис, Камерный оркестр под управлением Игоря Шаврука.

Быть слушателем первого исполнения произведения, если знаком и с композитором, и с исполнителями, и с дирижером, – большая удача. Она и выпала мне в этот вечер.

С родителей Алексея Ботвинова (он сейчас играет «Вальс-бостон» – подарок Канчели любимой жене, с которой никогда не танцевал) я начну предаваться воспоминаниям, навеянным еще и пушкинской фразой: «Бывают странные сближенья…». Да что там странные – поразительные!

Итак, мать Алексея, концертмейстер и преподаватель Одесской консерватории Вера Беляева. С ней в конце 60-х годов минувшего века мы с Татьяной познакомились у Раисы Исааковны Ойгензихт, любимой и почитаемой учениками – и в музыке, и в жизни. Тогда же – и с супругами Милкис: пианисткой Марьяной и скрипачом Яковом, родителями девятилетнего Юлика. Малыша Алешу в гости еще не брали, а вот будущий знаменитый кларнетист лазил по деревьям дачи на Большом Фонтане, и наш друг, художник Лев Межберг, запечатлел его в образе юного музыканта, играющего на кларнете среди зеленой листвы.

Фотографию этой великолепной работы (картина – в музее) я успел разыскать к мировой премьере фильма «Тишина между нот» и показать ее на экране зала ЕКЦ «Бейт Гранд».

Именно Люсик познакомил нас Раисой Исааковной. Важно и то, что он, уехавший в 70-е в Америку, ставший известным художником, был и знатоком классической музыки, дружил с музыкантами и композиторами, среди которых был и Гия Канчели. О своей встрече с ним в Италии Межберг написал в воспоминаниях, которые недавно опубликовал альманах «Дерибасовская – Ришельевская».

Но вернемся к нашему знакомству с Раисой Исааковной. Поразительно, трудно поверить, но эта встреча оказалась не началом знакомства, а его продолжением. Летом 1941 года, когда из осажденной Одессы чудом выбирались те, кому будущая оккупация сулила гибель, по пыльной, раздолбанной бомбами Николаевской дороге шла моя мама, несущая на руках меня, младенца. Нашей попутчицей была женщина с мальчиком постарше. Не стану приводить подробности ситуации (она трагична), которая врезалась в память Раисы и заставила ее на годы запомнить

мою маму Соню и ее огненно-рыжего и болтливого не по возрасту пацанчика с редким именем Феликс…

Четверть века спустя она узнала меня – назвала по имени, взрослого, но по-прежнему разговорчивого журналиста. И мы сразу стали своими за столом в небольшой коммуналке в здании общежития музучилища и консерватории, располагающегося и сегодня на улице Мечникова. С нами рядом сидели Вера Беляева и ее супруг, певец Анатолий Дуда, воспитавший Алешу, Милкисы с Юликом, сосед снизу – Игорь Шаврук, тогда еще не дирижер (называю тех, кто причастен к концерту), а еще – Межберги, Дина Михайловна Фрумина, написавшая превосходный портрет хозяйки дома, Стаховские…

Раиса Исааковна славилась пирогами, испеченными на крохотной импровизированной кухоньке, и знаменитым чаем, а ее супруг Семен Исаакович Горовиц (двоюродный брат великого пианиста) – своими воспоминаниями о том, как в годы нэпа он и доктор Циклис собирали деньги на покупку пианино Додику Ойстраху, который как раз вчера прислал из Лондона свою фотографию со скрипкой…

Алеша Ботвинов в эти дни увлеченно играл в футбол во дворе «сталинки» на Пироговской, но, по воспоминаниям Веры, уже подходил к фортепиано с серьезными намерениями…

Примерно в то же время я познакомился с московским сценаристом Олегом Осетинским, который работал на Одесской киностудии над очередным фильмом. Он был известен тем, что по своей методике и особыми воспитательными приемами добился того, что его маленькая дочь Полина овладела незаурядным мастерством в игре на фортепиано. А еще проявила себя яркой творческой личностью с сильным характером. Такой я тогда и увидел Полину на аллее киностудии, ведущей к морю, а годы спустя – на концерте опен-эйр нашего фестиваля, уже знаменитой, приехавшей в Одессу с маленькой дочкой.

Итак, как в детективном романе Агаты Кристи, в зале Одесской филармонии уже собрались почти все, кто причастен к концерту, посвященному Гии Канчели, который вот-вот начнется… Алексей Ботвинов, Юлий Милкус, Полина Осетинская, Игорь Шаврук. Не хватает только Гии Канчели: он очень хотел быть и на премьере фильма,

и на концерте, но подвело здоровье. И тут самое время спросить у меня: «А входит ли этот композитор в круг ваших знакомств?».

Отвечу так: есть вероятность того, что я видел и слышал его весной 1944 года. Это вполне могло случиться в то время, когда миллионы людей, проживавших в разных концах огромной страны, гонимые войной, покидали родные места и неожиданно оказывались в иных краях, о которых раннее только читали в учебниках географии или в романах и повестях…

Вернемся в лето 1941 года, когда мы с Раисой и ее сыном все-таки дошли до Николаева и простились на Варваровском мосту, который вскоре разбомбили фашисты. Дальше – через Кубань – добрались до Кавказа, где нас приютили жители грузинского горного городка Душети. Мы были здесь единственной эвакуированной семьей и испытали всю степень душевности и гостеприимства этих людей, которые и сами нуждались, но приняли нас как родных. И все же однажды меня, уже четырехлетнего, лениво укусила пробегавшая собака, которую никто не знал, и фельдшерица заподозрила в ней склонную к бешенству.

И вот мы с мамой 10 апреля 1944 года в Тбилиси, в больнице, где мне делают первый из положенных 40 уколов в живот. Отчетливо помню (именно с этого момента – помню *все*), как я орал, и как на меня грозно цыкнула мама, и я затих. По радио передавали о том, что 10 апреля наши освободили Одессу от захватчиков. Мама заплакала от радости. Затем поднесла меня к распахнутому окну палаты на первом этаже, и я услышал, как переговариваются парни, стоящие под шелковицей (тутой!). Звучала и грузинская, и русская речь.

Почему я полагаю, что среди этих тбилисских хлопцев был (мог быть) Гия? Да потому, что он – 80-летний благородный батоно Канчели, именно так рассказывал об этом периоде своей жизни Юлию Милкису в фильме «Тишина между нот», который я презентовал вчера, будучи ведущим на мировой премьере!

Разумеется, в этом фильме Гия Канчели говорит не о том, как весной 1944 года его слышал маленький еврейский мальчик из Одессы, он вспоминал свои детство и отрочество в Тбилиси военных лет, и в этих воспоминаниях было и о том, как они с приятелями часами стояли весной под шелковицей и говорили о том,

о сем, и думать не думали, что я их мог слышать. И нынче знать не знает, что я спустя целую жизнь вспомню об этом на концерте в Одесской филармонии. Вспомню под рояль Ботвинова и кларнет Милкиса, когда одно за другим зазвучат музыкальные послания Гии друзьям, большинства из которых уже нет с ним и с нами.

Среди его адресатов – знаковые фамилии, узнаваемые многими в зале, но после концерта Олеся Баглюкова спросила меня о том, почему же не было среди них Георгия Данелии, с которым Канчели создал столько блистательных фильмов. Фантасмагорическая музыка из «Кин-дза-дзы» только что прозвучала в «Маленькой данелиаде», которую артистично и креативно исполнили Алексей Ботвинов и музыканты Камерного оркестра Шаврука. Почему же среди посланий ушедшим нет адресованного другу-режиссеру? Я сначала не нашел этому объяснения, но затем сообразил: когда Канчели писал эти мемориальные эпистолы, Данелия был жив.

…Пора завершать эти воспоминания. Напомню лишь о том, что в фильме «Мимино» командир вертолета Мизандари ведет свою машину над горной долиной и поет непереводимую магическую «Читу-Гвриту». Недавно, уже после ухода Данелии, я узнал, что картина эта снималась вблизи Душети – и будто бы и сам увидел с высоты домики под ореховыми деревьями, в одном из которых я жил с мамой.

А вот в заголовок этих заметок я вынес заповедь, которую произносит ровесник нынешнего Гии – старый врач в еще одном моем любимом фильме Данелии – Канчели: «Не горюй!».

Танго: Пушкин – пафос и страсть

После концерта под девизом «Tango sensations», прошедшего в филармонии под гром оваций, сел за компьютер, чтобы записать впечатления, как вдруг куранты на церкви на углу Белинского и Базарной возвестили, что наступило 6 июня. Начинался день рождения Александра Пушкина, которому нынче исполнилось 220 лет. На земном шаре есть несколько городов, где отпраздновали этот юбилей с особым чувством родственной сопричастности, и среди них – наша Одесса.

Вот почему увиденное и услышанное в минувший вечер на действе, созданном музыкантами ансамбля виртуозного скрипача Майкла Гуттмана и знаменитой виолончелисткой Цзин Чжао, приобрело особый смысл.

Не помню, кто, но знаю, что о Поэте было сказано: «Веселое имя – Пушкин!». И, без сомнения: музыкальное. На сюжеты его романа «Евгений Онегин», повестей, драматических произведений, поэм, сказок и стихов созданы великие оперы, знаменитые балеты, циклы романсов…

Есть картина Репина, на которой пылкий лицеист читает свои стихи старику Державину. Стройный юноша дерзновенно поднял руку, заявляя о том, что пришел в отечественную поэзию и мировую литературу. Безусловно, на выпускном балу в Царскосельском лицее юноши танцевали с великосветскими барышнями – и Горчаков, и Пущин, и Кюхельбекер, и Александр Пушкин – ловкий и влюбчивый. Какие танцы разучивали лицеисты? Могу взглянуть в Интернет, но попробую угадать: менуэт, мазурку, кадриль…

Сегодня мне представилось, что доживи Пушкин до XX века, непременно стал бы танцевать танго. В нем есть то непередаваемое и пьянящее, что составляет суть драм и трагедий, содержащихся в сюжете и пафосе, духе и развязке «Пиковой дамы», «Евгения Онегина»… Его герои – Германн, Онегин, Алеко, Сильвио, персонажи «Маленьких трагедий» – от Дон Жуана до Фауста – при кажущейся, да и явной харизме, заведомой победительности все же фатально обречены на фиаско, которое ожидает их в конце так славно начинавшейся партии, да и жизни.

Рискну предположить, что драматическое, порой трагическое противоречие между ожидаемым триумфом и сокрушительным итогом игры и составляет философию души этого танца, придуманного в Аргентине. Но, может быть, главное самодостаточное танго всех времен и народов – опера «Кармен», где гибнут все главные персонажи: Кармен, Хосе и другие, включая Быка, но и Тореро тоже не вечен: уже подрастает внук того торо, которого он завалил на арене в честь Кармен.

И раз уж мы наслаждались звуками танго на концерте в Одессе, то вспомним Остапа Бендера – героя романов Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

На сцене оперного театра маэстро Хоуп и юные скрипачки из Киева, Львова и Одессы исполнили концерт Вивальди в сопровождении Цюрихского камерного оркестра

В зале филармонии звучала музыка Гии Канчели. Полина Осетинская и Юлиан Милкис

Итальянский пианист Пьетро де Мария

Майкл Гутман и его ансамбль в проекте «Tango Sensations»

Концерт open air на Потемкинской лестнице

Даниель Хоуп, Алексей Ботвинов и Цюрихский камерный оркестр. Звучит музыка Джорджа Гершвина

Вот каким мы увидели это действо глазами музыкального дрона

В «Теленке» великий комбинатор танцевал танго. Знаменательно, что он сжимал в объятиях не прелестную Зосю Синицкую, не разведенку мадам Грицацуеву, не Людоедку Эллочку, способную на рискованные па, а картонную канцелярскую папку «Дело» с бязевыми тесемками, в которой содержались вожделенные миллионы мошенника Корейко. Но в том-то и дело, что не пиастры, не дублоны, не доллары Североамериканских соединенных штатов, не нэповские червонцы, а их фикции (если по-научному) или мечты – их вожделенный образ. А мечта Остапа была такая: жить в Рио-де-Жанейро, где все в белых штанах. Мы с вами знаем из учебника географии, что в этом знойном бразильском городе танцуют огненную самбу, а страстное танго – дитя Аргентины…

Уверен, что Ильф и Петров знали об этом, но к чему уточнять такие географические подробности, когда авторам плутовского романа было и так известно, что хитроумного сына турецко-подданного ждала та же незавидная участь, как и военного инженера из немцев Германна, цыгана Алеко, дворянина Онегина и гишпанского мачо… Дон Жуана.

Танго – такой танец, где мужчина заранее обречен если не на поражение, то на разочарование. Разумеется, если это не спортивные танцы.

Кстати, признаюсь, что в антракте этого волнующего чувства и воображения концерта я неожиданно для себя громко сказал: «Сегодня в этом зале – много женщин, достойных танго!».

Возражений не последовало.

Одесса, Вена, Прага…

Удивительным, впрочем, и закономерным образом пространство одесского оперного театра, возведенного в XIX веке по проекту великих архитекторов Фельнера и Гельмера, в наши дни на Пятом ботвиновском фестивале стало сценой и залом, где звучат и где слушают мелодии, сочиненные композиторами, родившимися в разное время в Австро-Венгерской империи.

Фестиваль открылся 21-м Концертом Моцарта в исполнении французского пианиста Сиприана Кацариса, а через несколько

дней его сочинения играли Цюрихский камерный оркестр и его лидер скрипач Даниэль Хоуп.

Эта империя, поглотившая за несколько веков многие страны Европы и включившая их не только в свое геополитическое, но и культурное пространство, стала местом рождения феномена, обогатившего мировые искусство и литературу. И примеров тому – множество.

В этих заметках упомяну из литераторов лишь великого Франца Кафку: еврей по крови, говоривший и писавший по-немецки, уроженец чешской столицы Праги и гражданин Австро-Венгрии написал свой главный роман «Процесс» о вечных ценностях, о трагических сомнениях и страхах, которые сопутствуют нам, где бы и когда бы мы ни жили…

Схожая биография и у композитора Эрвина Шульхофа, создавшего до начала второй мировой войны немало разножанровых произведений (от неоклассики до модерна и джаза). Закончил жизненный путь в 1942 году в оккупированной фашистами Праге… Его концерт для скрипки, фортепиано и оркестра исполнили Алексей Ботвинов, Даниэль Хоуп и Цюрихский камерный. Первое знакомство с доселе неизвестным нам композитором подарило встречу с личностью сложной, страдающей, взыскующей смысла и истины. Сочинение Шульхофа – воплощение формы концерта, состязания, но на сей раз спорящих трое: скрипка, рояль, оркестр, и у каждого своя правда…

Спустя некоторое время после окончания одесского фестиваля Даниэль Хоуп и Алексей Ботвинов отправились в турне по городам Германии. Играли и в разрушенной во время войны и лишь недавно полностью восстановленной дрезденской церкви Фрауэнкирхе. В программах концертов была и музыка Шульхофа, с которой немецкие слушатели познакомились впервые…

Summertime open air

«Летнею порой на открытом воздухе» – так можно перевести с английского фразу, вынесенную в заголовок этого фрагмента моих заметок о Пятом фестивале. По традиции, концерт на свежем воздухе проходит в середине насыщенной программы – является

праздником и для его участников, и для горожан, и для наших гостей, загодя собирающихся на Потемкинской лестнице и на площадке у Дюка в ожидании того, когда начнет темнеть, спадет жара, и на площадку выйдут устроители фестиваля и артисты.

Так было и на сей раз. Замечу, что это событие и пафосное, и лирическое, и, несомненно, самое яркое из того, что происходит в концертных и театральных залах, запоминается более всего как символ праздника высокой музыки в большом морском городе с богатыми культурными традициями.

Но вернемся к заголовку. Действительно, при всем разнообразии и высоком классе программы концерта музыка Джорджа Гершвина стала особым подарком, который приготовили для нас Даниэль Хоуп, Алексей Ботвинов и Цюрихский камерный оркестр. Дело в том, что за право считаться родиной предков Гершвина сражаются страны и города, а накал страстей сравним с тем, с которым полисы древней Эллады спорили, где родился Гомер.

Одесса даже указана в нашей Википедии, но ее белорусский вариант называет одно из тамошних местечек. Разумеется, ни Ботвинов, ни я не сомневаемся в справедливости уверенности маэстро Даниэля в том, что пароход с патриархами рода Гершвинов отчалил по направлению к США именно от того причала одесского порта, который и сегодня виден с концертной площадки, где уже зазвучала сюита из вечнозеленых мелодий классика американской и мировой музыки.

И среди них – «Summertime», колыбельная Клары из оперы «Порги и Бесс», созданной Гершвином в 1936 году. И именно летнею порой, а не летом, уже пятый год открывается наш фестиваль. Нынешний, кроме всего прочего, и яркого, и креативного, ознаменовался еще и тем, что Алексей Ботвинов впервые в своей исполнительской деятельности играл джаз! А ведь я помню, как зарекался он в юности, да и позднее… Но сегодня признался, что испытал и драйв и удовольствие, свингуя (пусть и сдержанно – все же это опера!), в дуэте с Даниэлем Хоупом, чья скрипка напомнила мне вечер в культовом нью-йоркском джазовом клубе «Блю нот», где «Summertime» играл великий Стефан Грапелли.

В этот теплый летний вечер все мы – и Алексей, и Даниэль, и виртуозы Цюрихского камерного оркестра, и победившая

в конкурсе юных пианистов Мария-Луиза, и те, кто заполнил гигантский амфитеатр Потемкинской лестницы и площадку перед Дюком, с полным правом и удовольствием кто вслух, кто в мыслях, повторяли вслед за Джорджем Гершвином, нашим несомненным земляком, мантру: «I got rhythm!» – «У меня есть ритм!». И вновь я удивился проницательности и музыкальности Михаила Жванецкого, который однажды заметил, что в Одессе морские волны накатываются на берег в ритме блюза.

Одесский порт лучи простер… В потемневшем небе жужжал знакомый с первого фестиваля дрон, можно сказать, прикормленный и почти ручной. Судя по всему, способный и самообучающийся, приохотившийся за пять лет к музыке и уже имеющий свои пристрастия, что было заметно, когда он внезапно замирал над темпераментной цюрихской контрабасисткой, задававшей ритм своим коллегам.

…А утром мы увидели отснятые им фотографии в репортажах с концерта на Потемкинской лестнице, и многие узнали на них себя.

Июньский Майский

Завершал фестиваль всемирно известный виолончелист с фамилией, похожей на псевдоним, и именем, приличествующем скорее его самому младшему – трехлетнему – сыну. Старшие – пианистка Лиля и скрипач Саша – составили с отцом «Майски трио» и поделили программу концерта в филармонии на Рахманинова и Чайковского.

Виолончель лидера говорила и пела мужским голосом, что я, достаточно искушенный меломан, услышал впервые, хотя и знал, что так бывает, но очень редко. В полной мере – до восхищения и смятения – мы прочувствовали это, когда Миша Майский в дуэте с фортепиано играл цикл, состоящий из инструментальных пьес и романсов Сергея Рахманинова, среди которых был и написанный композитором на слова Пушкина: «Не пой, красавица, при мне…», заставивший нас вздрогнуть и вновь услышать голос незабвенного Дмитрия Хворостовского, звучавший в зале нашего оперного несколько лет назад.

Трио Миши Майского:завершало программу фестиваля

Последним сочинением, прозвучавшим на Пятом фестивале, было большое трио Петра Чайковского «Памяти великого артиста», исполненное Майским и его партнерами. Знаменательно, что оно и в прошлом году завершало этот праздник, разумеется, с другими исполнителями, но тоже – под благодарные аплодисменты слушателей.

А на следующее утро Алексей Ботвинов, Елена Зозуля и их команда начали подготовку к Шестому фестивалю, который, по традиции, начнется в начале июня.

Благодарим Николая Вдовенко за снимки с концертов фестиваля

Элла Леус

Зачем вы пишете смешно, дорогой Георгий Андреевич?

О книге, которую читали бы в трамвае

Георгий Голубенко
Одесский Декамерон
Харьков, Фолио, 2017

Из всех животных только человек умеет смеяться, хотя как раз у него для этого меньше всего поводов.

Э. Хемингуэй

Если на свете в самом деле существует пресловутое противоборство добра со злом, то в Одессе они заключили перемирие. Наверное, по этой причине у людей здесь случаются пароксизмы безосновательного счастья (психиатров прошу покурить в сторонке) вне зависимости от благосклонности рыжей бестии Фортуны в данный момент. К тому же, размеренное существование в сквозняках приморского города обильно питает неврозы и литературу. Что из чего и каким образом произрастает, совершенно неизвестно. Но будем считать это скучным, а поэзию и прозу – представляющими априорный интерес. Договорились? Вот и славно.

Когда я хочу сделать памятный подарок гостю Одессы, чаще всего отдаю предпочтение книге рассказов Георгия Голубенко

«Рыжий город». Когда-то Георгий Андреевич подписал для меня одну такую книжку, которая определена на почетное хранение не только в моей библиотеке, но и в моем сердце. Теперь передо мной другая его книга – «Одесский Декамерон», гораздо более увесистая. Оформленная с большим вкусом графикой Михаила Ревы, включающая не только рассказы, но и пьесу «Одесский подкидыш», а также другие ценные материалы. Шикарное издание, что и говорить. Впрочем, автор, несомненно, заслуживает. Правда, такой том в трамвае не почитаешь. Почему именно в трамвае? Потому что в поезде или в приемной у стоматолога читают от скуки или страха. А в трамвае – душном, тесном, потном, – шатаясь и балансируя, исключительно из неудержимого любопытства, что там дальше, на следующих страницах. Однако будем надеяться, что издательство в скором времени сподобится на электронную книгу специально для любителей запойного чтения гаджетов в муниципальном электротранспорте, остающихся равнодушными к трамвайным перепалкам и хронически проезжающих свои остановки.

Истории Рыжего города всегда активизируют мое вдохновение – читательское, писательское, в конечном итоге жизненное. Читаем в заключительных строках рассказа «Сердце маклера»: «…не ропщите на свою жизнь. От добра добра не ищут. И вообще, запомните раз и навсегда: самые большие в жизни неприятности у человека начинаются именно тогда, когда ему удается осуществить свои самые страстные желания…» (Г. Голубенко).

Или еще такое: «…этих взрослых, оказывается, вообще слушать нельзя, а значит, в предстоящей жизни, такой непонятной и удивительной, придется рассчитывать исключительно на себя…» (Г. Голубенко, рассказ «Аркадийская идиллия»).

Вообще, в финале большинства рассказов автор приводит некую мораль, становясь баснописцем. Рассказы и впрямь напоминают басни с необходимыми иносказаниями, метафорами и символикой, столь любимой и используемой в одесском фольклоре, да и просто в колоритном местном арго.

«А единственное, чего можно желать для себя в этой жизни, так это собственно жизни. Причем как можно более долгой. И нужно для этого очень немного: каждое утро – такой вот рассвет,

каждую ночь – такая вот девушка…» (Г. Голубенко, рассказ «Одна зеленая луковица и одно красное яблоко»).

«И началась какая-никакая весна. Зазеленела акация, и на Греческую площадь, как после зимней спячки, вышли из своих дворов действительно самые красивые в мире одесские девушки. И глядя на них, уже всем стало ясно, что жизнь все-таки продолжается. И что этот город таки да будет жить вечно, потому что никогда не перестанут рождаться в нем подлинные поэты…» (Г. Голубенко, рассказ «Рыжий русский голубой»).

И все же! Что станет с Одессой, Рыжим городом, где добро со злом сложили оружие, если совсем не станет тех, кто глубоко ее чувствует? Таких, как Гарик Голубенко. Неужели она исчезнет, растает в морской дымке? Останутся лишь силуэты обветшалых известняковых зданий – фантомы славных эпох? Могу поклясться, что нет. Ведь есть то, что избавлено от тлена, – слова, истории, герои, хохот и грусть лицедейства, память и книги. Как говорится, имеем что почитать.

Но вернемся к анализу текстов и ассоциациям, ими вызываемым. Эдгар По считал главным смыслом литературного произведения создание эмоциональной реакции. А может ли быть что-либо эмоциональнее смеха? В том-то и право, и правота такой литературы, право и правота Ильфа и Петрова, Зощенко, Жванецкого, Голубенко… Потому-то у Голубенко туше в каждой фразе! Судите сами:

«– Ах, вот оно что! – говорит тогда папа из менее культурной семьи и очень близко подходит к папе из более культурной. – Так я и думал! Я, знаете ли, как только посмотрел на ваш благообразный профиль, так сразу и понял, что вы крупный мафиози! У приличных людей в наше время таких честных лиц не бывает. Слишком часто приходится воровать…» (Г. Голубенко, рассказ «Аркадийская идиллия»).

«В этой стране вообще глупо обедать один раз в день. Ты посмотри, сколько вокруг всего наготовлено…» (Г. Голубенко, рассказ «Биндюжник и профессор»).

«И что это за мода такая пошла – чуть дом загорится, сразу пожарников вызывать?» (Г. Голубенко, рассказ «Пожар на Слободке»).

«Мы живем в плену предрассудков. Вот говорят: литр спирта – смертельная доза для человека. А кто проверял? Никто. Иностранцы – потому что боятся. Наши – потому что денег не хватает… Так что смертельная она или нет – еще неизвестно. Может, даже наоборот» (Г. Голубенко, рассказ «Пьяный переулок»).

«Коты – замечательные пловцы. Просто они стесняются это показывать, поскольку не хотят, чтобы все видели, что они плавают по-собачьи» (Г. Голубенко, рассказ «Рыжий русский голубой»).

«…мы волной накатились на закрытую дверь и разбились об нее, как прибой, поседевший от ужаса» (Г. Голубенко, рассказ «Сапоги всмятку»).

Проза и драматургия Георгия Андреевича Голубенко чрезвычайно правдива, невзирая на вымысел. Настоящая проза, как добротная честная драка, вообще не переносит пафоса и позерства.

Среди элементов феноменологии литературы Голубенко – незримое и тонкое присутствие персоны Автора, беспристрастного и подтрунивающего, ироничного и влюбленного в своих прямодушных героев и обаятельных трикстеров. Перцепция его многогранна и сложна. Голубенко, разумеется, в первую очередь отталкивается по-кинговски от ситуации, казуса, коими изобилует Рыжий город. Но, с другой стороны, эйдетика и архетипия текстов также сильны и выпуклы, не менее чем в «Одесских рассказах» Бабеля или у Шолом-Алейхема.

И рассказы, и пьеса в этой книге абсолютно прегнантны* и, к тому же, сделаны с чувством меры, с избеганием излишних амплификаций**, не перегружены и воздушны по своей природе. Это работает камертоном для настройки на восприятие бытия – несовершенства недопустимы. Несовершенства мира – не повод для несовершенства литературы. Похоже, такой подход доведения до совершенства жанра городской новеллы заимствован вольно или невольно у Боккаччо, в его итальянском «Декамероне». К этому можно добавить, что наш автор – одаренный музыкант,

* Прегнантность (от лат. praegnans – полный) – содержательная лаконичность, проникновенность и острота выражений. Прегнантный текст – лаконичный, но содержательный, полный смысла.

** Амплификация – стилистическая фигура, представляющая собой ряд повторяющихся речевых конструкций или отдельных слов.

и каждым словом нанизывает единственно верную и точную просодию, служащую единственно верной и точной цели.

Персонажи Георгия Голубенко – граждане чувствительные, деятельные, жизнерадостные. Они – практикующие философы и меркантильные романтики, мечтательные обыватели и сибаритствующие труженики. Короче, невозможные южные темпераменты, проникнутые здоровым веселым фатализмом на фоне отменного аппетита и чересчур уживчивого характера. Некоторые в меру хитры и задиристы, ставят превыше всего собственный прагматичный интерес, как Рома Каплун, всучивший под опеку богатой наивной американке дворового кота, а заодно и свое жаждущее благоденствия семейство. И похожий на биндюжника (не только фигурой, но и твердолобостью) профессор консерватории Беня Беркович. И товарищ Репа, чекист и непревзойденный знаток «одесских околосинагогальных кругов». И маклер Лева Рыжак, готовый на все ради квартиры вдовы Гудиновкер, как на грех, оказавшейся чрезвычайно живучей. Уже не говоря о полусумасшедшем портном Перельмутере, конкуренте Кардена, а заодно и Канта в части базисной семантики. А почему бы и нет? Это же Одесса, Эммануил! Ну и никак нельзя не упомянуть сэра Пинхуса из пьесы «Одесский подкидыш», подвеянного и самонадеянного, а также вздорного и экзальтированного художника, не чуждого простых человеческих желаний, нарциссических травм и любви.

Что и говорить, под обложкой «Одесского Декамерона» обитает целое разношерстное племя жизнелюбов и людоведов, поселившихся в нашем воображении или во дворике по соседству.

Разумеется, вам уже захотелось прочитать эту удивительную, насмешливую и мудрую книгу. Я понимаю, что, соблазняя читателя волшебными текстами Георгия Голубенко, создаю некоторую проблему. Подозреваю, что достать книгу «Одесский Декамерон» за пределами Одессы так же трудно, как найти психически нормального в рассказе «Репа и Баренбрикер». Однако, как говорится, «в данном случае государство не на тех напало»! Хочется верить, что алчущий задействует все свое влияние, связи и даже блат, чтобы посмеяться и кайфонуть, прочитав тексты великолепного мастера – Георгия Андреевича.

«Тем временем наступает вечер, и солнце, отправляясь на покой куда-то в спальный район Таирова, уже с трудом пробивается сквозь резные виноградные листья, нависающие над фонтанским столом, но нет конца молодому вину и нет конца таким невероятным историям – вечному одесскому Декамерону, а потому перестаньте сказать, что настоящей Одессы уже не существует. Да она за свои двести с хвостиком лет умирала неоднократно! Но весь ее фокус, дорогие мои, именно в том и состоит, что возрождается она всегда как минимум на один раз чаще, чем умирает» (Г. Голубенко, рассказ «Одесский Декамерон»).

Белла Верникова

Композитор-авангардист Артур Лурье

…композитор Артур Сергеевич Лурье, с которым Ахматова одно время была чрезвычайно близка. Он высоко оценивал ее поэзию и посвятил ей несколько строк в своей статье «Голос Поэта (Пушкин)», написанной в феврале 1922 года и снабженной эпиграфом из Мандельштама: «Останься пеной, Афродита, и, слово, в музыку вернись». …Артур Лурье был весьма яркой фигурой в художественной жизни Петербурга 1910-х годов. Облик его запечатлен в портретах работы Ю. Анненкова, Л. Бруни, П. Митурича, С. Сорина.

Роман Тименчик. Музыка и музыканты
на жизненном пути Ахматовой (заметки к теме)

В 1914 г. в Петербурге вышел манифест русских футуристов, синтетически объединивший модернистские поиски в литературе, живописи и музыке, – «Мы и Запад», авторы которого претендовали на создание эстетики, опережающей новое искусство, в отличие от итальянского футуризма и других проявлений западного модернизма, где «новая эстетика следует за новым искусством, а не наоборот». Одним из авторов манифеста «Мы и Запад» был композитор-авангардист Артур Лурье (1892-1966), с раннего детства живший в Одессе и окончивший Одесское коммерческое училище, с дипломом которого он поступил в Петербургскую консерваторию.

В Одессе начала XX века было два коммерческих училища, сегодня известных тем, что в одном из них – им. Николая I – учился будущий писатель Исаак Бабель (см. статью «Коммерческое образование» в Википедии), а в другом – Коммерческом училище

I разряда господина Файга – будущий певец и актер Леонид Утесов (см. его книгу «С песней по жизни»), там же «в 1898-99 годах обучал детей географии отец Валентина Катаева П.В. Катаев» (Виктор Корченов. Коммерческое училище Файга). По свидетельству зам. директора Одесского литературного музея литературоведа Алены Яворской, в списке выпускников Одесского коммерческого училища им. Николая I за 1909 г. значится Лурье Наум, студент С.-Петербургской консерватории.

Артур Винсент Лурье (имя при рождении Наум Израилевич Лурья) родился в местечке Пропойске в еврейской семье инженера Израиля Лурьи, вскоре переехавшей в Одессу, где семья жила по адресу: ул. Польская, дом 11.

Мать Анна Яковлевна рано приобщила сына к музыке, и вслед за матерью в 1912 г. Артур принял католичество. Синтетичным, в духе манифеста «Мы и Запад», был и разноименный псевдоним Артура Сергеевича Лурье, о чем пишет другой автор этого манифеста, родившийся в Одессе в 1886 г. (1887 г. по новому стилю) поэт и переводчик Бенедикт Лившиц в мемуарах «Полуторараглазый стрелец», впервые опубликованных в 1933 г.: «Присоединяя к экзотическому Артуру Винсенту (Артуру – в честь Шопенгауэра, Винсенту – в честь Ван Гога) Перси Биши (в честь Шелли) и Хосе-Мария (в честь Эредия, знаменитого кубинского поэта)».

Бенедикт Лившиц вспоминает в мемуарах, что композитор Артур Лурье был привлечен футуристами, чтобы заполнить «место, бывшее до него пустым» в противостоянии итальянскому футуризму, провозглашенному Филиппо Томмазо Маринетти: «Едва ли не на лекции Шкловского неутомимый Кульбин свел меня с Артуром Лурье, окончившим в том году Петербургскую консерваторию… Принципы «свободной» музыки (не ограниченной тонами и полутонами, а пользующейся четвертями, осьмыми и еще меньшими долями тонов), провозглашенные Кульбиным еще в 1910 году, в творчестве Лурье получали реальное воплощение. Эта новая музыка требовала как изменений в нотной системе… так и изготовления нового типа рояля – с двумя этажами струн и с двойной (трехцветной, что ли) клавиатурой. …Став футуристом из снобизма, Лурье из дендизма не называл себя им. Но он заполнял в рядах будетлян место, бывшее до него пустым,

и в нашем противостоянии развернутой фаланге Маринетти именно он, а не тишайший Матюшин, мог – хотя бы только декларативно – «перекрывать» Балилла Прателлу. Впрочем, это не мешало ему писать романсы на слова Верлена и Ахматовой».

В знаменитом петербургском литературно-артистическом кабаре «Бродячая собака», находившемся на углу Итальянской ул. и Михайловской пл., где с 1912 по 1915 год Артур Лурье, как сказано в его открытой в сети биографии, «фактически исполнял обязанности музыкального руководителя. В круг его общения входили Велимир Хлебников, Владимир Маяковский, братья Давид, Владимир и Николай Бурлюки, Алексей Кручёных, Петр Митурич (автор портрета композитора) и др. В те же годы он завязал знакомства с Владимиром Татлиным, Георгием Якуловым, Бенедиктом Лившицем, Леонидом Андреевым, встречался с Рихардом Штраусом и Томмазо Маринетти».

Там же Артур Лурье в 1913 г. знакомится с Анной Ахматовой. Как пишет американский биограф композитора Ирина Грэм, их бурный роман продолжался год (письма И. Грэм приведены в книге Михаила Кралина «Артур и Анна. Роман без героя, но все-таки о любви» (Томск: Водолей, 2000).

В 1914 г. Лурье сочинил вокальный цикл «Четки» на стихи Ахматовой. В 1919 г. отношения возобновились. Вышла книга с нотами Артура Лурье к стихам Анны Ахматовой в обложке работы Петра Митурича: «Четки». Десять песен из Анны Ахматовой (Первая тетрадь) / обл. худ. Митурич. (М., Пг., 1919). Артур Лурье обращается к творчеству Ахматовой не только в музыке, но и в эссеистике, что отметил Роман Тименчик в приведенном эпиграфе к данной статье.

Анна Ахматова помнит об Артуре Лурье в «Поэме без героя» и посвятила ему несколько стихотворений – одно из них, по свидетельству Олеси Бобрик, напечатано в берлинском издании 1923 г. с посвящением А. Л.:

Да, я любила их, те сборища ночные, –
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеем пахучий, зимний пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,

Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

Упоминание о характере отношений Ахматовой и Лурье в послереволюционные годы содержится в мемуарах Н.Н. Пунина, о чем напомнил Николай Крыщук в статье, опубликованной в журнале «Звезда» (№ 4, 2002): «Серьезность отношения Анны Ахматовой к Николаю Пунину вне сомнений. Но понятно и то, почему он все время говорит о ее не-любви. Он был только героем, она еще и режиссером этой истории. …А потому он мог, например, застать ее «томящейся от обид Артура – получила новые доказательства его измен». Тут бы самое время вступить и его гордости. Но она во всем опережала его по крайней мере на шаг – сама заговорила о разлуке. На его вопрос, почему хочет расстаться, ответила стихами Мандельштама: «Эта (показала на себя) ночь непоправима, а у Вас (показала на него) еще светло».

В размещенной на ахматовском сайте статье Н.Г. Гончаровой «…Я пишу для Артура либретто…» автор статьи характеризует Артура Лурье как воплощение «одной из граней образа Утраченного Возлюбленного в ее поэтике» и приводит свидетельство Корнея Чуковского о написанном Анной Ахматовой в 1921 г. по заказу Артура Лурье балетном либретто на стихи Александра Блока, что нашло отклик в интермеццо «Решка» 2-й части «Поэмы без героя»:

«Одним из ключей к этой «шкатулке с секретом» являются известные строки из «Решки»:

А во сне все казалось, что это
Я пишу для *** (кого-то, Артура. – **Н. Г.**) либретто…»

Этот ключ – зашифрованное в одних и названное в других вариантах текста имя Артура Сергеевича Лурье, композитора, друга молодости Ахматовой, эмигрировавшего в 1922 году и воплотившего одну из граней образа Утраченного Возлюбленного в ее поэтике. Именно по заказу Лурье Ахматова написала в 1921 году свое первое балетное либретто на стихи «Снежной маски» А. Блока, о чем свидетельствует в дневниковой записи от 24 декабря того же года К.И. Чуковский, приводящий слова Ахматовой: «Этот балет

я пишу для Артура Сергеевича. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже».

В статье Ларисы Казанской о пушкинском очерке Артура Лурье, упомянутом в эпиграфе, обозначены авангардные достижения в его музыке, созданной в предреволюционные годы: «Лурье перевел на язык музыки многие эксперименты своих друзей художников. В атональных сочинениях (Первом струнном квартете, фортепианных циклах «Синтезы», «Дневной узор», «Формы в воздухе. Звукопись П. Пикассо»… музыка свободно расположена на нотном пространстве подобно геометрическим фигурам кубистов – он предвосхитил позднейшие искания А. Шенберга, Д. Кейджа и Д. Крамба в области свободного обращения со звуковым пространством и временем. В своей теории «Театр действительности» Лурье предугадал рождение конкретной, электронной музыки».

Статьи и эссе Артура Лурье собраны в его книге, изданной на французском языке в Париже: «Profanation et sanctification du temps: Journal musical. Paris: Desclée De Bower, 1966 (Профанация и освящение времени: музыкальный журнал). В 1931 г. вышла в Нью-Йорке на английском языке книга Артура Лурье о Сергее Кусевицком: «Sergei Koussevitzky and His Epoch. A Biographical Chronicle». New York, Alfred A. Knopf, 1931. Эссе Артура Лурье «Музыка Стравинского» опубликовано в парижском журнале русской эмиграции «Версты» в 1926 г. (Вып. № 1).

Очерки и эссе Артура Лурье, написанные по-русски, представлены в открытом в сети московском сборнике начала 1990-х гг. «Воспоминания о серебряном веке» / Составитель, автор предисл. и коммент. В. Крейд, художник И. Иванова, рецензент Евг. Витковский (М.: Республика, 1993).

Здесь напечатаны два текста А. Лурье: «Осип Мандельштам» – фрагмент очерка «Чешуя в неводе», опубликованного в альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк, № 2, 1961), и эссе «Детский рай», содержащее воспоминания о Мандельштаме и Хлебникове, из альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк, № 3, 1963), представленное на хлебниковском сайте со ссылкой на сборник «Воспоминания о серебряном веке». Эссе Артура Лурье воссоздают культурный контекст петербургского серебряного века, приведу

два фрагмента из указанного сборника, характеризующие музыкальность Осипа Мандельштама и отношение современников к Велимиру Хлебникову:

«Мне часто казалось, что для поэтов, даже самых подлинных, контакт со звучащей, а не воображаемой музыкой не является необходимостью, и их упоминания о музыке носят скорее отвлеченный, метафизический характер. Но Мандельштам представлял исключение; живая музыка была для него необходимостью. Стихия музыки питала его поэтическое сознание».

«Хлебников был для нас моральным авторитетом, нашим духовным старцем от искусства. У него не было и не могло быть никакой позы; быть для Хлебникова «председателем земного шара» совсем не означало дурачества или эпатирования.

Он понимал свое председательство совершенно серьезно, как и все, что он говорил и делал. …Но поведение Хлебникова было мало понятно в артистическом кругу Петербурга, и многие злились, считали, что оно – дурачество, чепуха. Престиж эстетики утонченного мастерства, понимаемого в европейском смысле, был еще слишком велик в то время, чтобы можно было оценить подлинную сущность Хлебникова.

Между тем М.А. Кузмин, бывший одним из наиболее утонченных эстетов той эпохи, умный, тонкий и иронический, никогда над Хлебниковым не смеялся. И конечно, никакого влияния на Хлебникова Кузмин не имел; напротив, Хлебников совершенно неожиданно оказал влияние на Кузмина, который, раскрыв гностический смысл Хлебникова в последний период своей творческой жизни, нашел у него источник вдохновения для себя».

С воспоминаниями Артура Лурье о Петербурге 1910-х гг. связаны представленные в Интернете известные портреты композитора работы художников Петра Митурича и Льва Бруни 1915 г., хранящиеся в Петербургском государственном Русском музее, и картина Сергея Судейкина 1916 г. из частной коллекции «Моя жизнь – приют комедиантов», на которой в числе других изображены Ольга Глебова-Судейкина, Михаил Кузмин и Артур Лурье – в профиль, в полумаске и с арфой.

В сборнике «Воспоминания о серебряном веке» в примечаниях приведен фрагмент эссе Артура Лурье памяти его возлюбленной

Ольги Судейкиной (эссе напечатано в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути», № 5, 1967), где упомянута ахматовская «Поэма без героя»:

«Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина, волшебная фея Петербурга, вошла в мою жизнь за год до первой мировой войны.

К ней меня привел Николай Иванович Кульбин… Она жила только искусством, создав из него культ… Страсть к театру масок сбила Ольгу Афанасьевну с нормального пути. Ей, актрисе Александринского театра, ученице Варламова, покровительствовал всесильный тогда Суворин. Восхищенный талантом Ольги Афанасьевны, Суворин звал ее в свой театр, но под влиянием Судейкина она ушла в модернизм, к Мейерхольду, и пожертвовала громадной карьерой, которая перед ней открывалась так легко и свободно. На сцене тогда царили пьесы Беляева, и Ольга Афанасьевна играла весь его репертуар – «Псишу», «Даму из Торжка», «Путаницу»; о созданном ею образе Ахматова говорит в посвящении своей «Поэмы без героя» («Ты ли, Путаница Психея» и т. д.)… Ольга Афанасьевна была одной из самых талантливых натур, когда-либо встреченных мною».

Знакомство Артура Лурье с ахматовской поэмой объясняется тем, что в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути» в 1960 г. впервые была напечатана написанная Анной Ахматовой в 1940-е годы «Поэма без героя», где ярко представлена Ольга Судейкина:

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты – один из моих двойников…

Еще один отголосок «Поэмы без героя» (см. у Ахматовой):

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу…

находим в письме из Нью-Йорка Артура Лурье Анне Ахматовой от 25 марта 1963 г., приведенном на ахматовском сайте: «Моя дорогая Аннушка… что я могу тебе сказать? Моя «слава» тоже 20 лет лежит в канаве, т. е. с тех пор, как я приехал в эту страну».

Отсылки к музыке Артура Лурье в «Поэме без героя» рассматривает Борис Кац в совместном с Романом Тименчиком сборнике «Анна Ахматова и музыка (исследовательские очерки)», размещенном на ахматовском сайте и содержащем дополнительные сведения о творческом сотрудничестве поэта и композитора: «Стоит, впрочем, вспомнить, что в списке сочинений А. Лурье значится созданная в 1921 году «Chant funebre sur la mort d'une poete» («Траурная песнь на смерть поэта») для хора и духовых инструментов на слова Ахматовой. Музыка и использованные в ней стихи нам неизвестны, но кажется естественным связать возникновение этого опуса с преждевременной кончиной А.А. Блока или с трагической гибелью Н.С. Гумилева в августе 1921 года. …можно предположить, что заключительные слова посвящения – «Marche funebre… Шопен…» – содержат скрытый намек на «Chant funebre» Лурье и на обстоятельства ее появления».

Как пишет Анатолий Либерман в рецезии на сборник «Русские евреи в Америке» (Книга 7. Ред.-составитель Эрнст Зальцберг. Торонто – СПб.: Гиперион, 2013) в 40-м номере выходящего в Германии журнала «Литературный европеец»: «Не будь композитор и первоклассный пианист Артур Лурье в молодые годы возлюбленным Анны Ахматовой, провалился бы в небытие и он, хотя сейчас его музыку пропагандирует Гидон Кремер (Феликс Розинер. «Пионер музыкального авангарда: судьба Артура Лурье»). Роман М. Кралина «Артур и Анна» (Томск, 2000) жадно читался всеми, кого интересует подобное сплетение судеб. …В 1922 году Лурье уехал в Европу и не вернулся; потом были Париж и бегство от немцев. С 1941 года начался американский период его жизни. Как считают специалисты, главное сочинение Лурье – опера «Арап Петра Великого».

Краткую биографическую канву жизни Артура Лурье из отзыва Анатолия Либермана дополняет фрагмент моего эссе «О Бенедикте Лившице, Давиде Бурлюке и Артуре Лурье», опубликованного в журнале «Литературный Иерусалим» (№ 20, 2019):

«После революции с 1918 по 1921 гг. А. Лурье руководил музыкальным отделом Наркомпроса. Но уже в докладе, прочитанном в ноябре 1921 г. в Вольной философской ассоциации, он сетовал на «все более сгущающийся сумрак русской действительности». В августе 1922 г. Артур Лурье уехал в командировку в Берлин, откуда в Россию не вернулся. В 1924 г. перебрался в Париж, где получил работу музыкального аранжировщика, стал секретарем Игоря Стравинского и продолжал писать музыку. В 1941 г. после оккупации Парижа нацистами Лурье с женой при содействии С.А. Кусевицкого, руководителя Бостонского симфонического оркестра, получил разрешение на въезд в Соединенные Штаты. В США Лурье прожил 25 лет и сочинил около тридцати произведений, в том числе оперу «Арап Петра Великого» по прозе Пушкина, что не принесло ему славы.

Только в 1991 году выдающийся скрипач Гидон Кремер открыл для себя музыку Артура Лурье и сумел привлечь внимание публики к столетнему юбилею композитора, как пишет Юрий Шоткин в американском еженедельнике «Форум» (февраль 2013): в США был снят документальный фильм о Лурье «В поисках утраченного Орфея»; в Кельне состоялась премьера оперы «Арап Петра Великого» в концертном исполнении; Гидон Кремер выпустил компакт-диск, где наряду с произведениями Стравинского и Шнитке записаны 11 эпизодов этой оперы. В 2011 г. в России снят фильм «Анна Ахматова и Артур Лурье. Слово и музыка», размещенный в Интернете».

В последние десятилетия музыка Артура Лурье исполняется в разных странах и привлекает внимание исследователей. В статье «В поисках потерянного Орфея: композитор Артур Лурье» Ольга Рубинчик рассказывает о событиях в музыкальном мире, возвращающих слушателям музыку Артура Лурье, и приводит слова Гидона Кремера: «В 1992 г. в Петербурге и Кельне по инициативе знаменитого скрипача Гидона Кремера состоялись два фестиваля, воскрешающие музыку композитора «серебряного века» Артура Сергеевича Лурье… «В поисках потерянного Орфея» – так назван документальный фильм о нем, снятый американским режиссером Элин Флипс, в котором показан и сам процесс воскрешения: Гидон Кремер разыскивает по музыкальным библио-

текам ноты Лурье, исполняет его музыку, беседует с людьми, знавшими Артура Сергеевича. «Для меня было большим открытием натолкнуться на творчество совершенно забытого русского композитора Артура Лурье. Я хочу встать на защиту этого гениального человека…» – сказал Гидон Кремер в интервью газете «Русская жизнь».

Кэрил Эмерсон в статье «Арап Петра Великого» Артура Лурье: Экзотический предок Пушкина в опере XX века» (русская версия статьи в 2003 г. открыта на сайте «Рутения») подробно излагает историю создания и содержание оперы (либретто Ирины Грэм) и характеризует особенности музыки А.С. Лурье в движении от раннего творчества к его высшему достижению – опере на пушкинский сюжет:

«Музыка самого Лурье являет собой причудливую смесь воздействий самых разных художественных эпох и стилей. Его раннее творчество несет в себе следы влияния Дебюсси, Скрябина и, в течение короткого времени, композитора-футуриста Николая Кульбина, обращавшегося к четвертитоновой системе и реконструированному роялю. В межвоенном Париже Лурье сблизился с философом-неотомистом Жаком Маритеном. Музыкальные жанры католической литургии – мессы и мотеты – оставили заметный отпечаток в творчестве Лурье, но были при этом осложнены чертами русских церковных песнопений. По словам критика, «Лурье, по существу, экспериментировал всю свою музыкальную жизнь, и при этом всегда шел против течения» (мы цитируем статью К. Ботсфорда: «A Note on the Music of Arthur Lourie» // Bostonia. Fall 1992. № 8). При этом творческая эволюция Лурье совершенно нетипична для европейских композиторов двадцатого века. В отличие от Шенберга и Берга, которые начинали как последователи Малера в вагнеровской традиции и затем сформулировали теоретическую доктрину, обосновывавшую их отход от эксцессов позднего романтизма, Лурье начал как вдумчивый теоретик-радикал, а затем, пройдя через неоклассицизм в духе Стравинского, выступил против серийной техники и агитировал за возврат в искусстве к субъективной лирике, к тональности и мелодии (Лурье А. О мелодии // Новый журнал. № 69, 1962). В конце концов он стал писать религиозную музыку в духе Монтеверди, Габриэли

и Палестрины. Гигантская опера «Арап Петра Великого», самый крупный из его театральных проектов последних лет жизни, сводит в одно целое все многоразличие апробированных им музыкально-драматургических стилей».

В примечаниях к статье Кэрил Эмерсон дополняет свою оценку музыки Артура Лурье и подтверждает его самоощущение, выраженное в письме к Ахматовой: «Моя «слава»… лежит в канаве», фиксируя существование композитора «вне музыкального истеблишмента»: «О последнем периоде творческой жизни композитора Кит Ботсфорт замечает: «Один из пионеров серийной и четвертитоновой музыки, Лурье оказался равно вне музыкального истеблишмента в лице германско-венской школы и вне исканий фольклористического направления, царившего в американской музыке». Объяснялось это аристократическим презрением к запросам рынка; целиком зависевший в исполнении своих пьес от поддержки Кусевицкого, Лурье очутился в полной изоляции после смерти дирижера в 1951 г.».

В 2007 г. в Петербурге издан каталог «Композиторы русского авангарда. (Михаил Матюшин, Артур Лурье, Владимир Щербачев, Гавриил Попов, Александр Мосолов)» – авторы очерков Анастасия Синайская и Игорь Воробьев. В очерке об Артуре Лурье упомянута одесская деталь его музыкальной биографии: живя в Одессе, в 1905 году будущий композитор ездил с матерью в Вену, где сильное впечатление произвела на него опера Рихарда Вагнера «Тангейзер».

Музыковед Олеся Бобрик, исследователь и популяризатор творчества А. Лурье в открытой в сети лекции, сопровождаемой музыкой композитора, – «Артур Лурье: диалог с эпохой и вечностью» (https://www.youtube.com/watch?v=9urSCzpldJY), и в статье «Прощание с Петербургом (из воспоминаний о России Артура Лурье)» называет его русским композитором и музыкальным писателем. Высоко оценивая творческое наследие композитора, Олеся Бобрик подтверждает, что в наше время музыка Артура Лурье нашла своего слушателя: «Лурье-литератор был ценим Стравинским, Кусевицким и получал от них заказы на статьи и книги. Однако Лурье-композитор (он ощущал себя композитором, вписывая именно это слово в графу «профессия» в паспортах

и прочих документах) не был оценен при жизни по достоинству. Его музыку – две симфонии, оперу-балет «Пир во время чумы» и оперу «Арап Петра Великого», несколько значительных хоровых сочинений на духовные латинские тексты, Concerto da camera для скрипки и струнного оркестра, камерные вокальные и инструментальные произведения – исполняли редко, а к концу жизни вообще почти не исполняли. ...Особая утонченная красота музыки Лурье стала осознаваться лишь в последнее время, в том числе благодаря усилиям Гидона Кремера».

Иерусалим

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

В.Я. Брюсов и А.Е. Адалис

И произносят, и даже пишут ее фамилию по-разному – с ударением на втором или на третьем слоге. А между тем Адалис – это не фамилия, а псевдоним… Более того, и Аделина Ефимовна Ефрон (офиц. 1900-1969) – отчество и фамилия, которые она носила в юности, – это тоже не с рождения, хотя во многих источниках можно увидеть: «урожд. Ефрон».

А в раннем детстве она была Аделиной Алексеевной Висковатой, с пятилетнего возраста – круглой сиротой. Ее отец – инженер большого петербургского завода, за участие в революционных событиях 1905 года был арестован и сослан в Сибирь, но по дороге умер от воспаления легких.

Мать, балерина Мариинского театра (имя ее нигде не упоминается), покончила с собой, как рассказала внучка А.Е. Адалис, художница и писатель Екатерина Московская (подробнее о ней – ниже. – **Л. А.**), пятилетнюю Аделину Висковатую взяли на воспитание родственники матери, принадлежавшие к семье того самого Ефрона (вариант написания – Эфрон), который вместе с Брокгаузом издавал знаменитую энциклопедию, и она взяла себе отчество и фамилию своего приемного отца.

А теперь без комментариев попробуйте сопоставить эту подтвержденную также официозом информацию с тем, что сама Адалис писала в 1925 г.:

«Я родилась в 1899 году в имении моей бабушки в Литве в Беловежской Пуще. Детство жила в Литве, а еще в Петербурге и Одессе…».

И далее: «Училась в гимназии, потом в Новороссийском университете, окончила, училась еще в Театральной школе. Я пишу стихи с 8-ми лет. А лет с 10-ти называла себя поэтессой, чем очень потешала взрослых. Так и привыкла».

И еще о себе (как и мн. др. – не вполне понятное утверждение. – **Л. А.**): «Древняя рыцарская кровь моей матери слишком хорошо соединилась с простолюдинской и к тому же еврейской кровью отца»…

Болезненная девочка Аделина плохо переносила петербургский климат и по этой причине ее перевезли в Одессу, где она жила с двумя тетками.

В одесской гимназии (предполагается, что это была частная гимназия Кандыбы) она подружилась с будущей писательницей Зинаидой Шишовой. Неудивительно, что одноклассницы дразнили отличавшуюся обширными познаниями и прекрасной памятью Аделину, с учетом фамилии, которую она носила, – «энциклопедией Брокгауза и Ефрона». Она интересовалась и наукой, и эзотерикой, в частности, зачитывалась Блаватской и Рерихом, постигала тайны восточной медицины и знахарства.

Известно, что лет в двенадцать-тринадцать она прочла брюсовского «Огненного ангела» и навсегда влюбилась и в автора, и в колдовской мир его романа; сам Брюсов сливался в ее представлении с его героем, рыцарем Рупрехтом. Возможно, что именно это и привело ее к первому опыту в стихосложении, и когда осенью 1917 года в одесском университете собрался кружок молодых поэтов «Зеленая лампа», где самыми известными литераторами из членов кружка стали трое друзей – Багрицкий, Катаев и Олеша, к нему примкнули выделявшиеся и талантом, и необычной внешностью две молодые красавицы – Зика Шишова и Аделина Ефрон, уже ставшая Аделиной Адалис. Поначалу кружковцы выступали с чтением стихов в университетских аудиториях, затем стали устраивать «интимные вечера», или «интимники», в зале консерватории. Один из них – Петр Ершов, нередко выступавший в роли конферансье на этих вечерах, вспоминал, что Аделина удивляла своим ориентализмом: «Внешне – экзотика, египетский профиль, длинные острые ногти цвета черной крови».

И. Лукьянова отмечает, что зеленоламповцы не просто писали стихи, а целеустремленно и жадно учились поэзии. Свои вечера они называли еще и «поэзо-концерты» (дань И. Северянину. – **Л. А.**). Удивительно, но в небезопасные тогда на улицах вечерние часы концерты собирали изрядное количество публики, и не только молодой. Читали классиков, декламировали друг другу свои стихи и беспощадно их критиковали.

Об обычаях этого кружка его члены вспоминали так: «Мы были волчата. Мы не баловали друг друга похвалами… Мы были безжалостны к себе и к другим», «ругали друг друга за каждую слабую (по нашим тогдашним понятиям) строку… Писали друг на друга пародии...» (Зинаида Шишова).

«Зеленая лампа» стала для участников кружка настоящей школой литературного мастерства. Адалис уже тогда выступала, по словам Юрия Олеши, «с тем, что представлялось ей подражанием древней поэзии, а на самом деле просто с превосходными стихами, отмеченными необыкновенной, даже неожиданной для начинающего поэта точностью слова».

Такая характеристика дорогого стоит. Одна из первых ее публикаций, подписанная «А-съ», состоялась в одесском «Южном огоньке» № 12 в августе 1918 года – стихи из цикла «Афродита – Адалис». После утверждения в Одессе советской власти некоторые кружковцы покинули город, а некоторые – и страну, но многие стали сотрудничать с большевиками: писали агитационные частушки, создавали устные газеты в одесском РОСТА. Адалис в 1920 году стала одним из организаторов «Коллектива поэтов». В новом поэтическом кружке появились новые лица, в частности, Илья Файнзильберг – Ильф, который тогда писал необычные стихи.

Художник Евгений Окс вспоминал, что Адалис была первой любовью Ильфа: «…Сирена имела зеленые глаза и пепельно-голубые волосы. Пока что она поражала непонятным высказыванием своих мыслей вслух. Это создавало положения до крайности рискованные и, мягко говоря, бестактные. Общепринятое как бы отвергалось заранее. Одному нашему знакомому она говорила: «Вы красивый и толстый». Такое сочетание эпитетов ей безумно нравилось». Окс пишет, что Сирена «жила в маленькой комнате-

Участники литературного объединения «Зеленая лампа». Сидят слева направо: А.Е. Адалис, С.И. Кессельман, Г.А. Шенгели, А. Соколовский, З.К. Шишова, Ю. Шенгели. Стоят слева направо: С.С. Олесевич, Э.Г. Багрицкий, Н. Соколик. Почему-то вырезано изображение А. Кипренского. Одесса. 1919 год

коробочке», где были только кровать, столик и колченогий стул. Дома сидели в пальто, потому что было холодно, и много курили. Адалис говорила об Ильфе: «Иля – это мое создание». Компания юных поэтов привыкла жить в постоянной пикировке; они подшучивали друг над другом, иногда неумеренно: «Вели себя как передравшиеся щенки», – писала Шишова. Их молодость вместила в себя революцию, войну, голод, нужду, военный коммунизм – и была пропитана поэзией. И потом – из будущего, которое в 1919 году казалось прекрасным, прекрасной им казалась уже эта голодная юность.

Главная фигура, признанный мэтр поэтической Одессы 1917-20 гг. – Эдуард Багрицкий. Воспоминания о нем Адалис назовет «Нас вел Эдуард»: «Мы шлялись табуном, крича стихи или издеваясь друг за другом. Здоровые, полуголодные ребята, мы были злы, веселы и раздражительны. Нас вел Эдуард. Что скрывать! Нас томил голод, зависть к богатым, хитрые планы пожрать и пошуметь за счет презираемых жертв – богатых студентов

и наивных или полусумасшедших старух. Нас томила неимоверная жадность к жизни, порождающая искусство, – та жадность, когда цвет халвы, недоступной губам, уже становится цветом воспеваемой аравийской пустыни, и смазливая лавочница снится мраморной, качающейся на волнах… Нас томила участь великой судьбы, тайная и неясная мечта об участи Колумбов и полководцев». 1920 год. Прощаясь с друзьями перед отъездом к мужу в продотряд, Зинаида Шишова пишет «Послание друзьям» – Олеше, Багрицкому, и очень своеобразно Адалис.

Или со стрелой Эроса
Ты, всех женщин впереди,
Розу нежную Пафоса
Возрастившая в груди;

Знаменитая певунья
И – за правду не сердись –
Ослепительная лгунья
Аделина Адалис.

Это строки, которые нашла и опубликовала сотрудник нашего Одесского литературного музея Алена Яворская, много писавшая об Адалис.

Адалис уехала в Москву одной из первых. Сначала бытие в столице было голодным и бесприютным. Она постепенно втягивалась в литературную жизнь города: есть свидетельства о том, как она появлялась в кафе «Домино», где размещался Московский союз поэтов. Алена Яворская рассказывает, что 7 декабря 1920-го Адалис приняла участие в устном конкурсе, организованном Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее; через три дня ее объявили победителем. Стихи Адалис 1920-х годов – удивительно взрослые, строгие, афористичные:

А к липам серый свет прилип,
И липы привыкают к маю,
Смотрю на легкость этих лип
И ничего не понимаю.

Быть может, теплый ветер – месть;
Быть может, ясный свет – изгнанье;
Быть может, наша жизнь и есть
Посмертное существованье.

Короткое письмо зарею раб принес,
И дали позади несмело улыбались…
«Привет любви твоей, веселая Аддалис!
Уже грядущий день алеет в росах роз»…

В самом выборе темы, в выборе поэтических средств очевидна ориентация Адалис на старших символистов. Как, впрочем, и у многих ее однокружковцев. Информации о ее жизни в Инете достаточно много.

Аделина Адалис. 1920-е годы

Мне надо было что-то выбирать, и наряду с работами А. Яворской, со свидетельствами внучки, материалами О. Мочаловой, интересными и содержательными оказались публикации И. Лукьяновой. Друзья-критики упрекали меня в том, что при подготовке очерков этого цикла я увлекаюсь исследованиями Д. Быкова. Обрадовавшись возможности сменить ориентиры, я не мог и предположить, что Ирина Лукьянова окажется… женой Д.Л. Быкова…

В столице молодая поэтесса (не встречал ее возражений против использования этого термина, в отличие от Ахматовой

и Цветаевой. – **Л. А.**) впервые встретила Валерия Брюсова, в которого была с детства заочно влюблена. Иное дело, что с ним все складывалось крайне непросто, и причин для этого было огромное множество.

Графика работы Н. Костенко

Валерий Яковлевич Брюсов – поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк, один из основоположников русского символизма, родился 13 декабря 1873 года и начал писать едва ли не с самого рождения – по крайней мере, первую комедию под названием «Лягушка» читал родным уже в четыре года, а в одиннадцатилетнем возрасте публиковался в детском журнале «Задушевное слово». Журналистской деятельности Валерию перестало хватать в третьем классе гимназии, и он стал редактором собственного рукописного издания «Начало». Помимо стихов мальчик публиковал в «Начале» свою фантастическую повесть в духе Жюля Верна и рассказы «из индейского быта».

Уже тогда Брюсов начинает использовать несколько псевдонимов. К тринадцати годам Брюсов принял окончательное решение связать жизнь с литературой, преимущественно с поэзией – и никогда этому решению не изменял. Более того, свой юношеский план Брюсов «выполнил и перевыполнил», автором он был очень плодовитым. К сорокалетнему юбилею мэтра издательство «Сирин» решило выпустить собрание сочинений Владимира Яковлевича, и материала набралось на 25 томов – поэзия, драмы, рассказы, романы, критические статьи и переводы. А ведь 40 лет для литератора – это еще, можно сказать, юность…

Забавно, но первая серьезная, не детская публикация Брюсова – вовсе не стихи, а статья в защиту тотализатора в журнале «Русский спорт». Отец Валерия Яковлевича мог очень много поведать сыну о скачках, ведь он просадил на тотализаторе все свое состояние.

Первый сборник стихов появился на свет в 1895 году и потряс критиков названием – «Chefs d'oeuvre», то есть «Шедевры». Ни один начинающий поэт не рискнул бы так оценить собственные первые шаги в литературе, но Брюсов всегда был самоуверен. Упомянутый Дмитрий Быков отмечал, что «трудно найти в русской литературе репутацию хуже брюсовской». Многочисленные современники и литературные критики считали Валерия Яковлевича самовлюбленным и заносчивым человеком.

Он писал в дневнике: «Юность моя – юность гения. Я жил и поступал так, что оправдать мое поведение могут только великие деяния». Второй сборник, на удивление журналистов, долго издевавшихся над названием первого, носил не менее пафосное название – «Me eum esse», «Это

В.Я. Брюсов в детстве

В студенческие годы

я». Дальше книги последовали одна за другой – и уже через несколько лет литературной общественности пришлось признать за Брюсовым право называть свои стихи шедеврами.

Помимо того, что Валерий Брюсов был одним из самых знаменитых поэтов своего времени, законодателем литературных мод и главой крупнейшей поэтической школы – символизма, он успел прославиться и как редактор нескольких известных журналов, в том числе «Весов» и «Русской мысли».

Уже в 1910-х Брюсов, по признанию литературоведов, становится живым классиком, многие считают его преемником Пушкина. Эпитет «великий» мелькает во множестве публикаций о нем. При этом Цветаева и Ахматова дружно не любят Валерия Яковлевича. Цветаева называет его «мастером без слуха», а Ахматова – поэтом, который знал секреты ремесла, но не знал «тайны творчества». И тем не менее, во многих областях русской поэзии рубежа веков Брюсов был первым. Например, именно он – автор первого моностиха (однострочного стихотворения) – «О закрой свои бледные ноги». Тогда этот моностих вызвал ужас у критиков и веселье у читателей, и только несколько десятков лет спустя эта форма стала пользоваться популярностью у сатириков.

Брюсов оказал влияние советами и критикой на творчество очень многих младших поэтов, поскольку активно участвовал в литературной жизни. Он имел репутацию «мага» поэзии и «жреца» культуры, непревзойденного мэтра. Это вовсе не помешало ему устроить необычный литературный розыгрыш – написать два сборника стихов от лица городской куртизанки, дорогой, роскошной, образованной и циничной. Мистификацию разоблачили далеко не сразу. Одними из самых веселых забав, заменявших и концерты, и театр, были так называемые «суды», в которых Брюсов играл главную роль. Например, обвинял имажинистов или, наоборот, защищал русскую литературу в «Суде над русской литературой». Обвинителем на том суде, кстати, был не кто иной, как Сергей Есенин. Брюсов, как и Есенин, был ярым антисемитом. Когда его сестра вышла замуж за еврея, Брюсов не явился на свадьбу и впоследствии ни разу не переступил порог их дома (что, кстати, не мешало Брюсову крутить роман с Людми-

лой Вилькиной – урожденной Бэллой Вилькен. Как и Есенину – плотно общаться с Надеждой Вольпин и Анной Берзинь).

После революции Валерий Яковлевич вступил в РКП(б) и начал активно работать в различных советских учреждениях. В числе прочего он организовал Высший литературно-художественный институт и до конца жизни являлся его ректором и профессором, руководил поэтическими вечерами московских поэтов, преподавал в МГУ и редактировал отдел литературы, истории и искусства в первом издании Большой советской энциклопедии. К пятидесятилетию он получил от правительства грамоту, в которой отмечались его многочисленные заслуги «перед всей страной».

Брюсов внес большой вклад в развитие формы стиха, а как переводчик – открыл русскому читателю плеяду блестящих авторов, в том числе из Армении, за что получил звание народного поэта Армении, помог издаться десяткам молодых поэтов. Брюсов также считается одним из лучших пушкинистов, блестящим литературным критиком и теоретиком перевода.

Быть возлюбленной Валерия Яковлевича оказалось губительным для немалого числа женщин. В 1913 году его роман с поэтессой Надеждой Львовой заканчивается ее самоубийством. Брюсов тяжело переживал ее смерть и отправился на фронт начавшейся войны – военным корреспондентом. Такой же трагедией обернулись и отношения с Ниной Петровской, отношения, семь лет бывшие предметом обсуждения всего московского бомонда. Нина была замужем за владельцем издательства, поэтому пробовала силы в литературе, но особых писательских талантов не проявила. Зато прекрасно вписалась в богемный круг с его культами черной магии, спиритизма и эротики. Нина увлеклась Андреем Белым, а когда он бросил ее, сблизилась с Брюсовым, чтобы досадить прошлому любовнику, ведь имя Брюсова гремело по всей России. Валерий Яковлевич писал с Нины главную героиню своего «Огненного ангела» Ренату, чувственную, истеричную, склонную к мистике и экзальтации, оторванную от быта, от людей, жаждущую гибели. Нина вошла в роль Ренаты целиком и полностью, даже заявляла, будто хочет умереть, чтобы Брюсов списал с нее смерть Ренаты, и тем самым стать «моделью для

последней прекрасной главы». Она ревновала Валерия Яковлевича к его творчеству и деятельности и стала ему в тягость. В попытке разжечь былую страсть она стала изменять Брюсову, затем увлеклась наркотиками, морфием и чуть не умерла. Оправившись от болезни, решила навсегда уехать из России, жила в Европе, писала Брюсову страстные письма, по-прежнему воображала себя Ренатой. Пыталась покончить с собой, выбросившись из окна, но лишь сломала ногу и осталась хромой. После этого вернулась к наркотикам, много пила, страдала тяжелым нервным расстройством. Последние годы Нина прожила в ужасной нищете, голодала и даже просила милостыню. А вскоре после смерти Брюсова предприняла еще одну попытку самоубийства – на этот раз успешную, открыла газ в квартире.

По молодости для поднятия самооценки ему было важно покорить «настоящую» женщину. Вскоре это удалось. 19-летний юноша стал навещать 25-летнюю Елену Андреевну Краскову и добился успеха, тщательно и буквально, не стесняясь в терминах, изложив интимные подробности в дневнике. Иногда на страницах появляется младшая сестра Елены Андреевны Вера: «А правду сказать, насколько мне было приятней с Верочкой, хотя она и костлявее. Я даже не пошел ее провожать, а как жалел об этом, как жалел», – сокрушается Валерий. Но отношения с Еленой продолжают развиваться.

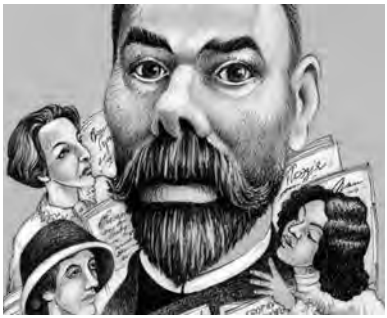
Поэт признается, что в пьяном угаре сделал даме сердца предложение, а на трезвую голову понял, что погорячился. Однако девушка заболела оспой и умерла. Реакция Валерия была странной. «Я буду плакать, я буду искать случая самоубийства, буду сидеть неподвижно целые дни!.. А сколько элегий! Дивных элегий! Вопли проклятий и гибели, стоны истерзанной души… О! Как это красиво, как это эффектно», – распалял себя молодой романтик.

С 1890 по 1903 год Брюсов вел записи, где фиксировал самое сокровенное. Причем чаще всего на страницах появляются брутально циничные откровения о любовных похождениях с чрезмерными подробностями сексуального общения и соответствующей обсценной терминологией.

«С раннего детства соблазняли меня сладострастные мечтания… Я стал мечтать об одном – о близости с женщиной. Это

стало моим единственным желанием», – признавался поэт. А следом описывал контакт с проституткой.

Женился поэт в 1897-м на гувернантке Иоанне Рунт, дочери обрусевшего чеха, служившей в доме Брюсовых. Немногословная девушка идеально устраивала литератора. Зинаида Гиппиус называла Иоанну Брюсову «маленькой женщиной, необыкновенно обыкновенной». Иоанна, стоически терпевшая его нескончаемые увлечения, дожила до 98 лет и стала хранителем архива поэта, да еще занялась литературными переводами с французского.



«Тематические» карикатуры на В.Я. Брюсова. Автор А. Белый

Современники вспоминают романы Брюсова с Натальей Дарузес и многими другими, скандалы с мужьями многих из них. По словам поэта Владислава Ходасевича, «Брюсов всю жизнь любопытствовал женщинам. Влекся, любопытствовал и не любил. Было все: и чары, и воля, и страстная речь, одного не было – любви». Тем не менее «донжуанский список» Валерия Яковлевича весьма солиден. Из всех отлучек Брюсов часто писал жене – разумеется, «кристально честно» оповещая ее о своих контактах с дамами и назревающих увлечениях.

Он обожал розыгрыши. Упомянутую мистификацию со сборниками стихов от лица дорогой куртизанки разоблачили не сразу.

«С 1908 года он был морфинистом, – писал о Брюсове Владислав Ходасевич. – Старался от этого отделаться, но не мог. Летом 1911 года д-ру Койранскому удалось на время отвлечь его

В.Я. Брюсов с женой

от морфия, но в конце концов из этого ничего не вышло. Морфий сделался ему необходим. Помню, писал этот врач, в 1917 году во время одного разговора я заметил, что Брюсов постепенно впадает в какое-то оцепенение, почти засыпает. Потом он встал, ненадолго вышел в соседнюю комнату – и вернулся помолодевшим…»

Неудивительно, что роман Аделины Адалис со стареющим поэтом скоро оказался в центре внимания всей литературной Москвы.

Екатерина Московская в посвященной бабушке главе книги «Повесть о жизни с Алешей Паустовским» пишет, что Адель, «чтобы доказать свою любовь, ежевечерне под окнами дома № 30 по Первой Мещанской улице, принадлежавшего с 1910 года великому поэту и его супруге, расставляла полотняную раскладушку на тротуаре, откуда ее громко снимала молодая советская милиция, пока Брюсов не вмешался в эту ситуацию и пропал – на старости лет». «Хочу и я, как дар во храм, / За боль, что мир зовет любовью – / Влить в строфы, сохранить векам / Вот эту тень над левой бровью», – писал тогда Брюсов об Адалис. О ней же – «Египетский профиль», где упоминаются «мемфисские глаза». О ней – целый сборник «Дали» (по догадке Рема Щербакова, в названии сборника зашифровано домашнее имя Аделины – Даль.).

Восток, переводы, эзотерика, мистика, наука – это было в равной степени интересно и стареющему (?) мэтру, и его молодой ученице. Они вместе написали «Идиллию в духе Теокрита»; поэтесса Ольга Мочалова отмечала в мемуарах, что на публичном чтении «Идиллии» Брюсов горячо аплодировал Аделине. (Напомню, что этому «стареющему» даже в год смерти был «аж» 51 год… – **Л. А.**). В этот период широко распространилась и позже

преследовала героиню очерка эпиграмма: «Расскажите нам, Адалис, / Как вы Брюсову отдались?».

Словесный портрет молодой Аделины оставила Марина Цветаева, которую Адалис однажды пришла звать на поэтический вечер: «У Адалис же лицо было светлое, рассмотрела белым днем в ее светлейшей светелке во Дворце искусств. Чудесный лоб, чудесные глаза, весь верх из света. И стихи хорошие, совсем не брюсовские, скорее мандельштамовские, явно – петербургские». Марина Цветаева называла Аделину – одесситку с египетским профилем – «приблудой из молодых волков». В личном разговоре она сказала Аделине: «Вы умны и остры и не можете писать плохих стихов. Еще меньше – читать». Московская подруга Аделины Евгения Кунина «говорила о любви ее к Брюсову, о ее внешности так, будто видела ее перед собой: большие зеленые глаза и раздваивающиеся передние зубы, как у козы». Петербургскими ее стихи считала не только Цветаева, а многие другие – за сдержанность, лаконичность, чеканность и тщательность отделки. Именно это, в сочетании с ее сохранившимся интересом к Востоку позволило Адалис стать одним из лучших переводчиков восточной поэзии.

7 декабря 1920 она участвует в устном конкурсе, организованном Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее. Приглашали всех, от звезд – Брюсова, Белого, Есенина, Маяковского – до пролетарских поэтов. Участник этого турнира Тарас Мачтет в своем дневнике отмечал, что объявили победителя конкурса только 10 декабря. Им стала Адалис.

Брюсов написал в тот период:

К Адалис

Твой детски женственный анализ
Любви, «пронзившей метко» грудь,
Мечте стиха дает, Адалис,
Забытым ветром вновь вздохнуть.

День обмирал, сжигая сосны;
Кричали чайки вдоль воды;

Над лодкой реял сумрак росный;
Двоих, нас метил свет звезды.

Она сгибалась; вечер бросил
Ей детскость на наклоны плеч;
Следил я дрожь их, волю весел
Не смея в мертвой влаге влечь.

Я знал, чей образ ночью этой
Ей бросил «розу на кровать»…
Той тенью, летним днем прогретой,
Как давним сном, дышу опять –

В твоих глазах, неверно-серых,
В изгибе вскрытых узких губ,
В твоих стихах, в твоих размерах,
Чей ритм – с уступа на уступ.

«Когда весной 1921 года Брюсов открыл Высший литературно-художественный институт, Адалис стала его студенткой, затем начала преподавать в институте. Одновременно она заведовала литературной секцией подотдела Охобра, руководила Первой государственной профессионально-технической школой поэтики», – пишет Алена Яворская. Подробности их романтических отношений с мэтром в источниках отражены довольно скупо.

Страсть Брюсова довольно быстро стала остывать – «любовь пошла на убыль», как написала Адалис. «Брюсов устроил ей, бездомной, комнату во Дворце искусств (Поварская ул., 52), – вспоминала О. Мочалова. – Он приезжал к своей подруге, когда хотел, привозил плитку шоколада. Она голодала. Некий художник, живший по соседству, был невольным слушателем их бесед. Он рассказывал, что Брюсов держался как заурядный мужчина, которому прискучила любовница, а Адалис была трогательно-благородна в этом столкновении».

Она забеременела от Брюсова, родила ребенка, но ребенок умер. Цветаева в марте 1921-го в письме, где сообщает об этом

Волошину, называет Брюсова «гадом». Потеря ребенка была для 20-летней Адалис большим ударом.

В октябре 1924 года Брюсов умер. Аделине кто-то сказал, что покойник еще некоторое время слышит звуки, и она читала над гробом поэта стихи. Эти ее стихи о смерти возлюбленного исполнены искреннего отчаяния.

И человек пустился в тишину.
Однажды днем стол и кровать отчалили.
Он ухватился взглядом за жену,
Но вся жена разбрызгалась. В отчаяньи.

Он выбросил последние слова,
Сухой балласт – «картофель… книги… летом…»
Они всплеснули, тонкий день сломав.
И человек кончается на этом…

Внучка поэтессы пишет: «Когда Брюсов умер, Адалис была совершенно уверена всю свою жизнь, что отравлен; она попыталась покончить с собой, но кто-то ее спас, откачал. Как после всего ей было жить, подняться на ноги, дышать?». Но и личная жизнь, и интенсивная творческая деятельность продолжались. Возможно, нестерпимое горе гнало ее из Москвы. Летом 1925 года она уехала в командировку от «Нашей газеты» в Среднюю Азию. Здесь она встретила своего будущего мужа, географа и писателя Ивана Сергеева.

В 1927 году они вместе издали авантюрно-фантастический роман «Абджед, хевез, хютти…» об экспедиции, которая нашла на Памире затерянную цивилизацию. История о двух советских командированных, которым загадочный купец советует отправиться к таинственному озеру Искандер-Куль, чтобы найти «тали» – счастье, – с увлечением читается и сегодня.

Муж нашей героини, Иван Владимирович Сергеев (1903-1964) (во всех источниках в скобках добавляется – барон фон Тейхман. Основание установить не удалось. – **Л. А.**), географ, прозаик, член Союза писателей СССР, председатель Всемирного общества эсперантистов, а также главный редактор государственного издательства «Детская литература».

Из последних фотографий В.Я. Брюсова

В 1928 году у Сергеева и Адалис родился сын Владимир. Затем в семье появилась дочь Юлия; ее рождение оказалось связано с очередной мучительной драмой несчастливой женщины. «Аделина, родив дочь от мужа, об измене которого она узнала перед родами, отказалась даже взглянуть на нее. Читатель согласится, что далеко не каждая женщина-мать способна на такое: приказала вынести девочку к отцу, с которым порвала, и никогда не виделась с ней. И эта ее дочь, удивительно внешне на нее похожая, так и жила с отцом и мачехами, чужими людьми», – пишет Е. Московская.

Аделина рвала с людьми сразу навсегда и умела оставаться непреклонной, как скала. А могла плакать над стихами. «Экзальтированная», «неуравновешенная» – недаром чуть ли не постоянные эпитеты в рассказах очевидцев о ней.

Очерки, репортажи и заметки Адалис из Бухары, Самарканда, Ташкента, Ашхабада с 1926 по 1931 год печатались в журналах «Новый мир», «Красная нива», «Наши достижения» и «Правда в степи». Появляются и первые восточные стихи – уже не об идеальном, нафантазированном литературном Востоке, а о Востоке реальном. И романтическая экзотика уступает место поэтической конкретике. Восточные очерки и стихи Адалис жестки и приземленны. Никакой пышности и экзальтации: подчеркнуто прозаичны ее эпитеты, строг и упорядочен синтаксис, спокойна пунктуация. Стихи живописны, но не восторженны, они вбирают восточный колорит, но не эксплуатируют его. И новый, советский Восток в ее стихах оказывается органически связан со старым Востоком, вырастает

из него – не привычные советские штампы, а сложная картина настоящей жизни. Эти «восточные» стихи Адалис сложились в сборник 1934 года «Власть».

А.Е. Адалис-Ефрон. Фото 30-х годов

Мандельштам приветствовал появление этой книжечки «сестрински нежных и матерински гордых, товарищески открытых и в то же время деловитых, служебных, озабоченных, командировочно-спешных стихов» и писал о них: «Прелесть стихов Адалис – почти осязаемая, почти зрительная – в том, что на них видно, как действительность, только проектируемая, только задуманная, только начертанная, только начерченная, набегает, наплывает на действительность уже материальную». В 1930-х Адалис, кажется, искренне захвачена (да только ли она! – **Л. А.**) атмосферой строительства, созидания, радостного преображения мира. И отпечаток времени ложится на ее стихи все более властно: и в жизнь, и в строки вторгается все больше официоза, хотя и пропущенного через себя. Поэтому странно, а скорее – невозможно сегодня читать поэму «Кирову» или поэму «Был я гостем в день рожденья сына…», где Адалис рисует портреты тех, кто для нее воплощает идею революции, – от Салтыкова-Щедрина до… Сталина (!). То же самое и в переводах из национальных поэтов. Так искренне или вынужденно?

Критики отмечали: задушевность, душа уходит из стихов. К концу 1930-х ее поэтический голос глохнет, перевод становится внутренней эмиграцией для многих поэтов. Между тем в 1939 г. Адалис удостаивается правительственной награды – ордена «Знак почета» (а уже в 1954-м – еще и медали «За трудовую доблесть». – **Л. А.**).

И.В. Сергеев

Для Адалис, конечно, перевод – не вымученный выход, а естественное продолжение ее интереса к Востоку, к его поэзии, поиск формального совершенства. В попытках воссоздать особенности восточного стиха Адалис достигает замечательной виртуозности: «И невежды порочили имя твое, / И безумцы пророчили горе твое, / И надежды измучили сердце твое…». Это из ее перевода стихотворения Самеда Вургуна «Азербайджан».

Она переводит средневековых таджикско-персидских поэтов: Рудаки, Хосрова, Худжанди, Джами; азербайджанского – Физули, афганского – Хаттака. Переводит современников – фактически открывая для русскоязычных современную таджикскую и азербайджанскую поэзию.

«Компромата» на Аделину Ефимовну в воспоминаниях очень много. Странностей в ее поведении было хоть отбавляй… Да и каких!

О.А. Мочалова («Голоса серебряного века. Поэт о поэтах (мемуары)») пишет:

«Когда Адалис ходила беременная ребенком Брюсова, она с циничной откровенностью описывала состояние зародыша внутри себя. Предавалась наркотикам. Ребенок родился мертвым. Адалис была нечиста на руку. Зайдя в гости, могла украсть что-нибудь из одежды. Ее сын, обожаемый ею, украл кошелек соседа в Доме писателей (это было много позднее). Мать защищала его, как курица цыпленка. Было время, когда Адалис жила в одной квартире с поэтом Кочетковым. Они яростно ненавидели друг друга.

В очереди за гонораром в Гослите она поругалась, как торговка, с поэтессой Кларой Блюм. Рассказывали, что в институте она

организовала издевательское общество, которое провоцировало влюбленных, расстраивало дружеские отношения, оклеветывало. Но она имела большое влияние на окружающих. В полушутку она говорила: «Так Адалис повелела, председательница оргий…». Близкие звали ее Аля, а я – Айка, пишет Мочалова. Ей говорили: «Айка, ты сделала подлость такому-то, ты больше не будешь?». Айка каялась, обещала, что больше не будет. И делала подлость кому-нибудь другому.

Был период, когда Адалис исчезла с горизонта, – время мучительных поисков, нищеты, одиночества. Но главным в ее жизни оставались Брюсов и поэзия. А вот – еще из воспоминаний Рема Щербакова, одного из авторов книги о В. Брюсове:

«Как-то в один из визитов к Аделине Ефимовне Адалис, последнему увлечению поэта, зашел разговор о стихах, посвященных ей. Аделина Ефимовна заметила: «Почему вы, молодой человек, все время говорите о стихотворениях? Валерий Яковлевич посвятил мне целый сборник!». Я прекрасно знал, что такого сборника, посвященного Адалис, не существует, но счел неприличным возражать. Уже не все помнила точно поэтесса. Уже прощаясь, я все-таки позволил себе спросить Аделину Ефимовну: «Валерий Яковлевич хотел посвятить вам сборник или действительно посвятил?». Адалис гневно посмотрела на меня и рявкнула: «Конечно, посвятил! Такие вещи не забываются!». Уже много позже мне вдруг в голову пришла неожиданная мысль: вряд ли при живой жене Валерий Яковлевич решился бы посвятить книгу Адалис. Жанна Матвеевна не выносила соперницу. Но ведь посвящение можно было и зашифровать.

Не стало ли название предпоследнего сборника «Дали» таким зашифрованным посвящением? Я позвонил Евгении Филипповне Куниной, ученице Брюсова и близкой подруге молодой Адалис, и спросил: «Простите за нахальный вопрос. А как называл Брюсов Аделину Ефимовну в интимной обстановке, в кругу близких друзей?» – «Ну как? Далью он ее называл!» Значит, ничего не придумала и ничего не забыла пожилая поэтесса.

Теперь стало понятно стихотворение «Даль» из сборника «Миг»:

Ветки, листья, три сучка.
Вглубь окна ползет акация.
Не сорвут нам дверь с крючка,
С Далью всласть могу ласкаться я…

Сам О.Э. Мандельштам в 1922 году ставил стихи Адалис выше Цветаевой: «Адалис и Марина Цветаева пророчицы. В то время как приподнятость тона мужской поэзии, нестерпимая трескучая риторика уступила место нормальному использованию голосовых средств, женская поэзия продолжает вибрировать на самых высоких нотах, оскорбляя слух, историческое, поэтическое чутье. Безвкусица и историческая фальшь стихов Марины Цветаевой о России – лженародных и лжемосковских – неизмеримо ниже стихов Адалис, чей голос подчас достигает мужской силы и правды».

А через двенадцать лет, после выхода первого сборника стихов Адалис «Власть», он же напишет: «Пишет Адалис так легко и лихорадочно, как будто карандашом на открытках, начав на одной и продолжая на другой. Кажется, она стоит в зале телеграфа, дожидаясь, пока освободится расщепленное перо на веревочке, или же из междугородней будки, задыхаясь, передает лирическую телефонограмму: – Достать стихи. Узнать, отчего происходят стихи. Подойти как можно ближе к тем людям и делам, ради которых и благодаря которым пишутся стихи».

Адалис исключительно высоко оценил и Максим Горький и эффективно способствовал ее продвижению в печати.

«Прекрасное должно быть величаво», – говорила она о поэтическом творчестве.

Как пишет Софья Каганович, с первых дней войны Аделина Адалис «выступает с чтением стихов в госпиталях и на переднем крае, выпускает брошюру для солдат «Защита Родины – высший закон жизни», работает в Баку в 7-м отделе армии. К ее наградам прибавляются медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией». Сначала она уехала в эвакуацию в Алма-Ату вместе с сыном-подростком, потом кто-то из друзей позвал ее в Баку. Об этом городе она с тревогой думала в 1942-м, когда ему угрожала оккупация: «Ты тайным голосом мне под защиту отдан / Не почему-нибудь еще, а по любви!».

Когда она перебиралась из Алма-Аты в Баку, ее горячо любимый и до того чрезмерно опекаемый сын Володя сбежал на фронт. Она искала его и пыталась вернуть, но не смогла; история его бегства и его войны рассказана им в автобиографической повести «Непредсказуемый Берестов».

Адалис стала корреспондентом газеты Кавказского фронта и даже получила воинское звание, рассказывает ее внучка. Не раз ездила на фронт. Встречалась с партизанами; их рассказы легли в основу сюжета поэмы «...И несколько гранат» – неровной, не очень удачной, но местами пронзительно жуткой. После войны ее собственный голос слышен только в послевоенной поэме «Прогулка в ноябре», которую она не включала в позднейшие сборники, и в цикле антиколониальных стихов «Восточный океан», опубликованном в 1949 году.

И до, и после, до самого 1960 года, она публиковала только переводы, почти три десятилетия промолчав как лирик. Десятилетия эти были полны упорной переводческой работы. Работа эта позволяла ей хорошо зарабатывать; кроме того, как рассказывает ее внучка, «в ней нуждались и с ней дружили азиатские коллеги богатого и хлебного Востока, потому кроме гонораров везли дыни зимой, коньяки, орехи, конфеты и вина с ходжентских и бакинских базаров, жарили барашков». Сама она в быту была беспомощна – не умела не то что готовить, даже разогреть еду, потому иногда сидела за работой голодная; могла, заработавшись, мерзнуть и забыть одеться теплее, могла позвонить родным на рассвете с вопросом, как варить пельмени из пачки: заливать холодной водой или кидать в нее?

В том, что касается литературы, она была жестка и принципиальна – еще с юности, с «Зеленой лампы», где хорошим тоном было не щадить собратьев. Литературовед Вячеслав Огрызко недавно опубликовал протокол обсуждения поэмы Константина Симонова «Ледовое побоище», где Адалис сравнивает ее с лубком времен первой мировой.

Евгений Евтушенко свидетельствует, что в 1958 году на собрании московских писателей, где голосовали за исключение Пастернака из Союза писателей, Адалис была единственной

воздержавшейся. И не просто воздержалась, а потребовала занести это в протокол; по тем временам – невероятное мужество.

«Оттепель» словно бы дала ей силы для нового творческого взлета. В 1960-х выходит несколько ее поэтических книжек – «Новый век», «Города», «До начала», «Январь – сентябрь». Здесь звучит новый голос Адалис: в нем меньше пафоса и больше лирических размышлений о мире, о человеке, о себе. Вместо политотделов и строек в ее поэзии появляются новые понятия эпохи – атом и космос. Ее занимает уже не пафос социалистического строительства, а судьба мира, который стал таким маленьким и уязвимым. Теперь она живо интересуется космогонией, историей, археологией, кибернетикой. В одном из ее стихотворений фольклорное яблочко, катящееся по блюдечку, оборачивается вдруг земным шаром: «И голубое яблочко опять / На черном, черном блюдечке вертится».

В ее стихах появляются трогательные ноты: она пишет о запахе календулы, о старушках, которые «хорошо одеваются и приходят на интересную лекцию», и «кажутся себе девчонками, не достигшими необходимых шестнадцати лет», и слушают лекции «о радиозвездах и о звездах сверхновых, и о звездах, ужасно взрывающихся». Она и сама была такой девочкой-старушкой – то озорной, то перепуганной взрывающимися звездами.

По рассказу внучки, бабушка могла позвонить ночью и сказать: «Выйди из дома, найди пустырь, где нет ни домов, ни деревьев, и оставайся там два часа; летит метеорит, или все уничтожит и будет катастрофа, или пролетит мимо и обойдется…». Ей очень нравилась проза братьев Стругацких. Но позвонить им и сказать «я такая-то, очень люблю вашу прозу» Адалис не могла: слишком скучно. Тогда она стала звонить им и, меняя голоса (это она очень хорошо умела, могла даже чревовещать – пишут современники), говорила со Стругацкими от имени их персонажей, заставляя их недоумевать, кто же их так мастерски разыгрывает. Потом из этого получилась долгая дружба. В последние годы ее окружали ученики, студенты, коллеги. «Вокруг нее был вечный шалман студентов и новых писателей, дверь не закрывалась на Старосадском, постоянные споры, шум, чтения с утра до утра», – свидетельствует ее внучка.

В ее поздней лирике, иногда избыточно декларативной, попадаются строки замечательной простоты – той самой, к которой приходят только к концу жизни: «Кто хочет – тот бессмертен, / А кто не хочет – нет».

А в одном из стихотворений цикла «Восьмистишия» высказана странная догадка, что человек рождается без души, что душу он в себе выращивает всю жизнь: «Смертными на свет мы рождены, / Чтобы зарабатывать бессмертье».

Из последних изображений А.Е. Адалис

Коротко о том, что известно о потомках героини этого очерка.

Сын – Владимир Иванович Сергеев, 1928 г. р. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Высшее военное училище им. М.В. Фрунзе и Литинститут. Член Союза писателей. Полковник погранвойск. Печатается с 1949 года. Поэт-песенник. Автор поэтических сборников «Дороги» (1965), «Сыновья» (1977), «Я признаюсь в любви…» (1977), «Марафон» (1985), «Не судите женщин». Среди написанных им песен – хорошо известная «Весна Победы» – «Фронтовики, наденьте ордена!».

Дочь – Юлия Ивановна Сергеева, режиссер, драматург.

Внучка, которая часто упоминалась выше, – дочь сына Екатерина Владимировна Московская (1950), литератор, художник. После развода родителей осталась с матерью Людмилой Васильевной и в 1957 г. была усыновлена дедом – отцом матери Василием Петровичем Московским (1904-1984), журналистом, автором многих книг (генерал, гл. редактор газет «Сталинский сокол», «Красная Звезда», «Советская Россия», чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНДР, зав. отделом пропаганды

и агитации, затем – зампред Ревизионной комиссии ЦК КПСС, зампред Совмина РСФСР).

Второй муж матери, отчим Екатерины – В.К. Журавлев, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Бенине.

Муж Кати Владимир Бельский, сын Егор, правнук героини очерка.

Еще один внук А.Е. Адалис, Иван Владимирович Сергеев (1938?), сын Владимира Сергеева от второго брака.

Один из электронных ресурсов начала нынешнего века сообщал:

«19 января 2001 г. Российское посольство в США распахнуло двери своего помпезно-нарядного Петровского зала для американской публики. Собрались многочисленные гости: литераторы, историки, журналисты, галерейщики, профессора университетов, художники, дипломаты. Это был день открытия выставки замечательных картин и одномоментно презентации удивительной книги члена Союза художников СССР, участницы российских и международных выставок, корреспондента «Независимой газеты» в Вашингтоне Екатерины Московской, для которой известный писатель Василий Аксенов сделал такую надпись на своей книге: «Кате, героине Москвы 70-х годов. Спасибо за Ваши воспоминания». Одним из ее мужей был Алексей Паустовский, сын писателя от третьего брака, погибший от передозировки наркотиков в возрасте 26 лет. «Повесть о жизни с Алешей Паустовским» московской художницы Екатерины Московской – один из первых опытов эпохи мемуаров, обрушившихся на читателя в 90-е годы. Надо отметить, что «Повесть о жизни…» опередила многие образцы жанра, которые нынче принято считать эталонными».

Известный журналист, культуролог и коллекционер, основатель Вашингтонского музея русской музыки и поэзии Юлий Зыслин писал тогда: «Внучка поэтессы Аделины Адалис (указывает ее истинную фамилию как Ефрон), последней музы Валерия Брюсова, бурно заявила о себе в Вашингтоне, устроив вернисаж своих картин и представив книгу воспоминаний, где есть кое-что о ее бабушке. Катя Московская посетила вместе с мужем музей и выступила на «Цветаевском костре».

Умерла Аделина Адалис в 1969 году от инсульта. Рассказывают, что врачом скорой помощи, приехавшей к ней, оказался молодой врач, будущий профессор-гематолог И.Г. Аллилуев, внук Сталина. Он случайно обмолвился об этом, и Адалис в своем стиле категорически отказалась принимать от него помощь. Пока ехала другая бригада, она попросила сына почитать ей Брюсова – из последней книги, и тихо-тихо слушала. Когда вторая бригада приехала, оказалось, что Адалис уже умерла. Смерти она не боялась и говорила о ней просто – как о части жизни. За несколько лет до смерти написала восьмистишие, обманчивое в своей строгой простоте: кажется жалобой на мимолетность жизни, а оборачивается надеждой на вечность…

Е.В. Московская, внучка поэтессы

Жизнь полуиссякшая моя
Рано оказалась у предела…
Плод пережитого бытия –
Кажется, душа во мне созрела?
Летним этим вечером опять
Тайно я по странствиям тоскую…
Самое бы время начинать
Жизнь одушевленную, вторую!

Похоронена она на Химкинском кладбище.

Евгений Перемышлев

Изумление блистающему графоману

Слова «похвальное слово», «ода», «гимн» здесь неуместны. Но как воздать прямо должное, надлежащее по справедливости? Приходится идти на уловки, подбирая сторонние обороты, отстраивать падежи. Не восхищение, изумление только, зато уж не кем, а кому, вроде подписного адреса, где перечислены достоинства юбиляра или бенефицианта, небесспорные, а заодно и сведения, ему самому известные, но не утрачивающие звучной сладости от повторений. Пусть будет так. Пусть это станет возникший к случаю окказиональный жанр. Как еще поощрить графомана, чьи творения неподражаемо высоки, находясь за гранью искусства?

Причиной тому приязни: тянется к безукоризненным образцам, но образцы выбирает из собственного разумения, по выражению «Хотинской оды», внезапные, и не представить, но ими воспламеняясь. А потому, отчасти, сочинения его причудливы, и так при абсолютной банальности.

Обязательное, непременное даже, этот творец видит в том, в чем иной увидеть его не в силах, но он видит же. И восстает частная гармония, частью барочный частью шедевр. Перл, если правильней, жемчужина, и моллюск он сам, а песчинка, облекаемая затем бесценной оболочкой, есть событие или предмет незначительные, так – песок бытия, крупица, попавшая в живую желеобразную массу, что страдает от боли и неудобства и пытается защититься от неудобства и боли, растит жемчужину с неверными очертаниями.

Потому графоман и не может не писать, отторжения инородной крупицы требует весь его изъязвленный организм. Потому

графоман и пишет безостановочно, ибо плоть его мягка, уязвима, слаба, а песок бытия всеместен и жесток, от него ли спастись, уберечься…

Стихи графоманов, принимая их за ар-брют, собирал когда-то покойный Н.К. Старшинов, кажется, намереваясь издать толстую антологию и не понимая, что дело имеет со стихами, а не поэзией, с болью почти физической, однако не ставшей художественным жестом. Сколько форменной страсти заключено в подобном объяснении в любви:

Не сверли глазами стену,
Пред тобой, как штык, стою,
Поверни ж ко мне систему
Ты капризную свою.

И выбрав с полдесятка стихотворений из нескольких сотен страниц, где на каждой шедевр за шедевром, предложил было растрогавшемуся от похвал и почтения автору напечатать их в альманахе «Поэзия», там имелся особый раздел насмешек и пародий, и обязательно эту жемчужину:

Потому что моя Зина
Вся из отпуска пришла.

О, какой разыгрался скандал! Рукопись до листка была истребована обратно, говорены вещи злые и несправедливые. Все оттого, что имелся тремор жанра, дрожание меж и меж, и стихи не могли отыскать постоянного места в жанровом каноне. Блистающий графоман писал любовную лирику, добрейший редактор читал иронику, суть – насмешку.

Конфликт этот повторяется из раза в раз. О свойствах и достоинствах таких стихов можно спорить и возражать, но они приходят на память как нечто, что память застит. Надо ли тянуться далеко за примером? Хоть стихи цензора С.И. Плаксина, четверостишие откуда не дословно цитировалось в главе, вынутой из романа «12 стульев». Там сообщалось, что стихи опубликованы газетой «Ведомости градоначальства», издаваемой

в г. Старгороде, и являются поднесением к трехсотлетию дома Романовых. Тогда как листовку со стихотворными аллилуйями «В память высоч. Е. И. В. гос. имп. Николая II проездов через Одессу» на деле издала одесская городская управа, о чем упоминает в комментариях к роману покойный же Ю.К. Щеглов, цитируя подлинный текст.

Скажи, дорогая мамаша,
Какой нынче праздник у нас, –
В блестящем мундире папаша,
Не едет брат Митенька в класс?

Взгляни ты: как много народа
Из церкви сегодня идет!..
А солнышко с ясного свода
Златые лучи так и льет!..

И солнышко, дитятко, знает,
Что праздник великий настал,
Что нынче к нам Тот прибывает,
Кого Сам Господь нам избрал!

Кто из двоих соавторов запомнил этот рифмованный вздор, для чего надо было, пусть единожды, подержать в руках листовку с текстом, превратившуюся вскоре, подобно каждому летучему изданию, в библиографическую редкость, а затем и в антикварный уникум? Е. Петров? Это вряд ли. Чтобы почувствовать несоответствие внешней формы внутреннему содержанию, нужен вкус, который обретается с возрастом, нужна ироничность, тогда как у второго соавтора юмор благодушен. Но – Ильф?

Любопытна в исключенной главе отсылка к прошлому, деталь-мнемоника, сопровождающая цензорский стих: фейерверк в виде императорского вензеля. Может статься, отсылка к юбилею царствующего дома затем и дана, чтобы вспомнить эту деталь, она не случайна, завязшая в памяти всего поколения наблюдателей эпохи: «Когда я был маленьким, в мире еще уделялось немало внимания фейерверкам. Редко какой праздник обходился

без целого апофеоза из ракет, римских свечей, бураков, шутих… Из этого разноцветно взрывающегося, стреляющего, пестро и огненно вращающегося материала организовывались даже законченные зрелища в честь текущих или исторических событий. Так, я помню большой фейерверк по поводу гибели русского крейсера «Варяг» в японскую войну». Описывать фейерверк, сооруженный к приезду самодержца в Одессу или в день тезоименитства наследника, Ю. Олеша не решился. Да и ни к чему.

Вот рознь между тем, кто помнит, и тем, кто вспоминает, одно – статика, другое – процесс. Цензор-сочинитель будто бы помнил образец, избранный для стихотворства, Ильф, возможно, и Е. Петров – вспоминали, отсюда усмешка, и над эпохой, и над стихами, и над героем этой вынутой из романа главы, потому что он стал персонажем, уступив первенство молодому человеку около двадцати восьми лет, герою с шарфом на могучей шее и в лаковых штиблетах, надетых на босу ногу, зато с астролябией наперевес.

Несообразность поступи стиха его содержанию, малая привычность размера создают редкий эффект. Притом, что это обман, рифмованная криптограмма: кажущаяся странность или кажущаяся же обыкновенность, когда и то, и то – лишь мнимость, прием смыслового контражура при затемнении формы. Образец графоманом выбран безукоризненно, лишь образец неуместен. Стихотворный размер – трехстопный амфибрахий – действительно нечаст в русской поэзии, но писаны им вещи хрестоматийные, каковые всегда на слуху. Это размер некрасовский, воспевающий ли русскую женщину, что

Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет,

Мороза ли воеводу, который, в иней рядя мертвецов,

Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Сопоставление помазанника божия с таким постфольклорным уже и тогда персонажем создает особую тональность.

Добавить следует, что размер этот встречался и прежде, например у А.К. Толстого, но удивительным образом в стихотворении «Средь шумного бала, случайно…» не ощущается, может, и потому, что цезура в начале стиха отсутствует, тогда как почти в каждой строке таковая есть у Н.А. Некрасова.

Сколь осмысленно выбирался образец для подражания, думаю, не сказал бы и сам цензор С.И. Плаксин. Образец этот, однако ж, литературный, а блистающий графоман отличен как раз внезапностью сопряжений, испытывая восторг там, где заурядпублика не увидит ровным образом ничего.

О том вольно судить по стихотворному опусу небезызвестного совсем одесского сочинителя А.Е. Крупнова «В память посещения государем императором и августейшей семьей г. Одессы», изданному собственным иждивением и тоже летучим, будто в расчете на скорый антик, листком.

Меря числом сочинений, посвященных императорским наездам, решишь, что помазанник наведывался в Южную Пальмиру чуть ли не чаще, нежели в Павловск и в Петергоф. Между тем визит 2 июня 1914 года был третьим (исключая тот, что совершен был допрежь коронации), и впереди оставалось два.

Но что Одессе какой-то император и самодержец всероссийский, московский, киевский, владимирский, новгородский; царь казанский, царь астраханский, царь польский, царь сибирский, царь Херсонеса Таврического, царь грузинский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая?

Здесь в изобилии своих венценосцев: король фельетона В. Дорошевич, король воздуха С. Уточкин, король налетчиков М. Япончик. Надо ли так удивляться сторонним императорам и царям? Собственно, их и прославляют, и возвеличивают одесские журналисты, как волны морские, быстрые, шумные, как морские же волны, и под стать морским волнам предпочитающие шипящие кое-каким остальным буквам русского алфавита, одесские журналисты, телефонирующие в редакцию о каждом шаге наезжих знаменитостей.

Неутомимые писаки, пронырливые хроникеры, репортеры от Б-га, им посвящается классический анекдот. На одном конце телефонного провода стенографистка, изнемогающая от усердия, на другом конце репортер-одессит, диктующий заметку для экстренного выпуска: «После завтрака цар… Попрошу пардону, щё? Я говорю, цар… Попрошу пардону, щё? Ну, цар, цар… Как не разборно, мадемуазель? Вам говорят чистейшим языком! Попрошу пардону, щё? Опять-таки нет? Ловите, передаю по буквам: Цилечка, Абраша и Рабинович с мягким кончиком. Ну, государ император же! Тепер таки разборно?».

Их старания не понапрасны, сенсационный материал о пребывании е. и. в. гос. имп. в Южной Пальмире сходу заслан типографам, чтобы свежей краской пахнущая газета прошелестела в руках читателей спустя час или два.

Стихотворный опус о явлении царственной семьи одесситам тоже должен бы свежо благоухать, вселяя бодрость и верноподданнический державный восторг.

День прохладой неги дышит,
Даль небесная ясна,
Ветер море чуть колышет,
Дарит ласкою весна.

Слышен говор, шум народный
И церковный перезвон,
И гремит, как гром свободный,
Клик ура со всех сторон.

Нынче Юг с Пальмирой Южной,
Лишь забрезжила заря –
Бодро встал нарядный, дружно,
Чтоб приветствовать Царя…

Картинка так-таки так с вернисажа, в оглядке на образцы она сама – образец. День тут прохладен, даль чиста, и рифма диктует лад: начало июня названо весной, и это в Одессе! Но что ни сделаешь ради полноты созвучия и его комплектности. Говор, шум,

1914.

АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

— ВЪ ПАМЯТЬ ПОСѢЩЕНІЯ —

Государемъ ИМПЕРАТОРОМЪ и Августѣйшей Семьей

г. ОДЕССЫ.

День прохладой нѣги дышетъ,
Даль небесная ясна,
Вѣтеръ море чуть колышетъ,
Даритъ ласкою весна.

* * *

Слышенъ говоръ, шумъ народный
И церковный перезвонъ,
И гремитъ, какъ громъ свободный,
Кликъ ура со всѣхъ сторонъ.

* * *

Нынче Югъ съ Пальмирой Южной
Лишь забрезжила заря —
Бодро всталъ нарядный, дружно,
Чтобъ привѣтствовать Царя —

* * *

Привѣтъ! Привѣтъ Тебѣ, Державный!
Нашъ Царь! Нашъ Вождь земли родной!
Прими Отецъ Нашъ Православный
Привѣтъ и нашъ поклонъ земной!

* * *

Да будетъ путь Твой Царской свѣтелъ!
Семья да здравствуетъ Твоя!
Дай Богъ, чтобъ въ жизни Ты не встрѣтилъ
Печалей, горестнаго дня!

* * *

Чтобъ всѣ Твои предначертанья,
Заботы, трудъ державный Твой
Осуществлялъ Ты безъ страданья
На благо Родины Святой!

Да охранитъ Тебя Предвѣчный
Отъ золъ войны, житейскихъ грозъ;
Отъ бѣдъ народныхъ, мукъ сердечныхъ
И отъ тяжелыхъ Царскихъ слезъ!

* * *

Привѣтъ! Привѣтъ Тебѣ, Родимый!
Прими привѣтъ съ Семьею всей...
Да будетъ Господомъ хранимый
Великъ и славенъ **Алексѣй!**

* * *

День прохладой нѣги дышетъ,
Даль небесная ясна,
Вѣтеръ море чуть колышетъ,
Даритъ ласкою весна.

* * *

Слышенъ говоръ, шумъ народный
И церковный перезвонъ,
И гремитъ, какъ громъ свободный,
Кликъ ура со всѣхъ сторонъ.

* * *

Нынче Югъ съ Пальмирой Южной
Лишь забрезжила заря —
Бодро всталъ нарядный, дружно,
Чтобъ привѣтствовать Царя!

А. Е. Крупновъ.

Одесса, 3 Іюня 1914 г.

Тип. Я. И. Сагала, [illegible]

перезвон оттуда ж: именитые гости прибыли не сушей, а морем, на яхте «Штандарт». Катер доставил их с рейда к берегу, где состоялась торжественная встреча и промаршировал почетный караул в присутствии командующего войсками Одесского военного округа, градоначальника, городского головы и думцев. А после этого поездом император с семьей и приближенными отправился на вокзал. Там-то и ожидали восторженные толпы горожан, вставших с зарей, но дождавшихся бесценных гостей лишь в 3:30 пополудни. Царица вернулась в поезд, а император с детьми автомобилем выехал на 7-ю станцию Большого Фонтана в расположение военного лагеря, где прошел смотр войскам, после чего император с детьми вернулся на станцию и теперь уже и вместе с царицей отправился в порт. Катер отвез их на яхту. Там в 7:30 вечера дан был торжественный ужин.

Перечислены эти детали, чтобы высказать странную догадку: с половины второго дня до половины восьмого вечера августейшая семья, за исключением разве что царицы, находилась на людях беспрерывно – торжества, чествования. Ни сам император, ни, тем более, дети не имели возможности ни оправиться, ни подкрепиться. Это в благодатной, хлебосольной, вольной и гостеприимной Одессе. Только здравицы, только ликования, только клики и перезвоны, которым вторят подведенные голодом желудки.

Привет! Привет Тебе, Державный!
Наш Царь! Наш Вождь земли родной!
Прими, Отец Наш Православный,
Привет и наш поклон земной!

Да будет путь Твой Царский светел!
Семья да здравствует Твоя!
Дай Бог, чтоб в жизни Ты не встретил
Печалей, горестного дня!

Чтоб все Твои предначертанья,
Заботы, труд державный Твой
Осуществлял Ты без страданья
На благо Родины Святой!

Да охранит Тебя Предвечный
От зол войны, житейских гроз,
От бед народных, мук сердечных
И от тяжелых Царских слез!

Привет! Привет Тебе, Родимый!
Прими привет с Семьею всей –
Да будет Господом хранимый
Велик и славен Алексей!

Ритуальные формы величания противны реальности, отталкивают ее, словно добротно прорезиненный макинтош небесную слять. От зол войны охраняться было поздно, смотр гарнизона предпринят именно из-за приближающейся военной угрозы. Наследник страдал хронической болезнью, и что там впереди – тщетно было гадать. Но формулы, формулы истребовали, даже в такой строке отсылка к хрестоматийной «Полтаве», а чем закончил славный и богатый Кочубей – известно. Может быть, оттого величание кончается повторением трех начальных строф, замыкая стихотворный текст в кольцо.

День прохладой неги дышит,
Даль небесная ясна,
Ветер море чуть колышет,
Дарит ласкою весна.

Слышен говор, шум народный
И церковный перезвон,
И гремит, как гром свободный,
Клик ура со всех сторон.

Нынче Юг с Пальмирой Южной,
Лишь забрезжила заря –
Бодро встал, нарядный, дружно,
Чтоб приветствовать Царя!

Таинственный жанр графоманской оды или досужего памятования функционирует по собственному неразумению. Функция припева, повторения, должного по традиции быть универсальным, вывернута, она – единична, тогда как значение центрального фрагмента универсально, растянуто во времени, это пожелание, которое должно не просто свершиться, но длиться, по возможности, долго, а в пределе своем – бесконечно.

Но это частности, ибо главнейший образец принят блистающим графоманом тут не из литературы, образец – архитектурен. Это очевидно по всей причудливости заглавных и строчных, изяществу гарнитуры, игре декоративными элементами: рамка, планка, отбивающая столбец от столбца, а заглавие подпирающая снизу, точно приподнимая на некоторое возвышение, даже подставку фриза, сами четверостишия скреплены, будто вязкой раствора, декоративными звездочками. Архитектурное построение листа демонстрирует словно фасад псевдоклассического стиля, тут и стереобат, и капители парадных колонн, и архитрав, и тимпан. Портреты царствующей семьи украшают как бы фронтон, где обозначен даже год, когда возведено это бумажное здание (если найдется досуг, впору б и поискать, какое городское строение послужило сочинителю наглядным образцом).

Что перед нами не игры типографа, следует заключить из двух обстоятельств. Листок издан собственным иждивением стихотворца, равно как и другие его издания, то есть заказчик должен был одобрить предварительно вид листка, тем более приуроченного к такому экстранеординарному случаю. Указаны здесь же, вписанные в общий архитектурный вид, типография Я.М. Сагала и телефон, по которому следовало звонить. Соавторство наглядно.

И задумываешься невпопад – сколь уместно быть воспету блистающим графоманом, превратиться в жемчужину, кособокий перл создания, будучи испокон песчинкой бытия.

Евгений Деменок

Одесситы пишут Бурлюку

Часть третья

Давид Бурлюк и Владимир Издебский

Скульптор и организатор художественных выставок Владимир Алексеевич Издебский родился в Киеве, но одесситы традиционно считают его «своим». И это вполне объяснимо. Он жил в Одессе с десятилетнего возраста, посещал рисовальные курсы художника М.М. Манылама, с 1897 года учился в классе Луиджи Иорини в Одесской рисовальной школе, которую осенью 1901 года оставил, не окончив. Он вообще будет многое начинать и потом бросать. В 1902-1903 годах Издебский учился в Мюнхене, в Королевской Баварской академии художеств, у скульптора Вильгельма фон Рюманна. Из Мюнхена он тоже уедет, вернется в Одессу, где в августе 1903-го восстановится в Одесском художественном училище вольнослушателем. Но и тут задержится всего на год, до октября 1904-го,

В.А. Издебский

и училище не окончит. После этого он вновь уезжает в Европу, во Францию и Германию.

Но все же именно Одесса была для Издебского тем городом, в котором у него один за другим рождались новые проекты. Именно здесь он фонтанировал идеями. Поэтому из Европы он снова возвращается в наш город и осенью 1907-го затевает издание газеты «Телеграф», где был редактором и издателем. Газета прекратила существование на второй неделе, после выхода 10 номеров. В ноябре 1908-го по инициативе Издебского вышло три номера журнала «Сколопендра». После выхода третьего номера журнал закрылся.

Ну и подумаешь! Неудачи смущают только слабаков, настоящих мужчин они только закаляют. Не оставлявший скульптуры и достигший в ней действительного мастерства Издебский в 1908 году дебютировал на выставке Товарищества южнорусских художников, а в начале 1909 года принял участие в Салоне Сергея Маковского в Петербурге и передвижной выставке киевского журнала «В мире искусств» в Харькове. В том же 1909 году он стал членом основанного Василием Кандинским в Мюнхене «Нового художественного общества». И был приглашен преподавать скульптуру в художественной школе А.М. Манылама, где оставался преподавателем натурного и скульптурного классов до отъезда из Одессы в 1913 году.

Но главным делом его жизни – конечно же, сам он тогда даже не подозревал об этом – стало проведение двух выставок современного искусства, которые известны любителям искусства во всем мире как знаменитые «Салоны Издебского». Подготовку первой выставки он начал в самом начале 1909 года. Во время подготовки первого «Салона» Издебский пригласил Давида и Владимира Бурлюков принять в нем участие. Участие это оказалось для Бурлюков важным вдвойне – благодаря «Салонам» они познакомились с Василием Кандинским.

В сдвоенном 51-52 номере издаваемого Давидом и Марией Бурлюками в Америке журнала «Color and Rhyme», датированном 1962-63 годами (такая датировка журналов не была редкостью, в нумерации вообще нередко была путаница), Бурлюк опубликовал заметку «Наша дружба с В.В. Кандинским». В ней

он описывает знакомство не только с Кандинским, но и с Владимиром Издебским:

«В Одессе у Черного моря скульптор Вл. Издебский… пригласил меня и моего младшего брата Вольдемара прислать свои картины в Одессу на запланированную им выставку. В первый раз я встретил Издебского в Мюнхене, где учился в студии проф. Вилли Дитца и Карла Ажбе. <…> Когда мы прибыли в «Русскую Вену», город французского герцога Ришелье, в многочисленных залах дворца одного из русских магнатов, арендованного Издебским, из высоких окон которого были видны лазурные воды «Эвксинского Понта», уже висели на стенах около 800 картин.

<…> Март в Одессе всегда теплый и солнечный. С Издебским была художница А.А. Экстер – мой близкий друг с 1907, и поэт Гумилев, великий знаток французской поэзии, который остановился в Одессе по пути в Абиссинию. Гумилев был казнен революционерами в 1918 в Петрограде. Издебский представил меня В. Кандинскому, вежливому мужчине с мягким голосом и очаровательными дружелюбными манерами. Он уже был образцом человека рафинированной европейской культуры.

<…> Очень скоро мы увидели, как в большом зале работы братьев Бурлюков, В. Кандинского, А. Экстер расположились рядом с работами Матисса, Дерена, Делоне, Жирье, М. Дени и других наших дорогих парижских гостей. В этом гигантском шоу каждый художник был ограничен 5-7 картинами».

Как обычно, у Давида Давидовича путаница с датами. Николай Гумилев, которого расстреляли не в 1918-м, а в 1921 году, был в Одессе осенью 1908-го (сентябрь и затем октябрь), 1 декабря 1909 и затем в апреле 1913-го. Если упомянутая Бурлюком встреча и была в действительности, то произойти она могла лишь в декабре 1909 года, прямо перед открытием первого «Салона». С Кандинским же Бурлюк мог познакомиться не ранее декабря 1910 года, когда Василий Васильевич приехал в Одессу (в 1909 он не бывал в Одессе ни разу). Собственно о том, что знакомство с Кандинским произошло именно в 1910-м, сам Бурлюк тоже писал неоднократно (например, в 18-м, 31-м и 56-м номерах того же «Color and Rhyme»). При чем тут март – вообще непонятно. Первый «Салон» Владимира Издебского открылся в Одессе 4 декабря

1909 года. Так что, скорее всего, Бурлюки были в Одессе как раз в конце ноября – начале декабря.

«Салоны» Владимира Издебского давно стали легендарными. И это заслуженно – после «Салона Золотого Руна», прошедшего весной 1908-го, это была вторая столь масштабная выставка, на которой российская публика смогла познакомиться с произведениями ведущих современных французских художников, а вместе с ними – и с работами своих соотечественников, находящихся в авангарде художественного поиска и экспериментов. Открывшись в Одессе, «Салон» затем проследовал в Киев, Петербург и Ригу.

Владимиру Издебскому, который для отбора работ ездил в Рим, Париж, Мюнхен и Берлин, удалось отобрать для экспозиции работы самых передовых европейских художников. Дочь Издебского, Галина Владимировна Издебская-Причард, в своей статье «Владимир Алексеевич Издебский на родине и в изгнании. Страницы истории отечественного искусства» писала: «Это были главным образом французские художники парижской школы, члены немецкой мюнхенской группы, «Новая художественная ассоциация»,

Давид Бурлюк

были и несколько итальянцев, и представителей других национальностей. Группа развивающегося модернистского движения парижской школы даже теперь кажется очень представительной, начиная от неоимпрессиониста Синьяка, группы Наби, фовистов и кончая Браком, который уже тогда был кубистом и показал три пейзажа. Среди 37 французских художников (некоторые из них сейчас забыты, но некоторые и сегодня остаются светилами искусства начала XX в.) были Эмиль Бернар, Пьер Боннар, Жорж Брак, Феликс Валлоттон, Морис Вламинк, Эдуар Вюйар, Альбер Глез, Морис Дени, Кис Ван Донген, Мари Лорансен, Анри Манген, Альбер Марке, Анри Матисс, Жан Метценже, Одилон Редон, Жорж Руо, Анри Руссо, Поль Синьяк, Анри Ле Фоконье и Отон Фриез…».

Был представлен на «Салоне» и футурист Джакомо Балла.

Что касается русских художников, то Издебский постарался сбалансировать представляемых на «Салонах» авторов – наряду с «леваками» Давидом и Владимиром Бурлюками, Ильей Машковым, Аристархом Лентуловым, Александрой Экстер, Алексеем Явленским, Василием Кандинским (работы Ларионова попали на выставку уже в Киеве, Гончаровой – в Петербурге) были представлены работы художников, входивших в привычные и признанные «Мир искусства», «Союз русских художников», Товарищество южнорусских художников. Однако, как и следовало ожидать, именно работы «леваков» вызвали наибольшее внимание и даже скандалы. «Незнакомец» (Б.Д. Флит) в статье «Наброски на лету» (Одесские новости, 5.12.1909) писал: «В «Салоне» три разряда: Правые, средние и левые карти-

ны… Правыми публика любуется, средними восхищается, левых – не понимает».

Первый «Салон» открылся в бывшем помещении Литературно-артистического общества – дворце князя Гагарина, и проработал в Одессе до 24 января 1910 года. Давид Бурлюк был представлен на первом «Салоне» 8-ю работами, значившимися в каталоге под № 62-69: «Портрет», «Сирень», «Сад», «Весна», «Весенний свет», «Аллея», «Nature morte» и «Лето» – причем последняя была указана как собственность Владимира Издебского. Владимир представил три работы, обозначенные как «витражи»: «Рай», «Павлин» и «Ландшафт» (№ 70-72). Кроме того, на «Салоне» экспонировались семь работ – в основном этюды – мамы многочисленного семейства Бурлюков Людмилы Иосифовны, которая выставлялась под девичьей фамилией Михневич. Ее работы значатся под № 491-497. Это была первая выставка, на которой были представлены ее работы.

Разумеется, не обошлось без скандала. Шестого декабря на выставку пришел «отец» южнорусских художников Кириак Костанди, у которого произошла словесная перепалка с Издебским. На замечания Костанди о развеске Издебский заметил, что не тому судить об этом – он ведь «академист». В ответ Костанди в повышенном тоне наградил Издебского нелестными эпитетами. В результате Издебский обратился за защитой к третейскому суду. До суда дело не дошло – Костанди принес свои извинения. Похожий конфликт произошел и в Петербурге с участием еще одного патриарха, Ильи Ефимовича Репина. Приглашенный на выставку Издебским, он был взбешен «левой» живописью и даже опубликовал в «Биржевых ведомостях» резко негативную статью о посещении «Салона».

Столичная критика вообще отнеслась к своим гораздо резче, чем к французам. Вот что писали о Бурлюках: «Много старых знакомцев: братья Бурлюки тоже здесь, но у импрессионистов они являются премьерами, а в «Салоне» Издебский запрятал их подальше, где-то в полутемках. Бурлюки нужны, как острая приправа, как перец кайенский, но всяк знай свое место. И в то же время справедливость требует отметить, что Бурлюки представлены здесь куда же выгоднее, чем у импрессионистов. Там они дошли

до крайней точки одичания. А здесь плетутся в арьергарде за Явленскими, Ларионовыми и компанией».

Под «импрессионистами» здесь имелась в виду прошедшая в марте-апреле в Петербурге выставка «Импрессионисты», на которой совместно выступили группы «Треугольник» и «Венок-Стефанос». Но до этого Бурлюки успели съездить в Чернянку. Увиденные Давидом Бурлюком в Одессе работы французских художников произвели на него большое впечатление. Он пишет Николаю Кульбину в Петербург (6 декабря 1909): «Выставка очень интересна – так много милых французов – прекрасный Ван Донген, Брак, Руссо, Вламинк, Манген, и мн. др. <…> Приехали в деревню поработать до января – ужасно хочется (после французов)».

Первой выставкой сезона 1910-11 годов, в которой приняли участие братья Бурлюки, стала мюнхенская выставка «Нового общества художников», на которую их пригласил Василий Кандинский, увидевший их работы на первом «Салоне» Издебского. Так завязалась дружба, которая приведет Бурлюков в «Синий всадник», более того – в 1915 года Кандинский станет крестным младшего сына Давида Бурлюка, Никифора (Николая).

Осенью 1910 года Давид и Владимир Бурлюки поступают в Одесское художественное училище, причем Давид – во второй раз, после сезона 1900-1901 годов. Осенью 1910-го Владимир Издебский начинает готовить свой второй «Салон», и Бурлюк помогает ему в этом. Галина Издебская-Причард писала: «В Париже ему помогал Мерсеро, в Мюнхене – Кандинский, в Москве и Петербурге – Давид Бурлюк, Ларионов и Камышников».

В декабре Бурлюк встречается с Кандинским: «У нас в Одессе осенью, Преображенская, 9, был проездом Василий Васильевич Кандинский, и мы отныне стали его соратниками в проповеди нового искусства в Германии».

Второй «Салон», прошедший в Одессе с 6 февраля по 3 апреля 1911 года по адресу улица Херсонская, 11, стал бенефисом русских «левых». Первоначально открытие планировалось на октябрь 1910-го, но в процессе подготовки этот план изменился. Коммерческая неудача первого «Салона» в Риге, а также тот факт, что публика покупала работы в первую очередь русских художников, заставила Издебского изменить стратегию. Он не мог позво-

лить себе собирать работы французских, итальянских, немецких живописцев – исключение коснулось только мюнхенской группы русских художников во главе с Василием Кандинским. Издебский решил сосредоточиться исключительно на русских авангардистах. Это не могло не отразиться на реакции публики и критики.

Василий Кандинский выставил у Издебского 54 работы, Наталья Гончарова – 24, Михаил Ларионов – 22, Илья Машков – 17, Петр Кончаловский – 15. Вообще, второй «Салон» значительно отличался от первого. Среди новых художников были Роберт Фальк, Владимир Татлин и Георгий Якулов. Всего в каталоге было заявлено 57 художников с 425 экспонатами. Из иностранных художников в выставке участвовала только Габриэле Мюнтер.

Давид Бурлюк представил 26 работ, обозначенных в каталоге под № 12-37 (интересная деталь – среди работ Давида Бурлюка была одна с названием «Ланжерон»). Вообще семья Бурлюков была представлена на втором «Салоне» практически полностью – из рисующих отсутствовали только работы Людмилы. Владимир Бурлюк представил 12 работ, обозначенных в каталоге под № 38-49. Людмила Иосифовна представила пять работ (в каталоге под № 289-299, № 293-298 в каталоге отсутствуют); кроме того, в отделе детских рисунков (замечательная инициатива Издебского) среди прочих были представлены работы двенадцатилетней Надежды Бурлюк. Работы «левых» на втором «Салоне» вызвали скандальную реакцию в среде местной публики. Это была уже не просто критика – произведения Гончаровой, Ларионова, Кончаловского, Владимира Бурлюка и Кандинского были попорчены чернильными карандашами.

Наибольший поток критики и вообще внимания привлекли работы Владимира Бурлюка. Критика назвала его «enfant terrible» «Салона». Именно его портреты Владимира Издебского, Михаила Ларионова и Аристарха Лентулова наделали столько шума, что были даже отображены в шаржах различных авторов. Возмущенные критики соревновались в негативных эпитетах. Например, вот что писал Альцест [Е. Генис] в своей статье «В «Салоне» В.А. Издебского»: «Но все-таки как далеко ни шагнул в «новаторстве» г. Д. Бурлюк, брату его удалось уйти еще дальше. Молодой художник успел окончательно перешагнуть за черту, отделяющую

наши художественные и эстетические принципы и восприятия от вкусов и прихотей дикаря или душевнобольного. Таковы его знаменитые в своем роде портреты Вл. Издебского (№ 47), художников Ларионова (№ 38), Лентулова (№ 48) и автопортрет (№ 40). Не менее оригинален художник и в качестве пейзажиста. В этом жанре наиболее любопытными являются две его вещи: «Весенний пейзаж» (№ 41) и «Цветущая сирень» (№ 42). Если эта живопись не продиктована только соображениями чисто рекламного характера, то, несомненно, с ней ведаться необходимо не художественной критике, а врачебно-медицинской экспертизе».

Давид Бурлюк представил много работ, написанных в 1905-6-8-9 годах в реалистической манере. Лоэнгрин [П.Т. Герцо-Виноградский] в своей заметке «Зигзаги» писал: «Много протестов, вероятно, вызовут гг. Бурлюки. <…> Весьма умно сделали устроители «Салона», выставив в комнате одного из Бурлюков некоторые его вещи, написанные с прежней манерой». Сергей Зенонович Лущик в книге «Одесские «Салоны Издебского» и их создатель» пишет о том, что состав коллекции работ Давида Бурлюка во втором «Салоне» становится понятным, если учесть, что Бурлюк приехал в Одессу получить диплом и был принят сразу в пятый художественный класс. Были представлены произведения разных лет с датировкой каждой картины, что не практиковалось ранее в «Салонах». «Фактически – персональная выставка к экзаменам!» – пишет С.З. Лущик.

Сам Давид Бурлюк вспоминал, что на выставке были проданы почти все его «отмеченные отчаянным реализмом» украинские пейзажи, написанные в 1904-1905 годах. И действительно, Бурлюк был одним из самых продаваемых авторов второго «Салона». «Одесские новости» писали: «Несмотря на явное недружелюбие, питаемое большой публикой к новому искусству, картины левых художников, выставленные в «Салоне», очень бойко продаются». Среди приобретенных названы, в том числе, девять работ Давида Бурлюка. Продан был даже вызвавший столько шума портрет Владимира Издебского работы Владимира Бурлюка. Вообще, успех второго «Салона» превзошел все ожидания – выставку посетило более трех тысяч человек. «Распроданы почти все картины Давида Бурлюка», – писал «Одесский листок» 11 марта 1911 года.

Давид Бурлюк принимал также участие в организованном Владимиром Издебским публичном диспуте «Новое искусство, его проблемы, душа, техника и будущее». Диспут состоялся в зале «Унион» на улице Троицкой, 43. Собственно говоря, Бурлюк принял участие в прениях, так как основными докладчиками были доктор философии А.М. Гринбаум («К философии современного искусства») и сам Владимир Издебский («Новое солнце» (от академизма к импрессионизму)). Вот что писали одесские газеты о прошедшем вечере:

«Вечер в зале «Унион» <…> раскололся на две половины: пасмурную – лекции А.М. Гринбаума <…> и В. Издебского <…> и оживленную – словопрения, в которых приняли участие: гг. Бурлюк, Гершенфельд, Инбер, Нилус и Пильский» («Одесский листок», 02.04.1911 г.).

«В прениях приняли участие Д. Бурлюк, М. Гершенфельд, Н. Инбер, П. Нилус и П. Пильский. Они не имели вида диспута, а походили скорее на ряд самостоятельных лекций <…> Г-н Издебский отказался их резюмировать» (Одесские новости, 02.04.1911 г.).

Это первое упоминание об участии Давида Бурлюка в публичном диспуте о современном искусстве – пусть пока только в прениях. Вскоре эта часть его таланта раскроется в полной мере.

О приятельских отношениях Бурлюков и Владимира Издебского можно судить по ряду моментов. Во-первых, к началу первого «Салона» Владимир Издебский уже владел работами Давида Бурлюка – под № 69 в каталоге работа «Лето» значится как собственность В. Издебского. Во-вторых, на втором «Салоне» сам Издебский представил скульптурный портрет Давида Бурлюка, а Владимир Бурлюк представил портрет Издебского, наделавший немало шуму и известный нам сегодня только по шаржам И. Гохмана и Mad (М.А. Дризо). Эти приятельские отношения были несколько омрачены эпизодом невозврата картин после второго «Салона». Дело в том, что еще по результатам первого «Салона» Издебский понес убытки, и по результатам второго они только усугубились. Еще 9 октября 1910 года Василий Кандинский, который был тогда в Одессе, писал Габриэле Мюнтер: «Ко мне завтра придут Издебский и Давид Бурлюк. Издебский задолжал за первый «Салон» 4000 рублей и теперь живет более чем скромно».

Владимир Издебский

А 30 ноября 1910 года Кандинский уже писал Мюнтер о том, что на ряд работ с «Салона» был наложен арест, чтобы покрыть долги. Сам Бурлюк в один и тот же день 27 августа 1911 года писал Кандинскому и Николаю Кульбину об этом: «В.А. Издебский возбудил против себя сильно русских художников: не отдает до сих пор работ» (Кандинскому) и «Издебский бежал из Одессы: писал, что за границей, я думаю, жид врет: где-либо в Бердичеве. <…> Я своих работ, к своему сожалению, не могу получить» (Кульбину). Этот антисемитский пассаж (притом, что Издебский был католиком) крайне неприятен в устах Бурлюка, который сам, оказавшись в Америке, первое время намекал на свое еврейское происхождение, пытаясь приспособиться к тамошней среде.

Через некоторое время не только Бурлюк, но и Владимир Издебский оказываются в Америке (Бурлюк в 1922-м, Издебский – в 1941 году). Лично пообщаться им там не довелось, но они обменивались письмами. Бурлюка, который во второй половине жизни скрупулезно собирал все сведения о своей бурной деятельности в России, в первую очередь интересовали сведения о «Салонах». 16 июня 1955 года Издебский ответил ему в письме, которое было в дальнейшем опубликовано Давидом Давидовичем в 55-м номере «Color and Rhyme» с подзаголовком: «Об исторической выставке 1910-11. Салон. Письмо Вл. Издебского»:

«Да, да, дорогой Друг, Давид Давидович. Очень нехорошо, что я так долго не отвечал на письмо; но не надо забывать, что в мае месяце этого года пошел 75-й год моей очень сложной и запутанной жизни, и наступило время болезням всяким и прямо усталости в борьбе за жизнь. Да и работаю я над скульптурой очень

много и порядком устаю. А сейчас еще увлекся живописью; лучше поздно, чем никогда, сказал турок, когда его посадили на кол. Вот и я взялся за письмо.

Отвечаю немного, т. к. память за 45 лет изменила мне.

Выехал я за границу для организации Салона в 1908 году и вторично в начале 1909 года. Был в Риме и Вене, где виданное меня не удовлетворило, и я оба раза останавливал свой выбор на французских художниках в Париже, где мне помогал Александр Мерсеро, которого я и сделал своим уполномоченным.

Первая Интернациональная выставка была открыта в Одессе – на какой улице, не помню, но только могу указать, что этот Салон помещался рядом с Публичной библиотекой; второй Салон, только русских художников, помещался на Софиевской и открылся в конце 1910 г. и после Одессы переехал в Николаев, где и прекратил свое существование, т. к. я на обеих выставках понес убыток в несколько тысяч рублей (около пяти тысяч) (память действительно изменяет Владимиру Алексеевичу – рядом с Публичной библиотекой помещался как раз второй Салон, и помимо Николаева он был показан в Херсоне. – **Прим. автора**). В расходы входили поездки за границу, пересылки со страховкой за границу картин, наем помещений, реклама, каталоги, служащие и пр.

Понятно, я не могу помнить время отсылки картин, в особенности французов, и, главным образом, потому, что этим занимался второй секретарь П. Панайоти, который исполнял эти свои обязанности – как я уже после понял – не вполне добросовестно.

Вот и все, что я могу ответить на Ваши вопросы, и то благодаря чудом сохранившемуся каталогу. На отдельных листах Вы найдете список

Владимир Издебский. «Голова». 1945 год

Владимир Издебский. «Композиция с портретом жены художника»

французских художников, участвовавших в моем первом Салоне, маршрут, даты открытия и закрытия выставки в разных городах, а также перечень картин Давида и Владимира Бурлюка.

В моей довольно большой библиотеке имеются: каталог выставки «Треугольник» и группы «Венок», Д. Бурлюка «Ван Розен»*, «Ошима», «Морская повесть», Э. Голлербах «Поэзия Давида Бурлюка», Н. Кульбин «Свободная музыка» и Бенедикта Лившица «Полутораглазый стрелец», а также несколько номеров «Колер энд Райм».

Вот и все, что я могу сказать на этот раз. Понятно, не могу не пожалеть, что мой сподвижник по Салону Давид Бурлюк не пришел на мою первую выставку здесь в Нью-Йорке. Не знаю, может, удастся где-нибудь устроить свою самостоятельную выставку, но пока у меня нет для этого презренного металла. Может, дадите какой-нибудь практический совет. Отзывы о моем первом выступлении в американской прессе все были благожелательны.

Сердечный привет всей талантливой семье,

Искренне любящий Вл. Издебский».

В фонде Бурлюка, находящемся в исследовательском центре специальных коллекций библиотеки Берда в американском Сиракузском университете находится машинописная рукопись этого письма. Вполне возможно, письмо было перепечатано женой Бурлюка Марией Никифоровной – это была стандартная форма

* Давид Бурлюк написал очерк о жизни и творчестве родившегося в Киеве и эмигрировавшего в 1923 году в США театрального художника и критика Роберта Ван Розена (1904-1966), который в 1926-28 годах был куратором нью-йоркского Музея Рериха.

подготовки материалов для журнала. Дата, указанная на письме, меня смутила. Издебский был одногодком с Бурлюком, он родился 22 мая (3 июня) 1882 года. Соответственно, в 1955 году ему никак не могло исполниться 75 лет, ему было семьдесят три. Возможно, эта ошибка возникла именно при перепечатке.

В ответ на письмо Издебского Бурлюк пишет ему уже 20 июня 1955 года: «…Мы были February, March на Кубе. Теперь там моя выставка 53 работы – написал их с 1-го января (1955) по 22 марта того (сего) года. <…> Выставка под покровительством правительства Кубы. Один друг из Москвы (1913) S.M. Vermel – все это организовал. Жизнь коротка – а друзей мало!..» В другом письме от 14 июля 1955 года Бурлюк пишет Издебскому: «…Посылаю вам каталог моей выставки на Кубе: «Palacio Belles Artes». June 3-30… Устроитель ее (директор Вермель), мой друг из Москвы… С.М. Вермель – поэт, актер (ученик Мейерхольда), он выпустил книжку стихов с моими рисунками в Москве в 1914 году».

Как видим, от былых обид не осталось и следа.

Безусловно, для Издебского, который из-за недостатка средств на много лет оставил скульптуру (из России он эмигрировал в 1919 году, с 1920 по 1941 жил в Париже, откуда уехал в США, где в 1942-м наконец вернулся к занятиям скульптурой), Давид Бурлюк представлялся весьма успешным художником. Начиная с 1941 года у Давида Давидовича практически каждый год проходили персональные выставки в нью-йоркской «ACA Gallery», работы активно продавались, у Бурлюков был дом в Бруклине и летний домик на Лонг-Айленде… Но всего этого пришлось добиваться двадцать лет – тяжелых и полуголодных.

Судя по всему, выставка, на которую не пришел Бурлюк, была коллективной. А вот персональная выставка живописи и скульптуры Владимира Издебского состоялась уже с 14 по 28 августа 1965 года. Она стала первой и последней его персональной выставкой в США. Спустя шесть дней после открытия, 20 августа, он скоропостижно скончался. Владимиру Издебскому было восемьдесят три года.

Две недели спустя вдова Издебского Бронислава отправила Давиду Бурлюку короткое письмо:

«Long Beach, September 3rd, 1965

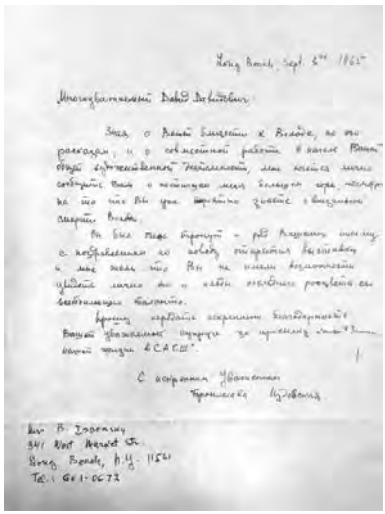
Многоуважаемый Давид Давидович!

Зная о Вашей близости к Володе, по его рассказам, и о совместной работе в начале вашей общей художественной деятельности, мне хочется лично сообщить Вам о постигшем меня большом горе, несмотря на то, что Вы уже, вероятно, знаете о внезапной смерти Володи.

Он был очень тронут и рад Вашему письму с поздравлениями по поводу открытия выставки, и мне жаль, что Вы не имели возможности увидеть лично его и плоды последнего расцвета его всеобъемлющего таланта.

Прошу передать искреннюю благодарность Вашей уважаемой супруге за присылку книги «Записи нашей жизни в САСШ».

С искренним уважением,
Бронислава Издебская
B. Izdebsky
341 West Market str.
Long Beach, N.Y. 11561
Tel.: Gel – 0672».


Long Beach, Sept. 3rd 1965

Многоуважаемый Давид Давидович!

Зная о Вашей близости к Володе, по его рассказам, и о совместной работе в начале Вашей общей художественной деятельности, мне хочется лично сообщить Вам о постигшем меня большом горе, несмотря на то, что Вы уже, вероятно, знаете о внезапной смерти Володи.

Он был очень тронут и рад Вашему письму с поздравлениями по поводу открытия выставки, и мне жаль, что Вы не имели возможности увидеть лично его и плоды последнего расцвета его всеобъемлющего таланта.

Прошу передать искреннюю благодарность Вашей уважаемой супруге за присылку книги «САСШ».

С искренним уважением
Бронислава Издебская

Mr. B. Izdebsky
341 West Market St.
Long Beach, N.Y. 11561
Tel.: Gel-0672

Исследуя переписку Давида Бурлюка, не перестаешь удивляться его умению поддерживать заинтересованные и дружеские контакты с огромным количеством самых разных людей. «Нужно обответить все письма», – было его принципом, его мантрой. Он отвечал быстро, щедро делился плодами своих литературных и публицистических трудов – сборниками и журналами «Color and Rhyme». Публикуемые письма – лишь крошечная часть его эпистолярного наследия.

Публикации

284 Ирина Ратушинская
Ангелы, ангелы, спойте вместе со мной

293 Елена Дубровина
Русский Джеймс Бонд Александр Гефтер (1885-1956)

Ирина Ратушинская

Ангелы, ангелы, спойте вместе со мной

Жила-была в Одессе девочка Ира Ратушинская. Училась в 107 школе на Толстого. Писала стихи. Папа – инженер, мама – учительница русского языка. Девочка веселая, с отличным чувством юмора. В университете, естественно, увлеклась КВНом, все как у людей…

Но она много читала. Но она много думала. И стихи выходили совсем не кавээновские, а грустные. А еще она с раннего детства дружила с мальчиком – Игорем Геращенко, он жил в Киеве, и единственно, про что вечно спорили, – какой город лучше: Одесса или Киев…

Игорь перепечатывал самиздат. Так что в круг чтения попали и Оруэлл, и Солженицын, и Сахаров…

В 1979 году Ира Ратушинская обвенчалась с Игорем Геращенко и переехала в Киев. Как видно, тогда она и попала под наблюдение КГБ.

В ссылку послали Сахарова, якобы по просьбе трудящихся. Ирина написала письмо в Москву, в Кремль с протестом.

Ребячество? Нет, позиция.

– Мы не могли им помешать делать мерзости, – рассказывала Ира, – но мы лишали их права делать это от нашего имени. Чтоб потом своим детям в глаза было не стыдно посмотреть.

Таких акций было несколько. И вот пришли из КГБ с обыском. Ничего не нашли, кроме стихов Ратушинской. И пять стихотворений объявляются антисоветскими. На вопросы следствия она вообще не отвечает. Ее «дело» разрабатывают в Одессе, Киеве, Москве. Допрашивают знакомых. И тут можно порадоваться. Да, это уже не тридцатые. Никто не дал обвинительных показаний. Но все равно: за стихи – семь лет лишения свободы и пять лет ссылки. Отбывала срок в женской колонии строгого режима для особо опасных преступниц. В Мордовии.

Не буду про это рассказывать. У кого хватит сил, прочитайте автобиографическую книгу Ратушинской «Серый – цвет надежды».

Ее пытались ломать и в лагере. Протесты Пен-клуба, статьи в газетах мира. Все это раздражало гэбэшных начальников. От Ратушинской требовали прошения о помиловании, а значит, признания вины. Держали в карцере. Она болела. Сказали, что никогда не станет матерью. Но не подавили. И стихи писала в зоне. Веселые. И даже издевательскую кулинарную книгу про зековский прокорм.

А в США, в Англии выходили ее книги. С предисловием Иосифа Бродского, со статьей Василия Аксенова. Потом в Одессе мы издали ее книгу, автор дала разрешение, хоть еще жила с детьми в Англии.

Ирина Ратушинская умерла в Москве в 2017 году. Ее неопубликованные стихи прислал нам ее сын Сергей Геращенко.

Евгений Голубовский

В маленький домик с зеленой трубой

В маленький домик с зеленой трубой
Кот мой ушел и зовет за собой.
Миску поставить, налить молока.
Я ненадолго, наверно.
Пока.

Дальше-дальше в долину

Дальше-дальше в долину, где травы и облака,
Где большие аисты по ветрам плывут.
Тише-тише, сердце, не узнавай пока
Этих странных мест и не считай минут.
Пусть река по спинам гладит камешки дна,
Пусть колышутся контуры берегов.
Омела на серых ивах, и тишина.
Только смех как будто слышен с дальних лугов.
Легче блика скользит по воде сосновый челнок,
Что-то с кручи шепнул одичавший сад.
А в речном песке – знакомый синий совок,
Тот, что был забыт в песочнице жизнь назад.
Дальше-дальше, не рви невидимую нить.
Вспомни-вспомни, куда река выносит в этом краю.
И не надо дважды входить, просто плыть и плыть,
Пропуская сквозь пальцы ласковую струю.
Бросит кислой ягодой тот, кто сидит в норе,
Брызнет радугой кто-то из глубины.
Если солнце зашло – еще не конец игре,
Помаши рукой тому, кто глядит с луны.
Ни к чему спешить, ведь еще совсем не темно,
Вон за сумраком свет – золотой каймой.
Все равно ты придешь туда, где горит окно.
Ну, чуть-чуть поругают за то, что поздно домой.

Над грохотом сфер мы не властны

Над грохотом сфер мы не властны,
С кругов не сорваться ветрам,
Но скрипка вступает – так ясно,
Как юная девочка в храм.

Весь мир разделен и поделен.
Нелепо грустить не о том.
Но скрипка вступает,
Как зелень
Вступает в заброшенный дом.

Мой город фальшиво спокоен.
Лишь сдавленный плач за стеной.
Но скрипка вступает,
Как воин
Вступает в решающий бой.

Пусть ноты в пожаре сгорели,
Оркестра собрать не смогли,
Но скрипка вступает апрелем
В озябшую душу Земли.

Вселенную вспять не завертит.
Конец – у любого пути.
Но скрипка вступает в бессмертье.
И мы уступаем бессмертью,
И это не больно.
Почти.

Про енота

Гуси улетели
В теплые края,
Вот и обезгусела
Улица моя.
Мишки по берлогам
До весны лежат,
Не видать на улице
Шустрых медвежат.
Вмерзли в лед лягушки,
Им не привыкать.
Некому по улице
Квакать и скакать.
Люди да машины,
Ни ежа вокруг.
Зимняя резина –
Наш тамбовский друг.
Радоваться нечему,
Но гляжу – идет
Прямо мне навстречу
Маленький енот.
Он под ветром ежится,
Сделав храбрый вид.
Но такая рожица
На меня глядит,
Что понятно сразу,
Кто из нас попал.
Полезай за пазуху,
Маленький нахал!
Это зверь нешуточный,
Знаю наперед.
Суперкруглосуточный
У него завод.
Он охоч до ласки,
Он мастеровит,

Он дневные пляски
Ночью повторит.
Вот теперь уж точно
Мне не до тоски.
Он мне прополощет
Вещи и мозги.
Но хандрить и хмуриться
Я не стану впредь:
Приблудился с улицы
Все же не медведь.

Сегодня душа моя – старое кресло

Сегодня душа моя – старое кресло,
Которое кошки скребут.
Тщета бытия отовсюду полезла
Напомнить, что здесь вам – не тут.

Январские сумерки в серенькой вате,
Тоска на зубах, как песок.
Унылый бабайка сидит под кроватью,
Жуя одинокий носок.

И ходики хищно стрекочут за стенкой,
Пытаются век развинтить.
Кому бы, кому бы последней печенькой
По-дружески в глаз засветить?

Анна

Сколько ангелов у Анны
На конце иглы?

А она их не считает,
Вышьет – сразу выпускает.
Небеса белы
Над пресветлым садом Анны,
Вышитым крестом.
Там, среди растений странных –
Настежь красный дом.
Заходите, пойте песни,
Люди и коты.
Здесь, как в сердце, – все на месте…
Анна, где же ты?
Только теплое дыханье
Там – за тканью, там – за гранью,
Там – над зимней мглой.
Это с бережным вниманьем
Анна чинит мирозданье
Тонкою иглой.

Там, за дальним хребтом

Там, за дальним хребтом,
облака в серебре,
И сосняк упорней камней.
Там зеленое озеро в серой горе,
И дракон там уснул на дне.
Там покой – траве,
и воде – покой.
Там никто еще не бывал.
Никого не звал
звериной тропой
Неприветливый перевал.
Жадный счетчик мотает
житье-бытье,
Вереницу долгов и дел.
Но грустит неразумное сердце мое,
Будто край этот – мой удел.

Там, за вихрями
звездного молока –
Дикий камень да бурелом,
Но счастливый дракон там пробьет облака,
Разминая волю крылом.
Неумело и грубо
вода запоет,
Прорываясь из берегов.
Не скули, бессонное сердце мое:
Нам почти не осталось долгов.
Слишком мелок шрифтом
последний счет,
А в июне заря высока.
И зеленое озеро молча ждет
Поцелуя
То ли глотка.

У стихов, как у кошек, наглые морды

У стихов, как у кошек, наглые морды.
И они разбежались гулять по марту.

Не мани их миской сухого корма.
Не бросай в них тапком: испортишь карму.

Если шляются где-то – тебе же лучше:
Не в твоем дому полетели клочья.

Разве жизнь весною была бы краше,
Если б их разбой сносил твою крышу?

Все спокойно, никто не разбудит ночью.
А ходить по клаве лапами нечего.

Что же вдруг тишиной по хребту подуло?
Вдруг они насовсем ушли, вот в чем дело.

А пойдем-ка, уж раз мы от них свободны,
По промокшим паркам, своим и бедным.

Ошалевшим, вороньим, многособачьим,
Где любые следы уведут с обочин.

Может быть, мы вернемся. Уже в апреле.
И зайдется наша живность в аврале:

Как из авторов, одичавших сильно,
Повычесывать рифмы – недопустимые?

Ангелы

Ангелы, ангелы, спойте вместе со мной!
Столько радости на лугу цветет,
Столько радости в облаках плывет,
А в кустах там смотрит ежик, такой смешной.

Ангелы, ангелы, потанцуйте со мной!
Я хоть маленькая, а в хоровод могу.
Вместе весело, в хоровод же нельзя одной.
А нельзя – плохое слово тут, на лугу.

Ангелы, ангелы, возьмите меня летать!
Ну, пожалуйста, не говорите «нет».
Ой, как здорово… Ясно, и все видать!
Выше, выше – где башни, и этот свет!

Елена Дубровина

Русский Джеймс Бонд Александр Гефтер (1885-1956)

Кто был Александр Гефтер?

А.А. Гефтер

Представляя читателю рассказы Александра Александровича Гефтера, нельзя не рассказать об удивительной судьбе этого замечательного человека.

Сколько имен писателей и поэтов русской диаспоры ушло в небытие… Некоторых забыли еще при жизни, многие имена так и остались не воскрешенными после смерти. Среди них были люди необычных судеб, отдавших свою жизнь за новую родину, Францию. Были и те, кто, ненавидя большевизм, слепо поддерживали нацистов, печатаясь в антисемитских и профашистских газетах «Парижский вестник» и берлинском «Новом слове». Однако русские литераторы в основном оставались ненавистниками не только нового советского строя, но и нацистского режима. Многие героически сражались в Белой армии, а во время второй мировой войны поддерживали французское Сопротивление. Листая страницы прошлого, не перестаешь удивляться, какую трагическую жизнь проживали они вне родины, забытые на родной земле.

Среди прозаиков, живших во Франции, выделялось имя Александра Александровича Гефтера, часто печатавшегося в русской и французской периодике. Это был человек необыкновенно героической судьбы, русский Джеймс Бонд, о котором можно писать романы и ставить фильмы, так как А. Гефтер был секретным агентом британской разведки и много раз рисковал жизнью в борьбе против красного террора.

Александр Александрович Гефтер родился 26 апреля 1885 в Одессе. Невысокого роста, крепкий и мускулистый, не особенно разговорчивый, он поражал друзей своими знаниями, эрудицией. Он был не только писателем-маринистом, но и прекрасным художником, морским офицером, певцом, воином и масоном. Он сменил много профессий в поисках той одной, офицера русского флота, которая навсегда в сердце его останется главной. Окончив в Одессе университет, одаренный студент был оставлен на кафедре, где он изучал физиологическую химию. Однако вскоре молодой человек решает сменить профессию. Оставив любимый город, он направляется в далекий Петербург, где поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Какое-то время Гефтер работает юристом. Однако, полный жажды новых и новых знаний, он оканчивает историко-филологический факультет того же университета, так как у него была еще одна заветная мечта – стать писателем. Еще со студенческих лет увлекался А. Гефтер публицистикой и художественной прозой.

Ко всем его талантом прибавлялся еще талант певца. Одновременно молодой человек берет уроки живописи и пения. К тому же, он был изумительным поваром и гурманом. В день выхода первого сборника рассказов «В море корабли», иллюстрированного самим автором, в доме Гефтеров собрались друзья, которых хозяин порадовал своими кулинарными способностями. «Не так давно в «Огнях» я подчеркнул редкое сочетание в Гефтере трех талантов: талант писателя, талант мастера кисти и талант певца. Но я позабыл тогда про четвертый талант его. А.А. Гефтер ко всему этому – искуснейший повар. Выход книги ознаменовал он своим коронным блюдом – рублеными котлетами», – вспоминал о нем с юмором близкий друг, писатель Николай Николаевич Брешко-Брешковский, сын известной «бабушки революции». Котлеты бурно хвалили, так как Александр Александрович был чуток не только к мнениям о своем беллетристическом труде, но и к своим «пышным котлетам».

Разносторонне образованный, одаренный, храбрый воин, Александр Гефтер при жизни всегда был окружен друзьями и почитателями. Друг его, Аркадий Слизкой, пишет о Гефтере в некрологе: «Природа щедро одарила покойного самыми различными талантами, а жажда знаний, по-видимому, была у него необъятной: он уехал в Петербург, поступил на юридический факультет, а одновременно стал изучать живопись в Академии художеств у профессора Харитонова и брать уроки пения у знаменитых артистов: Тартакова и Ивковой».

Надо отметить, что имена Харитонова и Тартакова были хорошо известны российской публике. Николай Васильевич Харитонов (1880-1944) был учеником Репина и блестящим портретистом. Двенадцатилетним мальчиком он уехал из Ярославской губернии учиться в Петербург. Однако в пятнадцать лет он неожиданно отправляется на Валаам и становится послушником в монастыре. Вернувшись в Петербург в 1901 году, Харитонов обучается живописи у таких мастеров, как Л. Дмитриев-Кавказский и И. Репин. Став преподавателем Санкт-Петербургской академии художеств, Харитонов много путешествует. После революции он уезжает из России, сначала в Сербию, а в 1923 году в Америку, где приобретает славу выдающегося портретиста. Именно портретная живопись привлекала Александра Гефтера. Учиться у такого преподавателя для молодого человека было большой честью, да и профессор Харитонов распознал талант ученика.

Иоким Викторович Тартаков (1860-1923) был известным оперным певцом, солистом Мариинского театра и земляком Гефтера. И. Тартаков родился в Одессе и, по утверждению некоторых друзей, он был внебрачным сыном Антона Рубинштейна. К сожалению, жизнь певца трагически оборвалась; он скончался от ушибов, полученных в автомобильной катастрофе. Оперные способности Александра Гефтера, несомненно, привлекли внимание певца Императорских театров, который прочил ему богатую оперную карьеру.

Однако Александра Гефтера тянет к морю. «На миноносце, на паруснике, в открытом море – Гефтер у себя дома. Это его водная стихия», – вспоминал о нем Брешко-Брешковский. С началом первой мировой войны Гефтер окончил экстерном курсы гардемарин флота и поступил на службу мичманом на кораблях Сибирской флотилии.

Александр Гефтер становится участником мировой и Гражданской войн. Революцию он встретил на крейсере «Память Азова», где работал вахтенным начальником. Новый режим Александр Гефтер не принимает и становится членом различных антибольшевистских подпольных организаций. Осенью 1918 он попадает в Финляндию, но в середине декабря 1918 перебирается в Мурманск, где находится по февраль 1919 года по заданию британской разведки. Там он принимает участие в местных концертах. В номере от 26 января 1919 года в газете «Мурманский вестник» автор писал, что Александр Гефтер «мило спел песню варяжского гостя из оперы «Садко» и известный романс Скенина «Как король шел на войну». Позже было указано, что Александр Александрович «пел и читал стихи собственного сочинения».

Итак, Гефтер начинает работать на английскую разведку и Белое движение. Британская служба безопасности была создана на базе секретной службы, образованной в 1909 году. С началом первой мировой войны она было подчинена военному министерству. Особое внимание в Лондоне уделяли ситуации в России после произошедшей там революции. Бесстрашный офицер, Александр Гефтер по заданию разведывательной службы несколько раз пробирается в Петроград в качестве курьера, поддерживавшего связь с подпольными антибольшевистскими организациями в Петрограде. Однако, разочаровавшись в действиях англичан, он писал в воспоминаниях о Гражданской войне: «С каждым днем моего пребывания на Мурмане приходится все больше убеждаться в правильности возникшего предположения о цели прибытия англичан. Они прибыли не для помощи русским, а для овладения богатым районом… Для них безразлично, кто такие русские, с которыми они имеют дело, большевики или нет, – и те и другие должны быть под эгидой английской власти…».

Весной 1919 года через Финляндию А. Гефтер прибыл в Северный корпус, подчинявшийся эстонскому командованию. Здесь он принимает участие в операции «Белый меч». Это была боевая операция, проведенная осенью 1919 года во время Гражданской войны в России, в ходе которой Северо-Западная армия генерала Н.Н. Юденича при поддержке вооруженных сил Эстонии и военно-морского флота Великобритании пыталась овладеть Петроградом. Операция закончилась разгромом Северо-Западной армии. После поражения армию разоружили, и северозападникам и беженцам разрешили перейти на территорию Эстонии

и разместиться в Нарве. Для них начался «последний и самый жуткий круг страданий», началась эпидемия тифа, по всей вероятности, от скученности (всех разместили в огромных бараках – «гробах»). Люди умирали сотнями, трупы свозили на окраину Нарвы и сбрасывали в общие могилы на так называемом «трупном поле».

А. Гефтер служил в то время в должности адъютанта на Дивизионе сторожевых катеров и в отряде катеров Северо-Западной армии, после расформирования которой он остается в Эстонии, разделив судьбу своих сотоварищей. По некоторым источникам, Гефтер остается в Эстонии до 1924 года. По другим – ему удается в 1921 году через Финляндию уехать сначала в Данию, а потом во Францию.

Как и многие эмигранты, он стойко переносит все трудности, связанные с жизнью на новой земле. Гефтер много пишет и начинает печататься в русской зарубежной периодике. Он зарабатывает на жизнь живописью, пишет портреты. Русские художники-эмигранты часто собирались в замке Бретон на улице Сент-Антуан. Здесь в 1936 году в последний раз встретились два друга-художника – Александр Гефтер и Иван Шультце, известный своими работами еще в России, слава которого распространилась за пределы Франции. Портрет Шультце работы Гефтера был опубликован в парижской газете «Россия» наряду с портретами философа Николая Михайловича Бахтина, бывшего одессита и старшего брата известного филолога Михаила Михайловича Бахтина. Гефтер рисует и портрет певицы Хунцарии, который был опубликован в той же газете.

Только в 1927 году А. Гефтеру удается найти постоянную работу служащего в банке. С конца 1920-х он становится членом Военно-морского исторического кружка в Париже, выступает на его собраниях с докладами. Он принимает активное участие в литературной жизни Парижа. На его рассказ, напечатанный в 1929 году в «Современных записках», откликнулся М.Л. Гофман в газете «Руль»: «Сдержанно написан рассказ А. Гефтера из недавней морской войны – «Прожектор с фортов»; несмотря на некоторые длинноты, он читается с интересом и возбуждает внимание к молодому автору, о котором подождем высказываться до его новых рассказов».

Море навсегда осталось в сердце писателя. Живя в Париже, он мечтает уединиться и где-то на берегу моря писать и писать морские пейзажи или портреты друзей. Тоска по оставленной родине, по Черному

морю и городу детства Одессе сквозила в каждой строчке его рассказов и повестей. Он мечтает когда-нибудь снова туда вернуться, пройти по знакомым улицам, окунуться в счастливое прошлое. Гефтер много рисует, пишет морские рассказы как воспоминания о прожитой жизни. Особенно плодотворным был 1929 год. Александр Гефтер начинает печататься в таких периодических изданиях, как «Современные записки», «Иллюстрированная Россия», «Морской журнал» (Прага), «Часовой». В газете «Возрождение» появляется много его морских рассказов, таких как «Случай с цикадой», «Реванш», «Машка», «Корневильские колокола», «В казино», «На минных полях» и многие другие. Гефтер был прекрасным рассказчиком, красочно передавая язык моряков, описывая их будни, жизнь вне дома, далеко от родного берега, с любовью и пониманием человека, жившего среди них, этих простых, добрых и веселых людей.

«У Гефтера есть на самом деле непритязательная простота и собственный голос. Есть и чувство подлинной фабулы, того, что «интересно», – писал он нем в 1937 году литературный критик Ю.В. Мандельштам в газете «Возрождение».

Александр Гефтер был автором сборника морских рассказов (Рига, 1937), романов «Секретный курьер» (Париж, 1938) и «Игорь и Марина» (Брюссель – Париж, 1939) и др. Интересно, что два его последних крупных произведения – «Поцелуй» и «Подвиг» – вышли в Китае до и после второй мировой войны.

Его нашумевший в Париже роман «Секретный курьер» (1938) во многом автобиографичен и повествует о полной опасностей работе белых подпольщиков в годы Гражданской войны. Роман посвящен памяти погибших секретных курьеров, «безвестных, как и их могилы». Это – взволнованный рассказ об опасных похождениях моряка Балтфлота Келлера, сбежавшего из Петербурга во время революции. Его вербует британская разведка, и Келлер становится секретным курьером, осуществлявшим связь между Северной и Северо-Западной армиями белых и белогвардейцами в Петербурге и Кронштадте. Тот же Брешко-Брешковский, сам плодовитый писатель, пишет о романе друга: «Гефтер «великий мистификатор». Он также вмещает в малом большое… Впечатление монументального «кирпича», вместившего десяток-другой полновесных романов. Почему? Да потому, что все густо насыщено действием, образами, все так органически горит ослепи-

тельно-знойными красками. Какое смешение стран, «бытов», театров действия, характеров, типов, опыта, наблюдательности, знания жизни, вернее, – «жизней».

А. Гефтер становится в Париже членом Товарищества объединенных русских издательств. С 1938 года – он член Объединения русских писателей и поэтов в Париже, член парижского Союза русских писателей и журналистов. Гефтер часто выступает на вечерах с чтением своих произведений.

В 1946 Александр Александрович был избран в правление Объединения русских писателей во Франции, был членом ложи «Юпитер», выступал на собраниях с докладами (1937-1940-е). Он часто встречается с оставшимися в живых после войны друзьями. В альбоме Александра Гингера Гефтер оставляет свое четверостишие (известно, что он писал и стихи) и свою единственную сохранившуюся фотографию.

Пляшет мертвый новобранец,
По желанью и охочью,
День за днем и ночь за ночью
Разудалый русский танец.

31 марта 1948

Наряду с литературной деятельностью Александр Александрович много рисует. В 1949 в частной студии в Париже у Александра Гефтера прошла выставка художественных работ, среди них особое внимание привлек портрет Ф.И. Шаляпина. Он участник салона Независимых (1941-1954), Весеннего салона (1947, 1948), салона Национального союза искусств (1954, 1956).

После второй мировой войны Гефтер становится членом Союза советских патриотов и сотрудничает в журнале «Возрождение» и в газетах «Русский патриот» и «Советский патриот». 14 июня 1946 г., после указа Сталина об амнистии «вчерашних отступников», многие эмигранты получили возможность вернуться на родину. Некоторые из видных представителей эмиграции и писателей, поддавшись умелой пропаганде, поверили в коренные изменения в Советской России и запросили советский паспорт. Среди них были Алексей Ремизов, Александр Гингер, Анна Присманова, Михаил Струве, Августа Даманская, Перикл Ставров, Александр Бахрах, Вадим Андреев,

Александр Гефтер, Юрий Софиев, Бронислав Сосинский, Николай Рощин и Антонин Ладинский. Однако только четверо последних в списке вернулись в Советский Союз. Гефтер в родной город так никогда и не вернулся.

Последний год жизни Александр Александрович долго и тяжело болел, были серьезные проблемы с сердцем. Умирал, постепенно угасая, всеми забытый, рядом была только верная жена Мария Иосифовна Гайдебурова, известный врач-окулист, пережившая мужа на 20 лет. Он уже давно ничего не писал, с друзьями почти не виделся, вел тихую и уединенную жизнь, погрузившись в свои думы, вспоминая прошлое, Россию, жизнь, полную приключений. В день смерти Александру Гефтеру едва исполнился 71 год.

Он скончался в Париже 16 декабря 1956 года. На отпевании в Александро-Невском соборе было много народа. Однако хоронить русского писателя и морского офицера пришли в основном французские собратья по перу, сотрудники французского журнала как «Revue des deux mondes» и члены «Société des gens de lettres de France», в состав которых Гефтер входил. Русская колония узнала о его смерти только месяц спустя.

В день похорон город был покрыт белой снежной пеленой. Процессия двигалась медленно; шел мокрый снег, и тяжелые хлопья ложились на лица провожающих, стекая по щекам вместе с невидимыми слезами. Хоронили писателя на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. В печати на смерть А. Гефтера откликнулся в газете «Русская мысль» его друг, морской офицер, участник Белого движения, писатель Аркадий Федотович Слизкой, судьба которого заслуживает отдельной статьи. Он писал: «…Он (Гефтер) был связан и физически, и духовно с русской землей и с русской культурой, и не могло быть в природе такой силы, которая смогла бы эту связь нарушить».

Имя Гефтера забыто как в России, так и на его новой родине, Франции.

4 ноября 2015 года в Париже в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына состоялось торжественное открытие постоянной экспозиции «Живопись и графика из собрания Андрея Львовича Сметанкина и Марии Васильевны Сметанкиной-Гудковой (Париж)». Среди работ выдающихся художников были широко представлены морские пейзажи и портреты писателя и морского офицера Александра Гефтера. Роман «Секретный курьер» был переиздан в России в 2008 году.

Александр Гефтер

Женщина в мехах

Хотя якорь уже «стал», «Морж» продолжал еще идти вперед по инерции, беззвучно и без брызг прорезая зеленовато-молочную воду бухты, пока не натянул якорного каната. Тогда он потихоньку пошел по кривой, начав циркуляцию.

«Морж» находился в бухте Провидения, единственной гавани маленького заброшенного народца, чукчей, далеко за полярным кругом, в Беринговом проливе.

От низкого безотрадного берега отделилось десятка два темных точек, быстро направлявшихся к кораблю. Командирский вестовой, Станислав Поплавский, которого команда называла Штанысняв, веселивший публику своим скверным русским языком и особенно шутовским хвастовством, чрезвычайно любивший знакомство с новыми странами, смотрел теперь, затаив дыхание, на узкую линию берега и на маленькие суденышки, в которых гребли к «Моржу» одетые в меховые одежды безусые женоподобные широкоскулые люди с узкими в щелку глазами.

Они гребли одним веслом с двумя лопастями необыкновенно ловко, словно играя, без усилий, как рыба работает хвостом и плавниками. Их меховые капоры были спущены, и из просторных малиц выглядывали маленькие круглые головки с плоскими, спускавшимися на лоб черными волосами.

Первым поднялся по трапу маленький чукча со старческим сморщенным личиком, старшина племени, судя по молчаливому вниманию, которое было оказано ему другими. С медленной важностью он выпростал из круглого отверстия байдарки свои ноги в меховых чулках, легко и мягко, как кошка, выпрыгнул на решетчатую площадку трапа, даже не накренив набок верткого челнока, чуть-чуть оттолкнул его назад и привязал к столбику поручня. Затем он медленно стал подниматься по невысоким пологим ступенькам трапа. За ним последовали другие чукчи, неся на спине груз: моржовую кость, спермацет, китовый жир. Одним из последних подошел к «Моржу» челнок, в котором сидело совсем маленькое меховое существо. Оно медленно выползло

на трап, и хотя на нем были те же меховые штаны, что и на других гостях, – короткая, черная с проседью косица с грязной тряпицей на конце указывала, что это была женщина.

В ее руках был узелок, когда-то красный, но потемневший от грязи. Расправив короткие кривые ноги, она в нерешительности остановилась перед никогда не виданным сооружением – трапом, поколебавшись немного, опустилась на четвереньки и по-обезьяньи при дружном ржании глазевших на нее матросов довольно быстро поднялась на верхнюю палубу.

– Гляди, Николаев, никак баба, – сказал смешливый трюмный старшина Здоровчук своему приятелю канониру. – Убей Бог, баба. Мать честная, совсем цыганская обезьяна, что с шарманкой ходит, только из себя фигуркой побольше.

– Это мы сейчас у Поплавского спросим, он живо разберет, как он есть специалист, баба или мужик?

– Поплавский! Где он? Поплавский! – раздались голоса. – Греби сюда, Штанысняв, дело будет!

– К Поплавскому жена приехала!

Подталкиваемый со всех сторон смеющимися матросами, появился Поплавский. Поняв, что он – центр внимания, вестовой важно остановился перед чукчей, доходившей ему до груди, и важно обошел кругом. Чукча, крепко прижав к груди узелок, поворачивалась следом за ним, пристально смотря ему в лицо узкими глазками с воспаленными веками.

– Я так мыслю, – произнес Поплавский после хорошо разыгранного раздумья, – же то есть кобита, по-российски – баба.

Раздался громкий смех.

– Но она есть аристократка, бо масличны перфумы. Ладнее пахне.

Новый взрыв смеха. От чукчи шел удушающий запах ворвани и тюленьего жира.

– Ай, да Штанысняв, вот повезло матросу, на листократке жениться будет.

Зрители приседали от смеха, хлопая себя по крепким ляжкам красными лапами, стонали, кашляли и отплевывались от восторга.

Маленькая меховая женщина, как будто поняв, что над ней смеются, медленно произнесла на певучем языке какие-то слова,

в которых были почти одни гласные, затем присела на корточки и закрыла глаза. Она не хотела никого видеть. Сухая, до черноты грязная ручка ее опустилась на узелок, впилась в него пальцами. В этой позе чукча оставалась до вечера, до того момента, когда гостей просят очистить верхнюю палубу и удалиться с корабля. Маленькую фигурку во всем меховом пришлось почти силой отнести в байдарку. Она не хотела уходить.

В течение недели, что «Морж» стоял в бухте Провидения, старая чукча первой являлась на корабль, и всякий раз вечером приходилось ее удалять силой… Звали ее матросы либо «листократкой», либо «госпожой Поплавской». Имевшие отдельные каюты, боцман Шульга, маленький и кряжистый, вылитый, как из железа, и баталер Роксиков, толстый и рябой, сидели в центре общего стола и ужинали. Еда состояла из биточков и каши. Они ели медленно и деловито, с таким видом, будто оказывали команде особую честь тем, что сидели с ней за одним столом. Каждое их движение, аккуратность, с какой они разрезали огромные биточки или разрезали ломти хлеба, медлительность пережевывания пищи и даже то, как деловито икнули они после ужина, все говорило об их прекрасном воспитании и о глубоком уважении, которое они питали к своей собственной особе.

– Николаев, – металлическим голосом обратился боцман к канониру, – налей мне, дорогая, анкерку чая… А что, ребята, – повернулся он ко всем, принимая обеими руками кружку горячего питья, – есть ли новости по поводу «листократки»? Как ты, Штанысняв, не огорчаешься, что скоро должен расстаться с супругой навеки?

Последовал почтительный смех команды.

– Поплавский, что ж ты пригорюнился? – вводил его в игру Здоровчук. – Отвечай господину боцману, как они насчет твоей супруги беспокоются.

Польщенный общим вниманием, Поплавский наморщил лоб, готовясь дать ответ.

– Я ее в венце не желаю, – произнес он медленно и важно. – Бо она носе майтке, штаны по российску, а не сподницу, как аристократычна кобита.

Боцман закашлялся от смеха и стукнул кулаком по столу. Величавый баталер улыбался с каким-то горьким удивлением. Команда гоготала, не сдерживая своего восторга. Кончив смеяться, Шульга вздохнул, обсосал усы и опять послал Николаева за чаем. Выпив вторую чашку, он поставил ее вверх дном и встал от стола. Проходя, он заглянул в иллюминатор.

– А та все крутит да крутит около корабля. Боится, как бы без нее не ушли. Должно быть, ума лишивши.

И боцман безнадежно махнул рукой, проследовав к себе. Матросы посмотрели по указанному направлению. На палево-розовой закатной воде застыла байдарка старухи-чукчи. Море было так спокойно, что отражение ее не колыхалось и не ломалось в воде. Точно в зеркале…

Наутро пришел в бухту Провидения второй ледокол экспедиции, «Тюлень». О чукче на время забыли и вспомнили о ней только вечером, перед спуском флага. За обедом было несколько выпито по поводу встречи друзей, пылкий «динамит», старший офицер Бемме, был нежен и ласков.

– Доктор, медицина моя дорогая, – говорил он слегка заплетающимся языком Покоеву, врачу с «Тюленя», – разъясни мне одну загадку, необыкновенную загадку. Тут чукча одна есть… Поплавский, взвейся наверх и скажи, что я приказал, чтобы ее не трогали, эту старуху… Мы сами сейчас придем туда.

Так вот, ты ничего не знаешь, чукча тут одна необыкновенная есть, все тянет ее к нашему кораблю, не отгонишь. А понять ее никто у нас не может. Ты ведь можешь с ними объясняться, с чукчами? Поговори с ней, медицина. Я уверен, что тут неспроста. Наши гранды, конечно, скептически настроены. Хочешь, подымимся?

Покоев, толстый и больной, лет шестидесяти, но еще крепкий, с седыми свисающими усами и голубыми, как васильки, смеющимися глазами, поднялся и потянулся. У него была манера бесшумно насвистывать какой-нибудь мотив. Сегодня это была la donna e'mobile.

– Ну, пойдем, друг «динамит», посмотрим твою чукчу, – и он стал подыматься по трапу, насвистывая свою дежурную арию.

Старая чукча, как всегда, была окружена толпой балагуривших матросов. Шел последний акт ежедневной комедии. В это время

ее сносили на руках вниз по трапу к байдарке, так как сама уходить не соглашалась. Она была уже готова к борьбе и уцепилась цепкими сухими руками за поручни. При виде офицеров матросы расступились, и хохот затих. Сама чукча при появлении двух новых лиц, в которых она почувствовала начальников, оставила поручни и обратилась к офицерам с довольно длинной речью на своем странном птичьем языке. Доктор пристально смотрел на нее своими смеющимися глазами и продолжал насвистывать. Вдруг он остановился и повторил одно слово, которое только что произнесла чукча. По-видимому, он был в величайшем изумлении. Тогда старуха опустила за пазуху свою тонкую руку, напоминавшую лапу хищной птицы, и, слегка пошарив на груди, вытащила несколько предметов. Сначала большой шар из тюленьего жира, затем – колотый кусок сахара, весь пропитанный жиром и очень грязный. Третьим предметом была фотографическая карточка кабинетного формата. Доктор с необычайной для него живостью овладел снимком. Бемме потянулся к нему, и они стали рассматривать вдвоем. С промасленной насквозь альбуминовой бумаги на них смотрели глаза миловидной девушки в форме привилегированного учебного заведения. Доктор отступил назад. Старушка тоже смотрела на него своими узкими гноящимися глазами, в которых была тревога, мольба и ожидание.

– Ее дочь! – крикнул Покоев и почему-то сердито щелкнул пальцами по карточке. – Вот, знаете, положеньице, хуже губернаторского. Она требует, чтобы ее везли к Белому Царю, к дочери.

– Да, да, я вспоминаю, был такой случай, был, – быстро заговорил доктор. – Каким-то образом ей доставили с китобоя эту карточку лет пять назад. Пойдем, поговорим, – и он крупными шагами пошел к трапу, ведущему в кают-компанию.

Спустившись вниз, Покоев откинулся в глубоком кожаном кресле, держа перед собой фотографию.

– Безусловно, судя по карточке, раса улучшена. Хвала и честь американским китобоям.

Затем он бросил фотографию на стол и продолжал.

– Доктор Плетнев рассказал мне эту историю. Лет двадцать тому назад, он был тогда еще молодым человеком и плавал на «Тунгузе», и был как раз в этих местах. У чукчей в этот

год был голод. Не то что хлеба не было, а был рыбий неурожай, так сказать. Люди умирали. В первую голову дети, разумеется. У этой самой дамы, что ждет наверху решения судьбы, умерло двое детей, осталась еще девочка лет пяти. Очень славненькая, между прочим. Наши взяли ее. Кажется, за мешок муки или бочонок рома, что-то в этом роде. «Тунгуз» удочерил эту девочку. Дочь корабля. Да неужели никто не слышал об этом, господа! Девочку привезли в Петербург, ею заинтересовались, отдали в Смольный. Она была очень хороша собой и необыкновенно проста и естественна. По окончании института ею увлекся богатый человек, гвардейский офицер. Особняк на Сергиевской. Выезд. Абонемент, журфиксы, придворные балы. Продолжение на «Морже». Маман хочет к ней, к своей собственной дочери в Санкт-Петербург, в особняк на Сергиевскую. Представьте себе такую картину… Швейцар… Огромный с медалями… Парадная дверь, зеркала, лестница, покрытая коврами. Маман в меховых штанах ползет по ней на четвереньках. Это, так сказать, начало. Но главное, главное!

Встреча с дочерью. Они не знают поцелуя, чукчи, они трутся носами. Если у дочери есть собачка, то в ней больше культуры, чем в этой чукче. Но тс-с-с. Одна вещь, страшная вещь, непреоборимая вещь – сердце матери! Да, она вползет на четвереньках по парадной лестнице, она трется носом с дочерью, все это великолепно, но она мать! Так сказать, закон естества, священное право! Впрочем, не мне решать этот вопрос, – добавил доктор, растягивая слова. – Я рассказал, что знал, и осмелился нескромно привести свои соображения. По-моему, дело весьма запутанное, но решить его должен командир корабля.

* * *

«Морж» не взял с собой старой чукчи. Когда от винта забурлила молочно-зеленая вода бухты Провидения, под круглой подобранной кормой ледокола пошла широкая и пенная струя, подобная маленькому водопаду. Подальше она сглаживалась, становясь похожей на замысловатые кружева в движении. Еще дальше – ряд быстрых водоворотов, постепенно успокаивающихся и сглаживающихся. В этой струе еще долго держалась байдарка чукчи, гнав-

шаяся за кораблем без всякой надежды, для того чтобы только отвести душу, чтобы в напряженной работе заглушить тоску.

– А как вы полагаете, Спиридон Митрофанович, – сладким голосом спросил за обедом боцмана баталер Роксиков, – правильно ли поступили господа офицеры, что эту самую меховую мадаму не взяли с собой?

– А я так полагаю, что это твоей писарской морды вовсе не касается, – вскипел и на «ты» рявкнул на него Шульга.

Париж, 1929 г.

Примечание

Через несколько месяцев после публикации этого рассказа Александра Гефтера в газету «Возрождение» поступило следующее письмо, открывающее тайну судьбы дочери чукчи, описанной в этом рассказе. К письму была приложена фотография девушки.

Письмо в редакцию

В одном из номеров Вашей газеты был помещен рассказ Александра Гефтера «Женщина в мехах» о старой чукче, явившейся на русский корабль (по-видимому, принадлежащий экспедиции Вилькицкого*) с просьбой взять ее в Россию, так как у нее там дочь. В доказательство старая чукча показала фотографию миловидной девушки в форме Института для благородных девиц.

Мне бы очень хотелось узнать, написан ли рассказ на основании точных документальных данных, или автор слышал об этом из отдаленных источников? Меня это чрезвычайно интересует, потому что в течение долгого ряда лет дочь чукчи, о которой говорится в рассказе, была очень близка нашей семье.

Мой отец, капитан 2-го ранга Алексей Аполлонович Остолопов, на клипере «Крейсер» (впоследствии – крейсер «Крейсер»)

* Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) (1910-1915) была организована с целью разработки и освоения Северного морского пути. В ее составе было два ледокольных парохода – «Вайгач» и «Таймыр». Руководил экспедицией Борис Андреевич Вилькицкий.

пришел в бухту Провидения. На корабль к ним явилась чукча с ребенком 7-ми лет, очень миловидным. Она рассказала, что девочка родилась от союза с американским контрабандистом (котиковых промыслов) и что теперешний ее муж, чукча, не переносит ребенка и бьет его. Отец принял ребенка, которого чукча уступила за бутылку киевской вишневки, но рассталась с которым с большим горем.

Отец отправил девочку на пароходе Добровольного флота в Петербург, где она сделалась членом нашей семьи. В судьбе ее приняла участие статс-дама, графиня Толстая. Сначала ее определили в Николаевский сиротский институт (Куракино) в малолетнее отделение, где к ней была приставлена особая воспитательница, а затем в Екатерининский институт на Мойке, который она и окончила.

Девочка представлялась императору Александру III и императрице Марии Федоровне. Во время представления девочка (ее звали Надей) спросила императрицу, показывая на огромную фигуру императора: «А он тебя не бьет?» – помня, как отчим бил ее мать. Император дал девочке фамилию Пиглянова-Асочак, производя от чукотского ее наименования Пиглянгавет-Асочак. Между прочим, с ней вместе воспитывалась дочь Менелика, абиссинского происхождения, привезенная Ашиновым.

За два месяца до предстоящей свадьбы Надя скончалась от менингита, к большому горю всей нашей семьи.

У нас не было сестры, и все знакомые принимали ее за нашу родную. У меня до сих пор сохранились ее игрушки из моржовой кости и ее фотография, которую я прилагаю к письму, для того чтобы Вы могли судить, как мало от дикарки было в этой девушке.

Если господин Гефтер описывает один из кораблей Вилькицкого, то эпизод имел место в 1913-1914 гг. Значит, чукча-мать явилась на корабль через 14 лет после смерти Нади, которая скончалась в 1899 г., что еще более подчеркивает трагичность случая.

Примите уверения в моем совершенном к Вам почтении и уважении,

Капитан 2-го ранга А.А. Остолопов*

—

Случай имел место на корабле «Таймыр» из экспедиции Вилькицкого. Передан моим другом, старшим лейтенантом Николаем Александровичем фон Транзе, бывшим старшим офицером у Вилькицкого. Я вывел его в рассказе под фамилией Бемме.

Другим лицом, передавшим мне этот случай, был старший лейтенант К. Неупокоев, старший офицер на «Вайгаче».

А. Гефтер

Айше Ханум

– Мне было двадцать лет тогда, – сказал мой собеседник и рассмеялся. Полные щеки его запрыгали, широкая лысина, обрамленная шатеновыми волосами, еще без седин, отражала свет электрической лампочки.

* Остолопов Алексей Алексеевич (1883-1937), капитан 2-го ранга (произведен генералом Врангелем «за отличие по службе»). В службе с 1904 года. За инициативные действия при подавлении восстания в Свеаборге пожалован серебряной медалью «За храбрость» на Георгиевской ленте (1906). Находясь в плавании на Гардемаринском отряде, участвовал в спасении пострадавших от жесточайшего землетрясения жителей средиземноморского города Мессина (1908). Мичман (1910, с переводом во флот). Офицер Черноморского флотского экипажа. Во время первой мировой войны исполнял должность ст. офицера на эсминце «Лейтенант Шестаков». За участие в боевых действиях награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». После октябрьского переворота перешел к белым. С декабря 1917 года служил в Морской роте Добровольческой армии. Участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе. После эвакуации Крыма находился в составе интернированной в Бизерте (Тунисский протекторат) Русской эскадры. С 1 июня 1922 года – командир роты Бизертинского морского корпуса. В эмиграции жил во Франции, состоял членом Военно-морского исторического кружка в Париже (1928). Умер в Париже. Сообщение о смерти опубликовано в пражском «Морском журнале» (№ 112 за 1937 год). Похоронен на Новом кладбище в Аньере.

– Вы знаете, почему я смеюсь? Ведь я только что невольно сказал стихи: «Мне было двадцать лет тогда»… Стихотворный размер. И правда, об этом возрасте следует говорить стихами. Мы шли на присоединение к эскадре Рождественского. Наш миноносец был типа «Соколов». Тоннаж, сами знаете, микроскопический, около двухсот сорока. А впереди предстоит обойти три четверти земного шара и все океаны, какие только существуют. Нам не везло. В Бресте пришлось остановиться надолго. Меняли трубки в котлах.

Ну, вот, отставали, отставали, да так и не догнали адмирала. А нам, молодежи, очень хотелось сразиться с японцами. Но не об этом речь.

Я хочу рассказать вам об эпизоде, происшедшим со мной в Алжире. Теперь, когда прожито столько лет и столько эпизодов, теперь то, что произошло в Алжире, должно было бы если не исчезнуть из памяти, то, во всяком случае, значительно поблекнуть. Однако этого не произошло… Может быть, совпадение, может быть, два явления, которые я насильно связал в воображении, подчинив одно другому.

Ну так вот, вышли мы из Бреста в великолепную Бискайку. Как полагается – штормяга. Сразу, как только вышли. Дует от зюйд-веста, и так как наш путь на Ферроль*, значит, обогнув Финистер**, то попали прямо в лоб шторму. Благоразумие говорило, что следовало бы повернуть обратно, в Брест, да, знаете, неловко, хоть и маленький, но все же русский корабль.

Пошли. Какой-то водяной альпинизм, понимаете. Восхождение на горы. Ползем-ползем вверх. Добрались. А потом начинается спуск, к бабушке в преисподнюю. Сбивает с курса, зарываешься до пупа. Мостик, того и гляди, снесет. Пришлось перенести командование ближе к корме, за трубы. Дашь только рискнуть миноносцу, положит лагом и перевернет. Ну, ничего, держится. Выгребаем.

Одно плохо, никак не определиться. О том, чтобы лаг*** выбросить, нечего и думать, на палубе сплошная акробатика, люди

* Ферро́ль (исп. Ferrol) – город и муниципалитет в Испании.

** Финистер (фр. Finistère) – департамент на западе Франции, один из департаментов региона Бретань.

*** Лаг – строительный материал.

работают привязанными. Идем, значит, «на приблизительно». Должно быть, на такой-то широте такая-то долгота.

Небо – ничего не разберешь. Буро-красно-лохматое. Солнце, оно, как будто, и есть, да никак его не поймаешь секстаном. Как определиться? Мне в первый раз пришлось быть в такой переделке. Бояться не боялся, на людях и смерть красна, но жуть, восторженная такая жуть, понимаете, была. Океан хочет нас погубить, враг он, но все ж, какой красавец! Эта свежесть, тучи соленой пены, и краски, главное, краски, в самых чудовищных сочетаниях! Топазы, изумруды, рубины, сапфиры, дымчатый хрусталь, доходящий до совсем черных тонов.

И вот начинается такая история. Срывает у нас передний мостик, вельбот с правого борта и переднюю трубу. Удар волны. Начисто, будто никогда и не было. От трубы – несколько оборванных трасов, а там, где был вельбот, поломанная, как сгнивший зуб, шлюпбалка[****]. В этот миг прорывается солнце, уже над самым горизонтом, во всей своей красе. Огромнейшее, медно-красное. Края обволакивающих его туч сверкают золотом, больно смотреть! Какой-то триумф на небе, какое-то языческое торжество, празднование победы. Прикончили маленькое дерзкое суденышко!

И вот по вершинам водяных гор – страшный глаз. Красный кровавый глаз. Отражение багрового солнца скользит радиусами в десятки верст по отполированным зеленым скатам волн. Наш штурман потом на себе волосы рвал, как он в этот момент не взял высоты солнца.

Продолжалось это недолго. Минуту-две. Все равно было бы не успеть. А мне почему-то захотелось спрятаться от этого глаза, не заметил бы, не сжег! Затем налетали черные облака, закрыли солнце и опять пошло писать прежнее. Пропал красный глаз. Спустилась тьма. И вот, представьте, в эту ночь удалось определить широту – заслуга нашего штурмана. Необыкновенный марсофлот[*****] был. Шторм рвал воду, но рвал и облака, и в просвете между ними порой проглядывали звезды. Ухитрился человек

**** Шлюпба́лка – устройство для спуска шлюпки с борта корабля (судна) на воду и подъема ее на борт.

***** Марсофлот – опытный, матерой моряк, знающий и любящий море и морское дело.

поймать Полярную. Вышло, что находимся на широте Бордо, – значит, недалеки испанские берега. А если так, то скоро откроем Финистер – у него белый огонь. Разбудили командира. Сердится, кричит: «Неправильно взяли высоту, молокососы! Дай Бог, чтобы мы хоть на середине Бискайки были!».

Второй раз поймал штурман Полярную. Прежнее место. Ну, мили две разницы, пустяк, не считается. Командиру уже ничего не говорим, ждем белого дня. И вот – зеленый! Что такое? Пароход, шхуна? Справились на карте. Есть зеленый огонь, на мысе Эстака*, ближе к востоку. Проходит несколько времени. Зеленый огонь ярче и определеннее. Утром прояснило, ветер спал, но толчея невероятная. Команду укачало в лоск. Показался берег. Видны строения. Городишко Виверо**. Закрытая бухта. Заходим. Ровная масляная поверхность воды. Отдохнули после двух суток трепки и поели, наконец, свеженины. Прекрасной рыбы. Достали с испанской барки.

В Ферроле починились, оттуда пошли в Алжир. Там нас ждет телеграмма из Петербурга: ждать распоряжений. Вот мы и оставались там на два месяца. Когда подходили к Алжиру, садилось солнце. Таких пурпурных, малиновых, алых тонов неба я никогда не видел. Это было то же солнце, что недавно прорывалось сквозь тучи над Бискайей, да, то же самое. Но теперь оно было мирным, ласковым, и его отраженье не носилось по волнам ищущим страшным глазом. Теперь багровый шар со жгущей страстью купал свое отраженье золотым столбом в палевой воде.

Мы все повеселели. На берегу нас ждало счастье. Почему? Мы ошвартовались у стенки. Не прошло и часа, подкатил автомобиль, и из него вышел высокий сухой человек в белом бурнусе и чалме с черными шпурами, переплетенными золотыми нитями, эмблема потомка Магомета. Шейх. Хотел посмотреть наш корабль. Отрекомендовался другом России. Сказал, что желает нам победы в предстоящем бою с Японией. Шейх этот, человек лет 30-ти, получил воспитание во Франции, был очаровательным светским человеком. Только бурнус отличал его по внешности от европейца.

* Мыс Эстака-де-Барес (исп. La Estaca de Bares) – мыс и крайняя северная точка Пиренейского полуострова на 43°47’38’’ северной широты.

** Виверо (исп. Vìvero) – город и муниципалитет в Испании.

Угостили его, как следует, как это и было всегда на русских военных кораблях. Насилу выгрузили его на берег. Взял он с нас слово, что придем к нему. Мы не заставили себя долго ждать, и уже на следующий день поднимались по узкой улице к его обиталищу. До сих пор помню, как называлась эта улица, – Баб-Азун. Было уже под вечер. Солнце садилось. На багровом небе вырисовываются фиолетовыми силуэтами плоские кровли, острые минареты. Ну, алжирского дома описывать не буду. Теперь, после стольких лет нашего мотания по свету, у всех в зубах навязли все эти Африки, Азии, Японии…

Угостил нас шейх как нельзя лучше. К кофе подали ликеры. И вот, понимаете, чтобы показать свой европеизм, позвал он одну из своих жен. С нею и управительница пришла, негритянка. Огромная такая бабища, уже немолодая. Бегемотиха в старости. И с ней (контраст какой!) – нечто из ряду вон выходящее. Одним словом, если есть гурии, то вот они такие бывают. И опять же, «и мне было двадцать лет тогда»…

Оказалось, что это не главная его жена, а так, вторая или третья. Шейх настоящей женой считал первую. Она, кажется, француженка была. Нам он ее не показал, и мы этим не огорчились. Вот, значит, стало это создание играть на зурне. Зурна не скрипка и не виолончель – три, четыре довольно заунывных ноты дрожат, переливаются одна в другую, и все больше высокие ноты. Не в этом дело. Голос, голос, которому вторила зурна. Конечно, она не училась пению, но как хорошо, что она не училась! Негритянка в это время сервировала нам шербет. И как подходили к пению засахаренные розовые лепестки этого варенья… Томно и сладостно…

Наши дамы красят теперь лицо и ногти. И мы привыкли к этой моде. А тогда меня как-то резануло от красного рта, бровей и ресниц жены шейха. И странно, я каким- то чутьем понял в следующий момент, что это так и следует, что зурна, шербет, белила и кармин, все это вместе взятое дополняет друг друга замечательно хорошо.

Шейх на следующий день собирался уехать месяца на два в свое поместье. Овцы у него пали или что-то в этом роде, а нас просил непременно заходить к нему, когда мы будем на берегу,

и вообще, смотреть на его дом как на свой. Мы его не поняли, но поблагодарили. Выходим на улицу – лунища, Господи, из багрового тумана выплывает. Что за страна!

Прошло так с неделю, подымаюсь я с приятелем в гору, на базар. Уж очень хорошие там финики. Плывет нам навстречу черная бабища, чудовище, а с ней легкая фигурка в шароварах и чарчафе*. Я сразу узнал – жена шейха, и с ней управительница негритянка. Управительница останавливается и здоровается, а та, в чарчафе, отошла в сторону. Видны только черные глаза.

Мой приятель, что со мной был, наш инженер-механик Валевский, а звали его Касатиком и за ласковый характер, и за то, что он ко всем обращался с этими словами, он и говорит мне: «Вот что, касатик, я тебе в папаши гожусь, и знаю обычаи всех стран, дай ты этой черной ведьме деньги. Дай! Увидишь, что польза будет».

Мне было немного неловко так дать денег, как бы другая не увидала, что я что-то гадкое делаю, как мне казалось. Но превозмог смущение, дал негритянке деньги. И не один, а два луидора. Приняла. Подарила даже очаровательной улыбкой и говорит: «Вы бы, мосье, к нам зашли, кофе попить, а она вам и попоет, и потанцует. Мосье бон и жоли, а мадам скучает. Мадам, Айше Ханум».

В этот же вечер я пошел туда. Один. Все время, пока наш миноносец стоял в Алжире, я каждый день бывал в большом доме с плоской крышей на Баб-Азун. Собственно говоря, это почти все. Как будто не сложно? Но как бы это объяснить?.. Видите, тогда я этого не понимал, я был влюблен, как мальчишка, но теперь я знаю, что это было. Если хотите – это было самое лучшее время в моей жизни, и, конечно, оно больше не повторится. Счастье, для которого мы рождены, и которого по глупому жизненному парадоксу почти никогда не бывает.

А у меня оно было – это говорю вам я, лысый и обрюзгший, теперь капитан второго ранга Ластовский. Оно может быть у всех. Но не соблюдено какое-нибудь незначительное условие, несовпадение времени или пространства – и два существа, созданных друг для друга, не встречаются. Вот и все.

---

* Чарчаф – покрывало для лица.

…Да, так что я хотел сказать? Дело в том, что Айша Ханум была восточная женщина – значит, раба. Я же христианин и славянин. Она меня не понимала. Просто не понимала, чего я еще хочу. Я хотел ее души, в обмен на свою. Она этого не понимала. С ним, с шейхом, ее господином, было проще. Она плясала, поводя бедрами, вертела животом, бросала пламенные взгляды. Очень возможно, что шейх был красивый мужчина, но у него была первая жена. Айша Ханум была лишь его домашней артисткой. Он важно сидел и тянул кальян из янтарного мундштука. Я не тянул кальянного дыма, когда она пела. Я стоял перед ней на коленях, целовал ее босые ножки с накрашенными пятками и уверял ее, что я – ее раб. Понимаете, я!

Я хотел, чтобы она мне приказывала. Я припоминаю теперь, что я даже клялся ей, что перейду в магометанство. Одним словом, сумасшедший угар. Наконец, сломил ее. После долгого обдумывания она мне приказала… Как вы думаете, что? Привезти ей из Бискры финики. Там они какие-то особенные. В палец длиной и в кристаллах сахара.

Поехал. День пути. Духота в вагоне невероятная. Но в коробку я положил дорогое бриллиантовое кольцо, Год удерживал потом ревизор из моего жалованья. И что вы думаете? Она это кольцо отдала негритянке. Я чуть не заплакал. Теперь я понимаю, почему она это сделала. Она любила меня по-настоящему.

В другой раз она потребовала, чтобы я научился ездить на велосипеде. Я не умел. Она приходила с негритянкой в парк, где я учился, и в первый же день она видела, как я на полном ходу врезался в пальму. Это было ужасно. Впрочем, на второй день я уже ездил. Больше она ничего не могла придумать, чтобы мне приказать. Теперь я приезжал к ней на велосипеде, и с каким восторгом она гладила блестящий никелированный руль, седло, скрипящее на пружинах! Для нее передвижение на велосипеде было чудом. Верблюды, ослы, изумительные арабские лошади, все это было ей знакомо и старо, как мир, а вот эта диковинная машина…

В конце концов она поставила на своем, доказала, что она, восточная женщина, когда полюбит – раба, а я господин. Я оказался бессильным помешать ей. Красный глаз, отражение прорвавшегося меж штормовых туч солнца, остановился на моей Айше

Ханум. Она мне переводила на безобразный, но понятный французский язык песни арабских поэтов, которые она мне пела. Только для меня. Она сидела, скрестив ножки в шелковых с золотом шароварах, и пела про любовь и смерть от любви. Обязательно смерть. Почему так? Почему в стране, где столько солнца, света, неги и сладости, так охотно поют о смерти?

…В наш последний день перед уходом из Алжира (нас отправляли на Крит) не было ни зурны, ни пляски. Было лишь… Ну, все равно! Айше Ханум обещала прийти на пристань с негритянкой. Эта особа была, к слову сказать, тоже огорчена моим отъездом! Кто еще будет так щедро дарить ей блестящий луй?

Настал день отъезда. У всех наших были провожающие, у меня – никого. За минуту до того, как стали отдавать швартовы, появилась негритянка. Одна. Я бросился к ней. Вид у нее был расстроенный, она плакала. Она успела передать мне небольшой продолговатый ящик. Типичная арабская работа. Перламутровая инкрустация.

– Айше Ханум шлет привет. Любит до смерти. Все.

О, как мало мне нужен был этот прощальный подарок! Мне даже хотелось вышвырнуть ящичек за борт. Я был в совершеннейшем отчаянии. Так и не увидел ее. Хоть бы в чарчафе, но я увидел бы все же ее глаза, ее милую фигурку.

Вечером перед отходом ко сну я взял в руки ящичек. Он сделался для меня дорогим, его держали ее руки! Затем я машинальным движением открыл его, в нем лежал небольшой дамасский кинжал, покрытый запекшейся кровью, и я понял, что Айше Ханум больше нет.

Париж, 1935 г.

Филадельфия

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Сокровища из сокровищницы

318 Татьяна Щурова
Долгое эхо Николая Харджиева

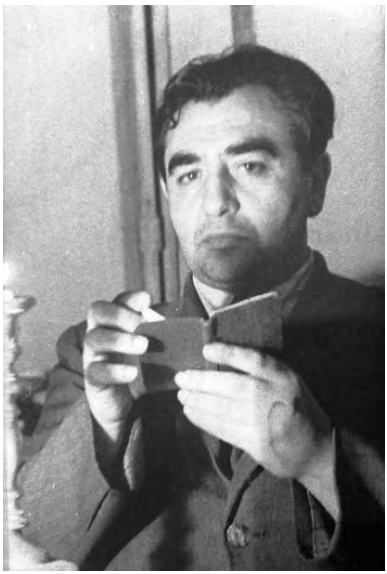
Татьяна Щурова

Долгое эхо Николая Харджиева

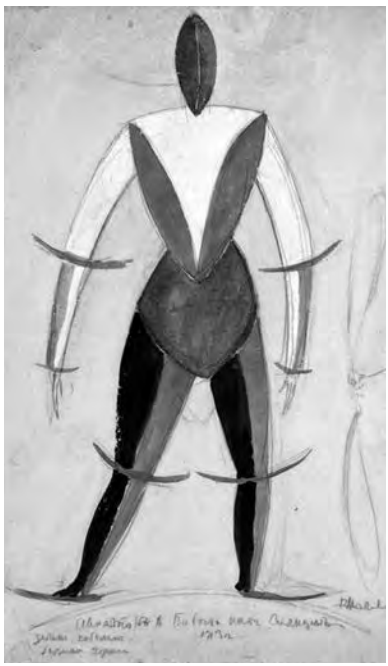
Недавно мы получили удивительный подарок от Евгения Деменка. Занимаясь авангардным искусством, он четко знает, в каких изданиях нуждается ОННБ. На сей раз они с дочерью Катей вручили нам объемный том (3,5 кг веса, 544 с.!) под названием «Russische avant-garde. De Khardzhiev-collectie. Stedelijk Museum Amsterdam» («Русский авангард: коллекция Харджиева в музее Стеделийк. Амстердам»). Издатель альбома – Нидерландский архитектурный институт (Амстердам, 2013).

Таким образом, появился повод вспомнить Николая Ивановича Харджиева (1903-1996), архивариуса и исследователя русской литературы и художественного авангарда. Ему удалось собрать уникальную коллекцию, в которой были письма, рукописи, фотографии, редкие материалы по истории футуризма, ранние издания Бурлюка и Крученых, автографы В. Хлебникова, О. Мандельштама, А. Ахматовой. Харджиев постоянно занимался также творчеством В. Маяковского, известны его книги и статьи по вопросам поэтики этого мастера. Конечно, в этой коллекции были живописные полотна, многочисленные работы на бу-

маге, в том числе гуашь, акварель, футуристические обложки книг, эскизы и этюды, исследования, газетные вырезки и т. д. Многие материалы никогда ранее не воспроизводились. Собрание также включало большую подборку работ Казимира Малевича, одной из центральных фигур русского авангарда. По этим живописным полотнам, гуаши, рисункам и скульптуре наглядно прослеживаются художественные искания талантливого художника.



Харджиев собрал и сберег архив в годы, когда эти документы не были нужны «соцреализму», но хранение их представляло немалую опасность для их владельца. И тем не менее, будучи близким другом и поклонником современных художников, поэтов и философов своего времени, он часто покупал (или «добывал») работы непосредственно у художников и их семей. Таким образом, с конца 1920-х годов собирал архив, составляя постепенно одну из величайших коллекций этого периода. Харджиев понимал, что все это необходимо сохранить, чтобы потом написать историю русского авангарда. Наверно, поэтому неудивительно, что, будучи уже в очень солидном возрасте, они с женой, художником и скульптором Лидией Чагой (соответственно 90 и 83 года) решают перебраться на постоянное место жительства



из Москвы в Амстердам. Можно написать крутой детектив о том, как вывозилась коллекция, как часть архива не выпустила таможня. По сути, это была беспрецедентная контрабандная операция…

В июне 2004 года в Одессе прошла международная научная конференция «Возвращение авангарда», приуроченная к 100-летию Николая Харджиева. Ее организаторы: Институт мировой литературы РАН, Москва, Россия; Институт современной русской культуры, Лос-Анджелес, США; Культурный фонд Харджиева-Чаги, Амстердам, Голландия; Одесский литературный музей, Одесса, Украина. Можно сказать, это была историческая встреча ученых и специалистов со всего мира, объединенных именем историка авангарда. Там же начались переговоры с представителями Фонда Харджиева-Чаги. Речь шла о возможных формах сотрудничества и взаимодействия. Начался длительный процесс, решались юридические вопросы, планировалось научно-методическое описание частей архива.

В настоящее время описаны московский архив (РГАЛИ) и амстердамская часть (библиотека музея Стеделийк, где с 1997 года хранится коллекция). Все это тысячи редчайших документов,

Среда, 9 февраля 1921

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТАНОК

Ежедневная рабочая газета

Издание Одес. Гор. Совета Рабочих Депутатов и Губпрофсовета.

Адрес редакции: Ул. Ласточкина (бывш. Ланжероновская), № 8.

Редактор принимает от 4 до 6-ти час.
Секретарь принимает от 5 до 7-ми час.

Цена 5 р.

№ 6.

ЗА ДЕНЬ:

Протест французских коммунистов против обезоружения Германии Антантой.

Орден труда пороховым заводам

Всеобщая забастовка в Варшаве. Город погружен во тьму.

К работе по плану!

ЭЛЕКТРОФИКАЦИЯ

Среда, 2 февр

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТАНОК

Ежедневная рабочая газета

Издание Одес. Гор. Совета Рабочих Депутатов и Губпрофсовета.

Адрес редакции: Ул. Ласточкина (бывш. Ланжероновская), № 8.

Редактор принимает от 4 до 6-ти час.
Секретарь принимает от 5 до 7-ми час.

В Одессу

Шведские соци

торговы

На Воткинс

тельность п

Всеукраинский Староста в О

РАБОЧИЙ-МЕТАЛЛИСТ

Привет тов. Петровскому.

Воскресенье, 3 апреля 1921

СТА

Ежедне

Издание Одес. Гор. Совета Раб

Четверг, 31 марта 1921 г.

СТА

Ежедне

Издание Одес. Гор. Совета Рабо

Адрес редакции: Ул. Ласточкина (бывш. Ланжероновская), № 8.

Редактор принимает от 4 до 6-ти час.
Секретарь принимает от 5 до 7-ми час.

Петровский о поднятии производства.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины тов. Г. Петровский

Натуральный налог.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Заявление Румынии

которые еще многие десятилетия будут изучаться и публиковаться – интерес к ним все возрастает.

Но есть в биографии Н.И. Харджиева и одесская страница. На конференции «Возвращение авангарда» было наше сообщение «Публикации Николая Харджиева в одесской газете «Станок». 1921». Предлагаем вашему вниманию его тезисное изложение.

Как следует из «Автобиографии» Харджиева, он в 1920 г. окончил Каховскую общественную гимназию и с февраля по май 1921 года был секретарем Каховского отдела народного образования. Видимо, это учреждение командировало его в мае того же года в Одессу «для завершения образования в Высшей школе». Он действительно выдержал экзамен и поступил в Одесский институт народного хозяйства. В следующем, 1922 г., перешел на юридический факультет. «Я окончил университет в 1925 г., – пишет он, – но юристом не стал, так как более всего интересовался литературой. Еще в годы моего студенчества я иногда сотрудничал в местной прессе, где помещал литературные и театральные рецензии». Исследователям творчества Харджиева было известно о его ранних публикациях в одесской газете «Станок», однако,

судя по всему, им не удалось разыскать эти заметки, ибо газету можно найти далеко не во всех научных библиотеках. К счастью, старейшая публичная в Украине, ныне Одесская национальная научная библиотека обладает полным комплектом газеты «Станок», и у нас есть возможность представить заметки начинающего 18-летнего Николая Харджиева.

В одной из анкет он указывает также на свои первые публикации в Одессе – «более двадцати на книги и спектакли одесских театров». Сразу скажем, что в газете «Станок», которая выходила со 2 февраля по 31 декабря 1921 г. (всего 271 номер), нами обнаружено только пять небольших публикаций и рецензий Харджиева (подп.: Н. Х.), в основном, на литературные темы. Так часто бывает, когда не остается юношеского архива, и спустя годы создается путаница в фактах. Не исключено, что театральные рецензии Харджиев поместил в другом одесском издании, и их удастся в дальнейшем обнаружить. С 1 января 1922 г. газету «Станок» заменила газета «Рычаг», просуществовавшая месяц (последний № 24 вышел 31 января), но с ней Харджиев не сотрудничал.

Вернемся к газете «Станок». Это была ежедневная рабочая газета, издание Одесского городского совета рабочих депутатов

и Губпросвета (позже – газета Одесского горсовета и Губпрофсовета), выходившая тиражом 3200 экз. Имея такую серьезную «шапку», «Станок» действительно старался охватить рабочие проблемы во всех аспектах, информировать горожан о состоянии промышленных предприятий, показывать жизнь различных профсоюзов и давать обзор политических событий.

Рабочих читателей приобщали и к культуре. В каждом номере вы найдете поэтические строки, по большей части это стихи рабочих, но и довольно часто встречаются имена Владимира Нарбута, Георгия Шенгели, Валентина Катаева, Эдуарда Багрицкого. Понятно, что на четвертом году Октябрьской революции на страницах пролетарской газеты витал дух романтики свершившегося. Вот строки из стихотворения Г. Шенгели «Интернационал»:

Три Рима отцвело. Но встанет навсегда
Над миром – мирный труд и засияет ало, –
И землю назовут Планетою Труда,
Прекрасным именем Интернационала.

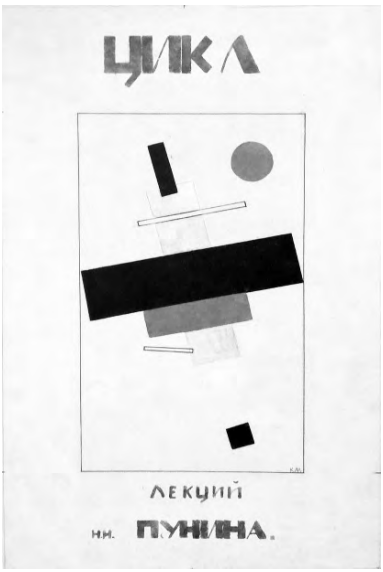
Те же чувства в стихах В. Катаева «Октябрь» (песнь из поэмы «Бронепоезд») или Э. Багрицкого «Ледяная коммуна» («...Коммуны ясное сиянье»).

Нужно сказать, приобщение к литературе и искусству в этой газете носило не просто просветительский характер, оно было четко политически ориентировано. Один из главных лозунгов: «Потеснить буржуа – дать простор рабочим!». Благородный призыв: «Рабочие, идите в музей!». И тут же ремарка – какое ценное и культурное достояние от него,

рабочего, «укрывалось господами Толстыми». Или же сообщение «Суд над футуризмом» с выставки «ремесла и творчества», где судили кубофутуризм. Читаем: «Обыватель Иванов притянул его к ответственности за попрание священных принципов живописи и за шарлатанство».

Считалось, что и в театре рабочий находит «чуждый пафос и мир мертвых, вчерашних призраков» вместо «огней революционного вдохновения, героизма и самопожертвования». Все это мы отмечаем потому, что у юного Харджиева была опасность поддаться пафосу времени, добавить к нему и свой голос. Этого не случилось. В его небольших заметках виден интеллигентный начитанный молодой человек, вполне владеющий ремеслом журналиста. Публикации Н. Харджиева в газете «Станок» выгодно отличаются от многих других отсутствием сиюминутных настроений и призывов.

Например, на тему модных в то время «литературных судов» мы находим заметку Харджиева «Суд над героиней «Ямы» Куприна» и очерк А.М. Дерибаса «Литературные суды». Если Харджиев подает сие действо как спектакль и больше интересуется актерским исполнением его, то Дерибас, как ни странно, подчеркивает социальную нужность подобных мероприятий и их актуальность: «…если отнестись к этому вопросу серьезно, то выйдет, что мы давно уже хотим выйти



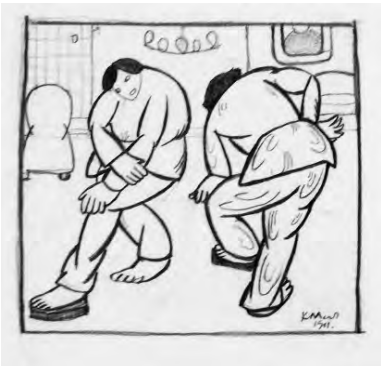
из опеки так называемых или так себя называющих авторитетов. Мы хотим судить сами…».

И еще одну общую тему вслед за А.М. Дерибасом поднимает Николай Харджиев в газете «Станок». 13 ноября Дерибас публикует статью «Новый тип читателя», а через три недели, 2 декабря, выходит публикация Харджиева «Книги на базарах». Здесь уже они, представители разных поколений, с одинаковой болью рассказывают об уничтожении старых книг, толстые переплеты и картонная или веленевая бумага которых идеально подходит для папиросных гильз. Без сожаления уничтожались великолепные издания XVIII и XIX вв., страницы их равнодушной рукой скручивались в мундштуки.

Пробует себя Харджиев и как литературный критик, давая оценки новым изданиям. В газете «Станок» мы находим его небольшие рецензии на книгу М.П. Алексеева «Ранний друг Ф.М. Достоевского» и роман А. Эдвардса «Товарищ Иетта».

Думается, не случайно в «Автобиографии» и анкетах Н.И. Харджиев упоминал о своем скромном опыте начинающего журналиста в Одессе. Да, это его молодость, проба пера – такое не забывается, как первая любовь. Вероятно, это был для него своего рода еще один университет. Пытливый юноша

познакомился с А.М. Дерибасом (1856-1937), внучатым племянником основателя Одессы Иосифа де Рибаса, известным журналистом, прекрасно образованным человеком. В 1913 году появилась его знаменитая книга «Старая Одесса», составленная из очерков, ранее печатавшихся на страницах одесских газет. В 1920-е гг. Дерибас продолжал печатать свои исторические очерки и воспоминания, пропитанные неповторимым ароматом любви к своему городу. В начале 20-х Дерибас работал в Одесском библиографическом обществе. Дом Александра Михайловича и его жены А.Н. Цакни (прежде состоявшей в браке с И.А. Буниным) был одним из самых значимых художественных салонов Одессы, куда на знаменитые «четверги» приходили художники, журналисты и литературоведы. Эмоциональные воспоминания современников доносят атмосферу искусства, остроумия и дискуссий по всем вопросам русской и иностранной живописи и литературы, которая неизменно царила на этих собраниях.



В Одессе произошло знакомство Харджиева с Михаилом Павловичем Алексеевым (1896-1981). Будущий академик, один из выдающихся историков литературы переехал из Киева в 1920-м. Этот 25-летний молодой человек уже тогда имел научный авторитет, обладал несомненным личным обаянием. Его обширные знания притягивали к нему множество людей. Страстный книголюб, впоследствии он стал обладателем

ценнейшего книжного собрания. По его инициативе в 1920-е гг. развернулось изучение пребывания Пушкина в Одессе, читались первые лекционные курсы, создавался «Словарь одесских знакомых Пушкина», выходило серийное издание «Пушкин: Статьи и материалы». Возможность слушать М.П. Алексеева (а затем и написать об этом: статья Харджиева «От Пушкина до Маяковского») – все это, безусловно, работало на формирование личности Харджиева. И, конечно, для начинающего журналиста важным было общение с молодыми, но уже опытными и известными поэтами Г. Шенгели, Б. Бобовичем, В. Катаевым, В. Нарбутом, Э. Багрицким (с рекомендацией которого он затем поехал в Москву).

Тексты публикаций Н.И. Харджиева в газете «Станок»

1. От Пушкина до Маяковского (вечер поэзии и музыки). – Подп.: Н. Х. – 20 ноября 1921

Представить весь путь русской поэзии, пройденной от Пушкина до Маяковского, – задача столь же сложная, сколь заманчивая и благодарная. И нужно отдать справедливость: устроители вечера русской поэзии блестяще справились с этой задачей. Вечер произвел в высшей степени цельное и радостное впечатление.

В своем прекрасном докладе М.П. Алексеев дал несколько интересных, замечательных по тонкости параллелей русских поэтов. Он сравнивал Жуковского с Блоком, Державина с В. Ивановым, Кольцова с Есениным и Клюевым, Бенедиктова с Игорем Северяниным. Также метки слова докладчика о Маяковском, которого он называет «поэтом-публицистом, ярким осколком нашего времени».

После доклада артисты государственной драмы Аркадьев, Самборская и Тушмадова читали стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Блока, Кузмина, Гумилева, Игоря Северянина, Ахматовой, Каменского и Маяковского. Каждый был представлен несколькими наиболее выдающимися своими произведениями. Можно только пожалеть, что в этот длинный список не вошли ни Жуковский, ни Кольцов, ни А. Толстой.

Прекрасное впечатление производят интересные музыкальные композиции Д. Покраса, написанные им к текстам некоторых стихотворений.

2. Книги и писатели. – Подп.: Н. Х. – 23 ноября 1921

М.П. Алексеев. Ранний друг Ф.М. Достоевского. – Всеукр. гос. изд-во. – О., 1921. – 26 с.

Ранний друг Достоевского – это давно забытый поэт Иван Николаевич Шидловский. Автором довольно ярко очерчена фигура этого типичного романтика со всеми неровностями и странностью его страстной натуры. «Главное, что привлекало в нем всех, было его замечательное красноречие. Он был идеалист, и любимой его темой для разговора служили большей частью предметы отвлеченные; к тому же, он был поэт, писал стихи, так же легко и свободно, как говорил. Впечатление, производимое им на слушателей, действовало обаятельно». Этот образ Шидловского,

нарисованный его современником, Репетовым, во многом напоминает нам другого идеалиста 30-х годов – тургеневского Рудина.

Влияние Шидловского на Достоевского, его первые литературные опыты было велико. В продолжение всей своей жизни Достоевский с любовью вспоминал о днях своей дружбы с ним. «Она укрепила в нем его интерес к романической литературе, повышенное настроение порывистости и утонченной чуткости, которое с громадной силой звучит в его ранних письмах и в некоторых его первых повестях».

Эта маленькая, написанная с любовью книжка, читается с большим интересом.

3. Книги и писатели. – Подп.: Н. Х. – 24 ноября 1921

Альбертс Эдвардс. Товарищ Иетта (роман). Авторизов. перевод с англ. Дьяконова с предисл. З. Венгеровой. Гос. изд. – Петроград, 1921. – 268 с.

В романе дается картина социальной борьбы в Америке. Довольно ярко и правдиво изображена общественная и трудовая жизнь – ее настоящее, и ее цели и упования на будущее. Обстановка американской жизни создает очень своеобразные явления, тесно связанные с социальной борьбой и в романе А. Эдвардса. Рельефно изображено все, что сопутствует разрастающемуся злу старого строя. Злостная эксплуатация труда, в частности, женского в различных мастерских, проституция, продажность, подтачивающая основы демократического строя, такие специфические американские явления, как организованная торговля голосами на выборах и поддержка политических партий как основное занятие мошеннических организаций.

В романе много действия, динамики (эпизоды стачек, борьба за улучшение условий труда, организационная работа, деятельность рабочей печати и т. д.).

4. Суд над героями «Ямы» Куприна. – Подп.: Н. Х. – 25 ноября 1921

В среду под председательством проф. Бугаевского состоялся суд над проституткой Женей. Литературный суд был поставлен хорошо и дал впечатление настоящего суда. Женька обвинялась в умышленном заражении целого ряда лиц. Мотивом для свершения этого преступления была ее ненависть к обществу, которому она и мстила.

На вопрос о виновности Женька (Самборская) дает отрицательный ответ. Допрашиваются свидетели Ванька-Встанька и проститутка Тамара, и читаются показания не явившегося Платонова. Затем слово предоставляется прокурору (проф. Немировский). Он доказывает, что нельзя всю вину сваливать на героиню романа, только социальные условия, которые довели Женьку до «Ямы» и сделали ее преступницей. Прокурор указывает на биологическую структуру каждого субъекта, на его личный импульс.

С этой точки зрения виновность Женьки неоспорима. Затем говорил представитель защиты. По его словам, Женька – жертва социального распорядка. После слов защитника подсудимой предоставляется последнее слово. Перед публикой каким-то кошмаром проходит вся ее жизнь с детства до «Ямы». Страстной ненавистью звучали слова обвиняемой, когда она говорила о посетителях «Ямы», которые в ней и ее товарках попирали человеческое достоинство. Когда она узнала, что заражена, что последняя надежда исчезла, она решила мстить,

и мстила со злорадством (арт. Самборская с большим подъемом провела роль Жени).

Председатель предложил всем присутствующим решить вопрос о виновности Женьки. Подавляющим большинством голосов Женьке был вынесен оправдательный вердикт.

5. Писатели и книги. Книги на базарах. – Подп.: Н. Х. – 2 декабря 1921

Идешь, словно по аллее, между двумя рядами книг. Присматриваешься к «товару». Среди хлама и ободранных учебников часто попадаются весьма ценные издания, подчас даже библиографические редкости. Рядом с приключениями знаменитого Ш. Холмса мирно покоятся «Мемуары кн. Меттерниха» (Париж, 1880). Попадаются такие ценные книги, как издание Вольтера 1784 г., первые издания В. Скотта, Беранже, Байрона, собр. соч. Пушкина в издании 1855 г. (Анненкова), фолиант в переплете из свиной кожи «Символика древних египтян» (1648 г.), всевозможные русские и французские издания XVIII века с ценными гравюрами и т. д.

Все эти книжные сокровища, которые раньше хранились в библиотеке бережливого книголюба, обречены на гибель и пойдут на заворачивание товаров или фабрикацию гильз. В таком большом центре, как Одесса, где есть столько книгохранилищ и музеев, имеет место то же явление, которое наблюдалось и в провинции после разграбления помещичьих усадеб. Там рынки были наводнены редчайшими изданиями, которые раскупались на «цыгарки». В прошлом году, например, в одном маленьком городке нам с большим трудом удалось перекупить проданную на «цыгарки» римскую историю Роллена в 16 тт. (перевод Тредьяковского, П-бург, 1762-67 гг.).

Местные музеи и книгохранилища должны следить за книгами, выброшенными на рынок, и спасти их. Как это осуществить – это дело музеев и библиотек. Нужно найти средства, деньги, нужно поднять этот вопрос, ибо наши книжные богатства тают ежечасно.

Путешествие

334 Екатерина Федорова
«Трудно быть богом»

Екатерина Федорова

«Трудно быть богом»

Екатерина Федорова родилась в Ленинграде в 1976 г. Окончила филфак Санкт-Петербургского государственного университета имени А.И. Герцена. В 2011-2013 гг. изучала греческую и итальянскую филологию в Афинском университете имени Каподистрии. Сотрудничала с различными петербургскими издательствами и информационным порталом «Такие дела». Живет в Афинах (Греция).

Экскурсия

Меня терзали три вещи: ностальгия, нереализованность и отсутствие денег. Это мои три кита, три прекрасные дамы моей горькой осени трубадура. И вот провидение щедро вознаградило меня, одновременно послав работу в качестве гида, целую толпу русских с круглыми лицами типа «кострома», ну, и гонорар.

Сердце мое растаяло, когда я увидела моих солнечноликих земляков с обожженными солнцем руками и ногами. Они тихонько кучковались у автобуса, обсуждая завтрак.

– Три кусочека колбаски на! Что это за завтрак вообще? Четыре на, звезды, называется. Что это за отель вообще? – раздражал-

ся мужик в шортах, у которого на ногах яростное южное солнце нализало кумачовые генеральские лампасы. Его возмущение поддерживали багроворукие дамы неопределенного – так называемого среднего возраста, одетые в коротенькие платья с меандром по кайме.

Дорога была длинная, как история Древней Греции. Я рассказывала, с волнением ждала вопросов. Вопросов не было. Все были заняты фотографированием из окна маков и барашков. Наконец приехали в монастыри. В иконописной лавке бойко торговали божьим благословением. Ко мне подошла туристка.

– А вот это что за икона?

– Богородицы, тип «Одигитрия».

– Да нет, вы не поняли… От какой болезни помогает? Онкология? Простатит?

– Эээ, честно говоря, не в курсе.

К нам птичкой припорхнула «русскоговорящая» продавщица.

– Эта икона, товарищи, для одиноких людей, которые ищут свою вторую половинку! Намоленная 25 евро, ненамоленная 20.

– А, ну раз намоленная, то надо брать, – сказала задумчиво туристка.

Самое страшное произошло в ресторане, куда мы заехали перекусить. При виде цен в меню паломники вспомнили, что у них, вообще-то, все включено. И вот посыпались долгожданные вопросы. Правда, они отличались от тех, к которым я готовилась бессонными ночами.

«Почему это мы должны еще платить? Почему нам не завернули еду с собой?»

– Я не знаю, – промямлила я.

– Что это вы ничего не знаете? – негодовала группа. – Какой же вы гид после этого?

– Так вы это, по монастырям что-нибудь спросите, год постройки, техника фрески, – вяло отбивалась я.

– Нет, давайте выясним про питание. Мы вот возьмем – и не будем есть!

– Так вы не ешьте. Но, может быть, кто-то другой захочет и поест? – пыталась я воплотить принцип «разделяй и властвуй», обратившись к автору реплики.

– Ах, другой! Так давайте проголосуем! Давайте проведем референдум! – на последней фразе собеседник сделал крещендо.

Вообще, в тот момент я реально всем сердцем поняла тиранов и диктаторов. Демократия – штука пренеприятнейшая, если она касается непосредственно тебя. Особенно если в момент демократии стоишь с красным лицом в ресторане, и на тебя с удивлением смотрят обедающие итальянцы, которые прекрасно разбираются в крещендо. Короче, я махнула рукой, сдала полномочия и убежала от них без оглядки.

Сидела, думала. Не обновить ли парк китов, то есть не сменить ли мечту? Или проще начать снова курить?

Тем временем одна наша дама вела диалог с кассиршей. (Кассирша по ошибке налила ей две кружки чая вместо одной.)

– Ту ти фор ми? – глядя ей прямо в глаза, уверенно выговаривала славянские согласные в английских словах дама.

– What? – растерялась продавщица.

– Ошибка, – вмешалась я. – Ей одна кружка нужна.

Кассирша говорит – ноу проблем, пусть берет одну.

– Нет, – говорит дама. – Я за две заплачу, раз уж побеспокоила.

Эта картинка навсегда врезалась в мою память: одинокая дама и две ее кружки чая.

Пока суть да дело, мы задержались. Увлеклись фресками. Слишком долго фотографировали пропасть.

– Товарищи, – прошептала я в микрофон, – кажется, вы опоздаете на ужин.

Я думала, они меня выкинут из автобуса, но они только поаплодировали на прощание.

Поп Спиридон

Однажды Создатель решил смастерить на скорую руку табуретку. В процессе Он незаметно отвлекся на мысли о гротеске, и под их влиянием не нарочно вылепил огромное оттопыренное ухо. Возник вопрос – что с ним делать? Не выбрасывать же. Тогда Творец сбацал еще одно – нормальное, и приставил оба к табуретке. Так на свет появился наш деревенский батюшка, отец Спиридон.

Маленького роста, неуклюжий, он все время в движении – приходится: ни дьякона, ни помощников у него нет. Он сам выносит и заносит подсвечники, поправляет микрофон, затепляет лампады, разворачивает коврики и разжигает кадило. Фактически Спиридон без остановки галопирует по храму, чтобы все успеть, время от времени выкрикивая иерейские реплики из неожиданных мест – там, где его застал момент.

Кроме того, батюшка еще и рукожоп. Тащит, например, подсвечник в алтарь, по пути – хрясь! – стукнул его о мраморную солею. Лицо его складывается в мученическую гримасу, но выразиться нельзя: за ним внимательно наблюдает весь приход.

Двери в алтарь никогда не закрываются: туда-сюда свищет банда деревенских мальчишек. Они прыгают, бегают, зажигают и гасят свечи, хватают с престола крест и преувеличенно страстно многажды его целуют – отец Спиридон и ухом не ведет.

Весь красный от напряжения, он объясняется с певчими. Клирос у него примечательный. Три ветхих хриплых старика, абсолютно лишенных слуха и голоса. Они лажают настолько уверенно, не делая даже слабой попытки попасть в ноты, что через пять минут свежему человеку начинает казаться, что он слушает не византийский чин, а вокально-инструментальный цикл Шенберга «Лунный Пьеро». Но нельзя недооценивать могучую силу привычки. Старая паства относится к додекафонии благодушно и даже рискует подпевать.

Народ в церкви своеобразный. Женщины (те, что помоложе) густо покрыты тональником, сверху практически полуголые, а снизу обуты в каблуки такой невероятной высоты и такой агрессивной формы, что вполне могли бы спровоцировать фут-фетишиста Тарантино на создание экзотического боевика, где глаза врагам выставляют хищными шпильками. А пока жертвы – сами женщины. Всю службу зябнут – плечи-то мерзнут! Ноги трясутся от усталости, и их приходится поджимать по очереди, как аисту, – то одну, то другую. Зачем принимать такие муки? Да просто большинство из них не замужем. Старушки, с головы до ног запеленатые в черное, придирчиво оценивают парад невест, громко обмениваясь критическими замечаниями. Мужчины, вне зависимости от возраста, искалечены физическим

трудом: почти все они хромы, с больными спинами, беззубыми ртами, глаза их красны от разорванных сосудов. Жениться они не спешат, предоставляют выбор старушкам в черном: своим мамам.

В храме стоит непрерывный гул, как в классе, где учитель-неудачник забил болт на дисциплину: одни здороваются, другие громко обсуждают домашние проблемы, третьи сплетничают.

В общем, все, абсолютно все вкривь и вкось. И среди этого хаоса мечется отец Спиридон.

Я его знаю уже много лет и не перестаю удивляться. Каждая литургия валится у него из рук. Не служба, а цирк с конями. То есть в профессиональном смысле – полное фиаско. Ни благолепия, ни авторитета. Тем не менее Спиридон бодрится. Зная, что сам несовершенен, не делает и никому другому замечаний. Оттопыренное ухо невозмутимо мелькает там и сям с неугасающей энергией. И его скромная сила заряжает тебя тем, зачем ты обычно приходишь в церковь.

В деревне, кстати, его любят.

Трудно быть богом в Греции

«Аптека на улице Ликурга открыта целый день», – гласит рекламное объявление на бетонном столбе. Главное – не забыть солнечные очки, выходя из дома. Даже если идет дождь: небо все равно скоро прояснится. Здесь так много света, как будто на это место направлен персональный софит. Свет шумный, густой, осязаемый. Он оседает на коже и волосах, вступает с ними в химическую связь, меняет их цвет, состав, суть. Проникает в кровь, поправляет настроение. Греческое солнце – экстраверт, открытый для диалога с человеком. И как от любого экстраверта, от него быстро устаешь. Греческий эдемский пейзаж – доказательство того, что создатель мира запланировал для него благоденствие. Тяжкая послеполуденная жара свидетельствует, что не все пошло по плану. В два часа большинство магазинов закроется до вечера, надо спешить. Я пробираюсь по узенькой полоске, которую оставили тротуару сорные заросли олеандров.

Говорю продавцу в рыбном отделе:

– Полкило креветок, пожалуйста!

Он выбирает любовно и придирчиво, будто устраивает смотр царских невест.

– Гляньте-ка на эту! – протягивает мне ладную полную креветку.

Она вздрагивает у него на ладони. И вдруг непринужденно, как Ла Гулю, исполняет канкан.

– Обратите внимание, – продавец вдруг становится очень серьезным. – Это не я двигаю ее ножкой! Это она сама! Лучший выбор! Купите «сиди» с шумом моря, зажарьте креветок… Вот вам и лето!

* * *

Сиеста. Сонное горячее небо то и дело подрагивает, как собака, которую беспокоят блохи. Черные глянцевые ягоды обсыпали черешневое дерево. К стволу прислонена лестница: на ней дедушка собирает урожай в целлофановый пакет. Внизу в теньке стоит второй дедушка, друг. Он громко стучит крупными янтарными четками и ухмыляется.

– Ну, что-то ты мало собрал! А это кому оставил? – он взмахивает четками, указывая на оставшиеся на дереве ягоды.

– Это птицам, – сухо отзывается дедушка-сборщик и спускается с лестницы.

– Не много им? Ведь не помрут же с голоду. Еды полно.

– А мне не нужно, чтобы они были сыты. Мне нужно, чтобы они пели!

* * *

Греческий старик: фуражка с жестким козырьком, белоснежная рубашка с заглаженными на рукавах стрелками, стеганая жилетка. Щуплый. Плетется с рынка. Как тянет две набитые битком авоськи – непонятно. Внезапно его пальцы разжимаются, сумки жирно шмякаются на землю. Вместо того чтобы нагнуться и подобрать, старичок распрямляется, возводит руки кверху, будто египетский жрец, смачно плюет в небо и покрывает его обширным матерным глиссандо. Я подхожу, чтобы поднять ему сумки, – с опаской, как бы и мне не попасть под раздачу, но старичок благодарит меня несоразмерно, преувеличенно горячо:

– Спасибо, любовь моя! Спасибо, моя девочка! Вот ты настоящий человек! Всего тебе хорошего.

Потом снова смотрит на небо с ненавистью, хочет погрозить кулаком, но никак – руки-то заняты.

– У! Ну и куда ты смотрел?! – кричит он, уставившись на облако.

Трудно быть богом. Особенно в Греции: небо совсем рядом.

Глобализация

А у нас в Агиосе Стефаносе новая жертва глобализации. Соседка – итальянка Мария. Влюбилась в жителя западного, так сказать, округа, бельгийца. Сошлись в Греции, на родине Эроса. Он, как известно, товарищ незрячий, закрывает глаза на национальные стереотипы.

Бельгиец оказался нежнейшим человеком. Взгляды демонстрировал широкие, отрекомендовался гражданином мира. Имя свое назвал такое, что у чувствительной Марии защемило сердце: Микеланжело.

Дальше больше. Оказалось, что этот самый Микеланжело приехал молиться греческой иконе Богородицы о невесте, и брык – в тот же день встречает Марию. Это знак, озаряет удачливого паломника. Инсайтами экономные европейцы не разбрасываются, и потому стыковка происходит немедленно.

Начинается любовная интеграция: поездки друг к другу на выходные. Сначала за шестьсот евро на медовых эгейских авиалиниях в город-мечту Брюссель, а после того как первые восторги утихают, приходит черед прозаического Ранэйра и реалистического Шарлеруа за девяносто.

На короткой дистанции Сб-Вс Марию плющил неофитский энтузиазм: «О, как в Бельгии круто! Шоколад, пиво, зарплаты, Париж рядом, счастье есть». Потом случился «мост» – длинный уик-энд плюс праздники. Она отправилась на неделю, приехала задумчивая.

Что такое? А вот что. Во-первых, Мария, мы помним, чистокровная итальянка и, стало быть, хозяйка, что твой хиппи. Первым делом она налетела на микеланжеловский дом (а у успешного

бельгийца оказался большой дом, есть где самореализоваться) и убрала его в темпе престо. Бонусом выгладила рубашки.

Возлюбленный пришел после работы, выпучил глаза. И произнес сдавленным голосом: «Кексик (что значит по-бельгийски «дорогая»). Кексик, – говорит. – Не стоило этого делать. Уборка вот, и тем более глажка. Мы же еще не женаты, это не-при-лично. Да, и называй меня Микеланж, я забыл сказать, что мне так больше нравится».

Словом, ограничил толерантность к будущей жене до невозможности.

Мария таким поворотом была шокирована. Неприлично заботиться о своем избраннике! О, Дио! У средиземноморцев жирным шрифтом в генетическом коде записано – мужчину требуется обихаживать. Любая итальянка – ла мамма. Ладно. Отношения серьезные, на горизонте фата, надо смириться, перепрограммировать хромосомы.

Давай, ищет компромисс Мария, мне ориентировку, поеду за прошутто и маскарпоне, буду тебе делать пиццу и мой фирменный тирамису, аморе мио. У Микеланжа опять сложные щи. Да что ж такое, елки-палки. Выясняется: брюссельские супермаркеты расположены где-то в тьмутаракани, и ехать туда – целая история. Причем обязательно выходного дня.

Тут Мария делает в рассказе драматическую ремарку: «Если у меня будет кухня, но я не смогу на ней готовить, я сойду с ума!».

Но главное испытание влюбленных их ожидало впереди. В конце концов, можно привыкнуть не убирать, не готовить и не покупать каждый день свежие продукты. Самый страшный удар по отношениям нанес решительный пустяк, как это обычно и происходит.

Однажды Мария решила выбросить мусор. Банально вынести мешок на помойку оказалось невозможным. Жених объяснил, как его сортировать по европейской системе. Мария долго не понимала, возникло напряжение. Нарисовали в итоге схему, как раскладывать, помирились. В холостяцкой берлоге топ-менеджера нашлось много чего дифференцировать.

Чистоплотная Мария целый день копалась в отходах, сверяясь со схемой, и успешно справилась с задачей.

Пойдем, говорит, любимый, уже это все выбрасывать. А он ей – нельзя! Почему? Да так, нужный день прошел. И добавляет:

– Кстати, называй меня Микелааж, а то это французское носовое «н» мне действует на нервы.

Мария вконец расстроилась, ну и новости, в нос не говори, мусора не выброси, мама миа дорогая.

Вот тебе и либеральная Европа. Деньги, чистота, цивилизация. А что с изнанки? Ты просто винтик в государственной машине. Живешь по расписанию, причем не своему, а мусоровоза. Где свобода? Где простые человеческие радости? Это же тоталитаризм! Уже и прошутто нельзя купить!

Мария стремительно олевела. Уезжала она, будучи кротким буржуа с невинным марьяжным интересом, а вернулась грозным че геварой с разбитым сердцем. Отчаянно критикует действующие европейские режимы – все, кроме греческого. Только здесь, говорит, еще жива демократия. Почему? Очень просто. Во-первых, потому что в Греции выкидываешь мусор, когда душа пожелает. А во-вторых, тут по-прежнему курят в ресторанах.

Ах, Одесса

344 **Григорий Яблонский**
О сатире в том военном мундире

346 **Данил Рудый**
Где достать невесту

348 **Григорий Барац**
Эмигрант

358 **Евгений Ушан**
Иронические стихи

363 **Семен Вайнблат**
Междометия

367 **Валерий Михайлов**
Ах, Аккерман!

368 **Леонид Либкинд**
Одностишия

Григорий Яблонский

О сатире в том военном мундире

Как это хорошо и даже справедливо, что в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» есть свой спецотдел – «Ах, Одесса». Конечно, бывая очень взволнованными, одесситы ахают множество раз – дома и у моря, с радости и горя, в стихах и песнях, в тостах. Но дальше очередного былого удачного куплета или полного бокала этот ах-процесс, понятно, не идет.

Но ведь однажды пошел, хотя и не сразу. Сама идея сатирико-юмористической газеты «Ах, Одесса!..» (видите, здесь уже с серьезными знаками препинания) родилась в начале 70-х годов минувшего века в доме № 32 на ул. Пушкинской, где в полуподвале с улицы была интересная многим гражданам винная торговля, а немногие со двора поднялись на 3-й этаж – в редакцию газеты «Знамя коммунизма». Найти нужную комнату было просто – по надписи на ней: «Полундра – отдел фельетонов боцмана Карпа Полубакова».

Фельетоны были редкостным воплощением сатиры и юмора в тех еще газетах. Но вернувшийся с войны танкист Александр Петрович Шнайдер, придя еще на костылях в партийную печать, буквально потряс Одессу своей талантливо-опасной еженедельной «Полундрой»! А снимая иногда робу «боцмана», он писал еще и веселые киносценарии, создал и вел знаменитые на всю страну одесские театральные капустники.

Вот к нему-то и привел своих друзей, «беспривязных» сатириков и юмористов – Данила Рудого, Александра Кедрова и Сашу Кулича – автор этих строк, тогда и всегда совершенно беспартийный внештатный корреспондент.

Там, в «Полундре», и зародилась, и даже проклюнулась идея нашей «Ах, Одессы!..». Но так как до пересадки дивного ростка в открытый грунт надо было немного подождать (как оказалось, всего четверть

века), – то с боцманом Карпом Полубаковым сразу был сколочен наш временный сатиро-юморной ковчег «Большой Фонтан». Со следующей недели он пошел по целой половине субботней полосы «Знамени коммунизма»! Трудно поверить? Но это ведь был наш будущий исторический «Юг» Юлия Мазура и Паши Шевцова. В 91-м они приютят семью новорожденной «Ах, Одессы!..» и не оставят ее осиротевшей после ухода из организованно подлой жизни нашего лидера Александра Петровича Шнайдера…

И тогда, в «юморинных» 70-х, мы, «беспривязные», уже не все свои рискованные рассказы, фразы и «повести, которые состоят из одних названий» отсылали подальше – на 16-ю полосу «Литературки», в «Крокодил», «Перець», «Чаян», в толстые и тонкие журналы Украины, Балтии, Сибири и Дальнего Востока, и даже за рубежи «великого и могучего» – в Варшаву и Прагу, в Берлин, Софию и Габрово. Было ли это опасно?..

Опаснее оказалось в своей же «глухой провинции у моря». Вот судьба нашего старшего и тоже боевого товарища Данила Рудого. Под этим ником не очень-то скрывался Данил Петрович Мильруд, рожденный в Одессе 13.01.1926 г. Закончив службу Отечеству в артиллерийском полку, он стал участником Парада Победы 45 года. Но, вернувшись домой, продолжал развивать точность и высокие прицельные качества своего нового, уже экономического взгляда на окружающий мир в одесском совнархозе. Говорил, что стал видеть за каждой цифрой то, что остается в уме. Но слишком часто оставалось нечто взрывчатое и не поддающееся обычному обезвреживанию. Открывшийся миру талантливый «сапер» знал, что делать. Он не ошибся ни разу…

Считаю своим долгом сообщить, что Данил Петрович ушел из этой так называемой первой жизни 5 мая 1983 года (в 57 лет) не по собственному желанию. По отношению к сатирику, который однажды на весь СССР прицельно точно сказал, что у нас по традиции «интеллигенты умирают сидя», – никаких особых действий не вели. Уже осторожничали. Ограничились тихой гебешной разработкой с травлей и угрозами семье…

Такая была цена честного смешного и светлых жизней, ему отданных. И сейчас в «Ах, Одессе», что на «Дерибасовской – Ришельевской», открою вам, дорогие читатели, просвет во вторую жизнь друга и соратника:

Данил Рудый

Где достать невесту

Чувствовалось, что он доволен собой, квартирой, бассейном с подогревом и оригинальной меблировкой.

– Удивляетесь? – спросил он. – Все удивляются и завидуют. А зря. Своим горбом нажито. Нервами. Мозолями. Умом. Садитесь. Скамья, правда, жестковатая. Из зала суда. Зато чистый дуб.

Я осторожно присел на краешек действительно удобной скамьи и остановил взгляд на японском сервизе с видом на Фудзияму.

– Чашечку кофе? – спохватился он. – В зернах или растворимый?

– У вас и растворимый есть? – подскочил я.

– Пока нет. Но недолго и приготовить, – он засыпал зерна в какой-то аппарат и включил ток. Аппарат щелкнул и выбросил литографированную баночку. Я понюхал – настоящая амброзия.

– Растворимый не пью, – извинился я. – Изжога. Но люблю смотреть, как пьют другие.

Он поколдовал над «Эспрессо», занимающим всю стену, и взбодрил две чашечки ароматнейшего напитка.

– Слишком крепкий, – отхлебнув, заметил я.

Он опустил три копейки в автомат и подал мне стакан газировки с сиропом «Свежий камыш», от которого защипало в носу.

– Да, а про коньяк из погребов я и забыл, – засуетился он. – Собственной выдержки.

– Нектар! – зажмурился я. – На винно-коньячном работаете?

– Двадцать лет как ушел. Из старых запасов.

– А сейчас где трудитесь?

– Где я только не работал! – печально махнул он рукой, как бы отмахиваясь от воспоминаний. – Не люблю, знаете, засиживаться. Пропадает стимул роста. Вот кино – это интересно. Это захватывает.

– Значит, вы и к искусству причастны? – поразился я.

– Соприкасался. Но ушел. Сплошные интриги. Из-за несчастного кондиционера подняли такой шум, словно я на главную роль покусился.

Он повернул выключатель. Повеяло прохладой, сосновым бором и морским бризом.

– Чудная квартирка, – позавидовал я. – Воздух, как в некоторых горах. Откуда она у вас?

– Что значит – откуда? – обиделся он. – Я ведь в душе строитель. По бревнышку собирал.

– Так вы жилой дом строили? – высказал я догадку.

– Не совсем. Снабжал. Строительство высотного административного центра. Тридцать шесть этажей. По проекту.

– И что же?

– Все в ажуре, – успокоил он меня. – Кто сейчас считает этажи?

В этот момент вошла молодая женщина редчайшей красоты.

– Моя жена, – представил он.

– Где вы познакомились? – ахнул я, обеими руками сдерживая сердцебиение.

– Секрет. Но не для вас. В одном НИИ.

– Так вы и наукой занимались?

– А что в ней особенного? Служил ей. Но бедно там. Одни бактерии, да и то запаяны в пробирках. Ничего в этой науке интересного, кроме лаборанток. Взял одну.

– Позвольте, и никто не обнаружил недостачи?

– Кто обнаружит? Ах, ученые? Они же рассеянные.

Осторожно: десяток фраз крупного калибра

@ Будущее приближается медленнее, чем отступает прошлое.

@ Искусственный интеллект ищут те, у кого не хватает.

@ Материя никуда не исчезает – все равно найдут.

@ Цифры не лгут, лгут запятые.

@ Чтобы служить примером, нужно быть свободным от прочих обязанностей.

@ Какая хорошая мысль! Даже печатать жалко.

@ Кто против – поднимите голову!

@ Человека надо принимать таким, каким его привели.

@ Долгожитель – это человек, которому приказали долго жить.

@ Интеллигенты умирают сидя.

Григорий Барац

Эмигрант

С каждым годом все тяжелее было подниматься по крутой металлической лестнице к себе на рабочее место, в так называемый «кабинет» начальника кузнечно-заготовительного цеха, заместителю начальника кузнечно-заготовительного цеха Иосифу Давидовичу Кислису. Заместителем он стал лет двадцать пять назад, пройдя все ступени профессионального роста, от штамповщика, гибщика, гильотинщика до кузнеца. Не перепрыгивал он и административные высоты: подмастерье, рабочий, звеньевой, бригадир, мастер, заместитель начальника цеха. На этой должности он пережил то ли семь, то ли девять то ли начальников, то ли исполняющих или не исполняющих обязанности начальника цеха, но оставался замом, работая, как в песне поется, за себя и за того парня.

Кабинетом Кислиса называлась халабуда из жестяных листов, окрашенная серой безликой дешевой грунтовкой, находящаяся под самым потолком цеха. Летом в ней было жарко, зимой – холодно. В халабуде стоял стол, покрытый изрезанной цветастой клеенкой, исполнявший функции обеденного и рабочего места. На нижней полке самопального сейфа, дверца которого никогда не закрывалась, лежали документы: сметы, калькуляции, отчеты, ведомости. На верхней – банки с остатками еды, плохо вымытые тарелки, стаканы, вилки и бутылки из-под воды.

Как ни старался Кислис наводить порядок, отделяя бытовуху от деловухи, через время все вновь смешивалось в творческом беспорядке. Он не умел отказывать. Учетчики и нормировщики, мастера, бригадиры и рабочие заходили к нему в обеденный перерыв поболтать. Приносили свои «тормозки» – домашнюю

еду, завернутую в газеты, борщи и супы в пол-литровых банках. Крошки сыпались на пол, содержимое банок проливалось на клеенку и потом уже на пол. Остатки еды, промасленные газетные комки сваливались в ведро, стоящее под столом.

Самые проверенные способы борьбы с прусаками лишь на время отпугивали их от кабинета. Ночной их шабаш заканчивался только скрежетом открывающейся железной двери на заржавевших петлях. Этот скрежет, безостановочно продолжающийся весь рабочий день, был самым эффективным методом отпугивания этих мелких тварей, которых Кислис не переваривал, пожалуй, больше, чем алкоголь.

Терпеливо выслушивал Кислис семейные истории о мужьях и женах, о свадьбах и разводах, о школьных и студенческих приключениях детей, о пьянках, драках и замирениях. Советы его, как разрулить ситуацию, выслушивали невнимательно. Заранее знали его уговоры – даже худой мир в семье лучше размолвок и ссоры. За глаза его называли «наш ребе», хотя не многие понимали, что это значит.

Важно было поплакаться Давыдовичу в жилетку – это успокаивало и обнадеживало. Он помнил все истории и, начиная оперативные совещания, которые проводились по понедельникам, прежде всего, интересовался домашними делами своих подчиненных. В ответ слышал расхожую фразу о том, что у нас страна советов.

Видимых причин заморозки должностного роста Кислиса было как минимум две. Во-первых, в кресло начальника условно усаживали для, так сказать, стажа руководящей работы, сынков партийных бонз, чтобы через полтора-два года «объективка» соответствовала переводу в руководящие и направляющие партийные органы. Во-вторых – беспартийность самого Кислиса.

Не видимой, но бросающейся в глаза причиной была предательская внешность. Не нужно было быть антропологом, чтобы легко разоблачить в нем ашкеназского иудея: небольшого росточка, курчавые волнистые волосы, миндалевидные, готовые к состраданию коричневые глаза, в которых, как говорят, отразилась вся грусть еврейского народа, слегка оттопыренные ушные раковины, краснеющие при самых невинных бранных

словах, и самая доказательная улика – нос, еврейский нос, узнаваемый благодаря карикатуристам, начиная от Кукрыниксов и других крокодиловцев, изображающих жидомасонских буржуинов, высасывающих пролетарскую кровь.

В эпизодические периоды вакуума цехового начальника Кислис робко обращался к директору завода. Тот в очередной раз колотил себя кулаком в грудь, клялся, что приказ о назначении Кислиса начальником цеха им подписан, но парторг не дает ему ходу. «Реши свой партийный вопрос, а за мной дело не станет», – заканчивал разговор добрый честный директор.

Беседа с парторгом была обычно более продолжительной. Начиналась она со сложной международной и внутриполитической обстановки, продолжалась о врагах, страдающих бессонницей, то есть не дремлющих, заканчивалась призывами повернуться лицом к вопросу и жить жизнью коллектива. Как это делать, парторг не объяснял, но зато клятвенно обещал: «Как только ты решишь свой административный вопрос, мы тут же решим партийный».

Когда начальником цеха назначили Николая Пустяка, молодого высокого курчавого партийного парня, Кислис не сомневался, что через полгода, год его переведут в райком партии, а может быть, и выше, в зависимости от волосатости руки, которая его тянула. Как ни старался заместитель заинтересовать начинающего начальника жизнью цеха, ему это никак не удавалось. Зато он поименно знал весь так называемый партийно-хозяйственный актив области, города и района, даты их дней рождения.

Ему поручали встречать, провожать и выгуливать приезжающих с инспекциями инструкторов рай-, гор-, облкомитетов партии и среднего калибра начальников республиканских организаций. Делал он это виртуозно, с налетом конфиденциальности. Номера в элитной партийной гостинице бронировал не на имя приезжего, а на свое имя. Вводил гостя в ресторан через служебный вход, прямиком в отдельную кабинку. Развлекал, рассказывая скабрезные бородатые анекдоты. Выпивал ровно столько, сколько и подопечные. Лишь однажды оконфузился. Провожая после отвального ужина высокого гостя, затолкал его спьяну не в тот поезд.

Неделями отсутствовал Пустяк на предприятии, а вернувшись, даже не удосуживался поинтересоваться делами цеха. Знал наперед: Кислис – плати ему, не плати – все одно будет работать на совесть. Одно лишь дело не доверял никому: распределение премий за очередное переходящее красное знамя цеху, перевыполнившему план, доплат за сверхурочные и ежеквартальную прогрессивку неизвестно за что. Как ни кроил он премиальный фонд, все равно его премия была самой большой. «Так положено», – говорил он Кислису, не задававшему вопросы.

И все же до теплого партийного места аппаратчика он не дотянул. «Есть мнение избрать Николая Петровича Пустяка парторгом завода, – убедительно произнес на собрании первый секретарь райкома и, даже не взглянув на послушно вытянутые вверх руки, заключил: – Единогласно».

И вновь заместитель начальника цеха Кислис стал начальником цеха с ослиной приставкой «и. о.».

Работяги его уважали, то есть не прятались, когда крали металл. Знали: Давидыч не продаст. Большинство жили неподалеку, в развалюхах, построенных дедами, в так называемом частном секторе. Крали не для продажи, а по домашней необходимости, но и для продажи тоже. Сбывали тут же, неподалеку, на Староконном рынке. И там же пропивали выручку.

Одного Давидыч не прощал – пьянки на работе. И, как бы ему ни было противно, ежедневно в начале смены обходил цех, подставляя свой выгнутый дугой еврейский нос под выхлопы заподозренных. Почуяв спиртовой дух, даже с устатку, не ругал, не штрафовал, а отправлял домой проспаться.

Простил он и новенького, который, как он сам выражался, недавно откинулся, что означало вышел из тюрьмы, присланного кадровиками на испытательный срок. Широкоплечий, высоченный, коренастый, с длинными не по росту руками, он поднимал на гильотину вдвое больше и тяжелее его самого листы железа, как бумажные. Нарезав лист на части, складывал полуторапудовые заготовки в стопки. Звали его Серега Кованный. И правда, резкие углы его скул, выдвинутый вперед подбородок и глубокие провалы морщин на лбу, будто выкованные молотом на наковальне, подтверждали его происхождение от кузнеца.

Учуяв перегар, Кислис, отвернувшись от Кованного, тоном провинившегося школьника произнес: «Домой, идите домой. Побольше воды, таблетку, лучше две пирамидона и поспите, хорошенько выспитесь». В этих простодушных жалостливых словах бывшему «сидельцу» почудилась издевка.

– Лепило нашелся, – сказал он, цвиркнув сквозь зубы желтую никотиновую слюну. – Засунь свой пирамидон в задницу и ехай в свой Израиль.

Кислис не возмутился и не оскорбился. Сгорбился, отвернулся и, медленно взбираясь по лестнице, наивно задавался вопросом о том, от кого могли рабочие узнать, что ОВИР уже почти год не дает его семье разрешение на выезд в Израиль.

Провожать эмигранта пришли далеко не все, кого Кислис считал друзьями, не говоря уже о приятелях и сотрудниках. Многочисленное семейство с чемоданами и сумками, окруженное редким кольцом родственников, пробиралось к стойке оформления посадочных талонов, когда в открытые двери провинциального одесского аэропорта плотными ручьями вошли рабочие кузнечно-заготовительного цеха. И только один новенький остался на ступеньках у входа и курил одну беломорину за другой.

Невесть откуда появились прилизанные широкоплечие парни, пытающиеся бочком пробраться к прощавшимся. Но все понимающие работяги оттирали их, давая пройти своим. В тот момент, когда громкоговоритель сообщил о том, что регистрация заканчивается, к Кислису протиснулся Серега Кованный. Он облапил тщедушную фигурку Кислиса и голосом, не умеющим переходить на шепот, пробасил: «Давыдыч, ты человек».

В Израиле Кислису объяснили, что заместителей начальников цеха здесь полстраны, потому что вторая половина – начальники и директора. Он мог бы вовсе не работать, но не работать он не мог. Завод, куда отправила его пышнотелая брюнетка из организации по трудоустройству, напоминал поликлинику, а рабочие в голубых халатах – врачей. Мастер, молодой смуглолицый парень, объяснил, как установить заготовку, закрепить заготовку и снять готовую деталь. Остальное умный станок делал самостоятельно, не требуя участия «молодого» рабочего.

Зарплата была достойной, запросы невелики. Хватало на оплату небольшой уютно обставленной квартирки с большой террасой, откуда видно было море. Машиной он не обзавелся – не по карману. Но ущемленным себя не чувствовал. В прежней жизни у него машины тоже не было. Числился в заводской очереди на «жигуленок», но все время кто-то оказывался впереди него.

Экзотическим продуктам Кислис не доверял, но иногда по праздникам позволял себе побаловать семью деликатесами, но теми, что были ему известны. Но даже на третьем году эмиграции, просыпаясь ночью, Кислис не сразу понимал, что он не у себя дома, в Одессе на Базарной. Пробираясь ночью к туалету вслепую десятилетиями исхоженным маршрутом, натыкаясь на стулья и упираясь в стены, не сразу соображал, где он.

Решение о возвращении зрело и обсуждалось в семье гораздо дольше, чем отъезд. Все разрешилось само по себе. Женил сына, выдал замуж дочь. Подоспела приличная пенсия. Все, что можно было отремонтировать и благоустроить в квартире, сделал и сильно затосковал. Как обычно в еврейских семьях, ответственность взяла на себя женщина. Глядя, как он мается, жена предложила: «А поезжай на разведку, там видно будет».

Знал бы он, что «там будет видно»! Двухэтажная заводская проходная превратилась в сверкающий зеркальными окнами многоярусный офисный центр. У входа, где прежде парковалась директорская черная «Волга», несколько «жигулей» и «москвичей», рядами выстроились шикарные авто, которые он, не разбираясь в моделях, как и прежде, называл иномарками. Цех, где он проработал полжизни, превратился в гигантский оптово-розничный торговый центр.

Прибитый и раздавленный блеском торговых витрин, стеллажей и прилавков, огромных рекламных экранов, он бродил, с грустью вспоминая о прошлой жизни этого пространства, и она казалась ему замечательной. «Два раза в один цех не войдешь», – ухмыльнулся он про себя и побрел к выходу.

Уже проходя автостоянку, он услышал, как кто-то дважды прокричал: «Давыдыч, Давыдыч!». Оглянувшись, он увидел, как из подъехавшей огромной серебристой машины, по габаритам напоминающей автобус, выходит тот самый новенький, продолжая

восторженно орать: «Давыдыч! Давыдыч!». Кислис узнал его сразу, несмотря на то, что Серега Кованный был одет в элегантный костюм, несмотря на августовскую жару.

Точно так же, как и во время провожания в аэропорту, Серега, который был на голову выше, обхватил Кислиса, прижав его лицо к своему неумело повязанному галстуку.

– Давыдыч, Давыдыч, – повторял он, – ты как здесь нарисовался? Как сам?

Ошеломленный неожиданной встречей, Кислис смущенно и несвязно выложил все наболевшее и, удивленно глядя на Серегу и обращаясь к нему на «вы», поинтересовался:

– Как ваши дела, Серега? Чем занимаетесь?

Задав эти вопросы, он тут же понял, что это нельзя было делать, и поэтому добавил:

– Если не хотите – не отвечайте.

– Хочу, Давыдыч, хочу! Вот, – обвел он рукой торговый центр, – только открылся. С корешами скинулись вовремя и за мелочь купили.

Кислис, подняв голову и раздув ноздри, интуитивно потянулся к «выхлопу» говорящего и бурно жестикулирующего новенького. Тот, заметив это движение, ударил себя в грудь молотобойным кулаком и обиженно пробасил:

– Давыдыч, мамой клянусь, с бухалом давно завязал, – и тут же продолжил: – да что там торговля – так, семечки по карманам тырить: завод запускаем. Давыдыч, иди ко мне директором, сколько скажешь, столько будешь получать.

Подхватив под руку обалдевшего от неожиданного сумасшедшего предложения Кислиса и усадив его на переднее сиденье своего навороченного джипа, Серега помчал по Бугаевке в сторону Киевской трассы.

– Давыдыч, Давыдыч, – как заклинание повторял Серега, – не пожалеешь. Квартиру дам, машину дам, водителя дам. Только оставайся.

Цеха завода, который десятилетиями выпускал коробки, банки для хранения продуктов и крышки для домашних закруток, были безлюдны. Таможенные пошлины, установленные после распада советского государства на жесть, из которой изготавли-

вались так называемые «товары народного потребления», и без того с трудом находящие покупателей, сделали их производство и вовсе убыточным. Завод был продан за бесценок.

– Представляешь, Давыдыч, – продолжал на ходу уговаривать Кислиса Серега, – будем выпускать бронированные двери, металлопластиковые окна, роллеты, замки. Это все сейчас позарез требуется.

Чем дольше ходил Кислис по цехам, уставленным не распакованным оборудованием, тем больше крепло его решение вновь окунуться в известное ему кипучее море производственной жизни. Он представлял себе, как оживут станки, как запоет стружка под резцами, как будут ухать многотонные пресса. Войдя в пустой актовый зал, он воочию увидел, как соберет команду стариков, известных ему опытных технологов, конструкторов, инженеров и мастеров. Как войдет в зал последним и обнимется с каждым. Сердце его колотилось от предстоящих страстей на оперативках и пятиминутках.

Серега, Сергей Владимирович Кованный, не обманул. Нижняя половина окон двухкомнатной квартиры в новенькой высотке, купленной на имя Кислиса, была заполнена зеленью, верхняя – морем. Подаренная «тойота» стояла не востребованной. Кислис не хотел учиться водить – боялся. Но исправно к семи утра за ним приезжал служебный «Мерседес». До пляжа, куда почти ежедневно ходила супруга, а Кислис только по воскресеньям, – неспешно пять минут.

Окна его кабинета с одной стороны смотрели на заводской дворик с небольшим фонтанчиком посредине, окруженным цветами, с другой – в цех. Так удобно было следить за процессом сборки и вести учет готовых изделий. Кроме зарплаты, которую Кислис назначил сам себе, значительно уменьшив возможности Кованного, ему причитался процент за реализованную продукцию.

Но и Кислис не подвел. Правда, получилось не совсем так, как он себе представлял. Большинство стариков-заводчан, на которых он надеялся, потеряв работу, подрядились на рынках перекупщиками, продавцами, реализаторами и, боясь потерять даже этот скудный заработок, отказывались уволиться, несмотря

на солидные посулы. Из эмиграции никто, кроме него, не вернулся. И годы его отсутствия унесли многих в воспоминания.

Завод, в особенности конструкторско-технологический отдел, все больше заполнялся молодыми людьми. Выбросить на свалку целехонькие кульмана, допотопные чертежные доски с пантографом Кислис позволить не мог. Едва уговорил директора неподалеку расположенной ремеслухи принять их в подарок. Им взамен появились специальные столы с компьютерами. У станков, которые даже по конфигурации не были похожи на прежние, также стояли молодые, но вполне самостоятельные парни.

Не прошло и года, как Кованный повез на выставку первые образцы продукции. Вернулся не только с дипломами, но и с заказами на год вперед. Склад пустовал. Со сборки продукция сразу загружалась на машины заказчиков, предусмотрительно дежуривших у ворот завода.

Годовой отчет Кислис готовил скрупулезно, со знанием дела, сравнивая цифры закупленного сырья с выходом заготовок, количество поступивших в механический цех болванок с изготовленными деталями, комплект материалов и комплектующих, переданных сборщикам, с готовой продукцией и ее реализацией. «Доверяй, но проверяй», – бормотал он про себя известную формулу взаимоотношений с подчиненными.

На всех переделах, кроме последнего, все сходилось, по его выражению, «тютелька в тютельку». Реализовано изделий было гораздо меньше произведенных. Как ни перепроверял Кислис свои расчеты, они только подтверждали порочный результат. Он не представлял себе, как доложит об этом Сергею Владимировичу. Но делать это ему не пришлось. Кованный рассказал ему, сколько продукции ушло налево. «Ты пойми, Давыдыч, у нас по-другому нельзя. Если я все налоги платить буду, что я наверх отнесу?! А если я наверх не отнесу, так мне и налоги платить не надо будет».

Пожитки Кислисов уместились в два чемодана. В ответ на уговоры остаться Кислис молчал и только отрицательно качал головой. «Здесь тебе на всю жизнь хватит», – положив на стол банковскую карточку, угрюмо произнес Кованный и, схватив чемоданы, которые в его руках казались дамскими сумочками, понес их к своей огромной машине.

Ко времени, когда Кованный доставил Кислисов в аэропорт, не изменившийся с момента первого отъезда, стояла немногочисленная группка сотрудников, с которыми сложились приятельские отношения. Когда последним попрощаться подошел Кованный, сотрудники удивленно посторонились, впервые увидев на его лице слезы. А он и не скрывал их. Обняв Кислиса, он плакал, как плачут, когда понимают, что видят родного человека в последний раз. «Давыдыч, Давыдыч, – повторял он сквозь слезы, – ты человек».

Евгений Ушан

Иронические стихи

На пляже в Ницце

В жаркий день на пляже в Ницце
Я стирал свои трусы
И увидел вдруг девицу
Офигительной красы.
Взяв трусы, чтоб не украли,
Я, прикрыв ладонью срам,
Подошел к заморской крале
И сказал: «Пардон, мадам».
Жаль, что лишь двумя словами
Был богат французский мой, –
Речь продолжил я руками,
Типа, я глухонемой.
Мол, люблю, такое дело,
Страсть в полон меня взяла, –
Но девица покраснела
И легавых позвала.
От дубинок местных копов
Год лечил я энурез –
Вот такая, блин, Европа
И французский политес!
И с тех пор, узрев созданье
Ослепительной красы,
Подавляю я желанья

И к подруге на свиданье
Прихожу, надев трусы.

Когда проходит молодость

Когда проходит молодость,
То по-другому любится.
А. Фатьянов

Умолк без практик зов любовный.
Конец безумствам и пирам.
И от гастрита сок морковный
Мы пьем с супругой по утрам.
Но нет о прошлом сожалений –
Познал я суть иных вещей:
О вреде мяса и солений
И пользе тертых овощей.
Что вреден секс для организма,
И вместо секса, грусть тая,
По вечерам мне ставит клизму
Голубка дряхлая моя.

Старик Державин

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.
А. Пушкин

Приснился мне старик Державин:
В беседке юной инженю
Пиит, любимец всей державы,
Читал поэму в стиле ню.
Что ни куплет, то мат махровый,
То плод греха на букву «Ж».

И я сказал ему сурово:
– Старик, подумай о душе!
Чтоб не попасть лукавым в сети,
О Боге помни загодя –
Ужель паскудны вирши эти
Ты завещаешь, в гроб сходя?
Но не смутился старый перец:
– Что тут грешного, черт возьми!
Округлый зад, тугие перси,
Сие от Бога, cher ami.
Проснулся я, заря алела,
Жена храпела в неглиже.
И соблазнительно белела
Ее пленительная «Ж».

Барабанщик

Я весь день стучу на барабане –
Тренируюсь,
я же музыкант.
А жена не злится, не буянит,
Уважает истинный талант.

Барабан кувалдой не ломает,
Не дырявит шилом мне назло:
– Рыбка ты моя, глухонемая –
Хоть с тобой мне в жизни повезло!

Анна Каренина

Прочитав эту повесть,
Потерял я покой –
Бросил Анну под поезд
Бессердечный Толстой.

И лежит все раздельно,
Обагривши снега:
Глаз и ухо отдельно,
И отдельно нога.
Не собрать и не склеить
Все, что было тобой, –
Не хотел бы я с нею
Поменяться судьбой.
И, в астрале витая,
Шепчет Анна:
– За что?..
И теперь я читаю
Только книжки Барто.
Там все гладко и чисто:
Ни кошмаров, ни слез –
А Толстого-садиста
Я на рынок отнес.

Красная икра

Красную икринку
Я нашел зимой.
Завернул в холстинку
И принес домой.

Закричали дети:
– Папа, ты герой!
Новый год мы встретим
С красною икрой.

Запоет пластинка,
Будет детвора
Красную икринку
Нюхать до утра.

Малахольный

Поэт, собрат мой малахольный,
Не думай ночи напролет
Над сложной рифмой
и глагольной –
Была бы мысль,
и стих пойдет.
Но, коль мозги твои прокисли,
Не бейся в стенку головой.
Пиши без рифмы и без мыслей,
Бумага стерпит –
Не впервой.

Семен Вайнблат

Междометия

Миша любил рассказывать, как он сдавал Мирону Викторовичу экзамен по русскому языку.

– Перевалило за полдень. Захожу в класс последним. Все уже ответили, многие ждут друзей в коридоре. Некоторые одноклассники устремились к буфету. Экзамены экзаменами, а жрать, как говорится, хочется.

Мирон, как мы звали учителя между собой, уставший от желания хоть что-то вытянуть из расплавленных наших мозгов и уже изрядно проголодавшийся, отвернулся к окну. Я взял билет из середины облысевшей кучки и, даже не заглянув в него, сел на ближайшую, опозоренную тупыми надписями парту и начал готовиться к ответу.

Одним глазом следя за мной, Мирон медленно развернул на подоконнике «Одесский вестник», неслышно вытащил бутерброд с яичницей и колбасой и начал разрезать его перочинным ножичком на небольшие кубики. Потом быстро и, как ему казалось, незаметно отправлял их в рот. Стараясь не чавкать, он застыл в позе философа: прикрыл левой ладонью низ подбородка, обхватил щеки большим и средним пальцем. При этом его указательный палец располагался вблизи правого глаза. Все эти манипуляции он совершал только для того, чтобы я не видел, как двигается при каждом глотательном движении его огромный кадык.

Я делаю вид, будто ничего не замечаю, будто погружен в обдумывание вопроса. Класс давно не проветривался, и запах жареной колбасы щекочет ноздри. Я тоже голоден. Это немного раздражает. Но я беру себя в руки.

В билете, который я вытащил, первый вопрос – «Междометия». Это я знаю. Второй – правописание «не» и «ни». Это я вовсе не помню. Третий – разбор предложения: «Ой, полным-полна коробушка». Нужно определить, к какой части речи относится каждое слово. И указать, из каких частей состоит сказуемое. Пока я думаю, Мирон дожевывает бутерброд. А я, не поднимая глаз от листка бумаги, записываю примеры междометий.

Проглотив последний кусочек, Мирон спрашивает:

– Готовы, или еще подумаете?

– Подумаю.

Мне нужно потянуть время. Я это чувствую интуитивно. Он поел и никуда уже не спешит. Я представляю, как кусочки колбасы медленно опускаются по его пищеводу и, булькая, тонут в желудочном соке. Мирон удобно усаживается на стул, закидывает ногу на ногу, бросает несколько быстрых взглядов в мою сторону. Не заметив ничего подозрительного, так как шпаргалкой я не пользуюсь, потому что ее у меня нет, он медленно закрывает глаза. Он блаженствует. Ему не до меня. Я чувствую, ему хочется хоть немного побыть в умиротворенном состоянии. Сейчас только от меня зависит, закончится его блаженство или нет. И я разрешаю ему покайфовать! Внутренне он, конечно, благодарен мне, но никак это не выражает. Через несколько минут, придвинув стул поближе к столу, он вновь спрашивает:

– Есть желание поделиться мыслями?

– Охотно, – отвечаю я тихим голосом, стараясь не потревожить тишину его чрева.

Я подробно и монотонно рассказываю, какие бывают междометия. Останавливаюсь на разрядах междометий. Стараюсь подбирать такие примеры, чтобы они ласкали ухо, звучали нежно, убаюкивающе, как шепот листьев, как дыхание весеннего ветерка. Готовясь отвечать, я отбросил такие резкие звукоподражательные междометия, как «р-р-р-р», «гав-гав», «кукареку» и им подобные, а оставил тихие, спокойные, навевающие дрему. Я вставлял междометия в сочиненные мной предложения:

– Пастух ласковой рукой погладил беленького барашка, и барашек так же ласково ответил ему… – и я шепотом проблеял вместо барашка: – «Б-е-е-е».

Следующее предложение звучало еще нежнее:

– Кот Васька напевно мурлыкал: «Мур-мур, мур-мур, мур-мур» – и терся пушистой мордочкой о мое колено. Кошка Мурка, сидя на кресле, почти шепотом ему вторила: «Мур-мяу, мур-мяу».

Каждое из междометий я произносил любовно, стараясь голосом передать всю прелесть общения с нашими меньшими братьями.

А затем примеры начали сыпаться, как из рога изобилия.

Мирон слушал, не открывая сомкнутых глаз. Мой обстоятельный ответ на первый вопрос звучал как колыбельная. Я чувствовал, что он в моей власти. Я уже отвечал минут пять и начинал понимать, что скоро мой пыл иссякнет. Он меня не перебивал, не задавал вопросов. Рот его чуть приоткрылся. Дыхание стало глубоким и спокойным. Неужели я его убаюкал? И даже не сделав паузы, я, пропустив второй вопрос, перешел к разбору предложения.

– Ой, полным-полна коробушка, – проворковал я напевно. И замолчал. Решил проверить свою догадку. – «Коробушка» – имя существительное, женского рода, единственного числа, именительного падежа, – я проговорил это медленно, членораздельно, внятно и спокойно. И снова замолчал. Он тоже молчал. У меня не было сомнений – он спал. Почти не дыша, я смотрел на него. Через минут пять я начал задумываться над тем, как мне выкрутиться из этого положения. Разбудить? Он поймет, что спал. И неизвестно, как прореагирует. Может обозлиться и попросит, чтобы я повторил ответ. Такой исход меня не устраивал.

Я охарактеризовал все слова предложения, кроме слова «ой». И вдруг меня осенило.

– Последнее слово, о котором я пока ничего не говорил, – медленно начал я, – это междометие.

Он не реагировал.

– Да, это последнее слово, о котором я пока еще ничего не сказал. Да, это самое последнее слово. Более последнего слова в моем ответе, чем это последнее слово, в данном предложении нет, хотя это последнее слово и стоит на первом месте, – импровизировал я. – И если бы это слово даже стояло в середине предложения, все равно оно оставалась бы междометием.

Мирон не шевелился. Чуть повернув голову направо, к окну, и не глядя на него, я, словно бросившись с мостика в холодную воду, громко и протяжно сказал:

– О-о-о-о-й!

Боковым зрением я увидел, что он пошевелился и открыл глаза.

Не поворачивая головы и устремив пристальный взгляд в окно, я повторил, но уже нормальным голосом:

– «Ой» – это тоже междометие. Но по сравнению с теми междометиями, о которых я говорил, отвечая на первый вопрос, оно не звукоподражательное, а выражает радость коробейника по поводу того, что его коробушка полным-полна.

И я решился повернуть голову и взглянуть на Мирона. Он тоже глядел на меня и старался понять, знаю ли я, что он спал. Мои глаза смотрели на него открыто, немного бессмысленно, словно я возвратился из страны междометий и только сейчас осознал, где нахожусь. Он понял, что такие глаза не могут врать.

– Пятерка.

– Спасибо, Мирон Викторович!

Валерий Михайлов

Ах, Аккерман!

Недавно моему давнему товарищу, а впрочем, другу и тех многих, кому он вернул здоровье, а то и жизнь, исполнилось 80 лет. Кандидат медицинских наук Валерий Михайлов (для однокашников по ОВММУ и медину – Виля) сегодня увлечен тем, что пишет стихи о родном городе, в котором родился, женился, воспитал сына – врача, заведовал межрайонной травматологией.

Древний Белгород-Днестровский – город над лиманом – за свою историю сменил немало имен, но старожилы называют его Аккерман: таков он и строках, которые вы сейчас прочтете. Они просты и искренни.

Ф. К.

Мне часто снится Аккерман –
Мой судьбоносный талисман.
Старинный город небольшой –
Он овладел моей душой.
Здесь солнце светит целый день,
Цветет душистая сирень.
Царит покой и тишина,
И упоительна весна…
Веками крепость стоит
И тайны вечные хранит.
Волшебный город Аккерман!
Я от него безумно пьян!
Не знаю сам я, почему, –
Так сердце тянется к нему…

Леонид Либкинд

Одностишия

Хожу, добро народу причиняю…

О вас неплохо отзывалось эхо.

Бросаю пить! Еще раз! Не добросил.

Она была, как все, – неповторима.

Сел перед зеркалом, чтоб встретиться с прекрасным.

Просил я бабок – привели старушек.

Года идут – честь сохранять все проще…

Избу поджег. Запаздывают бабы…

Что значит «я пошел»?! А надругаться?!

Его глаза смотрели друг на друга.

Исправленному верить. Косметолог.

Не вписывался муж в любовный треугольник…

Икалось матом – теща вспоминала.

«Чье здесь белье?!» – вопил канатоходец.

Продам дрова – недавно наломала.

Я в зеркалах такого насмотрелся!..

Лев жил царем зверей, а кончил – шкурой.

И от кого в шкафу ты прячешь мужа?

Послал. Пошла. Понравилось. Побуду.

Стоял он перед ней в одной харизме.

Поехал в Болдино, а там все лето, лето…

Я встретил вас со счетом за былое.

Терплю жену как дочь любимой тещи.

Болтали в ожидании оргазма…

Звездой упавшей мнил себя окурок.

«Скорей бы в шкаф уже!» – мечтал любовник.

Барьер жокей брал сам – отстала лошадь.

Постой-постой! Куда ты без скандала?!

Серпом его задели за живое.

Корней своих не помнил Буратино.

Сходи проветрись: вон как раз торнадо…

Наш путь: от мендельсона к паркинсону.

Хотела отказать, но не просили.

Мечта сбылась. Вот вспомнить бы, какая...

Любовь нагрянула! А ждал Надежду с Верой…

Спросил Тургенев у Муму: «На дне» читала?»

Эх, завести б любовницу!.. Сусанин.

Дела шли хорошо. Но не моим маршрутом.

Вот седина, вот ребра… Где же бесы?

Довел вас до греха, а дальше сами.

Жить не дает здоровый образ жизни.

Фортуна – задом. Но каким роскошным!..

Под вечер утро наконец-то стало добрым.

Позвал на выручку – пришли и отобрали.

Свой долг жене отдал через подругу.

Что ж не жилось – с таким-то некрологом?

Подходит очередь моя на хату с краю.

Жену по снимкам выбрал рентгенолог.

Пора смириться с тем, что жизнь прекрасна.

Издано...

372 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов
Одесса, Черноморье, 2019

Представлять эту книгу, написанную одним из известнейших одесских врачей, к тому же пишущим стихи, мне просто. Почти все ее главы были опубликованы в нашем альманахе, книга рождалась у нас на глазах.

Одесса действительно поэтический город. Мы знаем и любим поэтов, да и прозаиков, вышедших из нашего города. Но реже задумываемся, что музами литераторов были одесситки. Четырнадцать очерков, я бы сказал, исследований Авербуха приоткрывают нам не только жизнь и судьбу Пушкина и Шевченко, Маяковского и Есенина, Блока и Гумилева, но вводят в их творческую лабораторию.

Мне представляется, что это лишь первая книга, за которой последует вторая. И мы прочтем о Набокове и Вере Слоним, об Ильфе и Марии Тарасенко, о Сергее Бондарине и Генриетте Адлер, о Семене Гехте и Вере Синяковой, о Катаеве и… Ждем продолжение!

Соломон Кишиневский
Мои воспоминания
Одесса, Астропринт, 2019

Выходом этой книги мы обязаны нескольким подвижникам. Прежде всего, Сергею Зеноновичу Лущику, который в свое время приобрел рукопись воспоминаний у наследников владельца, которому перед уходом в гетто доверил свои тетрадки старый художник. И, конечно, Ольге Михайловне Барковской, которая расшифровала почерк художника, сложила фрагментарные записи, прокомментировала их тщательно, по-лущиковски. И подготовила к печати.

Семен Яковлевич Кишиневский родился и практически всю жизнь прожил в Одессе. В его воспоминаниях оживает и училище, и Кириак Костанди, и друзья по профессии, в частности Леонид Пастернак, и поездки в Париж и Мюнхен, но прежде всего, жизнь Одессы – и еврейские погромы, и университет, и выставки…

Эти воспоминания – еще один пазл, который дает представление о том, как формировалась южнорусская школа живописи.

Александр Князик
Люди и собаки нашего бульвара
Одесса, ФОП Бондаренко, 2019

Мы знаем Александра Князика как автора монументальных скульптур Спартака и Мицкевича, как автора мемориальных досок Бабелю и Липкину, Ильфу и Хлебникову, автора замечательных камерных скульптур на мифологические темы.

Но Князик еще и превосходный рисовальщик. Его записные книжки – это десятки, сотни зарисовок того, что он подмечает на улицах нашего города.

Каждое утро он совершает пробежку по бульвару Жванецкого. Каждое утро он наблюдает, как в это время выгуливают одесситы своих четвероногих друзей. Как похожи собаки на своих хозяев. А может, хозяева становятся копиями своих питомцев?

Эти зарисовки и составили альбом художника. Ироничный и добрый. И очень одесский. Хотелось бы, чтоб за альбомом последовала выставка скульптуры малых форм и рисунков.

Издано в Киеве

Игорь Божко
Три немаркированных текста
Киев, Каяла, 2019

Игоря Божко многие знают как художника. И это правильно. Это, я бы сказал, его базовая профессия. Но он еще и композитор, музыкант. Но он еще и киноактер, снимавшийся и у Киры Муратовой, и у Михаила Каца. Но он еще и киносценарист. Та же Кира Муратова ставила его сценарий. И поэт, у которого вышли книги стихов. И прозаик. И драматург. Помню, как в «Комсомольской

искре», где мы оба работали, мы публиковали его повесть на страницах газеты. А потом в Москве по ней поставили фильм «Граффити».

Нередко появлялись публикации Игоря Божко и на страницах нашего альманаха. Навсегда запомнил его новеллу – «Мягкие знаки любви».

В новую книгу прозы автор включил два новых романа и повесть. Это гротесковые иронические тексты, показывающие абсурд, который нередко становится нормой нашей жизни.

Автор мудр. Ему близки его герои. Это сатира, которая лечит общество, если, конечно, общество прочтет свою историю болезни.

ГранекГусевДеменок
Треугольная книга
Киев, ART, 2019

Все три автора, Поль Гранек, Игорь Гусев и Евгений Деменок, публиковались в нашем альманахе. Но тут они настолько спаяны вместе, что даже фамилии объединили в одну. И представили читателям свои фразы, иронические стихи, монологи.

Форма книги неожиданна. Хоть уже издавалась пятиугольная книга, а Вознесенский один из своих сборников назвал «Треугольная груша». Это некий эпатаж, заставляющий читателя взять книгу в руки. Надеюсь, что, взяв книгу, открыв наугад одну или другую страницу, читатель останется с авторами.

Это не та книга, которую нужно читать от корки до корки. Открыл. Прочитал две-три страницы, улыбнулся и с чистой совестью пошел спать. И будут сниться веселые сны.

И еще по этой книге прикольно гадать. Что ждет меня завтра? Открываешь некую страницу и понимаешь, что самоубийство можно отложить еще на год.

Андрей Осипов
С особой жестокостью
Киев, издатель Корбуш, 2019

Первый роман, написанный руководителем Одесской киностудии.

Но киношник Андрей Осипов молодой. А вся предыдущая жизнь – работа адвокатом.

И этот свой первый роман, детектив по фабуле, автор пишет от лица адвоката.

Привлекает тщательность, с которой подходит писатель к процессу. Понимаешь, что тебя погружают в тонкости взаимоотношений, в приемы манипуляций.

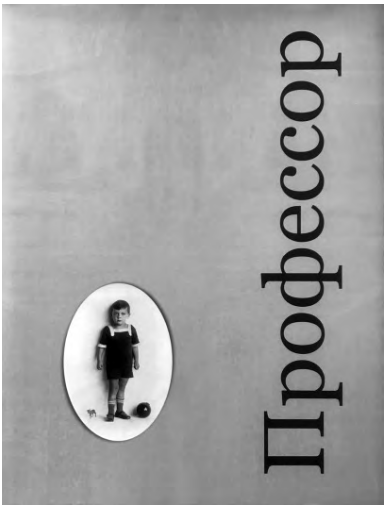
Я вспомнил романы Хейли, который настолько глубоко изучал объект, о котором писал, к примеру, аэропорт, что специалисты удивлялись его познаниям.

Мне кажется, что пришел писатель такой же творческой манеры. И теперь глубже понимаешь возможности адвоката в процессе, все безобразия, творящиеся в наших судах.

Думаю, что этот роман станет сериалом в кино. Правда, для этого писателю нужно овладеть искусством диалога.

Издано в Москве

Яков Хургин
Профессор. Книга воспоминаний
Составители Ирина Хургина и Павел Чеботырев
Москва, Медиаколор, 2019



Яков Исаевич Хургин – известный математик. Ученик одного из ярчайших математиков XX века И. Гельфанда. Впервые эту фамилию я прочитал у Маяковского, который общался с Исаем Хургиным в Америке, был потрясен его гибелью. Тогда еще не знали, что это дело Сталина, но многие догадывались. А потом Ира Хургина бывала часто в Одессе, писала повесть вместе с Аркадием Цыкуном, киносценарий вместе с Олегом Губарем.

Приезды Иры в Одессу, как и ее отца, становятся понятными, если знать, что ее мама, жена Якова Исаевича, – одесситка. И тут и одесское гетто, и помощь Полины Великановой…

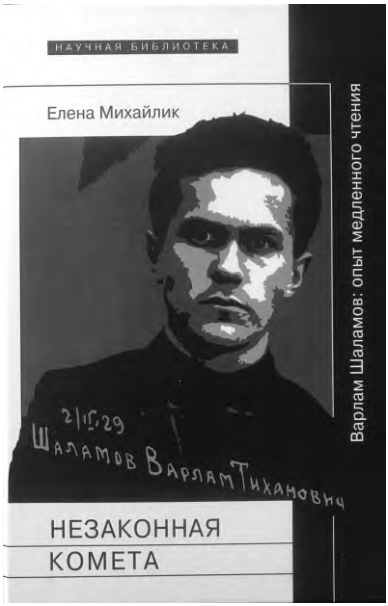
Дом Хургиных в Москве – одно из мест сбора одесской, московской интеллигенции.

Поэтому в этой книге главы воспоминаний Якова Хургина перемежаются воспоминаниями завсегдатаев дома. И среди них немало одесситов – Валерий Хаит, Аркадий Цыкун, Ефим Аглицкий, Виктор Лошак…

Умная, прекрасно сделанная книга, у которой будет много читателей.

Елена Михайлик
Незаконная комета
Варлам Шаламов: опыт медленного чтения
Москва, Новое литературное обозрение, 2018

Мы хорошо знаем поэта Юрия Михайлика. И рады, что в литературу уверенно входит его дочь Елена Юрьевна. Вначале – стихами, а в последние годы и исследованием творчества Варлама



Шаламова. Кстати, эту книгу открывает короткий раздел – благодарности. И первый, кому автор выражает благодарность, одесский профессор, ее первый научный руководитель Василий Фащенко.

Медленно вместе с нами читает Елена Михайлик «Колымские рассказы» Шаламова. Исследует их поэтику, размышляет, что привлекает в этих рассказах, сравнивает поэтику Солженицына и Шаламова, отдавая предпочтение второму…

Мне кажется, что после этой книги уже иначе прочтешь Шаламова. Ощутишь всю глубину этих неумирающих рассказов.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Одесса 6

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 12

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский
Епархиальный дом в Одессе 39

Анджей Эмерик Маньковский, Сергей Котелко
Поляки с Бейкер-стрит в доме Боффо 52

Юрий Михайлик
Исторические ассоциации 70

Одесский календарь

Алена Яворская
«Неодолимая сила заставила меня свернуть
на Французский бульвар…» 72

Проза

Наиль Муратов
Адажио. 90

Елена Андрейчикова
Пунктуация мести 105

Вадим Ланда
Пять рассказов 112

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона 118

Поэзия

Вячеслав Игрунов
Одесские стихотворения 70-80-х. 136

Александр Хинт
Из цикла «Псы войны». 144

Юлия Мельник
Лирические строфы 149

Валерий Бодылев
И рукопись на столе. 152

Игорь Лосинский
Беженец. 158

Первые шаги

Кирилл Бельчик, Андрей Шеффер
Театры и иллюзионы Молдаванки 166

Искусство – жизнь – искусство

Евгений Голубовский
Дон Кихоты нужны! 182

Михаил Пойзнер
Мой Козачинский 186

Евгений Голубовский
Возвращение Аристарха Кобцева 196

Евгений Деменок
Цвета и линии Аристарха Кобцева 199

Феликс Кохрихт
Odessa Classics: первый юбилей 202

Элла Леус
Зачем вы пишете смешно, дорогой Георгий Андреевич?. 214

Белла Верникова
Композитор-авангардист Артур Лурье. 220

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов 232

Евгений Перемышлев
Изумление блистающему графоману 258

Евгений Деменок
Одесситы пишут Бурлюку. 268

Публикации

Ирина Ратушинская
Ангелы, ангелы, спойте вместе со мной 284

Елена Дубровина
Русский Джеймс Бонд Александр Гефтер (1885-1956) 293

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
Долгое эхо Николая Харджиева 318

Путешествие

Екатерина Федорова
«Трудно быть богом» 334

Ах, Одесса

Григорий Яблонский
О сатире в том военном мундире 344

Данил Рудый
Где достать невесту 346

Григорий Барац
Эмигрант 348

Евгений Ушан
Иронические стихи 358

Семен Вайнблат
Междометия 363

Валерий Михайлов
Ах, Аккерман! 367

Леонид Либкинд
Одностишия 368

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал 372

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 78

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 78

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 29.07.2019
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

FSC
accredited
FSCTrademark©1996
ForestStewardshipCouncil A.C.
FCS-ACC-015

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ПОДПИСНОЙ КУПОН-ЗАЯВКА

Настоящим подтверждаю свое намерение оформить подписку:

Фамилия:	
Имя:	
Отчество:	
Адрес доставки:	
Телефон:	
E-mail:	

Стоимость подписки*	12 месяцев	4 выпуска	200,00 грн.

** В стоимость подписки не включаются затраты на доставку изданий.*

Оплата:

❑ безналичный расчет ❑ наличными

❑ кредитная карта ❑ необходим договор

Оплату согласно выставленного счета гарантирую

Дата _____ Подпись _____

Отправьте подписной купон-заявку почтой или факсом по адресу:
Украина, 65001, г. Одесса, а/я 229,
Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

PLASKE
ПЛАСКЕ

Факс: +380 (48) 7-385-375; 7-287-221;
тел. редакции: +380 (48) 7-385-385, 7-288-288;
0-800-300-30-80 (бесплатно со стационарных телефонов)